503
53588

С. ГЛАГОЛЕВЪ.

209.
Г. 53.

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ.

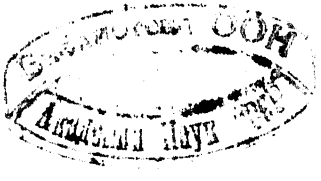
ЧАСТЬ 1-я.

Религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ.

Гр. 50к

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1900, 1901 и 1902 годъ.



535
36

Печатать разрѣшается. Февраля 5 дня 1902 года.
Ректоръ Академіи Епископъ *Арсеній*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Религія въ своемъ существѣ всегда представляла и представляетъ отрицаніе міра видимаго во имя міра невидимаго, отрицаніе естественныхъ нормъ во имя сверхъестественнаго порядка, отрицаніе настоящаго во имя будущаго.

Вѣра въ существованіе невидимаго міра, это—теоретическая сторона религіи. Эта вѣра можетъ имѣть очень различныя формы. Некультурные народы древности и дикари настоящаго времени признавали и признаютъ бытіе невидимой силы въ видимыхъ предметахъ. Исторія религій знаетъ почитаніе священныхъ камней, и теперь еще черный камень каабы для магометанина служитъ предметомъ благоговѣнія. Въ метеоритахъ падавшихъ съ неба, происхожденіе которыхъ казалось сверхъестественнымъ, естественно было предполагать нѣчто особенное, особыя свойства и особыя силы. Были предметомъ почитанія и деревья. По шелесту листьевъ додонскаго дуба древній грекъ пытался узнавать свое будущее. Египетъ почиталъ животныхъ. Тамъ были священныя кошки, священные крокодилы. Въ Аписѣ видѣли земное воплощеніе бога Фта, и такъ какъ все умиравшее, по представленію египтянъ, соединялось съ Озирисомъ, то въ муміи Аписа видѣли оболочку, которая нѣкогда заключала въ себѣ то, что стало Озирисъ—аписомъ. Халдеи возносили молитвы небеснымъ свѣтиламъ (Шамасъ - солнце, Синъ-луна, Мардукъ-Юпитеръ, Истаръ-Венера и т. д.). Смыслъ всѣхъ этихъ сабеизма, зоолатріи, дендролатріи, литолатріи заключался въ признаніи бытія нѣкоторыхъ силъ, могущихъ проявлять

свою созидательную или разрушительную дѣятельность въ мірѣ, и мѣстопребываніе которыхъ пріурочивалось къ опредѣленному камню, къ той или иной планетѣ или даже къ какому-нибудь гаду. Эти таинственныя силы въ представленіи ихъ почитателей отличались и отъ обычно дѣйствующихъ физическихъ силъ въ природѣ и отъ естественныхъ духовныхъ силъ человѣка. Отъ физическихъ силъ онѣ отличались тѣмъ, что имъ непремѣнно приписывались (когда ихъ указывали въ неодушевленныхъ предметахъ) нѣкоторая одушевленность, и отъ психическихъ силъ онѣ отличались тѣмъ, что непремѣнно мыслились сверхъестественными. Люди некультурные, какъ и люди культурные, руководятся въ своей дѣятельности идеею единообразнаго порядка въ природѣ, мыслію о соотвѣтствіи причинъ и слѣдствій. Въ почитаемыхъ ими предметахъ они видѣли исключеніе изъ этого порядка и отрицаніе извѣстныхъ имъ фактовъ соотвѣтствія и взаимной связи явленій. Въ бездушномъ дубѣ они видѣли вышечеловѣческую силу прозрѣнія будущаго, въ небольшомъ камнѣ—могущество, которое можетъ даровать побѣду цѣлому племени. Въ нижечеловѣческомъ они находили вышечеловѣческое и они почитали то, что находили. Они не умѣли формулировать своихъ воззрѣній и не могли бы объяснить, что привело ихъ къ нимъ, потому что они не слѣдили за тѣми логическими процессами и переживавшимися ими впечатлѣніями, которые приводили ихъ къ ихъ взглядамъ. Рядомъ съ признаніемъ вышечеловѣческой силы въ нижечеловѣческихъ существахъ, мы видимъ, всегда существовало признаніе бытія вышечеловѣческихъ существъ. Они мыслились различно. Имъ приписывали различныя степени матеріальности и духовности, различныя степени могущества, ихъ ставили въ различную связь съ видимымъ міромъ. Одни изъ этихъ существъ оказывались неизбѣжно связанными съ тѣми или иными мѣстами или стихіями. Дріады жили въ лѣсахъ, нимфы—въ водахъ, лары и пенаты были связаны съ домами или семействами. Другія существа управляли стихіями, третьимъ, наконецъ, были подчинены различныя области міра. За каждою стихіею, за каждымъ явленіемъ предполагали духа, относительно каждаго событія въ мірѣ видимомъ предполагали, что имъ заинтересованы духи, что эти духи спорятъ и ведутъ борьбу

между собою изъ за того, чтобы что-либо имѣло на землѣ тотъ или другой исходъ. Такъ, человѣческая мысль всегда признавала рядомъ съ міромъ видимымъ бытіе міра невидимаго. Этотъ невидимый міръ рисовался въ болѣе или менѣе заманчивыхъ краскахъ (а порою и въ отталкивающихъ, при описаніи ужасовъ ада и злыхъ божествъ). Для изображенія его обыкновенно пользовались сравненіями съ самыми зыбучими и неустойчивыми элементами видимаго міра — воздухомъ, облаками, тѣнями, луннымъ сіяніемъ и солнечнымъ свѣтомъ и однако за нимъ признавали несравненно большую реальность и устойчивость, чѣмъ за тѣмъ міромъ, въ которомъ жили сами. Невидимый идеальный міръ противополагали видимому, реальному, какъ бытіе — быванію, какъ дѣйствительность — грезѣ, какъ вещь — подобію. Религіозная мысль древняго міра не умѣла пользоваться понятіями—вѣчность, неизмѣнность строя бытія, абсолютное, она замѣняла ихъ понятіями очень большой продолжительности, громаднаго могущества, широкаго произвола. Зевсъ имѣлъ начало, но это начало отходило въ далекое прошлое; онъ не былъ всемогущимъ, онъ встрѣчалъ и оппозицію своимъ начинаніямъ и ему порою до безсонницы приходилось раздумывать надъ тѣмъ, какъ осуществлять свои предпріятія. Но онъ былъ очень могущественен. Когда Аполлонъ предложилъ богамъ состязаніе въ томъ, кто стрѣльнетъ далѣе, Зевсъ принялъ вызовъ. Стрѣла пущенная Аполлономъ упала на краю свѣта. Тогда Зевсъ наполнилъ собой всю вселенную и спросилъ: куда же стрѣлять? „И поникъ головой златокудрый“ (Аполлонъ). Вдали будущаго что-то грозило богамъ свѣтлаго Олимпа, но это было что-то неясное и неопредѣленное и—главное—это что-то было далеко, далеко отъ свѣтлаго настоящаго.

Настоящее, дѣйствительно сущее принадлежитъ невидимому міру. Міру видимому принадлежитъ только кажущееся бытіе. „Въ немъ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты“. Такимъ образомъ, религіею видимый міръ отрицается во имя міра невидимаго. Но такое отрицаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе допускается не одною религіею. На нихъ настаиваетъ и философія. Явленіямъ, имѣющимъ лишь призрачное бытіе, она противополагаетъ сущности, имѣющія бытіе дѣйствительное, и въ познаніи послѣднихъ

она полагаетъ свою идеальную задачу. Кромѣ того во многихъ типахъ философскихъ системъ о видимомъ мірѣ утверждается, что онъ случаенъ по своему происхожденію (контингентенъ) и конеченъ по своему существованію, но что есть иное премірное самобытное и вѣчное бытіе, которое есть и причина себя и міра. Въ подобнымъ утвержденіяхъ философія сближается съ религіею, но здѣсь и кончается сходство между ними. Между тѣмъ какъ философія ограничивается признаніемъ бытія невидимаго міра, религія настаиваетъ на возможности или даже необходимости имѣть общеніе съ этимъ міромъ. Философія до признанія невидимаго міра доходитъ теоретическимъ путемъ, религія учитъ, что источникъ ея познанія есть опытъ. Религія говоритъ, что невидимыя высшія существа принимали видимыя формы и являлись людямъ, что они являли людямъ свое могущество, осыпали ихъ своими благодѣяніями и вредили имъ. Высшія невидимыя силы одно любили а другое нѣтъ, одного желали, осуществленію другаго противились, одинъ образъ поведенія людей одобряли, другой — осуждали. Такимъ образомъ, можно и привлекать къ себѣ ихъ благоволеніе, исполняя ихъ волю, и навлекать на себя ихъ гнѣвъ нарушеніемъ ихъ велѣній. Очевидно, задачею каждаго должно быть пріобрѣтеніе благоволенія высшихъ существъ. Выраженіе этого благоволенія состоитъ въ томъ, что тотъ, кто его оказываетъ, дѣлаетъ подобнымъ себѣ того, кому его оказываетъ. Мало благополучія на землѣ и мало силъ и средствъ у человѣка. Высшія существа могутъ сдѣлать жизнь человѣка необыкновенно (сверхъестественно) счастливою, могутъ чудеснымъ образомъ охранять его отъ бѣдъ и чудеснымъ образомъ подавать ему блага, могутъ сообщить ему необыкновенныя силы, необыкновенное долголѣтіе. Естественный строй жизни, въ которомъ такъ много горя и такъ мало радостей, высшія существа могутъ преобразовать въ строй сверхъестественный, гдѣ все будетъ радость и счастье. Желаніе осуществленія этого идеальнаго строя заставляетъ религіознаго человѣка смотрѣть съ отрицаніемъ и осужденіемъ на существующій естественный порядокъ. Самое избавленіе отъ тяжелыхъ условій этого порядка можетъ быть мыслимо въ двухъ формахъ: или то, что этотъ міръ „ради избранныхъ“ будетъ преобразовываться

(отчасти или въ цѣломъ) по образцу міра невидимаго, или что избранные могутъ быть переселяемы изъ этого міра и становиться гражданами міра невидимаго. Аѳина устроила благополучіе Одиссея на землѣ, Самасъ-Напистимъ былъ живымъ переселенъ къ богамъ. Но признавая бытіе невидимаго міра и взаимообщеніе между нимъ и міромъ видимымъ, религіи вообще учатъ, что обитатели міра видимаго со временемъ станутъ обитателями міра невидимаго. Смерть разсматривается, какъ дверь, черезъ которую человѣкъ переступаетъ изъ одного міра въ другой. Въ этомъ новомъ мірѣ каждаго ожидаетъ та или иная судьба сообразно съ его дѣлами въ мірѣ старомъ. При такомъ воззрѣніи, понятно, интересы настоящаго отрицаются во имя будущаго. >

Всѣ свои утвержденія и надежды религія основываетъ не на умозрѣніяхъ, не на логическихъ доводахъ, а на откровеніи. Описанія высшаго міра (невидимаго для обыкновенныхъ смертныхъ), блаженныхъ острововъ въ религіяхъ предлагаются или по свидѣтельству очевидцевъ, чудеснымъ образомъ попавшихъ въ міръ боговъ, или на основаніи видѣній и сообщеній боговъ. Способы взаимоотношенія между людьми и духами или богами опредѣляются также не соображеніями людей, а велѣніями высшихъ существъ. Если комета, наклонъ луннаго серпа къ горизонту указываютъ человѣку на то, что произойдетъ съ нимъ въ непосредственномъ будущемъ, то это устроено по волѣ боговъ, а не по желанію людей. Если богъ или духъ въ отвѣтъ на какія-либо заклинанія неизбѣжно приходятъ на зовъ, то это потому, что такой порядокъ установленъ свыше. Точно также не людьми измышлены правила, по которымъ можно вопрошать боговъ (въ гаданіяхъ). Все это обыкновеннымъ людямъ сообщили необыкновенные мудрецы, а послѣднихъ наставили боги. Правила, опредѣляющія отношенія человѣка къ высшимъ существамъ, къ себѣ равнымъ и низшимъ, законы поведенія и общежитія, все въ своей основѣ и въ своихъ принципахъ опредѣлено свыше.

Исторія знаетъ попытки философскимъ путемъ придти къ этой практической сторонѣ религіи. Неоплатоническая философія представляетъ собою такую попытку, предпринятую умиравшимъ классическимъ міромъ. Плотинъ, Ямвлихъ и особенно Проклъ не ограничивались ученіемъ о высшемъ

мірѣ, но и дали правила, какъ вступать въ тѣснѣйшее единеніе съ Божествомъ (въ экстазѣ). Нѣкоторые средневѣковые арабскіе философы (Альгацали) повторили эту попытку. Но эти доктрины были и слишкомъ отвлеченны и слишкомъ произвольны, ихъ относительный успѣхъ обусловливался тѣмъ, что онѣ вступили въ союзъ съ положительными религіями (государственной греческой и исламомъ), и поскольку онѣ эмансипировались отъ этого союза, онѣ становились исключительно системами метафизическихъ спекуляцій. Съ другой стороны, въ исторіи возникали религіозныя ученія, которыя пытались, если не совсѣмъ уничтожить, то радикально измѣнить практическую сторону религіи. Были попытки ограничить отношенія человѣка къ высшему міру исполненіемъ обязанностей по отношенію къ міру земному, опредѣленныхъ свыше. Такова доктрина Конфуція. Отъ боговъ должно держаться подальше; къ умершимъ предкамъ должно относиться такъ, какъ будто они существуютъ, не рѣшая однако вопроса — существуютъ ли они дѣйствительно? Не знающимъ ничего о жизни нельзя разгадать тайны смерти. За такими сентенціями о небѣ слѣдовалъ рядъ правилъ добраго поведенія на землѣ. Подобнымъ, но въ другомъ родѣ является ученіе Будды (Шакіямуни). Должно уничтожить въ своей душѣ всякое желаніе, даже желаніе быть, и тогда человѣка не можетъ одолѣть никакой богъ и никакой демонъ. На томъ пути, по которому человѣкъ придетъ къ этой цѣли, ему не нужны помощь и содѣйствіе никакихъ высшихъ силъ. Такъ, Конфуцій—радости земной жизни и Будда—покой небытія хотѣли найдти, поступая по законамъ опредѣленнымъ свыше, но не прибѣгая къ помощи никакихъ высшихъ силъ. Это были попытки сохранить религію, перерѣзавъ ея жизненный нервъ. Онѣ не удались. Въ конфуціанствѣ и особенно въ буддизмѣ (которые въ Китаѣ иногда являются въ смѣшанномъ видѣ) обращеніе къ помощи высшихъ силъ теперь практикуется широко.

Возникаетъ вопросъ—изслѣдователю исторіи религій можно ли оставить въ сторонѣ обсужденіе того: общеніе видимаго міра съ міромъ невидимымъ, утверждаемое религіями, есть ли фактъ или только обманчивая греза? На вопросъ такъ поставленный многіе отвѣчаютъ утвердительнымъ образомъ.

Задача научнаго изслѣдованія, говорятъ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить генезисъ вѣрованій и культовъ, предоставляя совѣсти каждаго рѣшать по своему — есть ли что-нибудь отвѣчающее этимъ вѣрованіямъ или нѣтъ? Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Идеальная задача научнаго изслѣдованія состоитъ въ выясненіи факторовъ, создающихъ явленіе, въ данномъ случаѣ—въ выясненіи факторовъ вѣрованій и культовъ. Магометъ имѣлъ видѣнія. Къ нему являлся архангелъ Гавріилъ и сообщалъ ему откровенія. Эти явленія будутъ имѣть въ нашихъ глазахъ совершенно различный характеръ, смотря по тому, признаемъ ли мы ихъ галлюцинаціями или нѣтъ. И тѣ изслѣдователи, которые вопросъ о реальной основѣ вѣры предоставили совѣсти каждаго, на самомъ дѣлѣ безповоротно въ большинствѣ случаевъ рѣшили, что эта реальная основа есть заблужденіе. Три фактора выдвигаются преимущественно, какъ обусловливающіе созданіе религій: стремленіе людей къ персонификаціи, чувство зависимости и стремленіе искать расположенія того, отъ чего зависишь. Стремленіе къ персонификаціи заставляетъ за физическими явленіями видѣть духовныхъ дѣятелей. Каждое явленіе человѣкъ разсматриваетъ, какъ слѣдствіе другаго, и по прекращеніи одного явленія ждетъ другаго. Человѣкъ думаетъ о будущемъ, и будущее своею неизвѣстностью страшитъ его. Факторами, которые создадутъ это будущее, человѣкъ считалъ одушевленныхъ существъ подобныхъ ему по своимъ свойствамъ, но гораздо болѣе могущественныхъ. Къ нимъ человѣкъ и сталъ обращать и свой страхъ и свое заискиваніе. Особенно чувство страха овладѣвало человѣкомъ въ случаѣ поразительныхъ и рѣдкихъ явленій и событій и особенно онъ усиливалъ свое заискиваніе, выражая его въ формѣ поклоненія, почитанія, жертвъ, когда его постигала сильная нужда. Получается, такимъ образомъ, что незнаніе причинъ, невѣжество рождаетъ страхъ, а страхъ рождаетъ боговъ. Насколько человѣкъ можетъ объяснить явленіе изъ причины, настолько оно теряетъ для него свою ужасающую силу. Знаніе причины явленія даетъ возможность избѣгнуть его, предупредить, воспользоваться имъ, если оно благопріятно, или наконецъ, сознательно уступить его силѣ. Въ такихъ случаяхъ не предполагается дѣйствія сверхъестественныхъ фак-

торовъ, и чѣмъ болѣе расширяется кругъ человѣческихъ знаній, тѣмъ болѣе съуживается та территорія, въ области которой предполагается дѣйствіе Божества. Боги существуютъ лишь въ промежуткахъ и пробѣлахъ человѣческаго знанія. Стремленіе къ персонификаціи рисуетъ людямъ боговъ сообразно съ условіями времени, мѣста, воспитанія, среды. Представленія эскимоса о богахъ такъ же отличаются отъ представленій индуса, какъ природа полярнаго сѣвера отличается отъ тропической Индіи. Каждый народъ считаетъ свои вѣрованія истиной, а вѣрованія другихъ суевѣріями. Но въ сущности всѣ религіи суть суевѣрія. Всѣ религіи естественны. Такова преобладающая точка зрѣнія въ изслѣдованіи религій. Но эта точка зрѣнія не можетъ быть ни оправдана, ни проведена послѣдовательно. Говорятъ о тенденціи къ персонификаціи, но на самомъ дѣлѣ не только люди, а, пожалуй, и всѣ одушевленныя существа рѣзко различаютъ живое отъ неживаго. Безполезность системы огородныхъ пугалъ доказываетъ послѣднее. Даже тогда, когда неодушевленная вещь производитъ поразительныя явленія, животныя не одушевляютъ ее. Птица подлетитъ къ ружью, но спѣшитъ улетѣть отъ человѣка съ ружьемъ. Если одна мышь попала въ ловушку, другую можно не скоро заманить туда. Не видно, чтобы эти другія стали считать ловушку одушевленнымъ существомъ: около ловушки онѣ ходятъ свободно. Въ ихъ поведеніи невидно мистическаго ужаса, оно совершенно похоже на то обыкновенное человѣческое благоразуміе, руководясь которымъ, никто не ставитъ головы подъ обухъ. И человѣкъ и животное могутъ смѣшать неживое съ живымъ, но все заставляетъ утверждать, что всѣ они считаютъ камни и деревья существами неодушевленными. У всѣхъ, далѣе, есть идея физическихъ причинъ. Свое неумѣнье объяснить явленіе и сверхъестественный характеръ явленій люди различаютъ. Откуда же идея сверхъестественнаго міра и твердая увѣренность въ его существованіи? Разъ существуетъ эта идея, сравнительно легко объяснять и различныя формы религій и различные типы суевѣрій, но вопросъ о происхожденіи религіозной идеи не можетъ быть оставленъ и лучше, конечно, сознаться въ неумѣньи его рѣшить, чѣмъ предлагать мнимыя и ошибочныя объясненія. Говорятъ о чувствѣ зависимости, какъ ре-

лигіозномъ факторѣ, но откуда это чувство зависимости отъ высшей силы? Незнаніе причинъ явленій и неумѣнье приспособиться къ средѣ создаютъ чувство безпомощности. Утопающій человѣкъ не олицетворяетъ воду, какъ злого духа, но чувствуетъ себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ этой стихіей. Если древніе египтяне почитали божество Нила, то они его не отождествляли съ Ниломъ. Нилъ былъ орудіемъ, черезъ которое божество посылало имъ благодѣянія или карало ихъ. Здѣсь была идея зависимости отъ высшей силы, управлявшей Ниломъ. Физическій міръ самъ по себѣ человѣкъ никогда не почиталъ, міръ представлялся ему стихійнымъ началомъ, дѣйствующимъ слѣпо и безсознательно, себя человѣкъ противополагалъ міру, какъ „мыслящій тросникъ“ Паскаля. Человѣкъ ничтоженъ предъ міромъ, но онъ понимаетъ свое ничтожество, а міръ не знаетъ о своей силѣ. Но рядомъ съ этимъ міромъ человѣкъ представляетъ себѣ другой міръ, который не только могущественен, но и мыслитъ лучше человѣка. Точка зрѣнія, согласно которой всѣ религіи естественны и представляютъ собою неправильное истолкованіе человѣкомъ своихъ стремленій и внѣшнихъ фактовъ, не объясняя основныхъ проблемъ религіи, не можетъ быть и проведена послѣдовательно. Религія освящаетъ цѣлый рядъ чувствъ—благоговѣнія передъ величіемъ высшихъ силъ, благодарности къ этимъ силамъ за ихъ благодѣянія, страха передъ возможностью своимъ поведеніемъ оскорбить ихъ и навлечь ихъ праведный гнѣвъ, затѣмъ религія утверждаетъ чувство собственнаго недостоинства—сознанія своего ничтожества и своей грѣховности, но съ другой стороны, связывая человѣка по происхожденію съ высшими силами, религія утверждаетъ его въ мысли, что онъ долженъ вести себя сообразно съ своимъ высокимъ происхожденіемъ. Признаніе всѣхъ религій естественными всѣ эти религіозныя чувствованія должно разсматривать, какъ психопатологическія, и всѣ нормы, которыя диктуются религіями, какъ нѣчто совершенно случайное, не имѣющее Божественной санкціи. Все это должно быть признано не только не заслуживающимъ уваженія, но даже и ненормальнымъ. Между тѣмъ и люди, отрицающіе религію, не могутъ отказать въ уваженіи многимъ проявленіямъ религіознаго чувства. Честныя правила Конфуція, высокая мораль буддизма, за

бота о посмертномъ оправданіи египтянина, все это всѣмъ людямъ внушаетъ уваженіе и историки раціоналисты въ большинствѣ случаевъ вовсе не безстрастно, а съ чувствомъ искренняго почтенія знакомятъ читателей съ этими проявленіями благороднаго подъема человѣческаго духа. Съ другой стороны, если всѣмъ этимъ движеніямъ человѣческаго сердца, этимъ смутнымъ порывамъ къ непостигнутому благу отказать въ правѣ на законное существованіе, то тогда равно должно будетъ отказать въ правѣ на существованіе всему тому, что считается добрымъ и хорошимъ на землѣ. Добро есть совокупность случайныхъ нормъ, которыхъ не было вчера и которыя завтра смѣнятся новыми: въ такомъ случаѣ рѣчь о служеніи добру должна звучать ироніей, а вѣра въ добро является суевѣріемъ. Истины не должно искать и безполезно говорить объ уваженіи къ ней. Какъ чего-то объективно-высшаго, истины не существуетъ; какъ система законовъ вселенной, она не можетъ быть познана человѣчествомъ по недостатку времени, которымъ оно располагаетъ, и по недостатку духовныхъ силъ, которыя оно имѣетъ. Красота совершенно условна и не имѣетъ въ себѣ элементовъ объективности. Что-же остается? На какомъ базисѣ утвердится человѣчество, какими нормами оно будетъ регулировать свое поведеніе, какимъ идеаламъ станетъ служить оно, если отвергнетъ мысль о религіи? У него ничего не останется кромѣ безнадежной мудрости послѣдовательнаго матеріализма. „Станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“ (1 Коринѳ. XV, 32; ср. Ис. XXII, 13). Но предаться всецѣло служенію этой заповѣди можетъ животное, а не человѣкъ. Вотъ почему мы и говоримъ, что точка зрѣнія, отрицающая сверхъестественное (религіозное), не можетъ быть проведена послѣдовательно.

Но говорятъ всѣ религіи нельзя признать сверхъестественными, почему же какой либо одной должно быть оказано предпочтеніе? Почему Амонъ—Ра и Бэлъ должны быть отвергнуты, а Іегова — признанъ? Многимъ это возраженіе представляется очень убѣдительнымъ и они, не желая обижать ни Амона, ни Браму, ни Зевса, равно отвергаютъ всѣхъ. Не трудно вскрыть несостоятельность этого разсужденія. Изъ того, что существуетъ много теорій, истолковывающихъ какое либо физическое явленіе, не слѣдуетъ, что онѣ всѣ

истинны, или что онѣ всѣ ложны. Послѣднее можетъ быть, но можетъ быть также и то, что одна изъ нихъ истинна. Въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ истолковываемый фактъ (физическое явленіе) и истолкованія. Истолкованія явленія мы можемъ отрицать всѣ, но когда мы будемъ отрицать всѣ религіи, то мы, какъ было показано, наталкиваемся на цѣлый рядъ затрудненій, оказываемся принужденными противорѣчить самимъ себѣ на словахъ и на дѣлѣ и отрѣзываемъ себѣ путь къ пониманію вообще религіи. Какъ мы можемъ объяснить существованіе поддѣльныхъ перстней, если нѣтъ и не было истиннаго? Фальшивыя монеты представляютъ собою только поддѣлку подъ настоящую. Должна существовать настоящая. Если существуютъ ложныя религіи, то должна существовать и истинная. Происхожденіе первыхъ также легко понять съ этой точки зрѣнія, какъ происхожденіе фальшивыхъ монетъ. Легче сдѣлать фальшивую монету, чѣмъ заработать подлинную. Такъ и въ области религіи. Легче, чѣмъ исполнять заповѣди возвѣщенныя свыше, замѣнить ихъ своими—самостоятельными; легче, чѣмъ ждать дѣйствительнаго знаменія съ неба, успокоить себя предположеніемъ, что пролетѣвшая птица дала уже благопріятное знаменіе. Различіе заключается только въ томъ, что фальшивыя монеты дѣлаются сознательно, а ложныя (естественныя) религіи создаются безсознательно.

Въ ниже предлагаемомъ изслѣдованіи будетъ рѣчь только о естественныхъ религіяхъ. Религія Ветхаго и Новаго завѣта, какъ откровенная и, слѣдовательно, сверхъестественная, выдѣляется нами. Это выдѣленіе многіе разсматриваютъ, какъ антинаучное и несостоятельное. Нельзя согласиться съ этими многими. Какъ бы не искажали, какія бы фантастическія черты не приписывали первоіудейству и первохристіанству, они всегда будутъ оставаться безусловно противоположными въ своемъ существѣ другимъ религіямъ. Еврейскій монотеизмъ, къ какой бы позднѣй эрѣ не относили его начало, и искупленіе человѣчества Богочеловѣкомъ, этнографическое единство и нравственная солидарность человѣчества, это—такія положенія, которыхъ не знаетъ ни одна религія, кромѣ Библейской, и поэтому естественно и законно религію въ своемъ существѣ отличающуюся отъ другихъ разсматривать особо. И намъ представляется несом-

нѣннымъ, что попытки смѣшать религію Ветхаго и Новаго завѣта съ другими религіями въ общемъ курсѣ доселѣ являются крайне неудачными. Не у всѣхъ историковъ хватаетъ рѣшительности довести дѣло до конца. Такъ Шантепи де ла Соссэй во второмъ изданіи своей исторіи религій ввелъ статью объ израильтянахъ, но почему то однако не сталъ трактовать о христіанствѣ. Болѣе смѣлые и менѣе свѣдущіе писатели, напримъ., Меизисъ попытались израильскую и христіанскую религію предетавить, какъ заслуживающія столько же вниманія, сколько и другія религіи. Но для того, чтобы низвести эти религіи до уровня финикійскихъ или сирійскихъ вѣрованій, во 1) нужны доказательства, во 2) нужно забыть то, что мы знаемъ объ израильтянахъ и христіанствѣ, такъ какъ мы знаемъ о нихъ несравненно больше, чѣмъ о всѣхъ прочихъ религіяхъ вмѣстѣ. Въ каждой странѣ дѣти изучаютъ исторію своей страны особо отъ общей исторіи, и всѣ понимаютъ, что это разумно и законно. Какимъ же образомъ христіанскій міръ можетъ признать неразумнымъ и незаконнымъ особое и преимущественное изученіе христіанства—того начала, на которомъ утверждалось нравственное воспитаніе предковъ теперешняго культурнаго міра. Исторія должна оказывать больше вниманія болѣе важнымъ историческимъ факторамъ. Но конечно ни религія никовъ, ни религія ассиріянъ и египтянъ не могутъ являться въ глазахъ историковъ такимъ могущественнымъ рычагомъ, изученіе дѣйствія котораго могло бы освѣтить европейскую исторію. Могучее вліяніе Библіи на европейскіе умы безспорно. О существованіи египетской „книги мертвыхъ“ европейцы узнали очень недавно, и это новое знаніе пока ничего не прибавило къ пониманію хода судебъ въ исторіи культурнаго міра. Мы полагаемъ, что выдѣленіе ветхозавѣтной и новозавѣтной религіи изъ общей исторіи религій въ особый предметъ есть не только потребность христіанской религіозной вѣры, но есть и научное требованіе, согласно которому болѣе крупныя и важныя явленія должны быть предметомъ особеннаго вниманія.

Элементы откровенной религіи несомнѣнно проникали въ религіи естественныя. Нѣкоторые изслѣдователи даже склонны всѣ естественныя религіи разсматривать, какъ постепенныя уклоненія отъ истинной, при чемъ обыкновенно пытаются

въ древнѣйшихъ религіозныхъ формахъ находить слѣды первоначальнаго монотеизма (Ленорманъ, Піэрэ). Поскольку намъ представляются зависимыми естественныя религіи отъ сверхъестественной, мы будемъ касаться послѣдней. Но признавая, что откровеніе было дано для всего человѣчества, [1]) мы лично находимъ, что вліяніе его на религіозныя вѣрованія различныхъ культурныхъ народовъ является очень незначительнымъ, по крайней мѣрѣ съ научной точки зрѣнія. Исключеніе представляетъ исламъ, много заимствовавшій изъ Библіи, и іудаизмъ, на глазахъ исторіи превратившійся изъ сверхъестественной религіи въ естественную.

Историки религій обыкновенно пытаются классифицировать религіи. Такъ дѣло идетъ со времени Гегеля. Въ нѣкоторыхъ курсахъ религіи и излагаются сообразно съ принятыми авторомъ классификаціями [2]). Но ни одна изъ доселѣ предложенныхъ классификацій не можетъ быть признана удачною, и всѣ онѣ упускаютъ изъ вида многое и существенное. Всѣ классификаціи исходятъ изъ того начала, что каждая религія есть въ сущности нѣчто неподвижное и неизмѣнное, что присущія ей въ извѣстный историческій моментъ характерныя черты, отличающія ее отъ другихъ религій, представляютъ ея неотъемлемую принадлежность. Этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Каждая историческая религія проходила много фазъ въ своемъ развитіи и у различныхъ общинъ получала совершенно различную окраску. То, что теперь называется ересями, расколами, сектами существовало всегда въ родѣ человѣческомъ. Такія выраженія, какъ „египетская религія“, „греческая религія“ имѣютъ въ сущности собирательный характеръ, ими обозначаются вѣрованія группы племенъ и вѣрованія ряда эпохъ. Эти вѣрованія носятъ общее имя, потому что тѣ, кому они принадлежали, объединяются въ географическомъ и этнографическомъ единствѣ, но здѣсь далеко нельзя го-

---

[1]) См. наше изслѣдованіе, „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви. Харьковъ 1900 г.

[2]) Такъ, наприм., поступаетъ Pfleiderer—Religionsphilosophie. На русскомъ языкѣ объ опытахъ классификацій можно читать у архимандрита Хрисанѳа—Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. *Т. I. 1873* г. Шантепи de la Соссэй-Иллюстрированная исторія религій. Т. I. 1899 г.

ворить о единствѣ догматовъ, культа и правилъ морали. Грекъ изъ школы Ямвлиха и Прокла въ своихъ вѣрованіяхъ имѣлъ гораздо больше общаго съ браминомъ школы веданта, чѣмъ съ грекомъ, раздѣлявшимъ вѣрованія Гомера или Гезіода. Буддизмъ въ той общей схемѣ, въ которой онъ извѣстенъ всему образованному міру, является какъ-бы религіознымъ нигилизмомъ. Онъ не признаетъ никакого богопочтенія и даетъ только рядъ правилъ, осуществленіе которыхъ уничтожаетъ желаніе жизни и освобождаетъ отъ бытія. Но въ тѣхъ исторически сложившихся формахъ буддизма, которыя существуютъ въ Тибетѣ, Японіи, Китаѣ, широко развито почитаніе боговъ и святыхъ, вѣра въ чудеса, надежда на будущее блаженство. Общимъ между этими формами буддизма и буддизмомъ Шакіамуни или современнымъ цейлонскимъ оказывается только имя. Какъ-же можно въ какой бы то ни было классификаціи противополагать буддизмъ — названіе цѣлаго ряда религій — исламу—тоже собирательному названію цѣлой системы сектъ? Въ исламѣ существовали секты весьма приближавшіяся къ браманистическимъ и буддійскимъ. Классификація религій непремѣнно предполагаетъ собою односторонность въ религіяхъ. Одинъ народъ сталъ почитать одно, другой-другое; одинъ усмотрѣлъ спасеніе въ томъ то, другой—въ другомъ. Но такая односторонность на самомъ дѣлѣ возможна только въ отдѣльномъ человѣкѣ, а не въ цѣломъ народѣ. Если для удовлетворенія религіозныхъ потребностей кому-либо достаточно почитать солнце, то его братъ легко можетъ придти къ мысли, что должно почитать еще и луну, а сынъ усмотритъ нѣчто Божественное и во всемъ звѣздномъ небѣ. При изученіи религій въ нихъ поражаетъ не различіе, а сходство. Самыя странныя формы вѣрованій и культа оказываются повторяющимися въ далеко лежащихъ одна отъ другой странахъ. Общины, совершенно подобныя буддійскимъ бикшу (въ родѣ нашихъ монаховъ), оказывается, существовали въ Перу до Колумба, и нѣтъ никакихъ основаній утверждать существованіе исторической связи между тѣми и другими. Характернымъ признакомъ египетской религіи считаютъ почитаніе животныхъ, но, вѣдь, и Индія знаетъ почитаніе коровъ и обезьянъ. У современныхъ буддистовъ существуютъ молитвенныя мельницы. Вѣтеръ накатываетъ на

колесо молитву и это въ глазахъ буддиста такъ-же спасительно, какъ и произнесеніе молитвы. Теперь оказалось, что совершенно подобныя же молитвенныя мельницы существовали въ Египтѣ. Нѣтъ нужды искать здѣсь исторической связи. Эти тождественныя явленія—результатъ единства духовной природы индуса и египтянина. Божество требуетъ молитвы. Молиться нужно въ опредѣленныхъ формахъ и какъ можно чаще. Важна механическая сторона дѣла. Самому молиться постоянно невозможно. Нужно придумать что-нибудь, чтобы замѣняло мою молитву. Ее можетъ замѣнить или молитва другаго лица, или дѣйствіе механическаго прибора. Послѣднее наиболѣе удобно и просто, отсюда—молитвенныя мельницы. Можно показать, что каждое изъ приведенныхъ нами положеній формулировалось и утверждалось у различныхъ народовъ и въ различныхъ религіяхъ. Человѣкъ ограниченъ, и вслѣдствіе этого оказывается ограниченной и его продуктивность въ созданіи религіозныхъ идей и культовъ. Изученіе религій въ ихъ историческихъ судьбахъ показываетъ, что они не только сходны между собою вообще по содержанію, но что въ самомъ процессѣ ихъ историческаго развитія существуетъ поразительный параллелизмъ. Возникаетъ новая религія, сначала въ новой общинѣ замѣчается подъемъ духа, затѣмъ этотъ подъемъ исчезаетъ, и является формализмъ, духъ смѣняется буквою. Создается и разрастается преданіе, которое потомъ со стороны нѣкоторой части послѣдователей вызываетъ противъ себя протестъ. Начинается борьба консервативнаго и либеральнаго направленія, религія дробится на секты, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ таковыхъ исчезаетъ самое существо религіи. Понятны факторы сообщающіе такой ходъ процессу. Какъ требованія истинной религіи людямъ нравственно слабымъ и страдающимъ умственнымъ самомнѣніемъ представляются ярмомъ неудобоносимымъ и они замѣняютъ ихъ самоизмышленными представленіями и требованіями; такъ и ярмо религій ложныхъ однимъ представляется удобнымъ, а другимъ нѣтъ, и вслѣдствіе этого происходитъ его постоянная переработка. Фантазія, мысль, совѣсть, все заставляетъ человѣка постоянно перестроивать свое религіозное міросозерцаніе. Сравнительное изученіе этого процесса перестроиванія представляетъ много поучительнаго. Мы ви-

димъ здѣсь, какъ умственное безсиліе и нравственная немощь, не принимая Божественнаго откровенія, истощаются и погибаютъ въ безсильныхъ попыткахъ удовлетворить требованіямъ своей духовной природы при помощи самостоятельнаго творчества.

Но изученіе этого процесса должно идти вслѣдъ за обозрѣніемъ исторіи религіи, а не предшествовать ему. Сначала нужно изучить отдѣльныя религіи, а потомъ уже производить между ними сравненіе. Мы изложимъ религіозныя ученія въ ихъ хронологической преемственности и затѣмъ въ заключеніе попытаемся дать феноменологію религій. Такой планъ повидимому обязывалъ бы насъ начать исторію съ изслѣдованія вѣрованій доисторическихъ людей, но мы не станемъ говорить въ предлагаемомъ изслѣдованіи ни объ этихъ ископаемыхъ людяхъ, ни объ ихъ ископаемыхъ религіяхъ. Но поводу этихъ палеонтологическихъ людей можно строить только догадки, а мы хотѣли бы въ предлагаемомъ трактатѣ устанавливать выводы, стоя болѣе или менѣе на фактической почвѣ. Прежде всего относительно тѣхъ общинъ, ископаемые слѣды которыхъ найдены, въ большинствѣ случаевъ даже неизвѣстно, когда они жили (наприм., робенгаузцы)—до возникновенія халдейскихъ государствъ и Египта, или можетъ быть эти дикари влачили свое жалкое существованіе, когда въ Египтѣ уже строились пирамиды и въ Вавилонѣ дворцы. Затѣмъ, въ сущности все то, что можно сказать объ ихъ религіозности, сводится къ слѣдующему. Въ ихъ жилищахъ находятъ предметы, которые не имѣютъ ни утилитарнаго, ни эстетическаго характера, таковы—просверленные зубы, нѣкоторыя раковины (наприм., белемнитовъ). Аналогія заставляетъ предполагать, что эти предметы имѣли мистическое значеніе, они служили талисманами, можетъ быть по нимъ производились гаданія. Затѣмъ ископаемые люди заботились о погребеніи своихъ покойниковъ и клали вмѣстѣ съ ними въ могилу тѣ предметы, которые нужны человѣку въ житейскомъ обиходѣ. Мы знаемъ, что теперь такой способъ погребенія имѣетъ въ своей основѣ вѣру въ загробную жизнь подобную земной. Такую вѣру мы должны предполагать и у тѣхъ палеонтологическихъ людей, погребальницы которыхъ открываются въ настоящіе дни. Но это въ сущности и все, что можно ска-

 53580

зать о религіозныхъ вѣрованіяхъ людей, которыхъ не знала исторія и которыхъ открыла палеонтологическая антропологія [1]). Правда здѣсь развертывается широкое поле для предположеній, при чемъ руководительнымъ началомъ являются аналогіи между бытомъ ископаемыхъ людей и современныхъ дикарей. Многіе курсы по исторіи религій и открываются разсужденіями о вѣрованіяхъ дикарей и затѣмъ уже авторы переходятъ къ Ассиріи, Вавилону, Египту. Этотъ способъ изложенія имѣетъ своимъ источникомъ убѣжденіе, что современный дикарь, это-первобытный человѣкъ остановившійся въ своемъ развитіи. Но исторія должна писаться не на основаніи убѣжденій, а на основаніи положительныхъ данныхъ. Дикари и ихъ вѣрованія должны быть разсматриваемы въ тѣхъ хронологическихъ рамкахъ, въ которыхъ они найдены. Можетъ быть современные дикари—неудачные потомки культурныхъ народовъ, оставившіе свою родину и потерявшіе культуру на новыхъ мѣстахъ поселенія. Можетъ быть такими неудачными эмигрантами были и ископаемые люди Европы и Америки. Можетъ быть современные дикари—деградировавшій первобытный типъ. Во всякомъ случаѣ ни одинъ натуралистъ не станетъ отождествлять современные папоротники съ ископаемыми папоротниками силурійской эпохи. Современные папоротникъ или хвощъ, хотя они и представляютъ низшіе типы растеній, могутъ быть истолкованы лишь изъ современныхъ геологическихъ условій, точно также готтентотъ или сингалезъ должны быть объясняемы изъ условій настоящаго времени. Вотъ почему мы будемъ говорить о вѣрованіяхъ дикарей тамъ, гдѣ ихъ дѣйствительно встрѣчаетъ исторія, а не станемъ на основа-

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о доисторическихъ вѣрованіяхъ можно найдти въ нашемъ изслѣдованіи „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго". Москва. 1894. Доводы, утверждающіе религіозность доисторическаго человѣка, собраны Катрфажемъ въ одномъ изъ его предсмертныхъ произведеній—Histoire générale des races humaines. Paris 1887, послѣдній отдѣлъ послѣдней главы. Новѣйшія сочиненія по этому предмету: A. H. Keane—Man past and present. XII+584, 1899 и R. Munro, Prehistoric Scotland and its place in European civilisation XIX+502, 1899. Въ послѣднемъ произведеніи утверждается фактъ религіозности доисторическихъ обитателей Шотландіи (ихъ вѣра въ будущую жизнь).

ніи предвзятой теоріи видѣть въ ихъ вѣрованіяхъ первичныя религіозныя формы.

Древнѣйшія культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшія естественныя религіи возникли и развились въ бассейнахъ великихъ рѣкъ Тигра, Евфрата и Нила и въ смежныхъ странахъ. Это религіи ассиро-вавилонянъ, египтянъ, хеттеевъ, финикіянъ, Сиріи и вообще народовъ передней Азіи. Возникновеніе ихъ неизвѣстно современной наукѣ, исторія встрѣчаетъ ихъ уже сложившимися и сформировавшимися. Мы знаемъ конецъ исторіи этихъ народовъ, но не знаемъ его начала. Семито-хамитическія культуры оканчиваютъ свое существованіе, когда на историческую сцену выступаютъ арійскія расы. Тогда наступаетъ новый періодъ въ исторіи человѣчества. Являются религіи Зороастра, Конфуція, браманизмъ, буддизмъ, возникаютъ греческая, римская, религіи другихъ арійскихъ народовъ—кельтовъ, германцевъ, славянъ. Возникаютъ и многія гибнутъ. Это происходитъ въ періодъ между VII в. до Р. Х. и VI по Р. Х. (уничтоженіе аѳинской школы Юстиніаномъ). Распространяющееся христіанство уничтожаетъ постепенно естественныя религіи тамъ, гдѣ въ народахъ обнаруживается тяготѣніе къ сверхъестественному откровенію. А тамъ, гдѣ такое тяготѣніе было слабо, окончательно сформировываются и кристализируются языческія системы, чтобы затѣмъ уже безъ значительныхъ измѣненій существовать столѣтія (въ Китаѣ, Индіи). Въ VII в. возникаетъ исламъ-синкретистическая и оппортюнистическая религія. Исламъ, это — компромиссъ между сверхъестественной и естественными религіями. Къ нему и примыкаютъ народы, для которыхъ были непонятны святость и величіе христіанства и была ясна ложь язычества. Въ это время сформировывается іудаизмъ постепенно замѣнявшій въ своихъ вѣрованіяхъ ветхозавѣтное откровеніе самомышленной традиціей (Рим. X, 3). Время отъ VII в. по настоящіе дни мы разсматриваемъ, какъ третій періодъ религіозной исторіи человѣчества. Всѣ народы въ этотъ періодъ постепенно становятся предметомъ этнографическаго и историческаго изученія. Начинаютъ изучаться вѣрованія дикарей. Въ концѣ XV в. открывается западный міръ, который, оказывается, также, какъ и восточный, не могъ жить безъ религіи и почиталъ Божество способами аналогичными тѣмъ,

которые употреблялись для выраженія Богопочитанія на старомъ материкѣ. Нельзя сказать, чтобы вѣрованія и культъ низшихъ племенъ были выяснены съ достаточной обстоятельностію и подробностью, точно также и по отношенію къ религіямъ прежнихъ культурныхъ народовъ не выяснено много важнаго и существеннаго, но во всякомъ случаѣ имѣющійся матеріалъ по исторіи религіи теперь уже удобно можно представлять въ систематическомъ изложеніи.

Курсы по исторіи религіи могутъ преслѣдовать различныя цѣли. Они могутъ имѣть цѣль историческую. Религія есть историческій фактъ и историческій факторъ, и какъ результатъ историческихъ условій и какъ причина историческихъ явленій, она должна быть изучаема историками. Борьба жрецовъ съ фараонами въ Египтѣ, брамановъ съ кшатріями въ Индіи имѣли религіозную основу и важныя историческія послѣдствія. Сообразно съ тѣмъ, какую религію принимаетъ та или другая страна, ея исторія принимаетъ тотъ или другой характеръ. Затѣмъ, курсы по исторіи религій могутъ имѣть цѣль психологическую. Религія есть психологическая проблема: содержаніе вѣрованій, формы религіозности, оттѣнки этихъ формъ представляютъ великій интересъ и для психологіи народовъ и для психологіи человѣчества. Предлагаемый трактатъ безусловно не имѣетъ въ виду первой цѣли (исторической) и лишь отчасти вторую (психологическую). Изслѣдованіе оттѣнковъ вѣрованій, психологической основы отдѣльныхъ религіозныхъ спекуляцій и дѣйствій не входитъ въ прямую задачу трактата. Мы имѣемъ въ виду воспользоваться исторіею религій, какъ апологетическимъ доводомъ. Мы хотимъ раскрыть слѣдующія положенія: 1) что невозможно для человѣчества жить безъ религіи и 2) что невозможно для человѣка самому создать религію, которая удовлетворяла бы человѣчество. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что человѣчество имѣетъ нужду въ религіи откровенной, и этому выводу, вѣримъ и утверждаемъ мы, соотвѣтствуетъ фактъ дѣйствительнаго существованія на землѣ таковой религіи. Для установленія таковыхъ положеній намъ, конечно, нужны будутъ и историческіе факты и психологическія соображенія. Но нами двигаетъ интересъ не историческій и не психологическій, а религіозный. Дальнѣйшій трудъ раздѣляется на четыре части:

1) религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ; 2) религіи эпохи VII до Р. Х.—VI по Р. Х.; 3) религіи съ VII по Р. Х. до настоящаго времени; 4) феноменологія религій. Въ трехъ первыхъ частяхъ будутъ главнымъ образомъ историческіе факты, въ послѣдней—преимущественно психологическія соображенія. Въ безсильныхъ попыткахъ наполнить небо образами созданными собственнымъ воображеніемъ и въ невозможности обойтись безъ такихъ попытокъ мы хотѣли бы найдти доказательство того, что человѣчество должно искать—не имѣется ли, не дано ли людямъ уже благовѣстія съ неба, усвоеніе и жизненное осуществленіе котораго есть единственное условіе счастія? Мы хотѣли бы показать, что только въ положительномъ результатѣ такого исканія можетъ найдти оправданіе и смыслъ существованіе человѣчества, и только на немъ можетъ утверждаться вѣра въ свѣтлое будущее. Таковъ нашъ планъ и такова наша задача.

ЧАСТЬ I-ая.

Религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ.

1. Ассиро-вавилонская религія [1]).

1.

Пространство, на которомъ въ теченіе тысячелѣтій протекала исторія Вавилоніи и Ассиріи, представляетъ собою площадь заключенную между 30—35° сѣв. шир. и 40—46° восточ. долг. Въ древнѣйшую эпоху геологическое строеніе этой мѣстности было значительно инымъ, чѣмъ въ настоящее время. Теперь Евфратъ и Тигръ нѣсколько южнѣе 31° параллели соединяются въ одно общее русло—Шатъ-Эль-арабъ, которое изливается подъ 30° въ Персидскій заливъ. Если-бы мы захотѣли воспользоваться этой современною географическою картою, мы не поняли бы многаго изъ государственной и религіозной жизни древнихъ вавилонянъ. Какимъ образомъ богъ Еа могъ выходить днемъ изъ моря, чтобы учить жителей Ериду религіи и культурной жизни,

---

[1]) *Литература.* До времени открытія чтенія клинообразныхъ надписей главнымъ источникомъ для сужденія объ ассиро-вавилонской религіи были Берозъ, Библія, Геродотъ, и затѣмъ нѣкоторыя второстепенныя указанія находили еще у нѣкоторыхъ классическихъ писателей. Гротефендъ положилъ начало чтенію клинообразныхъ ассирійскихъ и вавилонскихъ надписей, и теперь клинообразная литература является богатымъ первоисточникомъ для изученія месопотамской культуры и религіи. Должно сознаться, что при настоящемъ состояніи знанія еще нельзя вполнѣ возстановить вѣрованія и культъ ассиріянъ и вавилонянъ, и въ описаніи ихъ религіи неизбѣжны пробѣлы, но во всякомъ случаѣ во вторую половину XIX стол. наши свѣдѣнія объ ассиро-вавилонской религіи чреза-

когда Ериду отстоитъ болѣе, чѣмъ на 100 верстъ отъ моря? Какимъ образомъ Самасъ Напистимъ, Ной Халдеи, живший въ Сурипакѣ, могъ постоянно опасаться моря, когда море отъ Сурипака находится въ такомъ же разстояніи, какъ и отъ Ериду? Дѣло въ томъ, что Персидскій заливъ или, какъ онъ тогда назывался, Mar Marratum—въ томъ геологическомъ и историческомъ прошломъ поднимался гораздо сѣвернѣе, онъ доходилъ до 31° параллели [1]), гдѣ Евфратъ и Тигръ изливались въ него—каждая рѣка—отдѣльно. Бассейнъ Евфрата и Тигръ тогда отличался большимъ плодородіемъ. Эпоха возникновенія здѣсь городовъ и культуры намъ неизвѣстна. Насколько исторія заходитъ въ древность, она встрѣчаетъ

вычайно расширились. Косвеннымъ результатомъ чтенія клинообразныхъ текстовъ явилось доказательство историческаго характера библейскихъ повѣствованій о древнѣйшихъ событіяхъ, прямымъ—постепенное воскрешеніе древнѣйшей забытой культуры. Главныя сочиненія объ ассиро-вавилонской религіи написанныя на основаніи новыхъ открытій суть слѣдующія. *Архим. Хрисанѳа*—Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству Т. 2. 1876 г. *Шантепи-де-ла Соссэй*—Иллюстрированная исторія религій (переводъ) 1899 г. Т. 1. *Мензисъ*—Исторія религій (переводъ) 1899 г. *Мейеръ*—Исторія ассиро-вавилон. литературы (Всеобщая исторія литературы Корша Т. 1 ч. 1 1880 г.). *Николькій М.*—Очерки халдейской культуры (Русск. Вѣстн. 1879, №№ 11 и 12) и La Déesse des Cylindres et des statuettes babyloniennes (Rev. archéolog 3-me sér XX) *Moris Jastrow*—Religion of Babylonia and Assyria. Boston 1898. *G. Maspero*—Histoire ancienne des peuples de l' orient classique T. I—III. Paris 1895—1899. *Perrot et Chipiez*—L' Histoire de l' art dans l'antiquité T. II, Paris 1884. *Fr. Hommel*, Geschichte Babyloniens und Assyriens, Berlin 1885—1889. *Lenormant*, L' Histoire ancienne de l' orient. T. IV. Paris. 1885. *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum (deutsche Ausgabe von Gehrieh) 1 B, 1 Hälf. 1895. Подробный указатель изслѣдованій и статей по ассиро-вавилонской религіи данъ Jastrow'ымъ въ его книгѣ (стр. 703—738). Названнымъ авторамъ—Масперо, Гоммелю, Ленорману, Тиле принадлежатъ еще и прямо спеціальныя и вообще работы, имѣющія отношенія къ ассиро-вавилонской религіи. Изслѣдователями, публикующими тексты и дающими спеціальныя работы въ этой области въ настоящее время, еще должны быть названы: Шрадеръ, Делитчъ, Гауптъ, Галеви, Сейсъ, Леманъ, Іереміасъ, Циммернъ, Іенсенъ, Люкасъ, Гункель, Гарперъ, Кауленъ, Равлинсонъ, Оппертъ, Делатръ, Вигуру, Аміо и мн. друг.

[1]) Масперо въ своемъ обширномъ курсѣ L' Histoire ancienne des peuples d' Orient classique T. I. p. 548, 1885 утверждаетъ что море тогда поднималось до 33° сѣв. широты, но это у него—очевидная ошибка, и на приложенной къ 1 тому картѣ онъ изображаетъ море поднимающимся не выше 31 параллели.

здѣсь сложившіяся опредѣленныя и сложныя вѣрованія государства, письменность, живопись, постройки. Древнѣйшіе города въ южной Вавилоніи (Вавилонія называлась Кардуніасъ) въ бассейнѣ Евфрата. (Евфратъ назывался Буратту) суть Нунки или Урудугга (позднѣйшая форма—Ериду), Сиргулла (теперь Цергулъ), Урукъ (Ерехъ Библіи Быт. X, 10, теперь Варка), Уръ, (откуда вышелъ Аврамъ), Ларса (Библ. Елассаръ Быт. X, 12). Въ средней Вавилоніи Нибуръ (теперь Нифферъ и Низинъ (Пзинъ), въ сѣверно-вавилонской области были Агади (Аккадъ Быт. X, 10) съ противолежащими—Сиппаръ, Кишъ, Кута, Барсипъ (Борсиппа) и Гшигалла (называвшійся также Тинтиръ и Кадингирра)—позднѣйшій Вавилонъ (Кадингирра=семитическому Бабъ—или=ворота бога). Въ области Ассиріи на Тигрѣ (Тигръ назывался Идиклатъ) тогда были Ассуръ и Ниневія, называвшаяся Ханна-Ки (мѣсто богини Ханна = Истаръ, ср. Быт. IV, 17). Съ запада вавилонско-ассирійскія государства находились въ постоянномъ соприкосновеніи съ Сиріею и Палестиною (Сирія называлась Марту) отчасти съ Аравіею (Маганъ), къ востоку отъ Тигра сосѣдями, съ которыми много приходилось считаться вавилонянамъ, были еламитяне.

Обыкновенно представляютъ, что древнѣйшее поселеніе Ассиро-Вавилоніи или, иначе, Халден было не семитическаго происхожденія. Здѣсь жили какія то племена, которыя назывались сумирами на югѣ и аккадянами на сѣверѣ. Затѣмъ пришли семиты, подчинили ихъ себѣ и сами подчинились ихъ вѣрованіямъ и культурѣ. Но въ настоящее время Галеви и вслѣдъ за нимъ Гюіардъ и Поньонъ во Франціи и Деличъ съ нѣкоторыми своими учениками въ Германіи утверждаютъ, что суммиріійцы и аккадяне-тѣ-же семиты, только писавшіе инымъ образомъ (аллографія), чѣмъ писали въ позднѣйшую эпоху. По этой теоріи, оказывается, такимъ образомъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ различными народами и языками, а различными эпохами. Галеви представилъ много остроумныхъ соображеній въ защиту этой теоріи, но думаемъ, на основаніи указаній Библіи, можно придти къ нѣкоторому среднему мнѣнію, отчасти примиряющему возврѣнія Галеви съ его противниками. По Библіи древнѣйшій герой Вавилоніи Нимродъ (=Издубаръ=Гильгамъ клинообразныхъ надписей) былъ кушитомъ (Быт. X, 9—10), та-

кимъ образомъ уже въ глубокой древности въ Халдеѣ было кушитское населеніе. Нѣкоторые предполагаютъ, что ему могли предшествовать семиты, и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что позднѣе семиты явились въ Халдеѣ. Но дѣло въ томъ, что этотъ процессъ колонизаціи и завоеваній совершался въ то время, когда и кушиты и семиты были близки между собою. Отсюда между ними то родство и сходство, которыя можетъ быть привели Галеви къ его гипотезѣ.

Въ исторіи Вавилоніи и Ассиріи можно отмѣтить слѣдующіе періоды. Сначала на сѣверѣ и югѣ существовало много независимыхъ государствъ, нѣкоторыя стремились къ гегемоніи надъ другими. Изъ сѣверновавилонскихъ царей этого періода славнѣйшими являются Саргонъ и его сынъ Нарамзинъ (изображеніе послѣдняго есть древнѣйшій памятникъ ассиро-вавилонскаго барельефнаго искусства), на югѣ въ этотъ періодъ сохранилось много надписей отъ царя Гудеа. Его надписи свидѣтельствуютъ, что вмѣстѣ съ заботами о просвѣщеніи (онъ изображается съ циркулемъ) онъ отличался глубокой религіозностью. Эпоху въ вавилонской исторіи представляетъ Гаммураби, современникъ Авраама (Гаммурапалту, Амрафелъ Быт. XIV, 1). Онъ первый соединилъ сѣверную и южную Вавилонію подъ своею властію и съ этихъ поръ Вавилонъ сталъ главнымъ городомъ, что, какъ увидимъ, имѣло важныя послѣдствія и внесло многія измѣненія въ вавилонскую религію. Послѣ династіи Гаммураби въ Вавилоніи наступаетъ господство касситовъ (еламитовъ), продолжавшееся пять столѣтій. Въ это время на Тигрѣ постепенно возрастаетъ ассирійская монархія, которая все шире и шире распространяетъ свою власть и могущество, и дѣло кончается тѣмъ, что она подчиняетъ себѣ и Вавилонъ. Имѣя тотъ же религіозный пантеонъ, какъ и Вавилонія, Ассирія ставитъ боговъ въ иныя взаимоотношенія, приписываетъ имъ иной духъ и характеръ. Ассиріяне, это римляне востока. Ассирія была гораздо болѣе воинственна, но менѣе культурна и иначе религіозна, чѣмъ Вавилонъ. Въ VIII в. до Р. Х., мы видимъ, Ассирія совершаетъ походы на Палестину и овладѣваетъ израильскимъ царствомъ. Но съ этого времени она быстро клонится къ паденію. Вавилонія побѣждаетъ своихъ враговъ—еламитовъ, освобождается отъ вассальной зависимости отъ Ассиріи, возникаетъ ново-

вавилонское царство, и ассирійская монархія становится его добычею и жертвою. Ниневія, погибаетъ. Это—послѣдній періодъ вавилонской исторіи (VII—VI в. до Р. Х.). Въ религіозномъ отношеніи онъ характеризуется заботами о возстановленіи древняго религіознаго почитанія, древнихъ культовъ и храмовъ. Особенно въ этомъ направленіи много дѣлаетъ Набонидъ—послѣдній монархъ Вавилоніи. При немъ Вавилонъ (когда въ немъ былъ принцъ Валтасаръ) былъ взятъ персами. Вавилонская монархія погибла навсегда. Постепенно вымерли и почитатели вавилонской религіи. Обыкновенно исторію востока и исторію религій начинаютъ съ трактата о Египтѣ, а не съ Ассиро-Вавилоніи, основываясь на томъ, что Египетъ древнѣе царствъ возникшихъ на Тигрѣ и Ефратѣ. Но мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ, которые ставятъ египетскую монархію въ зависимость по происхожденію и культурѣ отъ Азіи. Библія представляетъ намъ довольно ясно Азію колыбелью человѣчества. Такимъ образомъ поселенцы Африки должны быть колонистами изъ Азіи. Это, конечно, не исключаетъ того, что эти колонисты вышли раньше, чѣмъ на родинѣ ихъ предковъ, могли создать благоустроенныя государства, культуру, и что потомъ отъ нихъ могли совершаться обратныя переселенническія движенія на прародину (укажемъ на аналогическій случай съ галатами), но изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ заставляютъ утверждать, что послѣднихъ фактовъ не было и что зависимость древнѣйшей египетской культуры отъ вавилонской подтверждается многими данными. Вотъ соображенія Маргана по этому предмету, которыя мы дополняемъ нѣкоторыми соображеніями Гоммеля. 1) древне-египетскій языкъ принадлежалъ къ хамитической вѣтви, которую можно считать развившеюся изъ одного общаго корня съ языкомъ древнѣйшихъ семитовъ; 2) Египетъ и Месопотамія представляли единственные центры древнѣйшей письменности; трудно допустить, чтобы эти два центра возникли независимо одинъ отъ другого. Цѣлый рядъ египетскихъ письменныхъ знаковъ, каковы іероглифы для понятій „жизнь, братъ, рабъ, лѣвая сторона, небесная барка, дѣлать, ночь, пастбище, небесный океанъ“ согласуются по своей фигурѣ съ вавилонскими знаками того же значенія; 3) появленіе вмѣстѣ съ египтянами мѣди и бронзы указываетъ на Азію, гдѣ этотъ металлъ впервые сталъ об-

работываться, тогда какъ въ Африкѣ, къ югу отъ Египта, не найдено никакихъ слѣдовъ мѣднаго и бронзоваго вѣка; 4) древнѣйшія египетскія статуи Ра-Хотена и Нофри, алебастровые львы изъ раскопокъ въ Саккарѣ, львы и собаки изъ слоновой кости, найденные въ некрополѣ Негады, мебель съ ножками въ видѣ ногъ быковъ, нѣкоторые виды каменныхъ сосудовъ, самая мастаба Негады съ зубчатымъ абрисомъ ея стѣнъ, все это указываетъ на Месопотамію и на страны, съ ней сосѣднія; 5) пользованіе кирпичемъ-сырцомъ для постройки гробницъ и зданій также указываетъ на вавилонское вліяніе: въ Вавилоніи кирпичъ былъ единственнымъ строительнымъ матеріаломъ, но въ Египтѣ—масса строительнаго камня, и если, тѣмъ не менѣе, мы видимъ постройки изъ кирпича, то это свидѣтельствуетъ о техникѣ, занесенной извнѣ, и всего вѣроятнѣе, изъ Месопотаміи. Древнѣйшіе вавилонскіе храмы, имѣвшіе семь ступеней и служившіе также мѣстами погребеній, это—первообразъ для египетскихъ семиступенныхъ пирамидъ. 6) Мѣры длины (локоть) у древнихъ египтянъ соотвѣтствовали найденнымъ въ Телло, въ низменности Евфрата. Это доказалъ Леманъ, основываясь на измѣреніяхъ по длинѣ секуднаго маятника. Это же должно сказать о мѣрахъ вѣса. Египетскій фунтъ произошелъ изъ вавилонскаго. Египетская астрономія стоитъ въ зависимости отъ халдейской: 7) употребленіе цилиндровъ съ печатями трудно объяснить иначе какъ культурнымъ вліяніемъ Месопотаміи; 8) съ появленіемъ египтянъ появляются въ долинѣ Нила козы, овцы и крупный рогатый скотъ, родина которыхъ въ Азіи; 9) въ древнѣйшихъ египетскихъ гробницахъ находимъ ячмень, пшеницу, ленъ, виноградъ (вино въ амфорахъ), всѣ эти растенія родомъ изъ Передней Азіи; 10) слѣды трупосожженія въ древнѣйшихъ гробницахъ фараоновъ находятъ себѣ параллели въ некрополяхъ El-Hibba и Surgull, древнѣйшихъ центровъ Вавилоніи, въ которыхъ были произведены раскопки Кольдевеемъ; и самая египетская почва носитъ не азіатскій, а африканскій характеръ [1]).

---

[1]) См. Д. Анучина, Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта по новѣйшимъ изслѣдованіямъ стр. 121—122. Археологич. Извѣст. и замѣт. №№ 3—4, 1898 г. I. de Margan, Recherches sur les origines de l' Egypte. 1896 et 1897. Fr. Hommel, Der babylonische Ursprung der aegyptich. Kultur. 1898.

Если эти соображенія справедливы, то тогда естественно и египетская религія должна стоять въ зависимости отъ вавилонской по своему содержанію. На этомъ сильно настаиваетъ Гоммель (50 — 59 стр. его исторіи). Со многими изъ его доводовъ нельзя не согласиться. Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что египетская религія должна быть разсматриваема и изслѣдуема послѣ вавилонской. Мы такъ и поступимъ. Однако должно оговориться, что хотя египетская культура возникла и послѣ вавилонской, несомнѣнно она возникла очень скоро вслѣдъ за нею. Начало Египта, какъ и начало Ассиро-Вавилоніи, неизвѣстны. До времени Авраама и Нильское государство и государства Тигра и Евфрата пережили уже многое, но до этого времени нельзя установить болѣе или менѣе правдоподобной хронологіи. Основанія, на которыхъ дѣлаются хронологическіе расчеты для этого темнаго періода, очень шатки. Позволительно думать, что этотъ періодъ не былъ особенно продолжительнымъ (полагаемъ, что это отчасти доказывается свѣжестью вавилонскихъ преданій о потопѣ, Гильгамѣ), но въ теченіе его уже вполнѣ въ основныхъ чертахъ сложились содержаніе и формы ассиро-вавилонской и египетской религіи. Обратимся къ разсмотрѣнію первой.

2.

Двойственный рядъ вѣрованій представляетъ намъ ассиро-вавилонская религія. Съ одной стороны, въ самой глубокой древности мы встрѣчаемъ рядъ текстовъ, излагающихъ абстрактное, метафизическое ученіе о богахъ, какъ устроителяхъ и владыкахъ вселенной. Боги представляются стоящими въ соподчиненіи, и все существующее — боги и міръ представляютъ собою одну систему. Вверху всего Илю (богъ по превосходству), внизу земля съ ея обитателями. Но рядомъ съ этой стройной системой тексты намъ говорятъ о существованіи безчисленнаго количества демоновъ и добрыхъ духовъ, изъ которыхъ первые постоянно причиняютъ человѣку зло, а вторые защищаютъ человѣка отъ бѣдъ. Благополучіе человѣка, оказывается, обусловливается не служеніемъ богамъ, а умѣньемъ справляться съ духами. Для послѣдней цѣли существуютъ магическіе тексты, заговоры,

чародѣи, заклинатели. Оказывается, далѣе, что всѣ событія жизни отдѣльнаго человѣка, какъ и государства, какъ и жизни народовъ, предвозвѣщаются различными знаменіями—астрономическими, календарными, дѣйствіями птицъ и животныхъ, физическими явленіями, снами, и благополучіе человѣка и знаніе своей послѣдующей судьбы обусловливается умѣньемъ различать и читать эти знаменія. Такъ, съ одной стороны мы имѣемъ довольно возвышенныя спекуляціи, съ другой—крайне грубыя суевѣрія. Это подало поводъ къ созданію такой теоріи. Вѣра въ духовъ и чародѣйство, это, полагаютъ, остатокъ первобытнаго анимизма, пережитокъ, сохранившійся въ позднѣйшихъ вѣрованіяхъ; вѣра въ боговъ, это—теорія выработанная рефлективнымъ мышленіемъ (Jastrow). Другіе, напротивъ, въ ученіи о верховномъ принципѣ Илю видятъ остатокъ первобытнаго откровенія, а въ пантеонѣ боговъ и сонмищахъ духовъ позднѣйшія наслоенія (Lenormant). Но нѣтъ никакой нужды разрывать эти два религіозно-психологическіе факта. Совершенно понятно и естественно совмѣстное существованіе вѣры въ Бога и признаніе бытія духовъ. Первыя страницы первой священной книги утверждаютъ оба эти факта. Мышленіе легко можетъ допустить ихъ. Только дѣло въ томъ, что образъ Бога слишкомъ абстрактенъ, возвышенъ и далекъ отъ человѣка, а духи оказываются существующими около него. Поэтому воображеніе некультурнаго человѣка скоро и легко можетъ опутать всѣ явленія его жизни вмѣшательствомъ духовъ и въ тоже время забыть о существѣ, которое имѣетъ безусловную власть надъ духами. Напротивъ, мысль развитаго человѣка отъ ближайшаго направляется къ отдаленнѣйшему, къ высочайшему. Образы духовъ блѣднѣютъ стушевываются и исчезаютъ предъ образами боговъ. Вѣра въ примѣты и заклинанія уступаетъ мѣсто вѣрѣ въ разумное провидѣніе. Уже Гудеа боролся съ суевѣріями.

Имена боговъ въ вавилонскомъ пантеонѣ вообще сумерійскаго происхожденія. Гоммель высказываетъ догадку, что семиты, принявъ отъ сумерійцевъ религію, культуру, письмо, пользовались потомъ сумерійскимъ языкомъ, какъ священнымъ, и новые теологическіе и мивологическіе образы и понятія, созданные уже ими, называли сумерійскими терминами. Позволительно думать, не оспаривая гипотезы о свя-

щенномъ языкѣ и аллографіи, что сумерійцы и семиты создали религію въ общихъ основныхъ чертахъ раньше, чѣмъ явились въ месопотамской низменности и создали ее сообща, т. е. раньше, чѣмъ обособились въ различныя племена и разошлись между собою. На самомъ дѣлѣ, еслибы семиты явились вслѣдъ за сумерійцами съ своею религіею, то они могли бы смѣшать свои вѣрованія съ сумерійскими и создать синкретическую религію, какъ это было у многихъ народовъ, наприм., у римлянъ, но трудно допустить, чтобы они могли замѣнить свою религію чужою. Затѣмъ семиты въ началѣ своего разселенія по бассейну Тигра и Евфрата образовали много самостоятельныхъ независимыхъ одно отъ другого государствъ, однако вѣра и культъ этихъ государствъ оказываются одинаковыми. Правда, одинъ городъ выдвигаетъ на первый планъ одного бога, другой—другого, но это—обычный фактъ во всѣхъ религіяхъ. Однако такъ какъ и другіе боги стоятъ рядомъ около наиболѣе почитаемаго, то поэтому впослѣдствіи, когда маленькія государства объединились, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было произойдти объединеніе вѣрованій и культовъ, оказалось сравнительно легкимъ дѣломъ — оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя противорѣчія и несогласованность—объединить боговъ въ общей системѣ. Поэтому естественно думать, что сумерійцы и ассиро-вавилоняне раньше, чѣмъ они разошлись и образовали серію царствъ, уже создали общіе и основные элементы своей религіи.

Ассиро-вавилонскія вѣрованія должны быть названы пандемонистическими и политеистическими. Пандемонистическими, потому что по представленію вавилонянъ и ассиріянъ міръ наполненъ духами. Вавилоняне и ассиріяне знали много злыхъ духовъ. Таковы *утукку*, *шеду*, *алю*, *галлу*, *екимму*. Послѣдніе — нѣчто въ родѣ ночнаго вампира. Таковы *лилю* ночной духъ, женская форма *лилитту*. Эти демоны пьютъ ночью кровь изъ своихъ жертвъ. *Акакжицу* — захватывающій въ плѣнъ, *рабизу* — подстерегающій въ засадѣ, *лабарту*—утѣснитель, *лабизу* губитель, *Намтаръ*—демонъ чумы, *Асакку*—демонъ западной болѣзни. Нѣкоторые изъ демоновъ жили въ воздухѣ и управляли злыми вѣтрами. Особенно ужасенъ былъ демонъ юго-западнаго вѣтра. Видъ его таковъ. Туловище и ноги до колѣнъ собачьи, ла-

лѣе орлиныя лапы, руки человѣчьи, но съ когтями; четыре крыла, изъ нихъ два опущены книзу, два поднимаются около головы; лицо представляетъ собою что-то въ родѣ человѣческой маски, большіе круглые глаза, густыя брови, провалившіяся щеки, короткія губы, открывающія рядъ ужасныхъ зубовъ, плоскій черепъ, козьи рога. Хвостъ у демона былъ скорпіоній. Обыкновенно этотъ демонъ жилъ въ пустыняхъ Аравіи, но въ нѣкоторые мѣсяцы онъ внезапно выходилъ. Выходя, онъ несъ съ собою ядовитыя испаренія, которыя образовывались въ болотахъ подъ воздѣйствіемъ солнечнаго жара и, развѣвая эти испаренія по полямъ, онъ поражалъ страшными ударами не только людей и животныхъ, но и жатвы, травы и деревья. Были демоны лихорадки и безумія, которые дѣйствовали безшумно, коварно и обманомъ. Самый страшный изъ нихъ Мальдететъ. Злымъ демонамъ противополагались добрые геніи. Какъ были злые, такъ были и добрые *утукку*, *алю*, *галлю*, *ехимму*. Ихъ, какъ и злыхъ демоновъ представляли чудовищеобразными, но эта чудовищеобразность имѣла другой характеръ. Ихъ представляли въ образѣ крылатыхъ львовъ, въ образѣ людей съ львиною головою, въ видѣ быковъ съ человѣческою головою. Крылатые быки съ человѣческими головами (ламасси) постоянно изображались на воротахъ дворцовъ, какъ охранители. Между добрыми и злыми духами шла постоянная борьба. Послѣдніе постоянно преслѣдовали человѣка своею враждою. „Тамъ вверху слышенъ ихъ вой, внизу—они на сторожѣ. Они—великіе черви, которыхъ произвело небо, могущественные, кликъ которыхъ проходитъ по городу, которые изливаютъ потоками воду съ неба сыны рожденные изъ лона земли. Они обвиваются вокругъ высокихъ колоннъ, вокругъ широкихъ бревенъ, какъ вѣнцы, они ходятъ изъ дома въ домъ, потому что дверь не останавливаетъ ихъ, засовъ ихъ не задерживаетъ, но они проскальзываютъ, какъ змѣя подъ дверью, они проникаютъ, какъ воздухъ въ отверстія, и они удаляютъ супругу изъ объятій супруга, они отнимаютъ дитя отъ колѣнъ родителей, они увлекаютъ безумнаго изъ его обильнаго дома. Ихъ угрожающій голосъ преслѣдуетъ его въ слѣдъ. Ихъ злоба обращается и на животныхъ. Они заставляютъ улетать ворона, они выживаютъ ласточку изъ ея гнѣзда, они заставляютъ убѣгать быка, заставляютъ убѣ-

гать ягненка. Они злые демоны, ткущіе козни". Самые смѣлые изъ демоновъ не побоялись даже нѣкогда при удобномъ случаѣ напасть на боговъ свѣта. Они сдѣлали попытку низвергнуть ихъ и воцариться на ихъ мѣстѣ. Они неожиданно вторглись на небо, низвергли Синъ, бога луны, и Шамаса—бога солнца, Раммана—бога грозы и бурь, прогнали Истаръ-богиню планеты Венеры и Ану — верховнаго бога съ ихъ троновъ. Вся тварь оказалась бы въ ихъ рукахъ, если бы боги Белъ и Нуску, Еа и Мардукъ не вмѣшались бы въ послѣдній моментъ. Въ битвѣ на землѣ они низвергли демоновъ, послѣдніе никогда не могли оправиться отъ нанесеннаго имъ пораженія. Боги создали для борьбы съ ними благодѣтельныхъ геніевъ—Игиги, которыми управляютъ пять небесныхъ Анунна. Земные (злые) Анунна и Ануннаки признали своими вождями семь сыновей Бела, имѣющихъ тѣла львиныя, тигра и змѣй. „Шестой изъ нихъ былъ бурнымъ вѣтромъ, не повинующимся ни богу, ни царю, седьмой—бурею, злымъ все сокрушающимъ вихремъ. Семь, семь въ пустотѣ водной бездны ихъ семь и разрушителей неба ихъ семь. Они величаются въ глубинѣ бездны, во дворцѣ, они — не мужчины и не женщины, они — проносящійся вихрь. Они не женятся, не рождаютъ дѣтей, они не знаютъ ни состраданія, ни милости, не слушаютъ ни молитвъ, ни прошеній. Какъ дикія лошади, они рождены въ горахъ, они—враги Еа, они могущественны среди боговъ, они злы, они злы, и ихъ семь, семь, еще семь суть они". Дѣти мрака и темной воды, Ануннаки имѣютъ для себя величайшаго врага въ огнѣ. Свѣтъ огня вездѣ обращаетъ ихъ въ бѣгство и сокрушаетъ ихъ могущество. „Гибель (богъ огня), герой прославленный въ странѣ, храбрый, сынъ бездны, прославленный въ странѣ, Гибиль, твой свѣтлый, блестящій огонь, когда онъ свѣтитъ во мракѣ, опредѣляетъ жребій всему тому, что имѣетъ имя. Мѣдь и олово ты смѣшиваешь ихъ; золото и серебро—ты расплавляешь ихъ. Сподвижникъ богини Ниннаси ты, ты выставляющій свою грудь противъ ночного врага. Сдѣлай, чтобы человѣкъ, сынъ его бога имѣлъ свои члены свѣтлыми; сдѣлай, чтобы онъ былъ, свѣтелъ, какъ небо, чтобы онъ блисталъ, какъ земля, чтобы онъ свѣтилъ, какъ внутренность неба, чтобы злое слово бѣжало отъ него".

Міръ для месопотамскаго поселенца представлялся наполненнымъ демонами, все равно какъ для бедуина пустынное пространство представляется наполненнымъ джиннами. Но если духи и окружаютъ и тѣснятъ отовсюду человѣка, они однако не единственная власть въ мірѣ. Есть нѣчто высшее. Это—боги. Владыки древняго города Лагаша обращали свои обѣты и молитвы къ богамъ — Нингирсу (Нинибъ) мужественному бойцу Инлилъ (Бела), Нинурсагѣ (Белтисъ)—богинѣ земной горы, къ Нинзіа—владыкѣ судебъ, къ царю Нинагаль, къ Инцу (Синъ — богъ луны), къ Иннана (Истаръ)—царицѣ войнъ, къ Пасагъ, Галалиму, Дунигагана, Нингираръ Нинишида. Всѣ эти названія перечисляются на статуѣ Гудеа, находящейся въ Луврѣ. Гудеа воздвигалъ имъ храмы во всѣхъ городахъ, на которые простиралась его власть, и онъ употреблялъ на эти благочестивыя постройки государственные доходы и военную добычу. „Гудеа, намѣстникъ Лагаша (т. е. намѣстникъ бога, которому принадлежитъ Лагашъ), построивши храмъ Ининну для Нингирсу, онъ построилъ драгоцѣнность, домъ, украшенный скульптурою, какого никогда еще не воздвигалъ Нингирсу ни одинъ намѣстникъ. Онъ написалъ свое имя, онъ сдѣлалъ все, что нужно, и онъ вѣрно исполнилъ всѣ повелѣнія данныя устами Нингирсу“. Вотъ какъ торжественно праздновалось освященіе этихъ храмовъ. „Въ теченіе семи дней не обмалачивали зерна, и раба была равна своей госпожѣ, рабъ шелъ рядомъ съ своимъ господиномъ и въ моемъ городѣ слабый покоился вмѣстѣ съ сильнымъ“. Гудеа усердно заботился о томъ, чтобы ничто нечистое не оскверняло святости священныхъ мѣстъ.

Халдейскій пантеонъ былъ очень великъ. Насчитывали семь славнѣйшихъ и высочайшихъ боговъ (боги солнца, луны и пяти планетъ извѣстныхъ древнимъ—Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна), пятьдесятъ великихъ боговъ неба и земли, триста духовъ неба, шестьсотъ духовъ земли. Каждый изъ нихъ на землѣ имѣлъ своихъ намѣстниковъ или представителей, которые во имя его получали почести отъ людей и которые возвѣщали людямъ его волю. Боги являлись во снѣ и возвѣщали будущее. О пророческихъ снахъ упоминается на одной изъ статуй Теллоха. Много существовало прорицателей, провидящихъ будущее-сабру. Эти

сабру въ текстахъ Гудеа называются тѣми, которые возвѣщаютъ вѣсти отъ боговъ. Въ исторіи одного Ассурбанипала разсказывается, что одинъ сабру возвѣстилъ царю общую побѣду надъ врагами, другой предсказалъ, что онъ побѣдитъ еламитянъ, третій видѣлъ во снѣ гибель царя еламитскаго. Духъ бога овладѣвалъ сабру и онъ возвѣщалъ своими устами его волю. Но это былъ сравнительно рѣдкій способъ откровенія. Чаще откровенія подавались при посредствѣ какихъ-нибудь матеріальныхъ предметовъ. Особенно для этой цѣли служили статуи боговъ, которые или помѣщались въ храмахъ или воздвигались на вершинахъ цигуміратъ. Заклинательныя формулы показываютъ, что эти статуи въ нѣкоторомъ родѣ служили мѣстомъ жилища тѣхъ боговъ, которыхъ они изображали (имя бога обыкновенно писалось или на пьедесталѣ или на одеждѣ статуи). Разъ къ этимъ статуямъ обращались съ вопросами по установленнымъ ритуальнымъ формуламъ, то они должны были отвѣчать. Объ этомъ говорятъ тексты Гудеа. Онъ воздвигъ свою собственную статую въ храмѣ Теллоха, и по его представленію она вдохновленная статуею божества должна была говорить. Цари имѣли право и обычай сами непосредственно вопрошать статуи. Обыкновенно ночью они являлись въ святилище и задавали вопросы, на которые статуи имъ отвѣчали. Такъ богиня Истаръ обѣщала Ассурбанипалу свою помощь противъ еламитскаго царя-Тіумана. Теперь многіе полагаютъ, что въ этихъ явленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ фактами чревовѣщанія. Жрецы научались и владѣли искусствомъ чревовѣщанія, сущность котораго сводится къ тому, чтобы дѣлать слушателя жертвою звуковой иллюзіи. Нашъ органъ слуха самъ по себѣ во многихъ случаяхъ не можетъ опредѣлять, откуда идетъ звукъ. Это опредѣляется при помощи другихъ органовъ чувствъ, и ошибки въ этихъ опредѣленіяхъ очень возможны и часты. Въ Библіи много говорится о чревовѣщателяхъ и въ одномъ мѣстѣ у пр. Исаіи (XXIX, 4) дается даже характерное описаніе того, какъ чревовѣщатели говорятъ. Звуки глухого и низкаго голоса всегда кажутся выходящими какъ бы изъ глубины, изъ земли. Очень можетъ быть, что у нѣкоторыхъ говорящихъ статуй были искусственно двигающіяся челюсти. Лишь только начинали откуда-то изъ глубины раздаваться звуки,

челюсти приходили въ движеніе. Характеръ звуковъ и движеніе челюстей естественно создавали иллюзію, что голосъ выходитъ изъ глубины статуи [1]). Но чаще прорицанія получались инымъ образомъ. Простымъ смертнымъ не представлялось самимъ вопрошать боговъ и божество обыкновенно открывало свою волю и возвѣщало будущее не ясною членораздѣльною рѣчью, а неопредѣленными звуками исходившими изъ самыхъ различныхъ предметовъ. Проводниками откровенія были метеориты-камни падавшіе съ неба, нѣкоторые виды оружія (дѣлавшіеся съ гранитной головкой и съ деревянной рукояткой) наприм., топоръ по образцу топора Рамана (Раманъ богъ грозы и бурь), копья сдѣланныя по образцу волшебнаго дротика Гильгама (дротикъ Гильгама по одному приказанію своего властелина безъ прикосновенія къ нему поражалъ враговъ и возвращался обратно), нѣкоторыя деревья, напр., дерево Ериду (Масперо присоединяется къ мнѣнію Іенсена полагающаго, что прорицалъ спрятавшійся въ деревѣ жрецъ). Неопредѣленные звуки исходившіе изъ предметовъ истолковывали жрецы. Предметы, чрезъ которые давались прорицанія, становились объектами религіознаго почитанія. Камни воздвигались на алтари, пророчествовавшее оружіе вносилось во святилища. Статуи, храмы и все, что въ нихъ находилось, были предметами общегосударственнаго почитанія. Но кромѣ этого въ каждой семьѣ были свои семейныя святыни, семейные боги. Имъ въ семействахъ возносились молитвы предъ ихъ изображеніями, стоявшими у домашняго очага совершались возліянія. Они защищали хозяина и его семью противъ козней злыхъ духовъ.

Всякое несчастіе древній халдей былъ склоненъ трактовать какъ результатъ козней и происковъ демоновъ. Такъ онъ смотрѣлъ и на болѣзни. Геродотъ говорилъ что у вавилонянъ не было врачей. Онъ разсказывалъ, что тамъ существовалъ обычай выносить больныхъ на площадь, и что

---

[1]) См. объ этомъ статью Paul Garnault'a—Vantriloguie, Nécromancie, Divination. Revue scientifique 28 mai 1900 г. Но выводы и соображенія автора можно принять лишь съ большими ограниченіями и съ большою осторожностью. Цитатъ у автора изъ пр. Исаіи невѣренъ (вмѣсто XIX нужно XXIX).

каждый проходящій долженъ былъ подходить къ больному и обязанъ былъ, если могъ, дать совѣтъ, какъ лечить больнаго. Теперь несомнѣнно, что халдеи имѣли не мало вѣрныхъ свѣдѣній относительно болѣзней и ихъ лѣченія, однако въ дѣлѣ избавленія отъ болѣзней главнымъ образомъ по видимому возлагали надежды на магію и заклинанія. Много найдено теперь плитокъ и амулетовъ содержащихъ заклинанія отъ болѣзней. Въ средневѣковой магіи было обычнымъ такое заклинаніе: „шика, шика, беша, беша!“ Теперь оказывается, что это слова чисто ассирійскія и имѣютъ значеніе: „прочь, прочь, злой, злой!“ Обыкновенно больные и одержимые бѣсами обращались къ солнечному богу Мардуку съ мольбою объ исцѣленіи, и литургическія формулы обыкновенно представляютъ дѣло такъ. „Мардукъ взглянулъ на него (на больного), онъ пошелъ въ домъ къ своему отцу Еа, (Еа живетъ въ морской глубинѣ) и онъ сказалъ: Мой отецъ! то и то случилось, и я не знаю, силою чего тотъ человѣкъ можетъ стать здоровъ. Еа отвѣчалъ своему сыну Мардуку: мой сынъ! чего бы не зналъ ты, что я еще могъ бы тебѣ сказать? Мардукъ! чего бы еще не зналъ ты, что я могъ бы сказать тебѣ далѣе? Что знаю я, то знаешь также и ты. Иди туда (къ больному) мой сынъ Мардукъ!“ Иногда больной отъ Еа и Мардука получаетъ повелѣніе обратиться къ Гибилю, богу огня. „Для избавленія отъ того, что очаровало меня и что околдовало меня, я по приказанію Еа и Мардука обращаюсь къ Богу огня“. Найдены заклинательныя формулы, въ которыхъ призываются всѣ трое Еа, Мардукъ, и Гибиль. „Ваше волшебство, которымъ вы очаровали меня, разрѣшитъ заклинатель Еа. Ваше колдовство разрушитъ Мардукъ, заклинатель между богами, сынъ Еа, опредѣлитель! Я свяжу васъ, я свяжу васъ оковами, я передамъ васъ богу огня сжигающему, уничтожающему, связывающему, который владычествуетъ надъ чародѣйствомъ“ [1]). Вотъ одинъ заклинательный гимнъ: О Боже

[1]) Циммернъ обращаетъ вниманіе на сходство между вавилонскими представленіями о дѣятельности Еа, Мардука и Гибиля и христіанскимъ ученіемъ о троичности. Онъ склоненъ допустить заимствованіе послѣдняго ученія отъ перваго. Но 1) съ точки зрѣнія самого халдейскаго богословія Еа, Мардукъ и Гибиль не образуютъ тріады. 2) Между окончаніемъ періода, когда возможно было вавилонское вліяніе на іудейство и

мухтабарру мутану (милосердый, дающій жизнь людямъ), скорый помощникъ, славный разрушающій очарованіе, блестящій, поднимающій духъ въ людяхъ, я, шамашъ шамукинъ, служитель своего бога, твой служитель стонетъ, вздыхаетъ, онъ удрученъ, великая скорбь, лихорадка, пораженіе и утѣсненіе отъ твоей божественности, гибельная болѣзнь, злое настроеніе объемлютъ мое тѣло, злая болѣзнь, утѣсненіе обитаютъ во мнѣ, прикованный къ ложу скорбей, я взываю къ тебѣ, къ богу вѣдомому и невѣдомому, я совершалъ грѣхи, я возбуждалъ мятежи, меня объемлетъ страхъ, я боюсь взгляда твоего божества, твоего величія, да будутъ слезы моихъ рыданій тебѣ пріятными, да истощится гнѣвъ твоего сердца, твое возвращеніе есть благо твое утѣшеніе свѣтоносно. Да будетъ неизмѣримымъ твое милосердіе, пусть оно низойдетъ къ твоему служителю Шамашъ-Шамукинъ—силою твоихъ пѣсенъ, я прославлю твое божество". Талисманы, особенные камни, носившіеся на груди, амулеты на шеѣ постоянно носились для избавленія отъ колдовства. Но когда злому духу удается причинить зло человѣку, то самому человѣку трудно противостоять злой силѣ. Самое благоразумное обратиться къ заклинателямъ-жрецамъ. Они совершали обряды очищенія и заклинанія по установленному ритуалу. Здѣсь употребленіе дѣйствительно помогающихъ средствъ (мазей, цѣлебныхъ травъ) соединялось съ грубосуевѣрными обрядами. Найдено два большихъ ассирійскихъ сборника, называющихся „сожженіе" и трактующихъ о заклинаніяхъ, соединявшихся съ сожженіемъ разныхъ предметовъ—травъ, плодовъ, сѣмянъ, козьей и овечьей шерсти, гибель которыхъ на огнѣ символизируетъ гибель колдовства. Бѣсноватыхъ связывали волшебнымъ шнуромъ, который потомъ развязывался, чѣмъ символизировалось уничтоженіе силы державшей больного. Дѣлались изобра-

---

установленіемъ христіанскаго ученія лежитъ хронологическая брешь въ нѣсколько столѣтій. 3) съ метафизической и этической точекъ зрѣнія между христіанскими представленіями о Троицѣ и вавилонскомъ — о взаимоотношеніи Ea, Мардука и Гибиля не существуетъ даже и отдаленнаго сходства. Циммернъ свой взглядъ изложилъ въ брошюрѣ „Vater, Sohn und Fursprecher.—Leipzig. 1896". Раскрытіе ученія о троичности съ метафизической и этической точекъ зрѣнія см. въ нашей книгѣ „Сверхъестественное откровеніе и естественное Богопознаніе" часть II, гл. 2.

женія, злыхъ духовъ, поразившихъ больного, и уничтожались. Употребляли обряды очищенія посредствомъ воды Тигра и Евфрата и нѣкоторыхъ маслъ. Посредствомъ заклинаній изгоняли демоновъ изъ больнаго въ пустыню.

Борясь со зломъ посредствомъ заклинаній, узнавая будущее посредствомъ оракуловъ и вѣщихъ сновъ, житель Месопотаміи долженъ былъ еще постоянно считаться со всевозможными примѣтами и предзнаменованіями, которыя надвигались на него отовсюду и къ которымъ онъ долженъ былъ приспособляться. Великая важность придавалась астрономическимъ явленіямъ. Наблюденія за ними и донесеніе о нихъ царю съ соотвѣтствующими пророческими комментаріями, а иногда и безъ такихъ комментаріевъ, когда повидимому значеніе явленія было извѣстнымъ, было обязанностью жрецовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ сообщеній. „Мѣсяцъ и луна свѣтили ровно (во время весенняго равноденствія), все будетъ въ обиліи, царь страны будетъ царствовать долгое время".

„Солнце и луна явились. Царь страны явитъ мудрость. Въ четырнадцатый день солнце и луна явились вмѣстѣ. Вѣрность будетъ царствовать въ странѣ. Боги Вавилоніи склонились благопріятно. Армія будетъ дѣйствовать согласно съ желаніями царя. Скотъ будетъ пастись въ безопасности". „Въ пятнадцатый день солнце и луна были вмѣстѣ. Могущественный врагъ поднимаетъ свое оружіе на страну. Врагъ стремится сокрушить великія ворота города; звѣзда Ану явилась блестящею, врагъ будетъ опустошать". „Луна явилась не во время. Жатва будетъ плохою. Въ двѣнадцатый день луна была видна вмѣстѣ съ солнцемъ. Вопреки вычисленному времени луна и солнце явились вмѣстѣ. Могущественный врагъ опустошитъ страну. Царь Вавилоніи принужденъ будетъ подчиниться врагу. Въ двѣнадцатый день луна съ солнцемъ были видимы, въ двѣнадцатый день были видимы. Великое горе для Вавилоніи. Это благопріятный знакъ для Елама и западной страны, но несомнѣнно неблагопріятный для Вавилоніи". „Царю, моему господину, его служитель Истаръ иддинабаль, глава наблюдателей звѣздъ въ Арбелѣ. Да будетъ Набу, Мардукъ и арбачская Истаръ благосклонны къ царю, моему господину. Въ двадцатьдевятый день мы бодрствовали. Поле наблюденія покрылось (об-

лаками) Луны мы не видали (т. е. луннаго затменія)". „Если звѣзда великаго льва" потемнѣетъ, это благопріятный знакъ для страны. Если звѣзда „царя" потемнѣетъ, умретъ хранитель (?) дворца". Каждое небесное явленіе имѣло въ глазахъ халдея значеніе для земли. О всѣхъ непосредственно-будущихъ земныхъ событіяхъ написано на небѣ въ настоящее время. Но если небо предсказываетъ будущее, то другія указанія руководятъ человѣка, какъ ему должно поступать въ будущемъ. Такимъ указателемъ прежде всего является календарь [1]). Здѣсь мы находимъ и раздѣленіе дней на благопріятные и неблагопріятные и болѣе точныя и подробныя опредѣленія свойства ихъ. „Первый день второго Элула, посвященный Ану и Белу, благопріятный день. Когда луна въ этомъ мѣсяцѣ явится на небѣ, царь многихъ народовъ принесетъ его даръ-серну и плоды, принесетъ его даръ Шамасу владыкѣ странъ, и Синъ, великому Богу. Онъ принесетъ жертву, и его молитва богу будетъ принята". Точно также называются благопріятными второй, третій, шестой день (каждый день посвящается особымъ божествамъ). Но седьмой день называется злымъ". Седьмой день моленіе Мардуку и Сарпаниту, благопріятный день (Jastrow предполагаетъ вполнѣ согласно съ послѣдующимъ текстомъ, что должно читать: да будетъ благопріятнымъ днемъ, но на самомъ дѣлѣ онъ злой день). Пастырь многихъ народовъ пусть не ѣстъ изжареннаго на огнѣ, пусть не ѣстъ никакой пищи приготовленной на огнѣ. Тѣлесныя одежды пусть не перемѣняются, пусть онъ не переодѣвается. Жертвъ пусть онъ неприноситъ. Царь пусть не выѣзжаетъ на колесницѣ, пусть не посылаетъ къ жрецу спрашивать оракула во святомъ святыхъ. Врачъ пусть не ходитъ въ комнату больныхъ. День этотъ неудобенъ для совершенія заклятій. Ночью предъ Мардукомъ и Истаръ царь пусть принесетъ его даръ. Тогда онъ принесетъ его жертву, чтобы его молитва была принята". Относительно каждаго дня въ календарѣ давались мистиче-

---

[1]) Годъ у Вавилонянъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ. Для того, чтобы привести его въ соглашеніе съ временемъ обращенія земли вокругъ солнца вставляли чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Элула (августъ-сентябрь) или послѣ Адара (февраль-мартъ) второй Элулъ или второй Адаръ.

скія и руководящія указанія. Вотъ, наприм., что говорится въ халдейскомъ календарѣ относительно нѣсколькихъ дней второго мѣсяца (Іяръ-апрѣль-май). „21 день—враждебность; 22 день благопріятный судъ, призываніе заклинаній; 23 день—сердце не хорошо; 24 день-веселіе сердца; 25 день-жена пусть не приближается, сердце не хорошо; 26 день-тайна“. Очень много предзнаменованій извлекалось изъ факта родовъ. „Если женщина родила двойню—мальчика и дѣвочку, это-не благопріятное знаменіе; страна не пострадаетъ, но домъ, въ которомъ родились дѣти, будетъ уменьшенъ“. „Если женщина родитъ ребенка съ львиною головою (т. е. подобною львиной), могущественный царь будетъ править въ странѣ“. „Если женщина родитъ ребенка съ двумя глазами на лѣвой сторонѣ, то признакъ, что боги гнѣваются на страну, и что страна будетъ опустошена“. „Если женщина родитъ младенца съ тремя глазами на лѣвой и съ однимъ на правой сторонѣ, боги наполнятъ страну трупами“. Сходство младенца съ тѣмъ или другимъ животнымъ, отступленіе того или другого органа отъ нормальныхъ размѣровъ, уродства (ихъ должно быть бывало множество, судя по текстамъ о предзнаменованіяхъ), все въ нѣкоторой степени открывало предъ человѣкомъ завѣсу будущаго. „Если собака ощенится въ стадѣ (въ помѣщеніи для стада), оружіе будетъ уничтожать жизнь, и царь не будетъ торжествовать“. „Если у овцы родится пять ягнятъ, это признакъ опустошенія страны, владѣлецъ ягнятъ умретъ и его домъ разрушится“. „Если кобыла ожеребится двойнею, одно рожденіе мужеское и другое-женское и каждое будетъ имѣть только по одному глазу, врагъ будетъ торжествовать и опустошитъ Вавилонію“. Извлекались предзнаменованія изъ дѣйствій животныхъ. „Если желтая собака забѣжитъ во дворецъ, это признакъ гибельной судьбы дворца“. „Если бѣлая собака забѣжитъ въ храмъ, утвержденіе этого храма будетъ твердо“. „Если птичка броситъ кусокъ мяса или еще чего нибудь внутрь дома, владѣлецъ его будетъ пользоваться обширнымъ счастіемъ“. „Быкъ бодающій вола въ городѣ, не благопріятное предзнаменованіе для города, но быкъ забѣжавшій въ чьи-нибудь владѣнія, благопріятное предзнаменованіе для владѣльца“. Предзнаменованія давались въ снахъ. „Если рыба окажется на головѣ человѣка,

этотъ человѣкъ будетъ могущественъ". „Если соль окажется на головѣ человѣка, его домъ будетъ покровительствуемъ". Тѣлесныя особенности указывали на судьбу имѣющую постигнуть человѣка. „Если правая сторона груди коричневая, это—роковой (?) знакъ". „Если лѣвая сторона груди блѣдна, болѣзнь будетъ жестокою". Такъ все и вездѣ несло предзнаменованія халдею. Вмѣстѣ съ этимъ вездѣ темныя силы стремились сдѣлать его жертвою своей злобы. Но все это не повергало его въ отчаяніе, не склоняло къ мысли, что жизнь есть зло, и что онъ только несчастная игрушка въ рукахъ жестокихъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ. Цѣлая система вѣрованій и убѣжденій склоняла его къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Онъ былъ убѣжденъ, что ему даны средства—въ заговорахъ, въ заклинаніяхъ, въ содѣйствіи добрыхъ духовъ для борьбы со зломъ. Онъ твердо вѣрилъ далѣе, что страна, въ которой онъ жилъ, нація, къ которой принадлежалъ, наиболѣе угодны богамъ. Онъ вѣрилъ, что боги могущественнѣе духовъ злобы. Онъ не считалъ боговъ безусловно благими и безупречными въ нравственномъ отношеніи, но онъ былъ твердо убѣжденъ, что жрецы съумѣютъ приспособиться къ ихъ неровному характеру и расположить ихъ къ его родинѣ, къ его дому, къ нему самому. Безъ сомнѣнія, простой житель халдеи былъ гораздо болѣе свѣдущъ по части предзнаменованій, получаемыхъ отъ рожденія двойней, и по части заговоровъ, чѣмъ въ области богословскихъ спекуляцій. Въ первомъ случаѣ онъ болѣе или менѣе зналъ, что значитъ то или другое и что нужно дѣлать, во второмъ случаѣ онъ вѣрилъ въ знанія жрецовъ. Такъ, происходило и происходитъ не въ одной халдеѣ. Только по мѣрѣ развитія человѣчества суевѣрія массъ и вѣра высшихъ классовъ все болѣе и болѣе расходятся между собою. Но въ древности между ними не было ни такой рѣзкой грани, ни такого противорѣчія. И затѣмъ должно прибавить, что суевѣрія тогда были гораздо болѣе согласованы между собою, чѣмъ вѣрованія.

3.

Если бы кто-нибудь попытался составить представленіе о какомъ-либо халдейскомъ божествѣ на основаніи всѣхъ тек-

стовъ говорящихъ о немъ, то онъ встрѣтился бы съ невообразимою путаницею. Богъ оказался бы имѣющимъ цѣлую серію различныхъ образовъ возвышающимся почти до единаго бога вселенной и нисходящаго до роли правителя какою-либо стихіею или небольшою страною. На одной статуѣ Небо въ Ассиріи написано: „человѣкъ, который потомъ придешь сюда, почитай Небо и не почитай никакого другаго бога“ (въ храмѣ ассирійскаго царя Рамманирари III), а въ Урѣ Небо считался даже не въ разрядѣ главныхъ, а принадлежалъ къ второстепенному рангу боговъ. Житель Вавилона обращался къ Мардуку съ такою молитвою: „когда является твое могущество, что противостоитъ ему? Твое слово-- верховное опредѣленіе на небѣ и на землѣ. Оно раздается на морѣ—и море отступаетъ, оно раздается на равнинѣ, и поля облекаются въ глубокій трауръ. Оно звучитъ на высокихъ водахъ Евфрата и управляетъ половодьемъ. О владыка! ты властелинъ—что можетъ тебѣ противиться? Мардукъ-ты верховный глава среди Боговъ, которые имѣютъ имя“. Обыкновенно каждый изъ боговъ имѣлъ двойную роль. Въ какомъ-либо изъ городовъ онъ почитался какъ главный и надѣлялся всѣми божескими аттрибутами и затѣмъ во всей странѣ онъ почитался, какъ богъ того или иного — иногда очень невысокаго-ранга. Городъ Урукъ почиталъ Ану, Нипуръ почиталъ Енлилъ—Бела, Ериду—бога Еа. Ану собственно богъ неба, Белъ—богъ земли, Еа—богъ водъ. Синъ, богъ луны, царствовалъ въ двухъ великихъ городахъ — въ Урѣ на крайнемъ югѣ и въ Харранѣ на крайнемъ сѣверозападѣ. Богъ солнца—Шамасъ царствовалъ въ Ларсамѣ и въ одномъ изъ городовъ Сиппара, другіе солнечные боги царствовали—Нергаль—въ Кутѣ, Цамама—въ Кимѣ, Нанибъ вмѣстѣ съ Беломъ въ Нипурѣ, Мардукъ—въ Вавилонѣ. Отношенія между этими божествами не всегда были мирными. Они соперничали, какъ и города, которыми они управляли, они строили козни одинъ другому, вступали даже въ войны. Вмѣсто того, чтобы совмѣстно бороться противъ злыхъ демоновъ, которые угрожали ихъ господству и, слѣдовательно, всему порядку вещей, они вступали съ ними въ союзы и употребляли ихъ для борьбы другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ, боги въ халдейской религіи какъ бы исключали взаимно другъ друга, но съ другой стороны боги

этой религіи разсматривались въ системѣ, какъ одна іерархія. Шесть главныхъ боговъ располагались въ слѣдующемъ порядкѣ: Ану, Белъ, Еа, Синъ, Шамасъ, Рамманъ. Эту шестерицу раздѣляли на двѣ тріады, изъ которыхъ первая заключала трехъ первыхъ, а вторая — трехъ послѣднихъ боговъ. Ану (ана—небо) богъ неба, владычествующій надъ неизмѣримымъ сводомъ, поднимающимся надъ нашими главами. Этотъ сводъ свѣтелъ днемъ, по немъ движется солнце, ночью онъ теменъ и усѣянъ безчисленными звѣздами и созвѣздіями. Ану—духъ, одушевляющій твердь и управляющій ею; его резиденція находится на сѣверѣ у полюса, и дорога, которую онъ обыкновенно выбираетъ для того, чтобы надзирать надъ своею областью, представляетъ собою земную эклиптику. Онъ живетъ въ свѣтлыхъ областяхъ міра, въ безопасности отъ вѣтровъ и бурь, въ атмосферѣ всегда чистой и въ свѣтѣ всегда ясномъ. Боги среднихъ пространствъ и боги земли бѣгутъ къ небу Ану, когда имъ угрожаетъ опасность (какъ, наприм., во время потопа), но они не осмѣливаются проникать въ его глубины, оно открывается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ для нѣкоторыхъ царей и героевъ. Живущій такъ далеко отъ людей на недосягаемыхъ вершинахъ Ану подобенъ этимъ вершинамъ по своему спокойствію и неподвижности. Если ему нужно произвести судъ или совершить какое либо дѣйствіе, онъ обыкновенно возлагаетъ исполненіе на Бела – Мардука, Еа, Раммана. Низшіе геніи служатъ исполнителями его воли. „Ихъ семь вѣстниковъ Ану, ихъ царя. Они изъ города въ городъ гонятъ грозовой вѣтеръ, они являются южнымъ вѣтромъ, который могущественно носится по небу. Они суть быстрыя бури, наводящія мракъ среди яснаго дня. Они бродятъ здѣсь и тамъ вмѣстѣ съ злымъ вѣтромъ и съ ужасною бурею“. Ану отпускаетъ всѣхъ боговъ по своей волѣ, затѣмъ онъ призываетъ ихъ опять; затѣмъ для того, чтобы пользоваться ими какъ орудіями, онъ ослабляетъ ихъ личность, обращаетъ ихъ въ ничто, поглощаетъ въ себя. Они смѣшиваются съ нимъ, и ихъ имена становятся только новыми названіями его. Въ первые дни творенія Ану является какъ Лакму, Урамъ и Нинибъ, воинственное солнце Нипура, это тотъ же Ану. Орелъ Алала, котораго Истаръ опьянила своими ласками, есть Ану. При такомъ пониманіи божества

Ану оказывается, что онъ не есть просто первый и высшій между богами, но что онъ есть единственный богъ, и что различныя имена боговъ, это — наименованія различныхъ проявленій единаго Ану.

Белъ, Белъ древній—владыка земли, на которой живутъ люди и въ лонѣ которой они погребаются послѣ смерти, въ вавилонскомъ пантеонѣ стоитъ рядомъ съ Ану. Онъ однако не принимаетъ того величаваго образа, который имѣетъ Ану, и справедливо полагаютъ что представленіе о немъ, совсѣмъ бы потускнѣло, еслибы онъ не слился въ Вавилонѣ съ національнымъ богомъ Вавилона Мардукомъ. Белъ-Мардукъ или Белъ-Меродахъ сталъ главнымъ богомъ Вавилона, но Вавилонъ со времени Гаммураби, т. е. съ эпохи Авраама, сталъ главнымъ городомъ для поселеній Евфрата. Вмѣстѣ съ этимъ и Мардукъ сталъ главнымъ богомъ Вавилона. Мардукъ собственно богъ восходящаго солнца, несущаго міру побѣду надъ мракомъ, несущаго тепло, урожай. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и богъ весенняго солнца, „который любитъ воскресеніе мертвыхъ“. У вавилонянъ былъ праздникъ Цакмуку или Акиту, на этомъ праздникѣ чествовалась побѣда весенняго солнца надъ холодомъ и мракомъ; впослѣдствіи вавилонскіе жрецы превратили этотъ праздникъ въ прославленіе торжества Мардука надъ другими богами. Вавилонскіе жрецы позаботились, чтобы и въ другихъ городахъ на праздникѣ Цакмуку Мардукъ занялъ первенствующую роль хотя, эти города имѣли свои солнечныя божества. Мардука надѣлили аттрибутами всемогущаго бога. Нѣкоторые (Іереміасъ) полагаютъ, что халдейская космогонія составлена вавилонскими жрецами съ цѣлію возвышенія Мардука. Этого нельзя признать справедливымъ. Изъ космогоніи въ концѣ концовъ не видно, чтобы Мардукъ былъ творцомъ міра. Его роль не вездѣ и не всегда ясна. Но вотъ, что можно утверждать. Вавилонскіе жрецы переработали космогонію съ цѣлію возвышенія Мардука, и это имъ удалось. Въ космогоніи представлялась домірная борьба какого то бога (Бела?) съ Тіаматъ (бездной). На мѣсто Бела или иного бога былъ поставленъ Мардукъ. Подъ образомъ чудовищнаго животнаго Тіаматъ, источникъ грѣха, склоняетъ человѣка нарушить поставленія Еа. Боги вооружаются противъ Тіаматъ, но только Мардуку удается побѣдить и

низвергнуть Тіаматъ въ бездну. Мардукъ, сынъ Еа, но онъ усвояетъ себѣ всѣ аттрибуты Бела и Еа и сохраняетъ роль величайшаго бога, до времени окончательнаго паденія Вавилона. Временное владычество Ассиріи надъ Вавилоніею мало повліяло на измѣненіе его положенія. А въ періодъ нововавилонскаго царства онъ почитался еще болѣе, чѣмъ въ древнѣйшемъ Вавилонѣ.

Еа—богъ водъ третій богъ первой тріады. Онъ представлялъ собою бездонную бездну, темныя воды океана, въ которыхъ нѣкогда скрывались сѣмена всѣхъ вещей и изъ которыхъ вышелъ міръ. Еа до творенія заключалъ въ своемъ лонѣ сѣмена всего, онъ заранѣе зналъ, что выйдетъ изъ этихъ сѣмянъ. Ему приписывается знаніе всего прошедшаго, настоящаго и будущаго. Въ немъ почитали высшую мудрость, владыку заклинаній и чаръ, которыя управляютъ людьми и богами. Никакая сила не могла преодолѣть его силы, никакой голосъ не могъ возвыситься надъ его голосомъ, но лишь только онъ открывалъ свои уста, чтобы возвѣщать свои опредѣленія, его воля становилась закономъ и никто не осмѣливался ему противорѣчить. Если являлась какая-либо опасность, противъ которой другіе боги чувствовали себя безсильными, они обращались тогда за помощью къ нему, и онъ никогда не отказывалъ. Онъ спасъ отъ потопа Самасъ—напистина, онъ ежедневно избавляетъ своихъ почитателей отъ болѣзней и отъ демоновъ, которые производятъ эти болѣзни. Обыкновенно людямъ онъ помогаетъ чрезъ своего сына Мардука. Онъ былъ горшешникомъ и онъ вылѣпилъ людей изъ глины равнинъ. Кузнецы и ювелиры приписывали ему искусство дѣлать ковкими и обработывать металлы. Дѣлатели тканей, тѣ, которые обработывали камни, садовники, земледѣльцы, матросы видѣли въ Еа — учредителя ихъ занятій и ихъ покровителя. Писцы вели свое искусство отъ его несравнимаго искусства и лекаря и знахари заклинали духовъ только его именемъ, силою молитвъ, которымъ онъ ихъ научилъ. Съ этими указаніями текстовъ хорошо согласуется то, что говоритъ объ Еа Берозъ, котораго онъ называетъ не Еа, а Оаннесъ. Оаннесъ выходилъ изъ Эритрейскаго моря (Персидскаго залива) на Халдейскую равнину, чтобы просвѣщать людей, жившихъ подобно скотамъ безъ нравственности и безъ законовъ. Онъ проходилъ

посреди людей, никогда не принимая пищи, уча ихъ письму наукамъ и всѣмъ полезнымъ искусствамъ: искусству строить города, воздвигать храмы. Онъ училъ людей геометріи, законамъ, умѣнью сѣять и воздѣлывать, вообще всему тому, что составляетъ культуру (colo=воздѣлываю) такъ, что послѣ него ничего не было изобрѣтено. По захожденіи солнца Оаннесъ удалялся въ море и проводилъ тамъ ночь, такъ какъ былъ амфибіей (Оаннесъ имѣлъ тѣло рыбы, но надъ головою рыбы человѣческую голову и изъ рыбьяго хвоста выходили человѣческія ноги). Оаннесъ написалъ книгу о происхожденіи міра и о правилахъ цивилизаціи, которыя и оставилъ людямъ.

Такова первая тріада. Образы боговъ принадлежащихъ къ ней въ сущности стоятъ высоко надъ міромъ и связываются съ нимъ только искусственно и случайно. Ану собственно не ниспускается до міра, Белъ сближается съ міромъ посредствомъ сліянія съ Мардукомъ, который если съ одной стороны спасаетъ культъ Бела, то съ другой всетаки унижаетъ величіе бога. Еа въ своей первоначальной роли является высочайшимъ разумомъ и вѣдѣніемъ и съ міромъ связывается посредствомъ своего сына Мардука и только то обстоятельство, что разумъ требуется постоянно, а у халдеевъ по ихъ собственному сознанію его повидимому было мало, создало сказанія о непосредственномъ наученіи людей всему чрезъ Еа. Вторая тріада стоитъ несравненно ближе къ человѣчеству. Ее составляютъ Синъ—богъ луны, Шамасъ—богъ солнца, Рамманъ—богъ грозъ и бурь. Правильность въ движеніяхъ солнца и луны, закономѣрность и періодичность физическихъ явленій естественно подсказывали мысль, что дѣятельность этихъ боговъ стоитъ въ зависимости отъ какой то высшей воли. Ихъ и признавали не самобытными и несамоопредѣляющими. Синъ признавался сыномъ Бела, Шамасъ сыномъ Синъ, Рамманъ сыномъ Ану. Первое мѣсто во второй тріадѣ занималъ Синъ. Уръ, гдѣ преимущественно почитался Синъ, имѣлъ преобладающее значеніе въ южной Халдеѣ. Синъ носилъ въ Урѣ имя Уруки (сначала Урки) или блестящій. Наннаръ и его жрецы стремились отождествить его съ Ану. „Владыка, князь боговъ, который одинъ превыше всего на небѣ и на землѣ, отецъ Наннаръ, владыка небеснаго воинства, князь боговъ. Отецъ

Наннаръ, владыка, великій Ану, князь боговъ, отецъ Наннаръ владыка, богъ—луна, отецъ Наннаръ, владыка Ура, князь боговъ. Владыка! твое божество, какъ глубокія небеса и широкое море распространяютъ почтительный ужасъ. Господинъ земли, который опредѣлилъ на ней предѣлы городовъ, назначилъ имъ ихъ имена, отецъ, производитель боговъ и людей, устроивающій ихъ жилища и созидающій все, что есть добраго. Тотъ, кто провозглашаетъ царство, кто даетъ высшій скипетръ, кто опредѣляетъ жребій отдаленныхъ дней. Владыка непоколебимый, сердце котораго широко, богъ, котораго никто не можетъ назвать, члены котораго крѣпки. и колѣна котораго не покоятся никогда, кто открываетъ путь богамъ своимъ братьямъ. Кто приближается изъ глубины небесъ, кто открываетъ ворота неба, проливая свѣтъ на страны людей. Отецъ который родилъ, Владыка, отдающій свои повелѣнія небу и землѣ, воли котораго никто не нарушаетъ. Въ небѣ кто сіяетъ? Ты, ты одинъ. На землѣ, кто блеститъ? Ты, ты одинъ. Ты! твоя воля возвѣщается на небесахъ, и небесные архангелы повергаютъ предъ тобою свои лица. Ты! твоя воля возвѣщается на землѣ, и архангелы земли колеблятъ почву. Ты! твое повелѣніе раздается въ вышинѣ, какъ вѣтеръ во мракѣ, и оно заставляетъ землю производить растенія. Ты! твое повелѣніе едва изрекается на землѣ, и уже растительность произошла. Ты! твое повелѣніе распространяется на обитаемыхъ мѣстахъ и вершинахъ и умножаетъ живыя существа. Ты! твое повелѣніе даетъ бытіе истинѣ и справедливости, оно утверждаетъ истину между людьми. Ты! твое повелѣніе, это—широкія небеса и земля, которую они покрываютъ которыхъ не забываетъ никто... Владыка! на небесахъ твое господство, на землѣ твое владычество, между богами твоими братьями ты не имѣешь соперника. Царь царей, который не имѣетъ судьи надъ собою, съ которымъ никакой богъ неравенъ по божеству, благопріятствуй городу Уру, о Боже, благопріятствуй ему. Пусть счастливая супруга могла бы умолить тебя о мирѣ, пусть счастливый супругъ, о владыка, могъ бы умолить тебя о мирѣ, пусть небесные архангелы, о владыка, могли бы умолить тебя о мирѣ, пусть архангелы земли могли бы умолить тебя о мирѣ!“ Но подобные величественные гимны раздавались только въ Урѣ и Харранѣ

Въ другихъ мѣстахъ Синъ былъ просто богомъ луны, а названіе его митры агу часто обозначало просто луну.

Второе божество тріады Баббаръ Шамасъ (Баббаръ—сумирійское, Шамасъ—семитическое названіе), богъ солнца, свѣтъ боговъ, его отцовъ, блестящій отпрыскъ Синъ. Ночью Шамасъ пребывалъ на сѣверѣ за металлическими воротами. Утромъ разсвѣтъ открывалъ ему ворота на востокѣ, онъ поднимался весь въ пламени, съ булавою въ рукѣ и онъ катился на колесницѣ по горамъ окружающимъ міръ. Черезъ шесть часовъ онъ достигалъ высочайшаго предѣльнаго пункта на югѣ и затѣмъ начиналъ спускаться къ западу, постепенно ослабляя свой свѣтъ, и на западѣ онъ удалялся въ свое жилище до слѣдующаго утра. Онъ совершалъ свое путешествіе, сопровождаемый двумя оруженосцами на колесницѣ запряженной мужественными онаграми, колѣна которыхъ никогда не уставали. Блестящій солнечный дискъ, который мы видимъ съ земли, это одно изъ колесъ его колесницы. Шамасъ распространялъ съ собою благодѣтельный свѣтъ. „Солнце, ты утверждаешься на основаніи небесъ, ты открываешь засовы, заграждающіе блестящія небеса, ты открываешь ворота небесъ. О солнце! ты поднимаешь свою голову надъ землею, ты распростираешь надъ землею блестящій сводъ небесъ Духи мрака убѣгаютъ при твоемъ приближеніи или бросаются въ ихъ потаенныя пещеры, ибо „онъ (Шамасъ) разрушаетъ злое, уничтожаетъ гибельныя знаменія и предзнаменованія, силу злыхъ сновъ, онъ обращаетъ зло во благо и онъ влечетъ къ погибели тѣ страны и тѣхъ людей, которые занимаются черной магіей“. Въ тоже время онъ льетъ на землю широкими волнами истину и справедливость, онъ—высокій судья, предъ которымъ все склоняется, его права не ограничиваются, его приговоры никогда не отвергаются.

Третьимъ лицомъ второй тріады первоначально была богиня Истаръ (планета Венера). Такою, наприм., вторая тріада является въ надписи на колоннѣ Салманассара II-го. Тексты говорятъ: въ прошедшіе дни.... Еа поручилъ Сину, Шамасу и Истаръ управлять небесною твердью. Съ Ану, онъ раздѣлилъ между ними управленіе небеснымъ воинствомъ, между этими тремя богами, ихъ дѣтьми, и онъ заставилъ ихъ непрестанно трудиться“. Полагаютъ, что, когда образовался

спеціальный циклъ планетныхъ божествъ, Истаръ была переведена въ этотъ циклъ, а во вторую тріаду на ея мѣсто поставили Раммана. Въ Рамманѣ соединяются черты многихъ древнихъ духовъ атмосферы и атмосферныхъ явленій. Его стали представлять какъ бога грома (онъ изображался съ топоромъ), грозъ (съ грозовыми стрѣлами) и бурь. Какъ богъ стихій, онъ характеризуется силою и изображается съ бычачьими рогами. Масперо замѣчаетъ, что его помѣщеніе на третьемъ мѣстѣ во второй тріадѣ было неудачнымъ, и что это повидимому сознавали и сами халдейскіе богословы. Раммань — богъ стихій и первоэлементовъ и, какъ таковый, онъ скорѣе примыкаетъ къ первой тріадѣ, чѣмъ ко второй. Иногда его и ставятъ во второй тріадѣ на первомъ мѣстѣ. Истаръ была совершенно на своемъ мѣстѣ во второй тріадѣ, которая съ нею имѣла чисто астрономическій характеръ. Но для Истаръ нашлось другое мѣсто, а боговъ тріадъ халдейскіе богословы нашли весьма приличнымъ женить, для чего, конечно, нужно было, чтобы они всѣ были мужескаго пола, а Истаръ считалась женскимъ божествомъ. Супруга Ану была названа Анатъ, супруга Бела-Белитъ, это—довольно безцвѣтные образы, отражающіе въ себѣ кое-что изъ величія и власти супруговъ. Жена Еа называлась Дамкина, владычица почвы, она олицетворяла землю оплодотворяемую водою. Нингаль, жена Синъ, была тоже по видимому пассивной стороной своего супруга. Но жена Шамаса А или Сиррида, имѣла нѣкоторую самостоятельность. Она была раньше самостоятельнымъ женскимъ божествомъ и уже впослѣдствіи стала женою солнца (формы имени А, Аа, Аі пытались сближать съ Іа ô, Яхве, но теперь это сближеніе безусловно отвергнуто) У Шамаса, впрочемъ, оказывается цѣлый гаремъ. Его женами назывались „великая“ Гула, утренняя звѣзда Анунитъ, дочь Синъ „сострадательная“ Сала (Сала+умму=мать создали имя Саламбо, которымъ нѣкоторые называли вавилонскую Афродиту). Все это древнія божества, изъ каковыхъ только Нана сохранила полную самостоятельность, какъ госпожа Ериду. Отчасти сохранила самостоятельность Анунитъ—Было два города Сиппара, и одинъ изъ нихъ почиталъ Шамасъ, а другой — Анунитъ (Sippara sha Shamash, Sippara sha Anounitoum). Сала представлялась иногда женою Мардука, она (богиня нивъ) называется

и женою Раммана. Если принять у каждаго бога тріадъ по одной женѣ, то, получится, что величайшихъ божествъ было двѣнадцать.

За великими богами слѣдуютъ планетные боги. Мардукъ былъ богомъ планеты Юпитеръ, но мы видѣли, что судьба назначила ему болѣе высокую роль, и онъ возвысился надъ всѣми вавилонскими богами. Богинею планеты Венеры была Истаръ. У Истаръ было два рода качествъ: все равно, какъ и Венера, она является то вечернею, то утреннею звѣздою. Въ вечерней звѣздѣ символизировалась богиня любви, которая направляетъ мужчину къ женщинѣ и которая влечетъ одно существо къ другому. Утренняя звѣзда символизировала холодную и жестокую богиню войнъ, возбуждающую въ людяхъ желаніе битвы. Истаръ являлась то дѣвственною и цѣломудренною, то сладострастною и развратною. Она и благодѣтельна и жестока, и миролюбива и воинственна. Истаръ принимаетъ еще имя Астаретъ или Астарты—богини плодоносной природы и питающей земли. Нинибъ (Сатурнъ) въ древности почитался солнечнымъ богомъ, но впослѣдствіи его не отождествляли съ солнцемъ, хотя продолжали ему приписывать нѣкоторыя свойства солнечнаго бога. О немъ говорится, что онъ освѣщаетъ глубины океана и посылаетъ лучезарный свѣтъ на ночное небо; онъ представляется правящимъ судіею, владѣющимъ стихіями, имѣющимъ власть надъ областью мертвыхъ. Рядомъ съ Нинибъ стоитъ Нергаль (Марсъ). Какъ и Нинибъ это—богъ солнца. Но солнце есть свѣтило не только благодѣтельное и распространяющее жизнь, а изсушающее, сжигающее и убивающее. Нергаль и владѣлъ этими губительными свойствами. Поэтому онъ является богомъ войны, моровой язвы и богомъ мертвыхъ. Нѣкоторые (Іереміасъ) сближаютъ Нергаля съ божествомъ огня—Гибилемъ (Гибиль—молнія), Но нельзя принять этого сближенія. У обоихъ божествъ общее только то, что они владѣютъ силою сожигающаго огня, но Нергаль владѣетъ вообще убивающимъ огнемъ, а Гибиль, какъ мы уже видѣли, владѣетъ свѣтящимъ и сожигающимъ огнемъ страшнымъ только для злыхъ. Какъ посланникъ боговъ, Гибиль приближается къ Нуску—хранителю жертвенныхъ приношеній, вѣстнику храма, обѣтованій и милостей. Послѣднимъ изъ планетныхъ боговъ является Небо (Меркурій) сынъ Мардука, онъ почитался осо-

бенно въ Борсиппѣ. Его характеръ натуралистическій. Отъ него ставили въ зависимость ростъ злаковъ и обиліе воды. Онъ—богъ хранитель, руководитель и прорицатель (Небо=Набу=Нави). Планетные боги, какъ и боги тріадъ, вели брачную жизнь. Въ качествѣ планетнаго бога, Мардукъ имѣлъ женой Царпанитъ. Нинибъ имѣлъ супругою Бау дочь Ану, также Гулу, царицу врачей. Нергаль является принимающимъ почитаніе отъ вѣрныхъ то съ супругою Лау, то съ Есхарра такою же воинственною и также неизмѣнно побѣждающею въ сраженіяхъ, какъ и онъ. Небо, сынъ Мардука и Царпанитъ, имѣлъ супругою Тасмитъ—богиню литературы, а иногда его супругою называется и Истаръ. Нужно замѣтить, что мужья и жены не рѣдко перемѣшиваются въ вавилонскомъ пантеонѣ. Истиннымъ возлюбленнымъ Истаръ былъ Думмуци=Таммузъ (Таммузъ названіе четвертаго мѣсяца=Іюнь—Іюль), супругъ ея юности. Это богъ весенняго солнца, весенней растительности, юный богъ погибающій отъ дѣйствія враждебныхъ силъ (лѣтняго зноя), и попадающій въ царство мертвыхъ. Но такъ какъ онъ есть владыка жизни, то онъ разрываетъ узы смерти и, покинувъ царство смерти, одѣваетъ землю растеніями. Въ текстахъ о Таммузѣ есть два неясныхъ пункта: о причинѣ его смерти (повидимому его погубила Истаръ, наслаждавшаяся смертью своихъ любовниковъ) и о томъ, какимъ образомъ онъ (пребывающій въ царствѣ мертвыхъ) производитъ жизнь на землѣ. Пять планетныхъ боговъ съ своими супругами составляютъ число 10. Такъ, въ вавилонской религіи получается два совѣта боговъ—одинъ изъ 12 членовъ, другой изъ 10. Древность придавала великое значеніе цифрамъ, и каждый изъ боговъ обозначался тоже числомъ. Числа для боговъ тріадъ представляли собою нисходящую ариѳметическую прогрессію съ знаменателемъ 10. Ану=60, Белъ=50, Еа=40, Синъ=30, Шамасъ=20, Рамманъ 10 (и иногда 6). Числа планетныхъ боговъ не представляютъ правильнаго ряда Нинибъ=50, Мардукъ=25 (?), Истаръ=15, Нергаль=12, Небо=10. Изъ другихъ божествъ, не входящихъ въ составъ великихъ совѣтовъ, преимущественное значеніе имѣла богиня Алату. Она была богиней подземнаго царства. Ближайшее отношеніе къ ней имѣлъ Нергаль, но онъ въ сущности только приготовлялъ ей добычу, а она безконтрольно властвовала

надъ этою добычею въ своей темной области. Аралу, которую одни помѣщали подъ землею, а другіе предполагали на крайнемъ востокѣ или сѣверѣ. Алату изображалась съ тѣломъ женщины — нескладно сложеннымъ и косматымъ. Лицо у ней было карикатурно львиное, она имѣла крылья и лапы хищной птицы, въ каждой рукѣ она держала по змѣю. Они представляли собою, такъ сказать, живые дротики, которые поражали и отравляли людей. У ней было два дѣтеныша-львенка, которыхъ она кормила грудью. Она постоянно объѣзжаетъ свое царство—царство тѣней. Изъ этого царства нѣтъ возврата, сами боги могутъ проникнуть къ Алату лишь подъ условіемъ потерять безсмертіе.

Божества судьбы — фатума — неизвѣстно въ вавилонской религіи, но есть въ ней миѳъ о птицѣ Цу, который показываетъ, что идея судьбы или рока не была чужда жителямъ Месопотаміи. Все въ мірѣ, даже повидимому самыя ничтожныя событія совершаются по заранѣе составленнымъ вычисленіямъ и даннымъ опредѣленіямъ свыше. Каждое утро боги (совѣтъ двѣнадцати) собираются на востокѣ около воротъ солнца и разсуждаютъ о событіяхъ наступающаго дня. Мудрый Еа представляетъ имъ жребіи, которые должны исполниться, потомъ онъ приказываетъ переписать ихъ въ комнатѣ судебъ на таблицы, которыя Шамасъ или Мардукъ несетъ съ нимъ и разбрасываетъ по дорогѣ. Если бы кто отнялъ у Еа эти роковыя таблицы, тотъ сдѣлался бы господиномъ міра въ тотъ день. Это несчастье случилось однажды въ началѣ вѣковъ. Цу, птица бурь, которая живетъ съ своею женою и дѣтьми на горѣ Сабу подъ покровительствомъ Бела и которая съ этой горы летаетъ по полямъ для грабежа, возымѣла честолюбіе сравняться съ высшими богами. Раннимъ утромъ она проникла въ комнату жребіевъ, прежде чѣмъ поднялось солнце. Она замѣтила тамъ царскія инсигніи Бела — „митру его владычества, одежду его божества, таблицы судьбы его божества, Цу замѣтила ихъ. Она замѣтила отца боговъ, бога связующаго небо съ землею, и желаніе господства овладѣло ея сердцемъ..... Я захвачу таблицы судебъ боговъ, я, и предсказанія всѣхъ боговъ, я возьму ихъ, я возсяду на тронъ, я буду посылать опредѣленія, я буду управлять сонмомъ всѣхъ игигги (небесныхъ духовъ противоположныхъ Ануннаки). И сердце Цу соста-

гило планъ. Цу притаилась въ глубинѣ залы ожидая наступленія дня. Когда Белъ разлилъ свои блестящія воды, когда онъ помѣстился на тронѣ и возложилъ на себя корону, птица Цу выхвалила роковую таблицу изъ его руки; она захватила владычество и власть давать опредѣленія. Богъ Цу, онъ улетѣлъ и спрятался въ горѣ. Тогда Белъ вскричалъ воспламененный гнѣвомъ и огни его гнѣва стали опустошать міръ. Ану открылъ уста, онъ сказалъ, онъ сказалъ богамъ своимъ дѣтямъ: кто побѣдитъ бога Цу? тотъ сдѣлаетъ свое имя великимъ во всей странѣ". Послѣ этого призвали Раммана, и Ану предложилъ ему отнять у Цу роковыя таблицы, Раммань заявилъ Ану, своему отцу, что теперь его (Раммана) могущество въ сравненіи съ силою Цу ничто иное, какъ глина. Призывали съ такимъ же предложеніемъ Бару, сына Истаръ. Тотъ тоже отказался отъ всякой попытки. Наконецъ Шамасъ принялъ предложеніе, побѣдилъ Цу и привелъ плѣнникомъ предъ Еа.

4.

Религія жителей бассейна Тигра и Евфрата носитъ имя ассиро-вавилонской; справедливѣе ее было бы назвать вавилонско-ассирійской. Древневавилонская монархія и господство ея религіи гораздо древнѣе ассирійскаго. Торжество Ассиріи было сравнительно позднимъ и недолгимъ (главнымъ образомъ VIII в. до Р. Х.). Въ эту эпоху выступаютъ и заявляютъ о себѣ міру и особенности ассирійской религіи. Но съ паденіемъ Ассиріи погибаетъ и ея богъ Асуръ и все, что въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ и дѣйствіяхъ было особеннаго сравнительно съ вавилонянами. И ассиріяне и вавилоняне несомнѣнно имѣютъ общее происхожденіе, — языкъ ассиріянъ разсматривается, какъ нарѣчіе незначительно отличавшееся отъ вавилонскаго. Пантеонъ вавилонянъ, оказывается, почитался и въ Ассиріи, но кромѣ вавилонскихъ боговъ Ассирія имѣла своего, котораго считала высочайшимъ-Асура и въ отношенія къ богамъ, которые почитались вавилонянами, сравнительно съ послѣдними вносила нѣкоторыя особенности. Очень можетъ быть, что имя Асуръ происходитъ отъ Ansar—названіе творческаго начала въ вавилонской исторіи творенія,—отъ котораго произошла высшая тріада боговъ (Тиле). Въ еврейскомъ и ассирійскомъ

языкахъ корень a—sh—r означаетъ — быть милостивымъ, благословеннымъ, оказывать счастье, это сближаютъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что имя Асуръ иногда писалось идеографически, какъ „добрый богъ“, но это звуковое сближеніе, а не историческое. Названіе города Асура, который былъ древнѣйшей столицею Ассиріи, надо полагать, произошло отъ имени бога, затѣмъ, когда территорія ассиріянъ расширялась, они все, что оказывалось въ ихъ власти, называли Ассиріею, т. е. областью бога Асура. Городъ Асуръ былъ забытъ, столицами Ассиріи становились Нина (Ниневія), Калху (Келахъ), Дуръ-Саррукинъ, но богъ Асуръ во всѣхъ столицахъ почитался неизмѣнно. Замѣчательно, что нѣтъ древнихъ изображеній Асура. Позднѣйшее его эмблематическое изображеніе (полагаютъ, заимствованное отъ изображенія египетскаго солнечнаго диска, и въ свою очередь, несомнѣнно послужившею моделью для персидскаго Агура-Мазды) таково: богъ съ натянутымъ лукомъ или съ вытянутой стрѣлой, съ обѣихъ сторонъ у него крылья, снизу птичій хвостъ. Въ Асурѣ не было элементовъ солнечнаго бога или бога природы. Онъ называется отцомъ и царемъ боговъ. Объ Ану въ одной надписи Асурбанипала говорится, что онъ получилъ жизнь отъ Асура, но прежде всего онъ отецъ и покровитель ассирійскаго народа—Белъ Ассиріи и, какъ таковой, управляетъ Ассиріей съ своей супругой Белитъ. Онъ ревнуетъ за Ассирію, враги Ассиріи — его враги. Вотъ почему войны войнолюбивыхъ ассиріянъ были въ ихъ глазахъ дѣломъ весьма богоугоднымъ, безчеловѣчная жестокость на войнѣ принимала у нихъ характеръ религіознаго подвига, такъ какъ эта жестокость карала тѣхъ, кто не признаетъ и не почитаетъ Асура. Почитаніе Асура не было связано преимущественно съ какимъ либо пунктомъ Ассиріи, какъ Мардука въ Вавилоніи. На войнѣ и на охотѣ главныхъ любимыхъ занятіяхъ ассиріянъ несли передъ войскомъ или передъ царемъ изображеніе Асура на знамени. Въ ассирійскихъ спискахъ боговъ Асуръ неизмѣнно ставился выше всего, и о его отцѣ или матери нигдѣ нѣтъ рѣчи. Точно также о немъ неизвѣстно никакого мифа. Онъ называется повелителемъ всѣхъ боговъ, построившимъ небо Ану и основанія земли, называется „творцомъ самого себя“. (на знаменательность этого имени обратили вниманіе; по-

добное названіе усвояется еще Синъ, но тамъ оно содержитъ лишь то указаніе, что богъ луны самъ есть причина фазъ луны). Ассирійскіе цари трактовали себя обыкновенно, какъ намѣстниковъ (патези) на землѣ бога Асура.

Особенное значеніе имѣлъ въ Ассиріи богъ Раммань (имя значитъ гремящій, жгучій), на него здѣсь были перенесены нѣкоторыя черты арамейскаго бога Барку или Бирку (богъ молніи). Онъ является богомъ вѣтра, бури, дождя, грома и молніи. Въ надписяхъ онъ призывается преимущественно, какъ свидѣтель проклятій. Отчасти по своимъ свойствамъ онъ богъ наводящій ужасъ, отчасти богъ благословеній, такъ какъ отъ него зависитъ плодородіе, и его супруга Сала мыслилась здѣсь, какъ нѣкоторое земное производящее божество, богиня-мать. Ассирійскіе жрецы стремились поднять и возвысить въ Ассиріи Культъ Небо. Небо былъ богомъ оракуловъ (nabû—nabi) и богомъ откровенія (ilu tasmêti), а оракулы и откровенія обыкновенно монополизируются жрецами. Небо почитался въ Борсиппѣ, но жрецы, заботясь о своемъ возвышеніи, стремились распространить его культъ и вмѣстѣ ограничить и даже совсѣмъ уничтожить другіе культы. Они задались смѣлою мыслью сдѣлать Небо единымъ богомъ Ассиріи. Это произошло около 807 г. предъ Р. Х. въ правленіе Рамманирари III, когда направленіе дѣламъ при дворѣ давала (повидимому его мать, по рожденію вавилонская принцесса) царица Саммураматъ. Въ Калахѣ былъ построенъ роскошный храмъ Небо, и штадтгальтеръ Калаха поставилъ вмѣстѣ съ другими въ честь царя и царицы, патрономъ которыхъ былъ Небо, восемь статуй этого бога съ надписью, что нужно надѣяться только на Небо и не нужно надѣяться ни на какого другого бога (буквально надпись приведена нами выше). Цѣль намѣченная ассирійскими жрецами не была достигнута, какъ не была достигнута цѣль совершенно подобной религіозной реформы предпринятой только не жрецами, а противъ жрецовъ въ Египтѣ. Цѣли ассирійскихъ жрецовъ съумѣли достигнуть жрецы Индіи (брамины). Богиня Истаръ представлялась въ Ассиріи, какъ дочь Асура. Богиня Ниневіи Нина въ надписяхъ Гудеи (Ниневія очень древній городъ) представляется тожественной съ Истаръ. Впослѣдствіи Истаръ особенно почиталась въ Кидмуру, Ниневіи и Арбелѣ. Въ ниневій-

скихъ и арбельскихъ представленіяхъ ея были повидимому различія. Но вообще въ Ассиріи Истаръ, не переставая быть богинею утренней звѣзды, является богиней войны и охоты. Одна ассирійская молитва представляетъ ее облеченною въ одежду изъ пламени. Она давала ассирійскимъ царямъ и войскамъ драгоцѣнныя указанія относительно сраженій, и цари воздвигали ей памятники и надписи, въ которыхъ называли ее перворожденною неба и земли, богинею совершеннаго мужества, женою, которая любитъ царя и его священство и т. д. Системы боговъ повидимому незнала ассирійская религія. Ассирійскіе цари признавали всѣхъ боговъ вавилонскаго пантеона и всѣ ихъ культы, но при опредѣленіи взаимоотношенія этихъ боговъ обнаруживается нѣчто странное. Истаръ на одной изъ надписей Асурбанипала называется дочерью Асура и затѣмъ дочерью каждаго изъ боговъ первой вавилонской тріады. Перемѣшиваются имена Ану, Бела, Апсу и Мардука. Эти имена являются для пишущаго только, какъ бы словесными титулами, которыми онъ хочетъ назвать высочайшаго. Белъ, Мардукъ для него не numina, а только nomina.

Можно указать еще нѣсколько божествъ, которыя получаютъ нѣсколько иной видъ въ Ассиріи, чѣмъ въ Вавиліи. Таковъ Дагонъ: онъ является въ надписяхъ то богомъ земледѣлія, то богомъ земли, то богомъ, въ честь котораго Асурназирбалъ называетъ ворота своихъ дворцовъ его призываютъ вмѣстѣ съ Ану. Дибарра (предположительное чтеніе)—демонъ чумы—въ ассирійскихъ представленіяхъ иногда пріобрѣтаетъ всѣ функціи бога Нергаль. Можетъ быть, впрочемъ, послѣдующія изысканія сгладятъ еще и нѣкоторыя изъ установленныхъ нынѣ различій между нѣкоторыми ассирійскими и вавилонскими божествами. Вавилоняне, вѣдь, какъ мы видѣли, не стѣснялись приписывать своимъ божествамъ противорѣчивыя черты. Нѣкоторыя второстепенныя ассирійскія божества—не говоримъ объ Асурѣ — не упоминаются въ вавилонскихъ надписяхъ (Кади, Шанитка?), нѣкоторыя въ хронологической послѣдовательности сначала являются въ Ассиріи, а затѣмъ въ Вавиліи. Вмѣстѣ съ паденіемъ Ассиріи исчезли въ ассиро-вавилонской религіи всѣ спеціально ассирійскія особенности.

5.

Представленія ассиро-вавилонянъ о взаимоотношеніи боговъ и людей выразились въ ихъ повѣствованіяхъ о теогоніи, космогоніи и исторіи первыхъ временъ міра. Существуютъ различныя, несогласованныя между собою версіи этихъ повѣствованій, въ которыхъ замѣтно выступаютъ то вавилонскія, то ассирійскія тенденціи. Въ общихъ чертахъ теогоническій космогоническій и перво-историческій процессъ представляются въ ассиро-вавилонской религіи въ слѣдующемъ видѣ.

Въ началѣ не было ни неба, ни земли. Существовали Апсу (океанъ) и муммутіаматъ (бездна). — Отъ нихъ произошли Лукму и Лакаму, которые въ свою очередь произвели Ансгара (ср. ассирійскаго Асура) и Кисару. Отъ этихъ родились Ану, Енлилъ (Белъ) и Еа. Эти боги удвоились, и у нихъ явились супруги, съ которыми они и продолжали процессъ размноженія, въ результатѣ котораго и появился весь пантеонъ боговъ Ану и Анату, раждаютъ Изу, Истаръ и Раммана Белъ и Белтисъ имѣютъ дѣтей Сина, Белитъ Рабиту, Адарапли Сандана, Рабтума, Нергаля и Ласа. Еа и Дамкина производятъ Мардука и Царпанитъ. Синъ и Белитъ рождаютъ Шамаса. Мардукъ и Царпанитъ—Небо и Тасмиту. Отъ нихъ происходятъ легіоны низшихъ боговъ, геніевъ, духовъ. Появлявшіеся боги все болѣе и болѣе ограничивали область владѣнія Тіаматъ. Видя это, Тіаматъ рѣшилась вступить съ богами въ борьбу. Она стала тогда творить новый рядъ созданій—ужасныхъ чудовищъ: быковъ съ человѣческими головами, лошадей съ собачьими мордами, собакъ съ рыбьими хвостами. Тіаматъ дала своимъ созданіямъ страшное оружіе, подчинила ихъ начальству Кингу, своего супруга, и послала на борьбу съ богами. Кингу и одинадцать чудовищъ, которыми онъ управляетъ, имѣютъ близкое отношеніе къ знакамъ зодіака. Великіе боги отказались вступить въ борьбу съ Тіаматъ (въ ассирійскихъ текстахъ вообще представляется, что боговъ посылаетъ Асуръ) Мардукъ соглашается бороться съ Тіаматъ, за это ему дается верховенство надъ богами (вавилонская тенденція). Создавъ себѣ страшную армію (вѣтры, духи), вооружась страшнымъ оружіемъ (молніи, громовой топоръ),

Мардукъ напалъ на Тіаматъ, убилъ ее, захватилъ въ плѣнъ Кингу, разбилъ его армію. Затѣмъ изъ трупа Тіаматъ Мардукъ создалъ вселенную. Онъ разрубилъ ея трупъ на двое, вверху онъ распростеръ одну половину, которая стала небомъ, внизу другую, которая стала землею. Земля представлялась въ Халдеѣ въ видѣ опрокинутой къ верху дномъ лодки, но лодки непродолговатой, какія существуютъ у насъ, а круглой, какія и теперь употребляются на Евфратѣ. Верхняя поверхность ея представляетъ собою собственно то, что мы называемъ землей (Кі). Обитаемая земля (кі-а) называется еще калама — собраніе странъ. Внутренняя пустота земли (внутренность лодки) есть земная бездна (ге), которою управляютъ геніи земли, тамъ былъ помѣщенъ адъ или жилище мертвыхъ (курну-де-араллю). Центральный пунктъ ея есть надиръ. Въ этой области солнце теперь совершаетъ свои ночныя путешествія сквозь мрачную страну тѣней. Надъ землею находится небесный сводъ, на которомъ утверждены неподвижныя звѣзды, этотъ сводъ вращается вокругъ сѣверо-восточной горы (непосредственное наблюденіе: всѣ небесныя свѣтила ежедневно обращаются вокругъ полярной звѣзды, находящейся въ сѣверо-восточной части неба отъ Месопотаміи) Корсакъ Курра. Небесный куполъ былъ утвержденъ Мардукомъ на землѣ (позднѣе халдейская астрономія возвысилась до представленія сферическаго неба), на востокѣ и на западѣ въ немъ были устроены ворота (для восхода и захода солнца). Океанъ окружалъ землю. Зенитъ міра былъ надъ землею аккадской (это—центръ земли), но ось міра была, какъ сказано, къ сѣверо-востоку отъ нея. Отъ Карсакъ Курра земля семью концентрическими уступами или этажами спускалась къ океану. Мардукъ опредѣлилъ четыре кардинальныя точки свѣта (страны), установилъ движеніе вселенной, установилъ годъ, засвѣтилъ луну, повелѣлъ ей въ началѣ мѣсяца свѣтить вечеромъ, показывая рога диска (буквально: царскую шапочку украшенную рогами), въ половинѣ мѣсяца быть полною и т. д. Четыре планеты онъ поручилъ четыремъ богамъ, себѣ оставивъ Юпитеръ. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе и другіе боги. Но первые опыты творенія были неудачны. Новосозданныя твари не могли выносить ни свѣта, ни воздуха. Тогда Белъ разрубилъ себѣ

голову, его божественная кровь была примѣшана къ матеріалу творенія и сообщила тогда созданнымъ животнымъ и людямъ способность сопротивляться дѣйствію стихій. Люди сначала жили въ дикомъ состояніи. Богъ Еа научилъ ихъ религіи и культурѣ (см. выше). Тогда наступилъ для нихъ долгій періодъ благополучной жизни. По Берозу въ этотъ періодъ міра въ Вавилонѣ царствовали Алоросъ (10 саръ, саросъ—3600 годамъ, неръ—600 годамъ, соссъ—60 годамъ), Алапаросъ (3 сара), Амиларосъ (13 саръ), Амменонъ (12 саръ), Амелагоросъ (18 саръ), Давосъ (10 саръ), Еведорахосъ (18 саръ), Амемпсиносъ (10 саръ), Обартъ (8 саръ), Ксизустросъ. При нѣкоторыхъ изъ этихъ царей, все равно какъ и предъ началомъ культурной жизни изъ Эритрейскаго моря выходили божественныя существа, наставлявшія людей подробно въ томъ, въ чемъ Еа наставилъ ихъ кратко. При Ксизустросѣ произошелъ всемірный потопъ. Въ клинообразныхъ надписяхъ онъ называется Газизадрай и Самасъ Напистимомъ. Еа предупредилъ его, что боги наведутъ на людей за то, что они развратились, всемірный потопъ, и наставилъ его, какъ онъ можетъ спастись отъ потопа съ своею семьею въ ковчегѣ. Самасъ Напистимъ жилъ въ Сурипакѣ, городѣ у Персидскаго залива, онъ выстроилъ здѣсь ковчегъ, нагрузилъ его припасами, вошелъ въ него съ семьею и слугами. Волны потопа понесли ковчегъ къ сѣверу, гдѣ его задержала гора Ницируъ. Чтобы узнать, сталъ ли сбывать потопъ Самасъ-Напистимъ высылалъ изъ ковчега голубя, который вернулся, и ворона, который не вернулся. Затѣмъ, когда земля обсохла, онъ принесъ богамъ благодарственную жертву. Белъ, узнавъ о спасеніи Самасъ-Напистима, сначала разгнѣвался, но потомъ онъ самъ даровалъ Самасу и его женѣ безсмертіе. Боги опредѣлили, что никогда болѣе потопъ не будетъ наведенъ на землю. Отъ Самасъ-Напистима и его спутниковъ произошло послѣпотопное человѣчество. Въ Вавилонѣ (по Берозу) начинается рядъ послѣпотопныхъ династій. Первые цари, какъ и допотопные, характеризуются фантастическимъ долголѣтіемъ, но долгожизненность послѣдующихъ подходитъ къ обыкновенной человѣческой нормѣ. Нечестіе, видно, опять очень скоро прокрадывается въ человѣчество, и Нера, владыка чумы, поражаетъ за непочитаніе авторитета Ану, сыновъ Вавилона

и другихъ городовъ. Къ этому періоду относится попытка героя Етаны, которому покровительствовалъ Шамасъ, подняться на солнце на орлѣ. Они поднялись до неба Ану, но такъ какъ орелъ стремился все выше, то дѣло кончилось тѣмъ, что они оба упали въ бездну. Счастливѣе судьба другаго героя — Гильгама (ранѣе предположительно читали: Издубаръ). Поэма о его подвигахъ содержитъ двѣнадцать эпизодовъ, какъ годъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Гильгаму покровительствуетъ Шамасъ (можетъ быть его отецъ?) и онъ считается сыномъ богини Аруру (можетъ быть форма Белтисъ). Еламитяне подчинили вавилонянъ. Городъ Истаръ-Урукъ осажденъ. Боги не могутъ оказать помощи, въ видѣ мухъ они летаютъ по дорогамъ. Тогда героемъ освободителемъ является Гильгамъ. Побѣждая еламитянъ, онъ въ тоже время покоряетъ сердца жительницъ Урука. „Онъ не оставляетъ дочери для матери, дѣвушки для воина, жены для супруга“. Жители молятъ Истаръ избавить ихъ отъ Гильгама, Истаръ обращается къ богинѣ Аруру. Та творитъ изъ глины волосатое чудовище Еабани, отчасти похожаго на быка и отчасти на человѣка и посылаетъ противъ Гильгама, но Еабани дружится съ Гильгамомъ. Вмѣстѣ они побѣждаютъ еламитскаго завоевателя царя Кумба. Тогда Истаръ влюбилась въ Гильгама. Могущественная Истаръ обратилась къ нему и сказала: „приди, Гильгамъ, будь моимъ супругомъ“. Гильгамъ рѣшительно отвергъ это предложеніе. Въ своемъ отвѣтѣ Гильгамъ напоминаетъ ей, какъ она поступала съ своими прежними возлюбленными: подобно нѣкоторымъ самкамъ пауковъ, она, насладившись съ ними, убивала ихъ. „Таммузъ, супругъ твоей юности, ты осудила его плакать изъ года въ годъ. Алала, могучій коршунъ, ты любила его, но потомъ ты поразила его и сломала его крылья. Онъ былъ въ лѣсу и кричалъ: о мои крылья. Ты любила пестраго льва.... потомъ ты приказала разорвать его тѣло. Ты любила пастуха Табулу и ты... обратила его въ леопарда“. Разгнѣванная Истаръ обращается съ просьбою къ Ану отмстить за нее. Ану создаетъ небеснаго быка, который долженъ сокрушить Гильгама, но Еабани и Гильгамъ его убиваютъ. Рога убитаго быка были посвящены Шамасу. Истаръ поразила Гильгама проказой съ головы до ногъ. Вмѣстѣ съ Еабани,—тогда герой отправляется на край

свѣта искать источниковъ юности и дерева жизни. Еабани посылаются гибельныя предзнаменованія, не смотря на нихъ онъ отправляется съ Гильгамомъ. Въ битвѣ около Нирура Еабани получаетъ смертельную рану и умираетъ послѣ двѣнадцатидневной агоніи. Гильгамъ скорбитъ о потерянномъ другѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникается рѣшимостью пріобрѣсть себѣ безсмертіе, чтобы не погибнуть, какъ онъ. Въ поискахъ за этимъ безсмертіемъ онъ отправляется въ далекія страны, онъ хочетъ найдти своего предка Самасъ-Нанистима, которому боги даровали безсмертіе. Онъ приходитъ къ горамъ Машу, гдѣ страшные люди—скорпіоны стерегутъ мертвую воду. Ужасъ охватываетъ Гильгама при ихъ видѣ. Мужъ-скорпіонъ сказалъ женѣ: „тотъ, который пришелъ къ намъ, его тѣло отмѣчено богами“ (проказой). Жена-скорпіонъ отвѣтила ему: „по своему духу онъ богъ, по своей смертной оболочкѣ человѣкъ“. Гильгамъ видитъ, что люди-скорпіоны не желаютъ ему зла, онъ разсказываетъ имъ о своихъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ. Они говорятъ ему, что его ожидаютъ страшныя опасности, но однако соглашаются отпереть ему ворота, ведущія черезъ глубокій мракъ къ мертвымъ водамъ и къ блаженнымъ островамъ. Гильгамъ смѣло отправляется въ дорогу, послѣ долгаго странствованія во мракѣ, онъ приходитъ къ морю и видитъ роскошный садъ боговъ, о которомъ раньше ему разсказывали люди-скорпіоны. Онъ молитъ Сабиту, царицу морей, позволить ему переправиться по морю. Та долго отказывается, наконецъ направляетъ его къ Арадъ-Еа, матросу Самасъ-Напистима. Тотъ везетъ Гильгама. Черезъ сорокъ дней онъ достигаетъ области мертвой воды, а затѣмъ и блаженныхъ острововъ, гдѣ живетъ Самасъ-Напистимъ, предокъ Гильгама. Самасъ-Напистимъ безсмертенъ онъ разсказалъ Гильгаму, какъ онъ получилъ безсмертіе (исторія потопа), но онъ не можетъ дать безсмертія Гильгаму. „Когда духи привѣтствуютъ человѣка при рожденіи, тогда геніи земли, великіе боги, Машиту—устроительница жребія, всѣ вмѣстѣ опредѣляютъ его участь, назначаютъ ему смерть и жизнь, но дни его смерти остаются ему неизвѣстными“. Но Самасъ-Напистимъ желаетъ избавить Гильгама отъ проказы, онъ погружаетъ Гильгама въ глубокій сонъ, продолжавшійся шесть дней и семь ночей. Онъ говоритъ съ своею

женою о Гильгамѣ, даетъ Гильгаму волшебную пищу и затѣмъ, когда Гильгамъ пробуждается, отправляетъ его съ Арадъ-Еа къ очистительному источнику, откуда Гильгамъ возвращается къ Напистиму совершенно исцѣленный отъ проказы. Жена сказала Напистиму: „Гильгамъ пришелъ, онъ утѣшенъ, онъ исцѣленъ, что дашь ты ему теперь, когда онъ возвращается въ свою страну?“ Самасъ-Напистимъ указалъ ему растеніе подобное боярышнику по своему цвѣту, и иглы котораго кололи, какъ ехидна. „Если ты схватишь это растеніе не уколовшись, сорвешь вѣтвь и унесешь съ собою, оно сохранитъ тебѣ вѣчную юность“. Гильгамъ сорвалъ вѣтвь. На возвратномъ пути съ Арадъ-Еа онъ рисовалъ радужныя картины, какъ онъ принесетъ вѣтвь въ Урукъ, выроститъ его, и его имя будетъ: старецъ дѣлается юнымъ черезъ него, и какъ питаясь имъ онъ—Гильгамъ—возвратитъ себѣ юность. Но онъ мечталъ такъ, забывъ о богахъ, завистливая душа которыхъ не терпитъ, чтобы люди участвовали въ ихъ жребіи. На первой остановкѣ, гдѣ онъ увидѣлъ горшки съ свѣжей водою и сталъ пить изъ нихъ, змѣй похитилъ у него растеніе. Глубоко скорбѣлъ Гильгамъ, но его скорбь была безрезультатною. Онъ возвратился въ Урукъ, здѣсь устроилъ похоронное торжество для Еабани. Онъ молилъ разныхъ боговъ объ избавленіи Еабани отъ смерти, и наконецъ богъ мертвыхъ Нергаль раскрываетъ гробъ, поднимаетъ землю и выводитъ духъ Еабани, который и является Гильгаму. Гильгамъ распрашиваетъ объ участи мертвыхъ. Оказывается, благополучіе умершаго стоитъ въ зависимости отъ заботъ о немъ живыхъ. Участь убитаго воина торжественно погребеннаго послѣ сраженія изображается такъ. „Онъ распростертъ на ложѣ покоя, пьющій свѣтлую воду... Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его. Его отецъ и мать поддерживаютъ ему голову и его жена склонилась надъ нимъ рыдая. Но тотъ, тѣло котораго осталось забытымъ на полѣ.—Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его, его душа не имѣетъ покоя на землѣ. Тотъ, о душѣ котораго никто не заботится. Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его. То, что на днѣ чаши, остатки обѣда, что выкидываютъ на улицу, вотъ что онъ имѣетъ пищею“. На этомъ разговорѣ оканчивается поэма о Гильгамѣ.

Подобно тому, какъ Гильгамъ потерялъ средство сохра-

нять вѣчную молодость, другой ассиро-вавилонскій герой упустилъ случай стать безсмертнымъ. Это—Адапа: онъ сынъ Еа, однако не богъ (легенда о немъ найдена въ тель-ель амарнскихъ таблицахъ). Однажды, когда онъ ловилъ рыбу, на него налетѣлъ южный вѣтеръ Шуту (демонъ вѣтра) и опрокинулъ его. Разгнѣванный Адапа сломалъ ему крылья. Южный вѣтеръ пересталъ дуть. Когда Ану узналъ объ этомъ, онъ потребовалъ, чтобы къ нему былъ приведенъ тотъ, кто сломалъ крылья Шуту. Еа далъ совѣтъ Адапѣ облечься въ траурное платье и въ такомъ видѣ явиться предъ Ану, при чемъ объяснять всѣмъ, что онъ носитъ трауръ, потому что съ земли исчезли два бога (Вслѣдствіе того, что пересталъ дуть южный вѣтеръ, растенія перестаютъ цвѣсти; боги Таммузъ (Думмуци) и Гизцида уходятъ на небо). Далѣе Еа сказалъ: Ану предложитъ тебѣ пищу, не ѣшь, питье не пей. Это будутъ пища и питье смерти. Адапа строго послѣдовалъ совѣту отца. На небѣ онъ прежде всего увидѣлъ Таммуза и Гиздиду и своимъ трауромъ и рѣчами расположилъ ихъ къ себѣ. Затѣмъ онъ расположилъ къ себѣ и Ану. Ану представилась тогда такая дилемма: всякій смертный, увидѣвшій внутренность неба, долженъ быть или жестоко наказанъ или пріобщенъ къ безсмертнымъ. Безъ колебанія онъ рѣшается дать Адапѣ безсмертіе и предлагаетъ ему пищу и питіе безсмертія. Помня заповѣдь Еа, Адапа отказывается отъ предложенныхъ пищи и питья и такимъ образомъ теряетъ случай стать безсмертнымъ.

Таковъ теогоническій, космогоническій и религіозно-историческій эпосъ Халдеи.

6.

Съ духами человѣкъ считался въ заговорѣ, тамъ онъ и умолялъ и заклиналъ, но божества почитались въ опредѣленномъ культѣ. Много храмовъ существовало въ Ассиріи и Вавилоніи. Строительное искусство стояло высоко въ области Тигра и Евфрата. Но въ Ассиріи главныя архитектурныя постройки, это—дворцы, а не храмы. Храмы гораздо меньше дворцовъ. Въ Вавилоніи дворецъ стоитъ какъ бы рядомъ съ храмомъ, но все таки храмъ не преимуществуетъ передъ дворцомъ. Въ ограниченныхъ размѣрахъ храмовъ нужно видѣть выраженіе не меньшей религіозности, но другой типъ

религіозности. Храмъ назначался не для людей, а для божества, и если, съ одной стороны, никакое помѣщеніе не можетъ вмѣстить бога, то съ другой, его статуя можетъ быть заключена въ очень небольшомъ зданіи. Если въ постройку храма хотятъ вложить идею величія и неизмѣримости божества, тогда естественно стремятся воздвигать храмы, какъ можно грандіознѣе. Но въ формѣ ассиро-вавилонскихъ храмовъ просвѣчиваетъ другая мысль. Они символизировали вселенную. Раскопки въ Ассиро—Вавилоніи открыли рядъ зданій, которыя представляютъ этажныя башни. Они назывались циггуратъ (соотвѣтствуетъ еврейскому bamoth). Строились они такимъ образомъ: на призматическое основаніе ставилась призма съ меньшимъ основаніемъ, на эту призму призма еще съ меньшей площадью въ основаніи и т. д. Издали такая постройка могла казаться подобною конусу или пирамидѣ, но на самомъ дѣлѣ это была система призмъ (обыкновенно параллелипипедовъ), поставленныхъ одна на другую. Часто число этажей (призмъ) равнялось семи. Циггуратъ символизировали собою гору земли. Семиэтажность символизировала семь поднимающихся одна надъ другою частей, изъ которыхъ по халдейскимъ представленіямъ состояла земля. Комнаты различныхъ этажей соотвѣтствовали различнымъ частямъ вселенной, въ вавилонскомъ храмѣ Мардука были даже комнаты судьбы, символизировавшія то мѣсто на востокѣ, гдѣ нѣкогда Цу похитилъ жребіи боговъ. Было два главныхъ типа этажныхъ храмовъ: съ квадратнымъ основаніемъ, причемъ каждый послѣдующій этажъ (призма) воздвигался по срединѣ предыдущаго и съ прямоугольнымъ основаніемъ, въ такихъ входъ былъ съ одной изъ узкихъ сторонъ прямоугольника, а зданіе храма было воздвигаемо на противоположномъ узкомъ концѣ. Были еще храмы вторичнаго типа маленькіе, одно-этажные, представлявшіе иногда изъ себя всего лишь одну залу, въ нишѣ которой помѣщалась статуя бога. Описаніе вавилонскаго храма, соотвѣтствующее Циггуратъ далъ еще Геродотъ (1, 181—3), но теперешнія описанія суть опыты реставраціи на очень скудныхъ основаніяхъ, такъ какъ не откопано храмовъ, которые сохранились бы въ значительной части и не найдено описаній, которыя могли бы восполнить отсутствіе памятниковъ. О многихъ откопанныхъ развалинахъ съ досто-

вѣрностью нельзя рѣшить—представляютъ ли они собою храмы или зданія какого-либо другого характера (такое впечатлѣніе выносится изъ книги Perrot et Chipiez—Hist. de l'art dans l'antiguité T. II, хотя сами авторы и настаиваютъ на правдивости своихъ реставрацій). Передъ храмами (на томъ основаніи, представлявшимъ собою по русской терминологіи первый этажъ и имѣвшимъ обыкновенно у циггуратъ высоту не меньшую или даже большую, чѣмъ окружающія зданія) помѣщались алтари для жертвоприношеній. Они обыкновенно дѣлались изъ того же матеріала, какъ и храмы (изъ кирпича). Около алтаря помѣщались кувшинообразныя вазы для омовеній. Помѣщался еще бассейнъ называвшійся апсу=море, океанъ, и символизировавшій по видимому довременное апсу изъ котораго вышли боги и міръ. Въ храмахъ была декоративная живопись (не всегда даже религіознаго содержанія), колонны, статуи боговъ. Въ храмѣ помѣщалась лодка того бога, которому былъ посвященъ храмъ. Въ лодкѣ носили изображеніе бога во время праздниковъ. Какъ Циггуратъ носили наименованія отъ тѣхъ боговъ, которымъ были посвящены, такъ подобнымъ образомъ именовались и лодки. Лодка бога Синъ называлась лодкой свѣта.

Священнослужителей и священослужительницъ было очень много. Сами цари особенно въ Ассиріи разсматривались, какъ намѣстники Божества, но если это съ одной стороны сообщало нѣкоторымъ образомъ теократическій строй странѣ то, съ другой, ослабляло могущество жрецовъ. Общее наименованіе жрецовъ было *шангу*—тотъ, кто правитъ жертвой, или тотъ, кто привязанъ къ Богу (Maspero, Iensen). Первое пониманіе значенія указываетъ на одну изъ обязанностей жрецовъ—приносить жертвы, но это не было ихъ единственною обязанностью, Были жрецы машмашу—чародѣи, Калю-обуздатели демоновъ, лагарю (синонимъ Калю) макхкху—провидцы, сурру (значеніе слова неизвѣстно) шаплу—вопрошавшіе оракуловъ, мусхелю —вызыватели мертвыхъ, асхипу или исхипу заклинатели (ср. Второзак. XVIII, 10—11), рамку и низакку—совершители возліяній, мунамбу—плакальщики, лаяларю — стенальщики, наспилакки — носители топора (какого-либо бога? Раммана? въ контрактахъ упоминаются носители копья Мардука). Жрецы исполняли обязанности писцовъ—дупсару и судей—даіану. Безъ сомнѣнія

были и еще классы жрецовъ, какъ съ другой стороны естественно предположить, что одинъ и тотъ же жрецъ могъ исполнять обязанности, исполнителей которыхъ называли различными именами. При храмахъ были пѣвцы, служители, казначеи, всегда былъ главный жрецъ—ишшакку. Во главѣ всѣхъ жрецовъ стоялъ шангамъ-макку верховный жрецъ. Жрецы должны были быть свободны отъ физическихъ недостатковъ. Они представляли собою наслѣдственную касту. Высказываютъ догадку (Jastrow), что жрецы дѣлились можетъ быть на „смѣны“ или чреды. Ночь у вавилонянъ дѣлилась на три стражи, полагаютъ, что настолько же дѣлился и день, и что это астрономическое дѣленіе могло послужить основаніемъ и для дѣленія жрецовъ. Кромѣ жрецовъ въ Ассиро-Вавилоніи былъ многочисленный классъ жрицъ. Уже Гудеа упоминаетъ о плакальщицахъ. Были женщины заклинательницы, пророчицы, музыкантши. Особенную роль играли жрицы храма Истаръ въ Ерехѣ и вѣроятно въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были храмы этой богини. Жрицы Истаръ назывались Кадидишиту (святыя) или истаритумъ (посвященныя Истаръ), изъ различныхъ наименованій ихъ видно, что онѣ дѣлились на классы совершенно подобные классамъ жрецовъ. Считаютъ возможнымъ, что при священныхъ церемоніяхъ допускались непристойные обряды, но не видно, чтобы непристойное служеніе было постояннымъ и дѣйствительнымъ культомъ богини. По Геродоту, вавилонскія женщины обязаны были разъ въ жизни принести въ жертву свое цѣломудріе богинѣ Афродитѣ (Милиттѣ, Истаръ) Онѣ являлись въ храмъ богини и тамъ отдавались приходившимъ туда иностранцамъ. Лишь только иностранецъ броситъ на колѣна женщинѣ серебряную монету (все равнокакой цѣнности) и скажетъ: да сдѣлаетъ тебя Милитта счастливой, женщина обязана отдаться этому человѣку и затѣмъ она можетъ возвратиться—къ себѣ. Она принесла достаточную жертву богинѣ. Понятно, что красивыя женщины имѣли возможность скоро возвратиться, но тѣмъ, которыя не обладали красотой, по словамъ Геродота, приходилось ждать цѣлые годы прежде, чѣмъ кто-либо давалъ имъ возможность удовлетворить богиню. (Герод. 1, 196). Слова Геродота стоятъ въ согласіи съ свидѣтельствами о чувственныхъ культахъ Азіи, со многими чертами Истаръ, но однако об-

разъ Истаръ и образъ даже какихъ бы то ни было богинь плодородія не исчерпывается обожествленіемъ половой производительности, и несомнѣнно вездѣ у жрицъ было болѣе высокое служеніе. Памятники однако показываютъ, что въ началѣ исторіи значеніе жрицъ стояло выше и что затѣмъ онѣ постепенно оттѣснялись на задній планъ жрецами.

Центральнымъ пунктомъ Ассиро-вавилонскаго культа, какъ обычно въ религіяхъ, была жертва. Два рода жертвъ существовало въ Ассиро-вавилоніи: животныя и растительныя. Въ спискѣ жертвенныхъ приношеній Гудеа перечисляетъ: быковъ, барановъ, козловъ, ягнятъ, рыбъ, птицъ (именно орловъ, журавлей и др.), также = финики, молоко, овощи. Изъ другихъ источниковъ видно, что еще приносились въ жертву серны, финиковое вино, коровье масло, сливки, медъ, чеснокъ, зерна, травы, масла (растительныя и животныя), пряные коренья, ладанъ. Жертва разсматривалась, какъ обѣдъ въ честь бога, которому она приносилась, въ этомъ обѣдѣ по смыслу жертвы должны принимать участіе совершающій приношеніе, совершающій жертву и божество. Нѣкоторыя несъѣдобныя части сжигались въ честь бога, кровь закалаемыхъ животныхъ, разсматривавшаяся, какъ особенно принадлежащая богамъ, выливалась на алтарь. Приносимыя въ жертву животныя должны быть безъ недостатковъ. Свиньи, собаки въ жертву не приносились. Нѣкоторыя животныя въ Ассиро-вавилоніи разсматривались, какъ наиболѣе угодныя для принесенія въ жертву (угодно было богамъ и то, чтобы ихъ напередъ хорошо откармливали), наоборотъ, другія трактовались, какъ нечистыя. Слѣдовъ человѣческихъ жертвоприношеній въ Ассиріи и Вавилоніи не найдено. Побужденій для принесенія жертвъ представлялось безчисленное множество. Желаетъ ли кто вопросить оракула, онъ приноситъ жертву (доставляетъ матеріалъ для жертвы жрецамъ). Основываютъ ли храмъ, воздвигаютъ ли дворецъ, проводятъ каналъ, или предпринимаютъ иное общественное дѣло, предъ началомъ его непремѣнно совершаютъ жертвоприношеніе. Съ приношеніемъ жертвенныхъ животныхъ соединялись возліянія масла, вина, меда. Возліянія совершали на двери домовъ, на оружіе, на камни. Ассирійскіе цари дѣлали возліянія надъ животными, которыхъ убивали на охотѣ. На одномъ древнемъ памятникѣ

представлено, что возліяніе богинѣ—вѣроятно А или Малькату, солнечному божеству—дѣлаетъ совершенно нагой человѣкъ. Нѣкоторые хотятъ видѣть здѣсь отзвукъ древнѣйшаго обычая, по которому люди, являясь предъ божествомъ, должны снимать съ себя все, каковой обычай смягченъ былъ потомъ повелѣніемъ снимать только обувь. Кромѣ жертвоприношеній по случаямъ, совершались опредѣленныя жертвоприношенія въ установленные сроки. Такія жертвоприношенія назывались Саттуку и шну. Установленіе ихъ, видно, шло съ древнѣйшихъ временъ, потому что цари въ своихъ надписяхъ всегда говорятъ о нихъ, какъ о традиціонныхъ обычаяхъ, а не какъ о нововведеніяхъ. Въ большихъ храмахъ совершались каждый день утреннія и вечернія (при восходѣ луны) жертвоприношенія, но въ храмахъ небогатыхъ, полагаютъ, жертвоприношенія совершались только въ опредѣленные дни — различные для различныхъ храмовъ. Торжественныя жертвенныя церемоніи происходили, когда богамъ посвящали статуи. Объ одномъ случаѣ поставленія такой статуи повѣствуетъ книга пр. Даніила (III, 1—7). Въ честь боговъ ставились колонны, имъ посвящались различные предметы изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, дорогихъ строительныхъ матеріаловъ, предметы нужные для святилищъ, одежды для статуй боговъ. Эти одежды мѣнялись сообразно различнымъ празднествамъ. У жрецовъ также были установленныя и при различныхъ обстоятельствахъ мѣнявшіяся одежды. Посвящали богамъ оружіе, военную добычу. На таблицахъ, или кружкахъ изъ лапись—лазури, агата, бирюзы, золота, серебра, мѣди сурьмы писались посвященія. „Еа, своему владыкѣ Белзиръ, сынъ Еабака, да сохранитъ его жизнь сдѣлалъ это и представилъ“. „(Белу, своему владыкѣ) Нази-Муратташъ, сынъ Куригальцу, да услышитъ онъ его прошенія, да будетъ благопріятенъ къ его мольбамъ, да будетъ принимать его призывы, да продлитъ его дни, сдѣлалъ это и представилъ“. Часто находятъ глиняные конусы, представляющіе собою предметы посвященные богамъ. Таковы конусы Гудеи съ посвятительными надписями, обращенными къ Нингирсу. Склонялись къ тому, чтобы видѣть въ этихъ конусахъ фаллическій символъ, но многіе (наприм. Iastrow) рѣшительно оспариваютъ это. Характеръ острыхъ конусовъ указываетъ на то, что они

втыкались или въ землю или въ стѣны. Найдена масса мѣдныхъ статуетокъ, которыя снабжены подобными же остріями или соединены съ конусами, имѣющими таковое. Очевидно эти статуетки прикрѣплялись къ какому-либо мѣсту. Одни думаютъ, что онѣ представляли собою охрану отъ демоновъ, другіе, что онѣ посвящались богамъ. Представляется безспорнымъ, что они служили и той и другой цѣли. Употреблялись для тѣхъ же цѣлей и глиняныя статуетки боговъ и богинь. Конусы и статуетки имѣлись не только въ храмахъ, но и въ домахъ. Посвященіе богамъ богатыхъ приношеній царей совершались съ большою торжественностью. Ассирійскіе цари и плѣнныхъ боговъ приносили въ даръ своимъ богамъ. Начатки плодовъ также посвящались божествамъ. Доходы храмовъ и жрецовъ въ Ассиро-Вавилоніи вообще слагались изъ обязательныхъ и добровольныхъ приношеній. Шли отъ угодій подаренныхъ храмамъ. Получались отъ продажи священныхъ предметовъ (идольскихъ статуетокъ и т. п.), выдѣлававшихся при храмахъ.

Частные случаи подавали поводъ къ празднествамъ, усиленнымъ моленіямъ, обильнымъ жертвамъ, но кромѣ этого съ древнѣйшихъ временъ, у ассиріянъ и вавилонянъ былъ выработанъ опредѣленный богослужебный ритуалъ. Видно, что у нихъ нѣкоторые дни имѣли особенное значеніе (7-ой несчастный —, 14, 19, 21, 28); каждый мѣсяцъ у нихъ былъ посвященъ особому богу и были особые дни для чествованія боговъ или для богослужебнаго празднованія великихъ событій. Богослужебные календари ассиріянъ и вавилонянъ, будучи сходными въ общемъ и существенномъ, имѣли однако мѣстный характеръ. Праздники назывались изинну и еще ташиту (радость, наслажденіе). Важнѣйшимъ праздникомъ съ глубокой древности былъ повидимому Цакмуку или акиту—день новаго года. О немъ говорится въ надписяхъ Гудеи. Въ то время онъ соединялся съ чествованіемъ Нингирсу, богини плодородія Бау, Нииба. Праздновалась побѣда весенняго солнца надъ убивающимъ холодомъ зимы. Съ возвышеніемъ Вавилона праздникъ Цакмуку сталъ праздникомъ Мардука, хотя Мардуку собственно былъ посвященъ восьмой мѣсяцъ (арахсамна = сентябрь — октябрь), а не Нисанъ, въ который праздновался Цакмуку. Замѣчательною особенностью этого праздника было то, что на него въ

Вавилонъ сносились статуи боговъ изъ различныхъ мѣстъ. Въ восьмой и одинадцатый день праздника изображенія боговъ приносили въ комнаты жребіевъ мардукова храма. Тамъ совершалось символическое представленіе собранія боговъ въ Абшу-Кенна (на востокѣ) Мардукъ возсѣдалъ на своемъ тронѣ, а боги стояли, почтительно склонившись передъ нимъ, ожидая когда онъ опредѣлитъ судьбу людей на наступающій годъ. Въ числѣ боговъ прибывавшихъ на праздникъ Мардука въ Вавилонъ всегда являлся сынъ Мардука-Небо. Но въ эпоху политическихъ неурядицъ и войнъ случалось, что праздникъ Цакмуку совсѣмъ не праздновался. Это обозначалось слѣдующей формулой: „Небо не приходилъ въ Вавилонъ, Мардукъ не выходилъ“ (т. е. не былъ выносимъ на лодкѣ въ торжественной процессіи). Громадною популярностью пользовался праздникъ Таммуза (четвертый мѣсяцъ—Таммузъ=Іюнь—Іюль). Праздновалось освобожденіе Таммуза изъ области мертвыхъ. Празднованіе распадалось на два момента противоположнаго характера: скорбный по случаю гибели Таммуза, жрицы Истаръ участвовали въ немъ въ качествѣ плакальщицъ (см. Іезек. VIII, 14, Захар. XII, 10—11), и радостный по случаю возвращенія Таммуза. Клинообразные тексты сообщаютъ о существованіи еще цѣлаго ряда торжественныхъ праздниковъ. Такъ въ двѣнадцатый день мѣсяца Іяра (апрѣль—май) совершались торжественныя празднества въ Ассиріи въ честь богини исцѣленій Гулы. Во весь этотъ мѣсяцъ совершались религіозныя путешествія въ Вавилонію. Въ Калахѣ ежегодно устраивались торжественные праздники въ честь Нииба въ Элулѣ (Августъ — Сентябрь) и Шабатѣ (Январь — Февраль) 25-ый день Сивана (май—іюнь) былъ посвященъ со времени Асурбанипала вавилонской Белитъ. Въ Сиппарѣ Набубалиддинъ въ девятомъ столѣтіи пожертвовалъ въ храмъ Шамаса богатыя одежды для ношенія въ шесть дней года: 7-ое Нисана, 10-ое Іяра, 3-ье Элула, 7-ое Тисри (сентябрь—октябрь), 15-ое Аракшамна и 15-ое Адара (февраль — мартъ). Полагаютъ, что это были тамъ дни праздниковъ въ честь Шамаса, и что въ эти дни въ пожертвованныхъ одеждахъ статуи Шамаса и другихъ божествъ носили въ процессіяхъ въ лодкахъ. Все это были празднества солнечнаго характера. О празднованіяхъ въ честь луны извѣстно очень мало. Мѣ-

сяцы въ вавилонскомъ календарѣ посвящались божествамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Нисанъ—Ану и Белу, 2) Іяръ—Еа, господину человѣчества, 3) Сиванъ-Синъ, 4) Таммузъ-Нинибу, 5) Абъ-Нинъ—Гицидѣ, 6) Элулъ-Истаръ 7) Тисри-Шамасу, 8) Аракшамна - Мардуку, 9) Кислевъ — Нергаль, 10) Тебетъ-Папсукаль (вѣроятно эпитетъ Небо) 11) Шабатъ-Рамману, 12) Адаръ управлялся семью злыми духами. Несомнѣнно подъ ассирійскимъ вліяніемъ (вставлявшійся отъ времени до времени для уравненія луннаго года съ солнечнымъ) Веадаръ былъ посвященъ Асуру. Вставлявшійся иногда вмѣсто Веадара второй Элулъ былъ посвященъ, какъ и Нисанъ, Ану и Белу. Въ Ассиріи мѣсяцемъ Асура былъ собственно Элулъ, а Истаръ представляли мѣсяцъ Абъ. Нѣкоторые (Menant, Iastrow) изслѣдователи настаиваютъ на томъ, что кромѣ почитанія божествъ и духовъ у вавилонянъ существовало почитаніе священныхъ деревьевъ. На вавилонскихъ цилиндрахъ часто встрѣчаются изображенія тычины или условныя изображенія дерева, около иныхъ нарисованы лица въ позахъ выражающихъ поклоненіе божеству. Полагаютъ, что это остатокъ существовавшаго въ глубокой древности культа деревьевъ, аналогичнаго поклоненію ашерамъ въ Финикіи. Говорятъ, что въ народѣ до позднѣйшаго времени сохранился этотъ культъ и что эти рисунки служатъ выраженіемъ народныхъ вѣрованій. Но, вѣдь, несомнѣнно, что рисовалъ ихъ не народъ, и если въ ту эпоху, когда ихъ рисовали, почитаніе деревьевъ существовало только въ низшихъ классахъ, то тогда эти рисунки должны выражать собою какую-ту иную мысль и какія то иныя представленія, чѣмъ просто фактъ дендролатріи. Какія эти мысли и какія представленія, мы не знаемъ.

Культъ всегда состоитъ изъ жертвы и молитвы. Жертва выражаетъ въ дѣйствіяхъ то, что молитва выражаетъ въ словахъ. Отъ ассиро-вавилонянъ сохранилось много гимновъ, въ которыхъ восхваляются боги (нѣкоторые, наприм., гимнъ Синъ нами приведены), просительныхъ молитвъ и покаянныхъ псалмовъ. Вотъ образцы молитвъ: „Нинъ карракъ (сиппарская Гула) возвышенная богиня, призри съ милостью на дѣло моихъ рукъ. Милосердіе съ твоихъ устъ, да снизойдетъ съ твоихъ устъ; долгую жизнь, могущество, здоровье и радость ниспошли мнѣ, какъ даръ". „Дальніе дни, долгіе

годы, могучее оружіе, долгую жизнь, многіе дни славы, господство надъ царями даруй владыкѣ царю, который принесъ этотъ даръ своимъ богамъ. Даруй его царству жителей въ великомъ безчисленномъ множествѣ! Да принадлежитъ ему владычество надъ царями, господство надъ народами, пусть достигнетъ онъ великой старости". Вотъ гимнъ Шамасу. „Ты далъ праведный законъ человѣчеству, вѣчно справедливъ ты на небѣ. Вѣренъ твой судъ о всемъ, что въ мірѣ. Ты знаешь, что право и что неправо. Шамасъ! ты утвердилъ правду на ихъ (?) выяхъ. Что несправедливо — то ты уничтожилъ (?) Шамасъ сотрудникъ Ану и Бела — ты; Шамасъ! высшій владыка неба и земли—ты". Въ покаянныхъ псалмахъ содержится раскаяніе въ совершенныхъ грѣхахъ и мольба объ ихъ прощеніи. „Грѣхи, которые совершилъ я, прости. Несправедливости, которыя я творилъ, пусть развѣетъ вѣтеръ. Разорви мои многочисленныя, прегрѣшенія, какъ одежду. О мой богъ! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ. Моя богиня! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ. Вѣдомый или невѣдомый богъ! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные), прости мнѣ мои грѣхи. Вѣдомая или невѣдомая богиня! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ мои грѣхи. Прости мнѣ мои грѣхи, и я смиренно преклонюсь предъ тобою. Да будетъ сердце твое милостиво (довольно), какъ сердце матери, которая родила дитя. Да будетъ сердце твое милостиво, какъ сердце матери, которая родила дитя, какъ сердце отца, у котораго родился ребенокъ". „Кто не страшится бога своего, тотъ срѣзывается какъ тростникъ. Кто не почитаетъ Истаръ, тотъ изнемогаетъ тѣлесно. Какъ звѣзда ночи (при разсвѣтѣ) теряетъ онъ свой блескъ. Онъ исчезаетъ, какъ влага ночи. О. Белъ! много моихъ прегрѣшеній, велики грѣхи мои. Белъ въ гнѣвѣ своего сердца покрылъ меня позоромъ. Богъ въ строгости своего сердца осилилъ меня. Истаръ сошла на меня, послала мнѣ тяжкое горе. Я упалъ на землю, никто не поддержалъ меня за руку. Я громко закричалъ, никто не услышалъ меня". Подобно флейтѣ, подобно голубю, подобно стонущему троснику, подобно лани" призываетъ бога молящійся. Онъ питается плачемъ: слезы подобныя дождевымъ облакамъ служатъ ему питьемъ. Долго ли еще будетъ гнѣваться богъ? Когда онъ

скажетъ наконецъ: да успокоится твое сердце?“ Вотъ начало гимна къ Истаръ Асурназирбала. „Производительница, царица неба, славная владычица. Ты, которая жительствуешь въ Е-баббарѣ, которая распространила мою славу. Царица боговъ, которой передана власть надъ великими богами Владычица Ниневіи... Дочь Сина, сестра-близнецъ Шамаса, правящая всѣми царствами. Та, которая издаетъ опредѣленія, богиня вселенной. Владычица неба и земли, которая принимаетъ молитвы, слышитъ прошенія, принимаетъ мольбы. Милосердая богиня, любящая справедливость!“ Покаянныя молитвы и гимны нерѣдко приближаются къ заклинательнымъ формуламъ, но совершенно несправедливо смотрятъ на дѣло тѣ, которые склонны во всѣхъ дошедшихъ до насъ молитвенныхъ текстахъ видѣть заклинательныя формулы. Заклинательныя формулы всегда передаются по традиціи, происхожденіе ихъ бываетъ или покрыто мракомъ, или объясняется какимъ либо сверхъестественнымъ откровеніемъ, тогда какъ время и обстоятельства происхожденія многихъ гимновъ указываются точно. Между тѣмъ никто самоизмышленнымъ молитвамъ не придаетъ магической силы, составители молитвъ всѣ свои надежды возлагаютъ на ихъ нравственное содержаніе. Конечно въ послѣдствіи такія молитвы могли пріобрѣтать значеніе заговора. Можетъ быть молитвы въ которыхъ обращаются къ богу или богинѣ—вѣдомымъ или невѣдомымъ, представляютъ приближеніе къ заговору. Въ этихъ молитвахъ слышится незнаніе того, откуда пришла бѣда и гдѣ отъ нея искать помощи. Въ этомъ слышится какъ бы безпомощность, но съ другой стороны, въ молитвѣ слышится надежда, что ея форма, хотя молящійся и не знаетъ, къ кому съ нею обращается, должна привлечь милость того, кто нуженъ молящемуся. Подъ одною молитвою имѣется надпись: „таблица для всякаго бога“. Если здѣсь хотятъ видѣть развитіе вѣрованій въ магію и заклинанія, то съ другой стороны здѣсь видно сознаніе, что требованія по отношенію къ человѣчеству у всѣхъ боговъ одни и тѣ-же—раскаяніе во грѣхахъ и усердное богопочтеніе.

7.

Должно исполнять обязанности къ богу и ближнему. Должно почитать боговъ, обращаться къ нимъ съ молитвами,

приносить жертвы, давать и исполнять обѣты. Требованія культа должны быть исполняемы съ точностью, нельзя воздѣвать къ небу нечистыя руки и нельзя приносить на алтарь больное животное. Нельзя неправильно удерживать плѣнника, обманывать, нарушать семейное согласіе, нельзя истреблять тварей съ злыми цѣлями. Не должно говорить доброе и питать злобу. Тотъ, кто нарушаетъ эти вѣчныя нормы правды, подпадаетъ гнѣву боговъ и терпитъ бѣдствія. Часто самъ нарушившій нормы и совершившій грѣхъ могъ и не замѣтить этого, но онъ немедленно подпадалъ божественной карѣ. „О мой богъ! мои грѣхи безъ числа, велики мои злодѣянія. О моя богиня.... Я совершалъ преступленія и я не знаю ихъ, я совершилъ грѣхъ и я не знаю его. Я питался преступленіями и я не знаю ихъ. Я не исполнялъ обязанностей и я не зналъ этого. Господь въ гнѣвѣ своего сердца поразилъ меня“..... „Владыка! не отвергни раба твоего и если онъ низринулся въ стремительныя бездны, протяни ему руку свою; грѣхи которые онъ совершилъ, имѣй къ нимъ состраданіе, злодѣянія, которыя онъ сдѣлалъ, развей ихъ вѣтромъ, и мои многочисленныя преступленія, разорви ихъ, какъ одежду“. Эти грустныя покаянныя мольбы просятъ однако не о вѣчномъ спасеніи, а о временномъ благополучіи. Пока вавилонянинъ или ассиріянинъ былъ живъ, онъ думалъ о земныхъ радостяхъ, а не о небесномъ блаженствѣ. По его этикѣ благополучія на землѣ заслуживалъ только религіозный и нравственный человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ассиро-вавилонской религіи рѣшительно утверждалось, что земная смерть не есть конецъ всего, что есть загробная область, существуетъ царство мертвыхъ. Выше было приведено сообщеніе о явленіи Гильгамуу Еабани, который говорилъ, что особенно печальна за гробомъ участь непогребенныхъ. Какъ же заботились о погребеніи своихъ покойниковъ ассировавилоняне? Скульпторы Ниневіи и Вавилона не изображали погребальныхъ церемоній на барельефахъ дворцовъ. Въ развалинахъ Ниневіи и Ассиріи не нашли никакихъ гробовъ. Изслѣдователи Корсабада и Куюнджика не нашли никакого слѣда ниневійскихъ усыпальницъ. Возникаетъ вопросъ, что дѣлали съ умершими ассиріяне и дѣлали ли они съ ними что-нибудь? Замѣтимъ, что вѣра въ существованіе загробной жизни прежде всего выражается въ погребеніи

мертвецовъ. Полагаютъ, что ассиріяне отправляли своихъ мертвецовъ въ Халдею. Бассейнъ южной Халдеи покрытъ гробами. Каждый холмъ отъ Нифера и Мугейра до сліянія Тигра и Евфрата представляетъ собою кладбище, гдѣ погребались и накоплялись трупы въ теченіе вѣковъ. Высказываютъ предположеніе, что ниневитяне и вавилоняне разсматривали бассейнъ Халдеи, какъ священную землю, землю ихъ предковъ, ихъ прародину, и что по этому вслѣдствіе религіознаго и сыновняго почтенія они переносили останки дорогихъ и любимыхъ мертвецовъ къ предкамъ ихъ расы. Ассиріяне, жившіе по верховьямъ Тигра, помѣщали въ лодки останки любезныхъ имъ покойниковъ и, довѣривъ ихъ волнамъ рѣки, съ плачемъ сопровождали до мѣста ихъ послѣдняго успокоенія. Этотъ обычай объясняетъ и отсутствіе гробовъ въ Ассиріи и поразительное собраніе усыпальницъ въ Халдеѣ. „Трудно, говоритъ Лофтусъ, дать точное понятіе о видѣ некрополя Варка, такъ многочисленны тамъ ложа смерти, тѣснящія одно другое. Зритель не вѣритъ глазамъ. Вѣроятно въ мірѣ нѣтъ другого мѣста, которое въ этомъ отношеніи можно бы было сравнить съ Варка. Въ теченіи многихъ вѣковъ Варка была ассиро-вавилонскимъ campo santo“. Самый обрядъ погребенія совершался въ Халдеѣ довольно скоро. Покойника убирали профессіональные плакальщики, подкрашивали его, подрисовывали глаза, одѣвали по праздничному, возлагали украшенія. Въ тоже время посредствомъ жертвъ (воды, ладана, пироговъ) на маленькомъ алтарѣ около покойника отгоняли злыхъ духовъ и молили о благоволеніи добрыхъ. Гробы дѣлались тѣсные и узкіе. Это были или большіе глиняные горшки, въ которыхъ трупъ помѣщался въ положеніи присѣвшаго на корточкахъ, или два соединенные глиняные цилиндра, или построенный изъ кирпича гробъ имѣлъ фигуру дома. Часто трупы сжигали. Иногда сжиганіе сводилось только къ обугливанію, а иногда отъ покойника оставалась кучка пепла. Такіе гробы находятъ въ Вавилоніи, но вообще число гробовъ встрѣчающихся здѣсь чрезвычайно мало, что и думаютъ объяснить тѣмъ, что покойниковъ сплавляли по рѣкѣ на югъ (эту гипотезу развилъ Лофтусъ; ее принимаютъ Ленорманъ, Мейеръ и для позднѣйшихъ эпохъ Гоммель). Царей въ Вавилонѣ хоронили въ старыхъ дворцахъ, которые уже не слу-

жили жилищемъ для живыхъ. Съ покойниками клали различные предметы: одежду, пищу, драгоцѣнности, копья, сосуды. То, что оставалось неумершаго въ умершемъ, его душа—называлась екимму. Покойники могли охранять своихъ живыхъ потомковъ отъ злыхъ вліяній, но если покойники подвергались забвенію со стороны своихъ родственниковъ, то они являлись страшными мстителями. Души, принадлежащія непогребеннымъ тѣламъ, блуждаютъ по землѣ, по городамъ и по деревнямъ, проникаютъ ночью въ дома, внушаютъ ужасные сны, всячески вредятъ живымъ. Только магія можетъ защитить человѣка отъ этихъ озлобленныхъ душъ.

Но хотя жилищемъ умершихъ называется гробъ, хотя они представляются блуждающими по землѣ, но у нихъ есть особая область, особое царство тѣней—мѣсто ихъ истиннаго пребыванія—Аралу, страна, куда не проникаетъ свѣтъ и откуда никто не возвращается. Опредѣленія эти не вполнѣ точны. Предлагаемыя въ клинообразныхъ текстахъ описанія Аралу возможны лишь подъ условіемъ, что туда проникаетъ свѣтъ, а нѣкоторыя повѣствованія показываютъ, что оттуда возможно и возвращеніе. Въ Аралу въ концѣ концовъ отправлялись или были отправляемы души умершихъ. Свободное странствованіе на землѣ было ихъ удѣломъ только въ первое время послѣ смерти. Область Аралу предполагали находящейся на крайнемъ сѣверѣ, крайнемъ востокѣ, или подъ земною корою. Ее представляли себѣ подъ видомъ громадной крѣпости, окруженной—когда ее предполагали подъ землею—водами океана, которыя скрываютъ основанія земли. Какъ адъ Данта, подземная крѣпость ассирохалдеевъ окружена семью стѣнами по образцу семи планетныхъ сферъ. Владыками Аралу или ада являются Нергаль и Алату. Алату владычествовала надъ адомъ всегда, но Нергаль, по повѣствованію тель эль—амарнскихъ таблицъ, сдѣлался владыкою ада слѣдующимъ образомъ. Боги выбрали Нергаля своимъ предводителемъ. Сопровождаемый четырнадцатью товарищами имена которыхъ: лихорадка, огненное сердце, посылатель молній, Нергаль прибываетъ къ воротамъ подземнаго міра и требуетъ, чтобы онъ былъ впущенъ. Наштаръ-демонъ чумы возвѣщаетъ Алату о прибытіи Нергаля. Алату принимаетъ Нергаля. При описаніи его вступленія въ адъ говорится о четырнадцати (дважды семь)

воротахъ ада. Алату говоритъ Нергалю: „ты долженъ быть моимъ супругомъ и я твоею женою, таблицы мудрости я положу въ твои руки, ты будешь господиномъ, а я—госпожей". Бракъ заключается. Впослѣдствіи въ подземномъ мірѣ оказываются еще новыя божества: Таммузъ, Енмешара (божество растительности), Нингицида (солнечное божество) Гирра, Белили (сестра Таммуза), Иркалла (Іереміасъ считаетъ ее другимъ именемъ Алату). Въ историческомъ процессѣ развитія представленій о высшемъ мірѣ боговъ немногіе образы оттѣснили на задній планъ прочихъ. Какъ Мардукъ въ Вавилонѣ, Асуръ въ Ассиріи, такъ Нергаль и Алату неизмѣримо возвысились надъ прочими божествами, которыя стали являться около нихъ, какъ исполнители ихъ велѣній и начертаній. Ассиро-вавилонскій эпосъ владѣетъ миѳомъ о нисхожденіи Истаръ въ адъ для освобожденія „возлюбленнаго своей юности", Таммуза. Воспоминанію этого миѳа былъ посвященъ праздникъ Таммуза. Истаръ прибываетъ къ воротамъ ада и требуетъ отъ привратника, чтобы онъ отперъ ей. Тотъ сначала отказывается, но страшныя угрозы Истаръ произвести великія бѣдствія въ мірѣ заставляютъ его открыть ей входъ. Истаръ входитъ въ адъ согласно обычаямъ древнихъ. Нагимъ человѣкъ является въ міръ и нагимъ долженъ выйдти изъ него. Передъ каждою дверью Истаръ постепенно снимаетъ съ себя корону, украшенія, платье и, пройдя седьмую дверь, совершенно обнаженная является предъ Алату. Богиня ада приходитъ въ страшное смущеніе. Истаръ хотѣла отнять у Алату Таммуза, но вмѣсто этого ей самой пришлось испытать адскія мученія. Но пока Истаръ мучится въ аду, земля тоже облачается трауромъ смерти; съ богиней любви съ земли исчезла любовь, бракъ: быкъ не обращается къ коровѣ, оселъ къ ослицѣ, хозяинъ къ рабынѣ. И родъ животныхъ и родъ человѣческій долженъ бы былъ прекратиться. Великіе боги потребовали возвращенія Истаръ, но Истаръ соглашалась возвратиться лишь подъ условіемъ воскресенія Таммуза. Боги соединились у Алату, оросили Таммуза живою водою, заставили пить, и онъ ожилъ. Въ пѣсняхъ на праздникѣ Таммуза пѣлись увѣщанія ко всѣмъ тѣмъ, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ, чтобы они твердо хранили память Таммуза, исполняли обряды, положенные въ честь его, праздновали уста-

новленныя ему празднества. Въ день Таммуза совершались жертвоприношенія за умершихъ, пѣлись и игрались скорбныя пѣсни объ умершихъ. Значитъ, предполагалось, что эти священнодѣйствія могутъ облегчить участь усопшихъ.

Въ другихъ религіозныхъ текстахъ находятся указанія, что праведные не вѣчно ведутъ жизнь скорбей и лишеній въ Аралѣ. Мы встрѣчаемъ рѣчи о блаженныхъ, пьющихъ священное питье на своихъ ложахъ (по всей вѣроятности, это—вода жизни или живая вода, о которой говорятъ другіе тексты и книги мандаитовъ); они обитаютъ въ жилищѣ счастія и жизни. Блаженную жизнь вели на горѣ серебра и, судя по поэмѣ о Самасъ Напистимѣ, словамъ Еабани къ Гильгаму и другимъ даннымъ, эта жизнь была по своему характеру совершенно подобна земной. Загробное счастье имѣло совершенно видъ земнаго благополучія. Вотъ, какъ изображается судьба праведника въ двухъ отрывкахъ религіознаго гимна. „Омой свои руки, очисть свои руки. Боги, твои старшіе, омоютъ твои руки, очистятъ тебѣ руки, вкушай чистую воду изъ чистыхъ бассейновъ, пей чистую воду изъ чистыхъ сосудовъ, приготовляйся насладиться миромъ праведника... Анатъ, великая супруга Ану, Еа держалъ тебя въ своихъ священныхъ рукахъ. Еа перенесъ тебя въ мѣсто святости, перенесъ тебя своими священными руками Онъ, перенесъ тебя туда, гдѣ медъ и жиръ. Онъ лилъ въ твой ротъ магическую воду, и сила воды открыла твои уста“.

Эти эсхатологическія представленія заключаютъ въ себѣ не мало противорѣчивыхъ и невыясненныхъ элементовъ. Немало противорѣчій, какъ было показано выше, заключается и въ космологическихъ и богословскихъ представленіяхъ халдеевъ и ассиріянъ. Эти противорѣчія зависятъ не отъ того, что въ предлагаемомъ очеркѣ излагаются совмѣстно вѣрованія ряда эпохъ, и дается общая характеристика мѣстныхъ культовъ. Противорѣчивые элементы часто можно найдти въ одномъ и томъ же гимнѣ и тѣмъ болѣе въ различныхъ религіозныхъ надписяхъ, принадлежащихъ одному лицу и пріуроченыхъ къ одному мѣсту. Воображеніе, развивающее краткіе религіозные тезисы и повѣствованія въ сложныя и фантастическія картины, никогда не останавливается предъ тѣмъ, что образы, созданные имъ вчера, не совмѣстимы съ тѣми, которые оно рисуетъ сегодня. Вотъ,

почему представляется несомнѣннымъ, что и новыя открытія и новые тексты, которые будутъ находить и прочитывать, не примирятъ найденныхъ противорѣчій, но несомнѣнно они устранятъ многія неясности и дадутъ возможность воссоздать и вѣковѣчно устойчивые и зыбучіе и постоянно мѣнявшіеся элементы ассиро-вавилонской религіи, они дадутъ болѣе или менѣе полную картину той религіозной дѣйствительности, современное возстановленіе которой производится лишь на основаніи немногихъ клочковъ найденныхъ и разобранныхъ учеными доселѣ. Насколько далеко пойдетъ дѣло возстановленія, насколько удастся наукѣ въ будущемъ узнать прошедшее, объ этомъ и безполезно и невозможно гадать теперь. Но вотъ, что представляется несомнѣннымъ. Сквозь всю сѣть противорѣчій и пестроту образовъ, которые представляетъ религія ассиріянъ и вавилонянъ, уже при свѣтѣ современнаго историческаго и психологическаго знанія выступаютъ нѣкоторые твердые и незыблемые устои и основы. Изъ подъ всѣхъ миѳологическихъ образовъ и фантастическихъ наслоеній выдвигаются нѣкоторые принципы, примѣненіе къ жизни которыхъ было противорѣчиво, но которые въ своей сущности были непоколебимы. Это тѣ принципы и тѣ устои, которые лежали въ основѣ вѣрованій и представленій и другихъ народовъ древняго востока, проходившихъ свое историческое поприще одновременно съ народами Месопотаміи. Вотъ почему представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ говорить объ этихъ религіозныхъ началахъ послѣ обозрѣнія всѣхъ тѣхъ совмѣстно существовавшихъ религій, въ основѣ которыхъ онѣ лежали.

2. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГІЯ [1].

1.

Узкая полоса земли по обоимъ берегамъ Нила между 31°—24° сѣвер. широты была ареной, на которой въ теченіе тысячелѣтій протекала исторія Египта (Египтяне называли свою землю *кеми* коптское ХНМІ, можетъ быть еврейское хамъ)? Несовсѣмъ ясно геологическое происхожденіе этой

---

[1]) *Литература.* Выдающимися египтологами въ Россіи въ настоящее время являются Голенищевъ (объ экземплярахъ книги мертвыхъ, Гора, сына Неспагорапа и Таганы С.-П.-Б. 1880 и мн. др. на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ) и Тураевъ (монографія — Богъ Тотъ, рядъ статей въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона и др.). Е. Ѳ.— Къ вопросу о египетской религіи и миѳологіи. Рус. Обоз. 1891 г. 1, 2. Переводныя сочиненія. Бругша—исторія Египта при фараонахъ Спб. 1880. Египетскій могильный міръ. Рус. Вѣст. 1870 г. Каррьера — Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. 1870. Масперо—Древняя исторія народовъ. 1894. Тиле—Египетская религія (перев. Тимирязева въ книгѣ „Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней 1900). Спеціальные журналы по Египтологіи: Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Berlin. Recueil des travaux relatifs à la philologie et à l'archèologie égyptiennes et assyriennes. Revue égyptologique. Paris. Proceedings of the Society of biblical Archaeology. London. Къ нимъ нужно присоединить Revue de l' Histoire des Religions, гдѣ помѣщаетъ множество своихъ работъ Масперо отчасти Амелино, Лефебюръ и др. *P. Le Page-Renouf* — Lectures on the origin and growth of religion. 1880, The Egyptian Book of the Dead. 1894 и др. *S. Birch*—Records of the Past. *Erman*—Aegypten und ägyptische Leben... 1885—18890. Brugsch-Die Aegyptologie. 1891. *Wiedemann* — Religion d. alt Aegypt. 1890. *Ed. Meyer* — Geschich. d. alt. Aegypt. 1887. *Lepsius*—Das Todtenbuch... 1842. *Ebers*—Aegypten in Bildund Wort. 1880. *Amélineau* — Histoire de la sépulture.... dans l'anc. Egypt. 1896. *Pierret*—Essai sur la mythologie égyptienne. 1879. *Mari-*

страны, которая обязана находящейся на ней жизни Нилу и, благодаря его отложеніямъ, постоянно растетъ по направленію къ сѣверу, и совсѣмъ темно происхожденіе народа, который создалъ здѣсь своеобразную Нильскую культуру и воззрѣнія и вѣрованія котораго представляютъ собою много загадочнаго и для современнаго человѣчества. Можетъ быть населеніе Египта образовалось изъ нѣсколькихъ этнографическихъ наслоеній, но во всякомъ случаѣ большинствомъ ученыхъ (Тиле, Гоммель, Ленорманъ) теперь признается, что то культурное зерно, которое создало въ Египтѣ религіозную систему, законы, искусства, зачатки науки, это зерно вышло изъ Азіи. Можетъ быть въ Египетъ приходили и въ немъ селились эмигранты изъ различныхъ странъ, можетъ быть они приносили съ собою свои вѣрованія, обычаи, даже знанія, но они становились здѣсь въ іерархическомъ ряду духовнымъ низомъ. Вожди, руководившіе здѣсь народомъ, были съ востока. Начало египетской исторіи теряется въ непроницаемомъ мракѣ. Первымъ царемъ, за которымъ признаютъ историческій характеръ, является Менесъ, родомъ изъ Тинита, который велъ борьбу съ тинитскими жрецами и основалъ Мемфисъ. Мемфисъ былъ посвященъ двойнику бога Пта, по египетски Hakaptah, отсюда греки образовали слово Египетъ. По обычной хронологіи первая династія, которую начинаетъ Менесъ, царствовала около 263 лѣтъ, вторая около 302, третья—214 лѣтъ. Изъ царей этой династіи замѣчателенъ Снофру, сначала нечестивый, хотя и выдающійся монархъ, затѣмъ кончающій жизнь покаяніемъ и ставшій непосредственно послѣ смерти предметомъ религіоз-

---

ette—Les Mastaba.... 1881. *Pietschmann*—Der ägyptische Fetischdienst.. 1878. *Lieblein*—Gammelaegyptisk Religion. 1883 — 1885. *Lefébure* — L'étude de la religion egyptienne... 1866. *Flinders Petry* — A History of Egypt... 1894. *Navill*—Das ägyptische Todtenbuch. 1886. *Chobas*—Le papyrus magique Har. 1861. *Rind*—Thebes, its tombs... 1862. Кромѣ указанныхъ сочиненій у названныхъ авторовъ имѣются еще и иныя работы и въ отдѣльныхъ книгахъ и въ періодическихъ изданіяхъ трактующія о египетской религіи. Къ этимъ именамъ должны быть еще присоединены де Руже, фонъ Штраусъ, Торней, Будге, Леммъ, Скіапарелли, Эйзенлеръ, Бергманнъ, д'Орракъ, Ланцоне, Ланге и мн. др. Пособія и авторы указанные для изученія ассиро-вавилонской религіи въ большей части нужны и для изученія религіи египетской. Указанія классическихъ источниковъ и первоисточниковъ по религіи Египта см. въ 7 главѣ.

наго почитанія. Отъ четвертой династіи до насъ сохранились пирамиды Хеопса (куву), Хефрена (кавра) и Микерина (Менкера) Десять первыхъ династій имѣли резиденціи въ Мемфисѣ, столицею одиннадцатой становятся Ѳивы. Первоначально Египетъ состоялъ изъ многихъ мелкихъ и совершенно самостоятельныхъ государствъ, которыя постепенно соединялись и сливались все въ большія и большія политическія единицы, но долго, видно, онъ рѣзко дѣлился въ политическомъ отношеніи на верхній (южный) и нижній (сѣверный). Повидимому при двѣнадцатой династіи произошло объединеніе всего Египта, но отзвукъ стараго порядка сохранился въ самомъ титулѣ царя-фараонъ верхняго и нижняго Египта. Полагаютъ, что въ эпоху двѣнадцатой династіи былъ въ Египтѣ Авраамъ. Въ этотъ ѳиванскій періодъ на Египетъ совершили нашествіе гиксы. Египетъ подчинился чужеземному владычеству. Египетъ подпалъ не только политическому рабству, но отчасти подвергся и религіозному гоненію. Такой печальный порядокъ вещей продолжался до восемнадцатой династіи, когда гиксы были выгнаны, и начался блестящій періодъ исторіи Египта, онъ не только сталъ самостоятельнымъ, но и началъ подчинять своей власти народы Азіи. Египетскія войска узнали дорогу на югъ и на востокъ, а вассальныя владѣнія Египта заходили далеко отъ Нила. Религіозная жизнь Египта въ этотъ періодъ, кажется, била горячимъ ключемъ. Здѣсь происходила и борьба вѣрованій и культовъ и борьба жрецовъ съ свѣтскою властью. При Аменхотепѣ IV произошла какая то загадочная религіозная революція. Этотъ царь воздвигъ гоненіе на традиціонныхъ боговъ Египта, приказалъ вездѣ на памятникахъ стирать имя Амона и провозгласилъ исключительно культъ солнца (Атенъ), которое онъ почиталъ подъ формою свѣтящагося диска. Его дѣло погибло съ его смертью. Старые боги были возстановлены въ своихъ правахъ, а благодаря завоеваніямъ, къ нимъ начали присоединяться и боги изъ завоеванныхъ странъ. Въ этотъ періодъ (повидимому при девятнадцатой династіи) вышли изъ Египта евреи. Пока египетскіе монархи—въ родѣ Рамзеса II—проводили жизнь въ походахъ и завоеваніяхъ, жрецы Аммона въ Ѳивахъ мало по малу пріобрѣтали все большій и большій авторитетъ и кончили тѣмъ, что низложили двадцатую династію. Верхов-

ный жрецъ Хри-Хоръ вѣнчалъ себя двойною короною и Египетъ сталъ чисто теократическимъ государствомъ. Однако здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло служенія богамъ и управленія людьми оказалось несоединимымъ. Чрезъ столѣтіе жрецы—цари были выгнаны изъ Ѳивъ и принуждены бѣжать въ Эѳіопію. Послѣ этого династіи разныхъ національностей были въ Египтѣ—ливійскія, эѳіопскія. Въ религіозномъ отношеніи всѣ онѣ характеризуются заботами о сохраненіи національной религіи. Религія исповѣдуется, но повидимому уже не развивается. Въ религіозномъ отношеніи Египетъ живетъ теперь рутиннымъ образомъ, и такъ дѣло идетъ до времени Камбиза, когда въ Египетъ вступаютъ персы, и онъ теряетъ самостоятельность уже навсегда. Владычество персовъ затѣмъ смѣняется владычествомъ грековъ и наконецъ римлянъ. Къ египетской религіи примѣшивается много чужеземныхъ элементовъ, и ея старыя доктрины подъ вліяніемъ греческой философіи принимаютъ новое освѣщеніе. Религія претерпѣваетъ существенныя измѣненія. Въ эту пору является христіанство. Но этотъ процессъ религіознаго измѣненія Египта, процессъ преобразованія религіозной почвы страны стоитъ въ связи съ появленіемъ на исторической сценѣ арійцевъ и поэтому будетъ предметомъ нашего обсужденія въ связи съ изслѣдованіемъ арійскихъ религій, а не въ отдѣлѣ трактующемъ о религіяхъ древняго востока.

2.

Съ самыхъ древнихъ временъ шесть различныхъ типовъ высшихъ существъ были предметомъ религіознаго почитанія въ Египтѣ: боги, духи, люди умершіе и живые, животныя, растенія и неодушевленныя вещи. Раздробленный въ политическомъ отношеніи Египетъ не былъ однимъ цѣлымъ и въ отношеніи религіозномъ. Различные округи знали различныхъ боговъ и не только въ различныхъ мѣстахъ на первомъ планѣ стояли различные мѣстные боги, но едва-ли можно сомнѣваться, что въ древнѣйшее время боги, чтившіеся въ однихъ мѣстахъ, иногда были совсѣмъ неизвѣстны въ другихъ. Это—одна изъ причинъ существованія противорѣчивыхъ элементовъ въ религіи Египта. Другая причина того-же—способность людей на низшихъ ступеняхъ куль-

туры спокойно принимать противорѣчивыя толкованія явленій и противорѣчивые религіозные взгляды. Рефлектирующее мышленіе обыкновенно стремится сгладить противорѣчія и внести порядокъ въ то, что является хаосомъ. Такъ стремились представить египетскую религію и египетскіе богословы, но это-уже позднѣйшій моментъ. Взглянемъ сначала на египетскую религію, какъ она является въ древнѣйшую пору, какъ продуктъ безсознательнаго творчества религіозно настроенныхъ мысли и воображенія.

Въ ряду боговъ древняго Египта особенно выдвигается впередъ Ра (значитъ: солнце). Мѣстомъ его особеннаго почитанія былъ Геліополисъ (Библейскій Онъ см. Исходъ 1, 11). Это греческое названіе есть переводъ египетскаго пи-ра=городъ солнца. Божество Ра открывается человѣчеству въ солнцѣ. Ежедневно солнце переходитъ послѣдовательно изъ жилища мрака или смерти въ жилище свѣта и жизни. Благодѣтельная теплота солнца производитъ бытіе и жизнь. Солнце по отношенію къ міру является производителемъ, отцомъ, оно рождаетъ жизнь, но оно само не рождается. Существуя само собою, оно есть свой собственный производитель. Солнце отражаетъ въ себѣ человѣческую жизнь тѣмъ, что оно рождается и умираетъ, чтобы снова родиться. Солнце есть Божество и при томъ высшее Божество, такъ какъ оно есть самое блестящее, самое великое изъ свѣтилъ. Благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ своимъ оно оживляетъ міръ, Оно есть самое блестящее твореніе всемогущаго, живое тѣло, въ которомъ открывается высшій Богъ, или его правый глазъ вѣчно открытый на небѣ, или оно есть самъ Богъ покрытый полнотою своихъ аттрибутовъ. Движеніе солнца по небу, это—плаваніе по вѣчно опредѣленному фарватеру. Оно совершается въ лодкѣ. Лишь только Ра появляется на восточномъ горизонтѣ неба, его живые лучи немедленно проникаютъ, оживляютъ и укрѣпляютъ все живое. Въ глубинѣ своей священной лодки, доброй лодки существующей милліоны лѣтъ, закутанный въ складки змѣя Мегенъ, представляющаго эмблему его движенія, Ра медленно скользитъ по вѣчному потоку небесныхъ водъ, сопровождаемый цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ боговъ, являющихся на изображеніяхъ въ весьма странныхъ формахъ. Среди молитвъ и благоговѣйныхъ обращеній къ нему совершаетъ солнце свой путь.

Въ началѣ дней Ра, распростершись надъ хаосомъ, уничтожилъ его безъ усилія, онъ сказалъ солнечному свѣтилу: иди ко мнѣ, и солнце, придя къ нему, стало свѣтить. По его приказанію блестящій богъ Шу насадилъ растенія на землѣ и раздѣлилъ воды на два рода массъ: одна, распространившись на землѣ, произвела рѣки и моря, другая, находящаяся въ воздухѣ, образовала небесный сводъ — воды высотъ, по которымъ плаваютъ звѣзды и боги. Но устанавливая законы міровой гармоніи, устроитель вселенной возбудилъ противъ себя злыя силы природы. Глава темныхъ силъ змѣй Апапъ пытался уничтожить божественное дѣло, завязалась борьба между свѣтлыми и плодоносными богами и между сынами отверженія, врагами свѣта и жизни. Преимущество въ этой борьбѣ оказалось на сторонѣ боговъ свѣта, но будучи побѣждены, сыны мрака доселѣ не уничтожены, они постоянно угрожаютъ міровому порядку. Чтобы уничтожать ихъ разрушительное дѣйствіе, богъ долженъ, такъ сказать, ежедневно творить міръ снова. Ра изображался въ различныхъ видахъ. Самое общее его изображеніе, это въ видѣ человѣка съ головою ястреба. Онъ изображался или стоящимъ на своей священной лодкѣ, или возсѣдающимъ на тронѣ. Это второе положеніе должно было напоминать, что по созданіи міра и людей, Ра былъ первымъ царемъ Египта. Относительно этого золотого времени у египтянъ существовала поговорка: этого не было со дней Ра. Каждыя сутки жизнь солнца слагается изъ двухъ фазъ: его пребыванія надъ горизонтомъ и подъ горизонтомъ. Есть солнце дневное и есть солнце ночное. Въ порядкѣ хронологическомъ, какъ небытіе предшествуетъ бытію, такъ мракъ предшествуетъ свѣту, и поэтому солнце ночное существуетъ раньше дневнаго и по отношенію къ послѣднему является его производителемъ. Солнце ночное или солнце до восхода называлось Тумъ или Атумъ, оно разсматривалось, какъ источникъ бытія и высочайшее божество. На рисункахъ Атумъ изображается человѣкомъ (онъ нарисованъ голубой краской) въ золотой діадемѣ съ золотымъ ожерельемъ, въ зеленой туникѣ и бронзовой кирасѣ. На другихъ рисункахъ онъ представляется выходящимъ изъ цвѣтка лотоса, это— указаніе на восходящее солнце. Въ различныхъ округахъ солнце имѣло различныя названія. Въ Эдфу его называли

Хутъ и это имя обыкновенно усвояли крылатому солнечному диску, изображеніе котораго обыкновенно помѣщалось надъ храмовыми дверями. На погребальныхъ сценахъ солнце обыкновенно отождествлялось съ Нумъ (божество съ головою барана). Изображенія въ видѣ грифа (баснословное животное, приближающееся по своему виду къ орлу—ягнятнику) указывали на солнце, когда оно имѣетъ наибольшую силу. Дитя въ цвѣткѣ лотоса, это—солнце лишь появляющееся на горизонтѣ. Земными воплощеніями Ра являлись быкъ Мневисъ и птица Фениксъ. Быкъ жилъ въ Геліополисѣ, но о фениксѣ говорила египетская легенда, что эта птица жила гдѣ-то далеко въ Аравіи и только черезъ 500 лѣтъ прилетала въ Геліополисъ, чтобы здѣсь похоронить трупъ своего отца. Важнѣйшій храмъ Ра (дворецъ владыки) находился въ центрѣ Геліополиса. Храмы воздвигнутые въ его честь представляли собою своеобразныя четырехугольныя постройки съ наклоненными стѣнами. На верху постройки воздвигался обелискъ. Вотъ — одинъ изъ гимновъ обращенныхъ къ Ра. „Хвала тебѣ, о солнце, создатель всѣхъ людей. Ты одинъ пребываешь въ истинѣ и производишь все существующее—людей и животныхъ. Черезъ твой глазъ (видимый дискъ солнца) открывается владыка неба и земныхъ міровъ, господь надъ всѣмъ, отецъ всѣхъ боговъ, царь высотъ, предводитель небесныхъ воинствъ и вождь всѣхъ боговъ. Когда ты плывешь въ своей лодкѣ, радость несется повсюду“.

На томъ высокомъ тронѣ, который въ Геліополисѣ назначался для Ра, въ Мемфисѣ возсѣдалъ богъ Пта (Ptah—по египетски, какъ и по еврейски, открывать). Это не астральный богъ, какъ Ра, и едвали земной, какъ думаетъ о немъ Масперо. Греки смѣшивали его съ Гефестомъ, но общаго съ Гефестомъ у него лишь то, что онъ, какъ и греческій богъ—кузнецъ, даетъ форму вещамъ. Поэтому онъ еще называется Gotonen (дающій форму). Изображался онъ обыкновенно въ видѣ человѣка съ бритой головою и закутанный, какъ мумія. Черты лица на его статуяхъ отдѣлывались всегда чрезвычайно тщательно, онъ носилъ имя: богъ съ прекраснымъ лицомъ. Онъ назывался также господинъ справедливости, царь міровъ. Въ Мемфисѣ почитали еще погребальнаго бога Сокара, но Пта скоро поглотилъ его въ себя, стало одно божество Пта-Сокаръ. Постоянное живое воплощеніе

Пта мемфисцы видѣли въ быкѣ Аписѣ (слово апись значитъ вторая жизнь Пта). Апись жилъ въ пристройкѣ примыкающей къ главному храму Пта и получалъ божескія почести. О немъ существовали легенды, что телка зачинала его отъ луча свѣта и что послѣ она уже не могла имѣть дѣтей. Апись былъ чернаго цвѣта съ бѣлымъ трехугольнымъ пятномъ на лбу, на спинѣ у него должно быть изображеніе орла или коршуна съ раскрытыми крыльями, на языкѣ изображеніе жука, хвостъ долженъ имѣть двойные волосы. Острое зрѣніе жрецовъ усматривало существованіе этихъ признаковъ тамъ, гдѣ простой смертный не видѣлъ ничего похожаго ни на жука, ни на коршуна. Пта имѣлъ супругу богиню Сехетъ. Она изображалась съ львиной головой и считалась богиней неба. У нихъ были дѣти — Имготепъ, богъ врачеванія (греки называли его Эскулапомъ) и Нофертумъ.

Съ именами Ра и Пта связывается только вопросъ о религіозномъ почитаніи, но съ именемъ ѳивскаго Амона соединяются и политическія движенія. Ѳивы были маленькимъ городомъ въ древности, и въ сущности не извѣстно—культъ ли Амона содѣйствовалъ ихъ возвышенію или, наоборотъ, городъ, возвысившись политически, возвысилъ и почитаніе своего бога. Несовсѣмъ ясно значеніе слова Амонъ. Производя его изъ египетскаго корня, полагаютъ, что оно значитъ: скрытый, непроницаемый, тайна, но другіе думаютъ, что оно—семитическаго происхожденія (Іерем. XLVI, 25) и значитъ: вѣрный, постоянный, вѣчный (у финикійцевъ это имя находится, какъ прозвище Ваала). Во всякомъ случаѣ уже въ глубокой древности въ представленіе этого божества былъ внесенъ пантеистическій характеръ. Амонъ представлялся какъ нѣчто нераскрытое, неопредѣленное и что однако создаетъ опредѣленность міра. Онъ изображался въ видѣ человѣка, но нерѣдко на мѣсто человѣческой головы ему приставляли голову копчика; быка, барана. Въ Луврѣ есть интересная его бронзовая фигура. Онъ представленъ топчущимъ девять луковъ—символъ варварскихъ націй. Онъ называется отцомъ боговъ, владыкою троновъ земли, владыкою боговъ, властелиномъ вѣчности, великимъ богомъ живущимъ во истину. Будучи владыкою земныхъ царствъ, онъ отдаетъ ихъ въ даръ царямъ Египта. Часто на мону-

ментахъ Амонъ представляется подъ формою итифаллической. Тогда онъ носитъ спеціальное имя „супругъ своей матери“. Его супруга Мутъ (имя значитъ Мать). Она обыкновенно изображалась въ двойной діадемѣ, какъ владычица двухъ областей Египта. Иногда у ней на челѣ помѣщается коршунъ—символъ материнства—крылья котораго образуютъ ея куафюру. Она обыкновенно одѣта въ длинное платье и держитъ въ рукахъ символъ жизни. Мутъ называлась небесною женою, владычицею всѣхъ боговъ, госпожою ночи. Амонъ и Мутъ имѣли сына Конса. Консъ является на изображеніяхъ и статуяхъ въ двухъ видахъ: съ человѣческой головой съ символомъ луны на головѣ — онъ носитъ имя добраго покровителя, съ головою ястреба онъ обыкновенно именуется—Консъ, совѣтникъ Ѳиваиды, великій богъ преслѣдующій измѣнниковъ. У египтянъ было стремленіе сливать различныя божества въ образъ одного бога. Мы видѣли примѣръ этого на Пта-Сокари. Амонъ въ Египтѣ очень рано сливается съ Ра. Является Амонъ—Ра, имѣющій всѣ аттрибуты высшаго божества.

Прежде, когда начинали говорить о религіи Египта, говорившимъ и слушавшимъ прежде всего предносились образы Озириса и Изиды. Исторія этой несчастной божественной четы подробно въ особомъ изслѣдованіи разсказанная Плутархомъ (46—120 по Р. Х. De Iside et Osiride) заучивается дѣтьми при первомъ знакомствѣ съ всеобщей исторіей. Значеніе именъ божествъ неизвѣстно. Полагаютъ, что Озирисъ представлялъ собою первоначально Нилъ, а Изида—оплодотворяемую Ниломъ почву. Но можно сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда. Озирисъ былъ сначала мѣстнымъ богомъ въ Абидосѣ, повидимому культъ его существовалъ съ глубой древности и въ другихъ мѣстахъ, но въ Абидосѣ онъ былъ особенно почитаемъ. Изида была первоначально покровительницей мѣстечка Буто въ Дельтѣ, но затѣмъ религіозная мысль египтянъ соединила образы этихъ бога и богини и сплела съ ихъ именами сложную и трагическую исторію. Отъ земли (Кебъ или Себъ) и неба (Нутъ)—божественной четы, насильственное раздѣленіе которой произведенное Шу образовало міръ, родились Озирисъ, Сетъ, Изида, Нефтисъ. Озирисъ женился на Изидѣ, Сетъ на Нефтисѣ. Озирисъ пошелъ по пути добра, Сетъ—

по пути зла. Озирисъ совмѣстно съ Изидой управлялъ Египтомъ. Однажды онъ отправился въ путешествіе. Сетъ замыслилъ погубить его, составилъ съ этой цѣлью заговоръ и приготовилъ особый ящикъ. Когда Озирисъ возвратился изъ путешествія, Сетъ пригласилъ его къ себѣ на пиръ. На пиру Сетъ показываетъ приготовленный имъ ящикъ и клянется, что отдастъ его тому, чье тѣло придется по мѣркѣ ящика. Тѣло пришлось по мѣркѣ Озириса, но лишь только Озирисъ вошелъ въ ящикъ, Сетъ захлопнулъ его, заперъ и бросилъ въ Нилъ. Нилъ черезъ танисское русло выбросилъ ящикъ въ море, и онъ прибился къ финикійскому Библосу. Тамъ выросшая эрика покрыла его своимъ стволомъ, а царь Библоса, срубивъ ее, сдѣлалъ колонной въ своемъ дворцѣ. Изида долго оплакивавшая и искавшая тѣло Озириса, наконецъ узнала его судьбу. Тогда она явилась въ Библосъ, поступила къ царю въ воспитательницы его сына и затѣмъ въ награду получила драгоцѣнную для нея колонну съ тѣломъ Озириса. Высвободивъ изъ колонны драгоцѣнный ящикъ. Изида имѣла неосторожность поставить его около городской стѣны. Здѣсь нашелъ его Сетъ, онъ разсѣкъ тѣло Озириса на 14 частей и разбросалъ ихъ по Нилу. Изида разыскиваетъ и находитъ почти всѣ части Озирисова тѣла (кромѣ fallus'a, который брошенный Сетомъ въ Нилъ былъ съѣденъ рыбами). На мѣстѣ каждой части она строитъ гробницу, поэтому большинство египетскихъ номовъ гордится тѣмъ, что въ нихъ находится гробъ Озириса. Озирисъ, нисшедшій въ Аменти (египетскій загробный міръ) становится владыкою и судіею мертвыхъ. Онъ является своему сыну Гору и завѣщаетъ ему наказать Сета. Начинается борьба. Горъ побѣждаетъ Сета и отдаетъ его Изидѣ, но къ досадѣ Гора богиня отпускаетъ плѣнника на свободу. Какъ божество благодѣтельное по преимуществу, Озирисъ назывался уннофріу, онофрисъ. Замѣчательны изображенія Озириса, которыя повидимому являются древнѣйшими. Это—идолы или фетиши Диду (Диду—мѣстность въ дельтѣ, гдѣ почитался Озирисъ). Это—своеобразная колонна. Представимъ себѣ столъ утверждающійся на колоннѣ, поставимъ на него другой столъ, на другой третій. Четыре такихъ стола поставленные одинъ на другой и представятъ собою идолъ Диду. Пытались здѣсь видѣть указанія на четыре алтаря и четыре стороны свѣта,

но вообще доселѣ не дано удовлетворительнаго объясненія этого символическаго изображенія, ни значенія слова Диду. Впослѣдствіи изъ колонны представляющей собою основаніе четырехъ короткихъ столовъ начали выдѣлывать грубое изображеніе Озириса. Такъ, кажется, сначала почитали символъ Озириса, а потомъ символъ смѣнился его изображеніемъ. Затѣмъ Озирисъ представлялся въ видѣ царя сидящаго на тронѣ съ аттрибутами царской власти, изображался въ видѣ муміи, изображался съ головою барана. Египетская тенденція сливать божества соединили его съ Пта-Сокаръ, и получился Пта-Сокаръ-Озирисъ. Какъ таковой, Озирисъ изображался съ головою ястреба, на которой находился солнечный дискъ. Супруга Озириса Изида изображалась или въ видѣ коровы или въ видѣ жены (сидящей на тронѣ), надъ діадемой которой поднимались рога коровы. Древнѣйшая миѳологія представляетъ Изиду самостоятельной богиней. Безъ любовника и мужа она зачинаетъ Гора и только потомъ, когда счастливыя обстоятельства соединяютъ ее съ Озирисомъ, Горъ усыновляется послѣднимъ. Миѳы разсказываютъ, что божественныя свойства и власть Изида пріобрѣла нѣкоторою хитростію. Она создала змѣю, которая уязвила Ра, и не соглашалась исцѣлить его и удалить изъ него ядъ, доколѣ онъ не откроетъ ей тайны своего имени и не отдастъ Гору своихъ глазъ (глаза Ра: солнце и луна). Почитаніе Изиды было связано съ звѣзднымъ культомъ, и ея душа представлялась пребывающею на Сиріусѣ.

Съ именемъ Гора, сына Изиды, связывается представленіе о богѣ дѣйствующемъ энергично и благодѣтельно для боговъ и для человѣчества. Но образъ его двойственъ: съ одной стороны Горъ является тожественнымъ съ Ра, богомъ солнца, съ другой онъ—скромный сынъ Изиды, которому Себъ, отецъ Озириса, передаетъ въ наслѣдство права и власть отца и который хотя и побѣждаетъ злого Сета, однако принужденъ дѣлить съ нимъ власть надъ Египтомъ. Египтологи склоняются къ предположенію, что въ глубокой древности въ Египтѣ почитался Горъ-уръ т. е, Горъ древній, старшій. Онъ былъ богомъ солнца. Независимо отъ его культа религіозная фантазія создала образъ Гора, сына Изиды, но потомъ сходство именъ и дѣятельности этихъ боговъ слило ихъ въ образъ одного бога. Образъ Гора заключаетъ

въ себѣ много астральныхъ элементовъ. Онъ солнце, являющееся послѣ своего захода на западѣ снова на востокѣ, почитались Горусы планетъ. Въ немъ хотѣли видѣть небесную лазурь и свѣтъ. Былъ Горъ обоихъ горизонтовъ (Ἐμαχις) можетъ быть намекъ на тожество солнца. Какъ планетный богъ, Горъ изображался съ головой ястреба и съ звѣздою надъ головой. Какъ Горъ обоихъ горизонтовъ, онъ изображался съ солнечнымъ дискомъ, или короной изъ цвѣтовъ папируса и иногда съ головою барана. Какъ сынъ Изиды, а порою и Нефтисъ, Горъ изображался въ видѣ дитяти безъ одежды съ согнутыми колѣнами и съ пальцемъ положеннымъ на уста. Послѣднее—символъ дѣтства, но греками онъ былъ невѣрно истолкованъ, какъ символъ молчанія. Замѣчательна встрѣчающаяся въ музеяхъ одна группа Гора, въ составъ которой входитъ нѣкоторое темное божество—Бесъ. Бесъ изображался въ видѣ уродливаго человѣка съ аттрибутами злого бога войны, съ другой стороны онъ представлялся, какъ любитель и покровитель музыки, и наконецъ ему иногда усвоялись аттрибуты Амона и онъ тогда являлся съ пантеистическими чертами. Фигура этого Беса обыкновенно присутствуетъ на сценѣ изображающей Гора на крокодилахъ. Горъ—дитя безъ одежды держитъ въ рукахъ скорпіона, льва, двухъ змѣй и газель, онъ стоитъ на двухъ крокодилахъ повернувшихъ голову. Надъ нимъ вырисовывается чудовищно безобразная голова Беса. Трудно понять смыслъ этой сцены. Изъ надписей заключаютъ, что Горъ въ этой формѣ называется „старецъ, становящійся юнымъ“. Крокодилъ не можетъ поворачивать головы, и у египтянъ крокодилъ съ повернутой головой былъ символомъ невозможнаго. Эту эмблему невозможности Горъ топчетъ своими ногами. Можетъ быть здѣсь выражается идея о вѣчно юномъ божествѣ торжествующемъ надъ временемъ, темными силами и смертью.

Часто супругой Гора называютъ богиню Гаторъ. Повидимому она сначала была мѣстнымъ божествомъ, почитавшимся на синайскомъ полуостровѣ, Здѣсь при четвертой династіи, когда шла усиленная разработка синайскихъ рудниковъ, былъ широко развитъ ея культъ. Гаторъ считалась дочерью солнца. Греки отождествляли ее съ Венерой, и она дѣйствительно въ пантеонѣ египетскихъ божествъ разсматри-

валась, какъ типъ красоты, особенно прекрасными считались у ней глаза. Обыкновенно на изображеніяхъ надъ головою помѣщается іероглифъ ея имени: богъ Горъ въ наосѣ (Гаторъ, собственно Гатъ—горъ—Hathor значитъ жилище Гора). Другое головное украшеніе Гаторъ солнечный дискъ украшенный двумя рогами и двумя длинными перьями. Разсматриваемая, какъ богиня мать, Гаторъ часто отождествляется съ Изидой. Обычно Гаторъ представлялась въ видѣ коровы, причемъ коровѣ давались аттрибуты богини. Храмы Гаторъ отличались верхушками своихъ колоннъ, которыя представляли голову этой богини украшенную коровьими ушами. Какъ Озирисъ и Горъ, Гаторъ принадлежала къ погребальнымъ божествамъ. Подъ образомъ пятнистой коровы онь принимала усопшаго, когда онъ прибывалъ на западъ. Въ этой роли она часто носила имя Нубъ (собственно значитъ золото)—въ фигуральномъ смыслѣ мѣсто, гдѣ покоится мумія и гдѣ человѣческое сѣмя должно принять новую форму для воскресенія. Гаторъ мыслилась, какъ ночное небо, какъ небесная мать, въ лонѣ которой душа усопшаго возраждается для вѣчной жизни.

Въ плеядѣ божествъ группировавшихся около Озириса видное мѣсто занимаетъ Тотъ. Онъ былъ совѣтникомъ, такъ сказать, секретаремъ Озириса. Затѣмъ онъ помогъ Изидѣ въ ея стараніяхъ оживить Озириса. Въ одномъ разсказѣ онъ выступаетъ третейскимъ судьей между Горомъ и Сетомъ. Тотъ преимущественно почитался въ Гермополисѣ. Онъ изображался въ видѣ ибиса или павіана. Первоначально онъ сближался съ луною. Голова Ибиса, представляющая Тота, украшалась двурогимъ возрастающимъ дискомъ луны. Иногда Тотъ-луна представлялся подъ образомъ дитяти совершенно обнаженный, вѣроятно, это—луна въ первой четверти. Иногда онъ изображался въ одеждѣ и взрослымъ, имѣющимъ въ рукѣ глазъ Гора. Это символъ полной луны. Какъ богъ-луна, Тотъ иногда отождествлялся съ богомъ Онванскимъ Консомъ. Отождествленіе или смѣшеніе боговъ должно отличать отъ ихъ сліянія. При отождествленіи или смѣшеніи аттрибуты одного бога усвоялись другому, причемъ о первомъ забывалось, при сліяніи особое прошлое каждаго изъ боговъ и ихъ имена помнились, но представлялось, что особое бытіе ихъ вступило въ какую то новую пантеистиче-

скую фразу, въ которой они живутъ и дѣйствуютъ какъ одно, хотя по природѣ своей суть два, а иногда и три. Въ качествѣ бога-луны Тотъ былъ опредѣлителемъ временъ, велъ счетъ днямъ, мѣсяцамъ, годамъ. Онъ владѣлъ таинственными силами, управляющими міромъ. Тотъ былъ господиномъ голоса, владыкою словъ и книгъ, обладателемъ или изобрѣтателемъ магическихъ писаній, которымъ ничто не можетъ сопротивляться ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ аду. Въ народныхъ сказкахъ Египта говорится, напримѣръ о книгѣ, которую Тотъ написалъ собственною рукою и которая ея владѣльца дѣлаетъ равнымъ богамъ. „Два изреченія написано тамъ. Если ты прочитаешь первое, ты своими чарами получишь власть надъ небомъ, землею, адомъ, горами, водами. Ты узнаешь небесныхъ птицъ и пресмыкающихся, всѣхъ, сколько ихъ есть, ты увидишь рыбъ бездны, потому что божественная сила заставитъ ихъ подняться на поверхность. Если ты прочитаешь второе изрѣченіе, то хотя бы ты былъ въ гробѣ, ты получишь ту форму, въ которой жилъ на землѣ, ты увидишь солнце поднимающееся на небѣ и сонмъ его боговъ, увидишь луну въ той формѣ, въ которой она бываетъ, когда является. Онъ изобрѣлъ волшебные напѣвы и музыку, которыми подчинялъ боговъ и того, кто умѣлъ пользоваться ими, дѣлали властелиномъ міра. Тотъ представлялся изобрѣтателемъ письменъ, покровителемъ наукъ, насадителемъ культуры, онъ былъ культуртрегеромъ въ человѣчествѣ. Онъ написалъ книги руководственныя къ культурѣ. Греки сблизили его съ своимъ Гермесомъ, и неоплатоники назвали его Гермесъ трисмегистъ (величайшій). Замѣчательно египетское представленіе о твореніи міра Тотомъ. Онъ совершилъ его не путемъ усилій и какой-либо дѣятельности, а просто заклинаніемъ или даже однимъ только голосомъ. Членораздѣльное слово и голосъ по воззрѣніямъ египтянъ, которыя раздѣлялись и другими народами древности, имѣютъ непреодолимую силу выходя изъ живыхъ устъ, они могутъ превращаться въ осязаемыя вещества, въ тѣла одушевленныя жизнью, въ боговъ и богинь, которые сами владѣютъ творческою силой. Мы уже приводили призывъ Ра къ солнцу „иди ко мнѣ“ заставившій свѣтить это свѣтило. Но Тотъ не произноситъ словъ. Одни лишь звуки сошедшіе съ его устъ превращаются въ четырехъ боговъ, которые управ-

ляютъ четырьмя домами (странами) міра. Такимъ образомъ дѣло творенія представлялось прежде всего результатомъ непосредственной механической дѣятельности, затѣмъ актомъ словеснаго повелѣнія, далѣе результатомъ воздѣйствія одного божественнаго голоса. Оставалась повидимому одна ступень—представить творенія актомъ чистой божественной мысли, но до этой идеи не поднялось египетское богословіе. Тотъ съ четырьмя созданными имъ богами образуетъ пять, поэтому Гермополисъ назывался домомъ пяти, и владыка города, наслѣдственный жрецъ при храмѣ Тота назывался „великій изъ дома пяти". Въ близкія отношенія къ Тоту поставляли иногда богиню правильнаго счета, мѣры, правды и справедливости—Маатъ. Въ надписяхъ она называется стражемъ неба.

Вмѣстѣ съ Тотомъ въ судѣ надъ умершими всегда принималъ участіе Анубисъ (по египетски: Анепу). Онъ изображался всегда съ головою шакала, его обязанностью было сторожить муміи, онъ былъ сторожемъ гробовъ, но шакалы постоянные гости и, такъ сказать, пригробные жильцы, отсюда понятна эмблема Ану-Биса. Иногда на изображеніяхъ ему даютъ черную окраску, сильнѣе тѣмъ подчеркивая его траурную роль. Встрѣчаются еще его изображенія, гдѣ онъ представляется стрѣляющимъ изъ лука, смыслъ этихъ изображеній доселѣ не выясненъ.

Какъ будто въ сторонѣ отъ другихъ божествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ близко къ сердцу каждаго египтянина стояло божество Нила. Нилъ (назывался Гаппъ) представлялся въ видѣ сильнаго и богатаго человѣка. Иногда его образъ раздваивался, особо изображался Нилъ сѣвернаго (рисовали голубой краской) и южнаго (рисовали красной) Египта. Каждому Нилу соотвѣтствовала особая богиня. Вотъ одинъ изъ гимновъ, который пѣли божеству Нила при чествованіи его на праздникахъ. I „Привѣтъ тебѣ, о Гаппъ, который нисходишь на эту землю и прибываешь, чтобъ дать жизнь Египту, ты, который скрываешь свой приходъ во мракѣ даже, когда воспѣваютъ твое пришествіе—прибытіе твоихъ волнъ разливающихся по плодовымъ садамъ созданнымъ Ра и отказывающихся поить пустыню (принадлежащую Сету), разлитіе небесныхъ водъ. Ты нисходишь, и Себъ, богъ земли, производитъ хлѣбы, Напри, богъ зерна, представляетъ

свою жертву, Пта дѣлаетъ счастливыми твоихъ работниковъ. II. Владыка рыбъ! лишь только онъ ниспускается черезъ водопадъ, птицы перестаютъ погибать на поляхъ. Создатель пшеницы, производитель ячменя, онъ сохраняетъ храмы. Если бы его пальцы устали, если бы онъ сталъ страдать, тогда милліоны существъ стали бы несчастными. Если бы онъ умалился на небѣ, тогда сами боги стали бы погибать вмѣстѣ съ людьми. III. Животныя безумствуютъ, и вся земля—великіе и малые—подвергается страданію. Если, напротивъ, люди внимаютъ, когда онъ поднимается и становится для нихъ Кнуму (богомъ творцомъ, производителемъ). Лишь только онъ встаетъ, земля ликуетъ отъ радости, всякое чрево радуется, каждая спина сгибается отъ смѣха, каждый зубъ разгрызаетъ. IV. Несущій пропитаніе, богатый запасами, создатель всего добраго, владыка всѣхъ сѣмянъ, благосклонный къ своимъ избраннымъ—если кто-либо становится другомъ его,—онъ даетъ кормъ животнымъ, онъ помогаетъ жертвоприношеніямъ всѣмъ богамъ. Благовоніе идущее отъ него есть нантончайшее. Онъ захватываетъ обѣ страны, и закромы полны, амбары счастливы, и блага бѣдныхъ преизбыточествуютъ. V. Онъ содѣйствуетъ исполненію обѣтовъ, не допуская ничего опустить. Онъ силенъ для того, чтобы умножать суда. Ему не воздвигаютъ статуй изъ камней, на него не возлагаютъ двойной короны, его не примѣчаютъ, ему не платятъ подати и не приносятъ жертвъ, его не воспѣваютъ въ чародѣйственныхъ словахъ, не знаютъ мѣста, гдѣ онъ находится, не находятъ его усыпальницы силою магическихъ заклинаній. VI. Нѣтъ дома, который бы былъ достаточно широкъ для тебя. Нѣтъ никого, кто бы проникъ въ твое сердце. Пусть поколѣнія твоихъ дѣтей радуются тобою, ибо ты управляешь, какъ царь, повелѣнія котораго даны для всей земли, который является предъ народами полудня и народами сѣвера, которымъ отерты слезы со всѣхъ глазъ и который расточаетъ свои благодѣянія. VII. Гдѣ была скорбь, тамъ сіяетъ радость, и твое сердце довольно. Крокодилъ Совку, дитя Нила, скачетъ отъ радости, ибо молитвы боговъ, съ которыми обращались къ тебѣ, устроили все: разливъ увлажняетъ поля и дѣлаетъ всѣхъ людей бодрыми, одинъ питается отъ трудовъ другого безъ того, чтобы изъ этого возникло судьбище. IX. Если ты вхо-

дишь среди пѣнія, то для того, чтобы выйдти среди радостей. Танцуютъ, когда ты выходишь изъ неизвѣстности, потому это тяжесть твоихъ водъ есть уничтоженіе и разрушеніе (т. е. когда опредѣлятся размѣры разлива, ибо большой разливъ создаетъ опасности и гибель. Текстъ въ этомъ отдѣлѣ испорченъ, Масперо реставрировалъ его проблематически). Когда плачутъ, чтобы получить годовую воду, то видятъ соединенными жителей Ѳиваиды съ жителями сѣвера. Видятъ каждаго съ орудіями его ремесла. Никто не остается позади сосѣда. Никто не одѣвается въ праздничное платье. Дѣти Тота, бога богатства, не украшаются драгоцѣнностями, нѣтъ девятины (праздничныхъ моленій) боговъ, но все пребываетъ въ мракѣ. Но лишь только ты отвѣтишь умноженіемъ водъ, каждый благоухаетъ, X. Установитель истинныхъ благъ, желаніе людей, вотъ—плѣнительныя слова, которыми ты отвѣчаешь. Если ты отвѣчаешь волнами небеснаго океана человѣчеству. Напри, богъ зерна, представляетъ свою жертву, всѣ боги почитаютъ тебя, птицы не погибаютъ болѣе на горахъ. Если бы то, что совершаетъ твоя рука, было золотомъ или серебрянымъ кирпичемъ, то вѣдь не ляписомъ—лазули питаются, пшеница стоитъ дороже, чѣмъ драгоцѣнные камни. XI. Начали тебѣ пѣть на арфѣ, тебѣ поютъ подъ ритмъ рукъ, и поколѣнія дѣтей радуются за тебя, и тебя исполнили похвальными привѣтствіями, ибо онъ есть богъ того богатства, которое украшаетъ землю, дѣлаетъ счастливыми лодки предъ лицомъ людей, живитъ сердце непраздныхъ женщинъ и которое любитъ умноженіе стадъ. XII. Когда ты поднялся въ городъ князя, богатый доволенъ, бѣдный чувствуетъ себя хорошо. Всякая вещь прочна и добраго качества. Всѣ травы въ пользу его дѣтей. Но если бы ты забылъ дать пищу? Счастье оставило бы жилища и земля впала бы въ бѣдствіе“.

Число боговъ египетскаго пантеона очень обширно. Часто здѣсь одинъ богъ дѣлился на нѣсколько, что можно видѣть на примѣрѣ Нила,—изъ одного бога образовали двухъ и затѣмъ богатое воображеніе изъ Нила создало еще особаго бога Кнуму, который въ сущности есть тотъ же Нилъ, но который представляется уже и съ новыми чертами. На рисункахъ его изображаютъ иногда творящимъ людей изъ глины. Впослѣдствіи съ Кнумомъ сблизили еще Дедуна—

бога нубійскаго происхожденія. Иногда въ различныхъ мѣстахъ чтили боговъ совершенно тожественныхъ по своимъ свойствамъ, но съ различными именами. Таковы, напримѣръ, Анхуръ и Шу. Анхуръ-солнечный богъ (имя значитъ: вести небо). Шу является съ тѣми же самыми свойствами (полагаютъ, что Шу значитъ свѣтъ). И того и другого бога часто изображали стоящимъ прямо или на колѣнахъ и поддерживающимъ руками небесный сводъ и, такъ сказать, управляющимъ его движеніемъ. Потомъ ихъ слили въ образъ Анхуръ-Шу. Шу часто называютъ сыномъ солнца (Ра). Есть одинъ характерный рисунокъ, на которомъ онъ встрѣчается вмѣстѣ съ божествами Себъ (земля) и Нутъ (небо). По египетской космогоніи въ довременномъ бытіи земля и небо были соединены вмѣстѣ. По повелѣнію Ра Шу раздѣлилъ ихъ. Это раздѣленіе представляютъ такимъ образомъ. Супругъ Себъ лежитъ на землѣ. Нутъ поднята Шу такимъ образомъ: ея ноги находятся у головы Себа, руки у его ногъ, а тѣло испещренное звѣздами поднято къ небу. Небо такимъ образомъ утверждается на четырехъ столбахъ и приводится въ движеніе Шу. Съ богинею Нутъ сближаютъ Тефнетъ, какъ космогоническое божество (женское дополненіе Шу). Въ древности въ нижнемъ Египтѣ повидимому пользовалась большимъ почитаніемъ богиня Нейтъ. Она представлялась какъ богиня войны и вмѣстѣ съ тѣмъ смерти. Первое впрочемъ отстоитъ недалеко отъ второго. Ее сближаютъ съ богомъ Упуатъ. Она называлась пролагательницей тропинокъ, Упуатъ—прокладывателемъ пути. Упуатъ изображался подъ образомъ шакала и его рано начали смѣшивать съ Анубисомъ. Богами солнца въ Египтѣ были Минъ, онъ же и богъ плодородія и повидимому чадородія, Монтъ—богъ солнца въ его наибольшой силѣ, эти божества легко смѣшивались съ Амономъ, Ра и Горусомъ. Своеобразнымъ божествомъ въ верхнемъ Египтѣ былъ Себекъ-богъ съ головой крокодила. Крокодилъ почитался его священнымъ животнымъ. Изображенія Себека крайне безобразны, повидимому по своимъ свойствамъ онъ приближался къ Сету и можетъ быть поэтому Себекъ былъ оттѣсненъ Сетомъ на задній планъ. Должно назвать еще богиню истины и справедливости—Ма дочь солнца покровительницу дѣтей, тоже дочь солнца—Селькъ, богинь Бастъ и Шахтъ тожественныя съ Секхетъ,

бога Гопса съ львиной головою, физіономія котораго не выяснена, бога Новръ-Атумъ, сына Секхетъ, одного изъ судей въ подземномъ трибуналѣ Озириса.

Какъ и въ другихъ странахъ древности—хотя менѣе, чѣмъ въ Халдеѣ, божества Египта связывались съ звѣздами. Мы уже говорили о богахъ—солнцѣ и лунѣ. Какъ путешествіе солнца по небу было матеріаломъ для обширнаго миѳа, такъ и движеніе луны и ея фазы послужили матеріаломъ для обширныхъ миѳологическихъ сказаній. Луна, это—глазъ Гора, который въ его движеніи по небу охраняютъ Ибисъ и Павіанъ и который преслѣдуютъ крокодилъ, гиппопотамъ и свинья. Особенно въ половинѣ мѣсяца, когда луна становилась полною, ей грозили страшныя опасности и усиліями ея враговъ всегда достигалось, что съ этого момента она начинала терять свой блескъ и уменьшаться и только доведенная до крайняго истощанія начинала возрастать. Затменія объяснялись тѣмъ, что луну проглатывала свинья, которая однако по требованію боговъ принуждена была выбрасывать ее обратно раньше, чѣмъ успѣвала ее переварить. Почитались созвѣздія (Наприм., большой медвѣдицы подъ названіемъ бедра быка ег—Ridl). Почиталось созвѣздіе Ріона, Сиріусъ и планеты. Юпитеръ именовался Упсетатоди, Сатурнъ—Кахири, Меркурій—Совку, Марсъ—Досхири, Бону птица—Венера. Послѣдняя имѣла два образа. Какъ вечерняя звѣзда, одиноко и раньше другихъ появлявшаяся на небѣ, она называлась Уаити; какъ утренняя звѣзда, она называлась Тіу-нутири-божество привѣтствующее солнце предъ его восходомъ и возвѣщающее живымъ существамъ приближеніе дня. Почитаніе планетъ было связано съ культомъ Горуса (старшаго).

3.

Какъ ни былъ однако обширенъ египетскій пантеонъ, онъ не удовлетворялъ древняго египтянина. Египетскіе боги были и далеко и высоко отъ человѣчества. Не смотря на тотъ миѳологическій покровъ, въ который закутывали ихъ фигуры и на тѣ реальныя формы, въ которыхъ ихъ изображали, они оставались слишкомъ абстрактными и отдаленными, и потому египтяне въ своемъ домашнемъ обиходѣ чувствовали

нужду въ болѣе близкихъ существахъ въ духахъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что громадное количество духовъ и демоновъ по представленію египтянина жило около него и безпрестанно вмѣшивалось въ его жизнь. Это открывается изъ того, что для самыхъ частныхъ случаевъ, оказывается, у египтянъ существовали особые высшіе покровители или враги. Такъ кромѣ богини Гаторъ тексты говорятъ о множествѣ Гаторъ-фей, являвшихся при рожденіи ребенка и предрекавшихъ его судьбу. Семь такихъ Гаторъ присутствуютъ, какъ помощницы повивальной бабки при разрѣшеніи царицы отъ бремени. Были, наприм., божества жатвы—Неперъ и Непертъ, фея рожденія—Мешентъ, покровительница грудныхъ младенцевъ богиня Раннутъ. Были абстрактныя божества, наприм., богиня истины. Можно думать, что и абстрактныя понятія олицетворялись у египтянъ, какъ въ римской религіи, и для надзора за каждымъ частнымъ случаемъ назначались высшія существа. Для охраненія внутренностей умершаго человѣка египетское богословіе назначало четырехъ геніевъ—Амсетъ, Гапи, Тіу—мотевъ и Кебахъ—сенувъ. Но къ сожалѣнію этотъ демонистическій элементъ египетской религіи доселѣ совершенно не выясненъ. Іероглифическіе тексты не говорятъ или почти не говорятъ о немъ, они занимаются ученымъ богословіемъ жрецовъ, а не народными вѣрованіями, хотя—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться—многія изъ этихъ вѣрованій раздѣляли и жрецы.

Почитались у египтянъ и умершіе, такъ божественнымъ почитаніемъ пользовался Тозортросъ—царь третьей династіи. Онъ представляется медикомъ и авторомъ медицинскихъ трактатовъ, усовершенствователемъ письма и техники. Какъ врачъ, онъ приближается по своимъ свойствамъ къ Имготепу, сыну Пта, и греки отожествляли его съ Эскулапомъ. Мы уже говорили, что царю Снофру непосредственно послѣ его смерти стали воздавать божескія почести. Этотъ культъ продолжался цѣлыя столѣтія и существовалъ до эпохи птоломеевъ. Менкери приказалъ воздавать божескія почести своей усопшей дочери—ребенку, и самъ онъ удостоился божественнаго почитанія отъ своего народа. На крышкѣ его гроба (саркофагъ его отправленный въ Англію потонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ у береговъ Португаліи, сохранилась только крышка) имѣется слѣдующая надпись. „О, Озирисъ!

царь обоихъ Египтовъ, Манкери (умершій, какъ увидимъ далѣе, соединялся въ одно съ Озирисомъ), вѣчно живущій, рожденный небомъ, выношенный во чревѣ богини Нутъ, потомокъ Себа, твоя мать Нутъ, какъ бездна небесъ, простираетъ надъ тобою свои объятія. Она сдѣлаетъ тебя богомъ, погрузивъ въ ничтожество твоихъ враговъ, о, царь Менкери, вѣчно живущій!" Кромѣ почитанія умершихъ царей въ Египтѣ повидимому существовало нѣчто въ родѣ культа живыхъ цезарей. Цари по египетской религіозно-государственной теоріи разсматривались, какъ потомки Ра и намѣстники его на землѣ. Имѣя божественное происхожденіе, они должны были имѣть и божественныя свойства. Царямъ усвояли эпитетъ „добраго бога". Усиртесенъ III, завоевавъ Нубію, установилъ обычай провозглашать египетскаго царя мѣстнымъ богомъ покоренной страны. Замѣчательно, что этотъ культъ привился. Способствовало этому, можетъ быть то, что онъ построилъ много полезныхъ сооруженій. Его культъ въ Семнехѣ существовалъ болѣе тысячи лѣтъ вмѣстѣ съ культомъ Дедуна. Аменхотепъ III воздвигъ себѣ храмъ въ Солебѣ въ Нубіи, а своей женѣ въ Седеингѣ. Этотъ фараонъ построилъ себѣ дворецъ, получившій у грековъ названіе лабиринта. По смерти Аменхотепа дворецъ былъ превращенъ въ храмъ, однако не только не установилось культа Аменхотепа, но даже самое имя его было забыто.

Отличительною особенностью египетской религіи считается почитаніе животныхъ. Оно удивляло древнихъ грековъ (Геродотъ, Истор. 11, 65—76; Діодоръ, Библіот. 1, 83 — 90; Страбонъ, періегез. XVII, 38 — 40; Плутархъ, объ Изидѣ и Озирисѣ 71—77) и оно служитъ еще и теперь между учеными предметомъ недоумѣній, споровъ и пререканій. Должно различать нѣсколько видовъ почитанія животныхъ у египтянъ. Прежде всего, мы видимъ, у нихъ почитались индивидуальныя особи. Важнѣйшія изъ нихъ Аписъ Мемфійскій—воплощеніе Пта. Ему, жившему въ часовнѣ, воздавались божественныя почести до самой его смерти, если онъ не жилъ болѣе 25 лѣтъ. 25 лѣтъ были для него предѣльнымъ возрастомъ и если онъ достигалъ ихъ, его убивали тайно, а въ часовню вводили новаго Аписа, котораго находили и воспитывали заблаговременно. Трупъ Аписа бальзамировали и хоронили съ подобающими почестями. Въ 1850 г. Маріеттъ

въ Сокарѣ около большихъ пирамидъ нашелъ двойную подземную галлерею съ склепами по сторонамъ (Серапеумъ). Оказалось, что тамъ погребались муміи аписовъ. Всякое дѣйствіе и движеніе живого Аписа трактовалось, какъ пророческое указаніе, и жрецы пытались по нимъ прозрѣвать будущее. Въ Геліополисѣ почитался Мневисъ, священный быкъ бога Ра, въ Мендесѣ священный баранъ (можетъ быть, козелъ) Озириса. Существуетъ предположеніе, что въ Гермополисѣ Тота почитали подъ видомъ живаго Ибиса, но это вопросъ нерѣшенный. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ почитаніе индивидуальной животной особи, въ которой предполагалось особое присутствіе божества. Но кромѣ этого египтяне почитали еще цѣлые виды животныхъ. Таковыми были овца, обезъяна (павіанъ), землеройка, собака, волъ, левъ, кошка, гиппопотамъ, ибисъ, гусь, ласточка, копчикъ, крокодилъ, змѣй, жукъ скарабей и нѣкоторыя породы рыбъ. Одни изъ названныхъ животныхъ были предметомъ всеобщаго почитанія (кошка), другіе въ однихъ номахъ почитались, въ другихъ, напротивъ служили предметомъ отвращенія, таковы—крокодилъ и гиппопотамъ. Почитаніе животныхъ должно было выражаться въ томъ, чтобы не дѣлать имъ зла и по возможности дѣлать добро. Такъ запрещалось ловить священныхъ рыбъ, но несомнѣнно не запрещалось приносить въ жертву священныхъ воловъ. Хотя почитались цѣлые виды животныхъ, но все указываетъ, что изъ нихъ избирались особые экземпляры для общественнаго или семейнаго почитанія. Въ семьяхъ имѣлась домашняя змѣя, которой ежедневно приносили жертву. Слова Климента Александрійскаго о томъ, какъ жрецы проводятъ иноземцевъ черезъ длинный рядъ различныхъ зданій для того, чтобы ввести ихъ въ самую глубину святилища и показать бога, которымъ оказывалась кошка или иное животное (Стром. кн. V, VII), показываютъ, что на долю нѣкоторыхъ экземпляровъ священныхъ видовъ животныхъ выпадало особенное счастье. Они проводили блаженную жизнь во святилищахъ храмовъ, спали на роскошныхъ подушкахъ, имъ курили ароматы, воздвигали лампады, ихъ кормили изысканною пищею. По смерти изъ нихъ дѣлали муміи. Находятъ муміи кошекъ, ласточекъ, копчиковъ. Въ связи съ культомъ животныхъ, несомнѣнно, стояли изображенія боговъ въ видѣ

животныхъ и изображенія животныхъ. Считавшійся загадочнымъ сфинксъ (олицетвореніе Гора, какъ восходящаго солнца)—левъ съ человѣческой головой или человѣкъ съ головой львиной (иногда барана), боги въ образѣ крокодиловъ, гиппопотамовъ, ибисовъ, боги съ головою тушканчика, шакала, ястреба, все это стоитъ близко къ почитанію ястреба и крокодила.

Почитались деревья. Почитались нѣкоторыя пальмы. Были священныя сикоморы, онѣ росли обыкновенно на краю пшеничныхъ полей и своимъ присутствіемъ какъ бы благословляли ихъ обработку. Египтяне представляли, что въ глубинѣ этихъ деревъ жилъ особенный духъ. Обыкновенно онъ былъ невидимъ, но въ особенныхъ случаяхъ онъ могъ выдвигать изъ ствола свою голову или даже все тѣло, затѣмъ, когда онъ снова двигался во внутрь дерева, стволъ поглощалъ его, „съѣдалъ снова“ по египетскому выраженію. Существовалъ культъ деревьевъ. Имъ приносили въ видѣ жертвы фиги, виноградъ, огурцы, зелень, воду заключенную въ пористыхъ сосудахъ, которую каждый день перемѣняли. Этою водою пользовались проходящіе. За найденную воду они возносили короткую молитву. Округи мемфисскій, летополитскій назывались страною сикоморы. Самою знаменитою была южная сикомора-нухитъ ризитъ, которая разсматривалась, какъ живое тѣло Гаторъ на нашей землѣ.

Были наконецъ предметомъ почитанія и неодушевленныя вещи. Скала съ причудливымъ силуэтомъ представлялась египтянамъ вмѣстилищемъ сверхъестественной силы; источникъ, вытекавшій изъ скалы, въ которомъ проходящіе въ знойное время утоляли свою жажду, былъ предметомъ боготворенія. Даже иногда зданія возводились въ божественное достоинство. Такъ храмъ Амона—Ра въ Θивахъ назывался богиней.

Такъ въ представленіи египтянина широко и разнообразно было проявленіе божественнаго въ мірѣ.

4.

Египетъ былъ не только страною религіозною, но и страною богословствующею. Съ древнѣйшихъ временъ здѣсь не только почитали боговъ, но и стремились дать системати-

ческое ученіе о богахъ. Не трудно выяснить тѣ начала, изъ которыхъ исходила мысль древняго египтянина при истолкованіи основоположеній религіи, но невозможно было, руководясь этими началами и наличными религіозными сказаніями, создать стройную систему религіи. Египетскіе жрецы въ своихъ богословскихъ изысканіяхъ исходили изъ идеи единства существующаго и изъ факта пестроты и противорѣчивости явленій, которыя отражались во множествѣ противорѣчивыхъ миѳовъ. Вотъ та схема, въ которой уже съ древнѣйшихъ временъ египетскіе жрецы представляли теогонію. Въ началѣ былъ Ну—первоначальный океанъ, въ безконечныхъ глубинахъ котораго плавали смѣшанныя сѣмена вещей. Отъ вѣчности Богъ родился самъ въ лонѣ этой жидкой массы безъ формы и безъ образа. Этотъ богъ опредѣляется такъ. Одинъ, единственный тотъ, который существуетъ сущностью, тотъ который живетъ сущностью, единый все производящій на небѣ и на землѣ, который не рожденъ.... Онъ есть единый живой Богъ по истинѣ, тотъ, который рождается самъ, тотъ, который существуетъ отъ начала, который все сотворилъ и не сотворенъ. Этотъ Богъ былъ бытіемъ единымъ совершеннымъ, обладающимъ всевѣдѣніемъ и премудростью. Всегда равный, всегда неподвижный въ своемъ неподвижномъ совершенствѣ, всегда сущій, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, онъ наполняетъ вселенную, но міръ не можетъ дать о немъ даже и слабаго понятія. Его ощущаютъ вездѣ, но его нельзя обнять. Единый по существу, онъ имѣетъ не одно лицо. Онъ есть отецъ, и могущество его природы таково, что онъ вѣчно рождаетъ, не ослабѣвая и не истощаясь. Ему нѣтъ нужды выходить изъ самого себя, чтобы стать плодоноснымъ Онъ въ собственной сущности находитъ матеріалъ для постоянныхъ произрожденій. Одинъ полнотою своего бытія онъ зачинаетъ свой плодъ, и такъ какъ въ немъ зачатіе не можетъ быть отличаемо отъ рожденія, то онъ отъ вѣчности производитъ въ себѣ самомъ другого самого себя. Онъ заключаетъ въ себѣ отца, мать и сына Божія. Произведенный отъ Бога, рожденный Богомъ, не отдѣляясь отъ Бога, эти три лица, суть боги въ богѣ и, не раздѣляя единства божественной природы, они всѣ три заключаются въ его безконечномъ совершенствѣ. Этотъ тройной богъ имѣетъ всѣ божественные

аттрибуты—неизмѣримость, вѣчность, свободу, всемогущую волю, безпредѣльную благость. Онъ отъ вѣчности развиваетъ свои высшія качества, или, выражаясь языкомъ древнихъ египетскихъ богослововъ, „онъ творитъ свои собственные члены, которые суть боги". Отъ этого тройнаго бога происходятъ новые, низшіе и низшіе боги, они образуютъ безчисленное количество представляющее рядъ почти нечувствительно нисходящій отъ высшихъ ступеней къ низшимъ. Неоплатоническая философія дала свои комментаріи египетской религіи, но едва ли можно сомнѣваться, что воззрѣнія жрецовъ въ существенномъ не расходились съ этими комментаріями „Богъ, говорится въ de mysteriis приписываемомъ Ямвмлиху, когда онъ производитъ и открываетъ свѣту скрытую силу спрятанныхъ вещей, называется Амономъ. Когда онъ является духомъ заключающимъ въ себѣ всѣ различія, онъ называется Имготенъ. Когда онъ наполняетъ все существующее силою и истиною—Пта. Когда онъ является богомъ добрымъ и благимъ, онъ есть Озирисъ". Приведенная нами теогоническая и вмѣстѣ космогоническая схема принималась во всемъ Египтѣ. Но различіе было въ томъ, что въ различныхъ областяхъ единственный Богъ оказывался различнымъ. Въ Геліополисѣ это былъ Тумъ или Атумъ, въ Абидосѣ-Озирисъ, въ Θивахъ-Амонъ въ Манъ-Нофри-Пта. Только бога своего нома египтянинъ называлъ „нутеръ" божество (происхожденіе слова неизвѣстно), но онъ не игнорировалъ и не отрицалъ и другихъ боговъ, онъ даже принималъ ихъ въ свои храмы, только ставилъ ихъ ниже своего бога.

Однако неоплатоническая концепція, утверждающая тожество различныхъ боговъ, не могла быть чуждою размышляющему жрецу. Главное божество связывалось у египтянъ преимущественно съ солнцемъ, наклонность къ дробленію явленій создало множество солнечныхъ божествъ: солнце ночное (Тумъ, Озирисъ), солнце при восходѣ и заходѣ (Горъ двухъ горизонтовъ), солнце, на меридіанѣ (Ра, Горъ, Анхуръ), солнце рождающее и производящее (Кофри), но стремленіе мысли къ объединенію и обобщенію утверждало, что все это одно и тоже. И вотъ, египтяне, какъ мы видѣли, сливаютъ свои божества, все равно какъ сливаются въ одно отдѣльные моменты существованія. Рядомъ съ этимъ

сліяніемъ въ египетской религіи стоитъ объединеніе божествъ, которое соединяетъ боговъ генеалическою связью и вмѣстѣ съ тѣмъ подсказываетъ метафизическую мысль объ ихъ тожествѣ. Въ приведенной схемѣ единое божество дробится на отца, мать и сына. Эта группировка въ тріады, гдѣ съ одной стороны выступаетъ человѣкообразное представленіе божества, какъ главы семьи, и съ другой метафизическая мысль о тожествѣ различныхъ божественныхъ проявленій, была общей всему Египту, но какъ въ каждомъ номѣ былъ свой главный богъ, такъ въ каждомъ номѣ была своя божественная тріада. Тріады боговъ поставлялись въ генетическую связь между собою, какъ послѣдовательныя эманаціи, причемъ положеніе той или другой тріады въ этой системѣ стояло въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи съ политическою и административною важностью города, который ее почиталъ. Исключеніе представляли лишь тѣ города, которые, утративъ политическое значеніе, не потеряли своего религіознаго авторитета. Въ Ѳивахъ высшую тріаду представляли Амонъ-Ра, Мутъ и Консу. Женское божество въ тріадѣ представляетъ собою пассивное начало. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что по мнѣнію египтянъ отецъ есть единственный создатель дитяти, мать же даетъ ему только пищу и обитаніе. Такая же роль женскому принципу отводится, повидимому, и въ теогоніи. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ высшими божествами были не боги, а богини (Гаторъ въ Дендерахъ. Нейтъ—въ Саисѣ, Нехабъ—въ Элькабѣ), но въ теоретическихъ системахъ женскимъ божествамъ всегда отводилась очень скромная роль. Сынъ былъ тожественнымъ съ отцемъ (отсюда формула о сынѣ: супругъ своей матери), но мать являлась только безсодержательнымъ связующимъ звеномъ между отцемъ и сыномъ. Мемфисская тріада состояла изъ Пта, Секхетъ и Ра. Въ Гермонтисѣ тріаду составляли Монтъ, его жена-богиня Ратаулъ и Гор-па-ра (Горъ солнца) Въ нѣкоторыхъ группахъ тріады представляли собою не семью, а три мужескихъ элемента, таковы Ра, Пта и Апись или Амонъ-Ра, Ра и Севекъ. Тройственныя божества соединялись въ новыя тріады и образовывали эннеады (паутъ-нутеръ), послѣднія въ свою очередь удваивались и утраивались такъ, что уже въ глубокой древности встрѣчаются такія сложныя боже-

ства, которыя состоятъ изъ двадцати семи отдѣльныхъ боговъ, дѣйствовавшихъ въ дѣлѣ творенія и управленія міромъ, какъ одно лицо. Иногда эннеады получались инымъ путемъ. Такъ въ Геліополисѣ ставили во главѣ Атумъ-Ра, къ нему присоединяли Шу, Себа, Озириса и Сета съ ихъ женскими половинами и получали эннеаду. Здѣсь эннеада образовывалась не изъ тріады. Затѣмъ въ Геліополисѣ признавали еще существованіе двухъ второстепенныхъ эннеадъ, во главѣ одной стоялъ Ра, соединявшаяся съ нимъ огдоада плохо извѣстна, во главѣ другой стоялъ Анубисъ, къ которому присоединялись четыре похоронные генія—сыновья Гора съ ихъ женскими половинами. Въ Гермаполисѣ во главѣ эннеады поставлялся Тотъ, своимъ голосомъ создавшій четырехъ боговъ, которые потомъ удваивались. Эта эннеада изображалась въ видѣ восьми обезьянъ (бабуиновъ), у которыхъ предсѣдательствовала девятая обезьяна (высшій бабуинъ). Иногда эннеады получались искусственно. На рисункахъ на однихъ тронахъ сажали по одному, на другихъ по два различныхъ бога, но въ счетѣ эти два шли за одного, понятно, что въ такой эннеадѣ можетъ заключаться отъ девяти до восемнадцати боговъ.

Представленія происхожденія міра отъ боговъ были двойственны. По однимъ одинъ какой-либо производилъ все существующее. Хнумъ производилъ все изъ созданнаго имъ яйца. Пта устраивалъ міръ, какъ созидаютъ художники свои созданія, Тотъ создалъ міръ словомъ, но жреческая мысль требовавшая системы сводила теогонію, космогонію и даже исторію въ одинъ процессъ эманаціи. Изъ Нуна выходитъ Тумъ, изъ него Шу и Тефнетъ, изъ нихъ Себъ и Нутъ, отъ этихъ Озирисъ, Изида, Сетъ и Нефтисъ. Тумъ тоже, что и Ра,—творецъ міра, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый владыка Египта. Онъ долго правилъ Нильской долиной. Его провела Изида. Затѣмъ люди стали нечестивыми и начали возмущаться противъ него. Онъ наказалъ истребленіемъ провинившихся людей. Ихъ кровь смягчила его гнѣвъ, и онъ поклялся впередъ щадить родъ человѣческій. Но онъ не остался на землѣ. Утомленный и устарѣвшій онъ удалился на небо (эта повѣсть носитъ имя египетскаго сказанія о потопѣ, она прочитана Эдуардомъ Навилемъ на гробницѣ Сети I), передавъ надъ землею власть Шу. Такъ людьми правили поко-

лѣнія боговъ. Послѣ смерти Озириса и потомъ борьбы Гора съ Сетомъ произошло раздѣленіе Египта, затѣмъ царствовалъ Тотъ, а потомъ уже начинается человѣческая династія царей съ Менеса.

Египетскіе жрецы въ своихъ толкованіяхъ и въ своей исторіи боговъ и міра не могли согласить противорѣчивыхъ элементовъ египетской религіи. Усилія современныхъ ученыхъ направляются не на то, чтобы представить египетскую религію въ видѣ стройной системы, а на то, чтобы понять ея происхожденіе и смыслъ. Существуютъ серьезныя разногласія по вопросу объ этомъ пониманіи, но кажется, что нѣкоторыя изъ существующихъ точекъ зрѣнія на египетскую религію отживаютъ свой вѣкъ, на оборотъ нѣкоторыя предположенія находятъ для себя съ каждымъ днемъ все новыя подтвержденія. Важнѣйшіе изъ существующихъ взглядовъ можно подраздѣлить на шесть типовъ: 1) монотеистическое истолкованіе египетской религіи, 2) натуралистическое, 3) эвгемеристическое, 4) шеллингіанское, 5) деброссовское (фетишистическое), 6) истолкованіе изъ различныхъ началъ. Доселѣ имѣются изслѣдователи считающіе египетскую религію въ существѣ монотеистическою (Піэрэ-хранитель египетскихъ древностей въ музеяхъ Лувра, Ленорманъ). Согласно ихъ воззрѣніямъ, египтяне, умножая по произволу имена и формы Бога, не умножали Бога. „Различные боги, являющіеся на монументахъ, полагаютъ они, суть только символы. Самая ихъ форма показываетъ, что они не представляютъ собою реальныхъ существъ. Богъ, представляемый съ птичьей головою или головою четвероногаго или же съ человѣческою головою, называемый сфинксомъ, никогда не могъ быть реальнымъ существомъ. Все это только іероглифизмъ. Различныя лица Божественнаго пантеона представляютъ божественныя роли, функціи высшаго бога, бога единаго и скрытаго, который скрываетъ подъ каждою изъ своихъ формъ свое тожество и полноту своихъ аттрибутовъ". Само собою понятно, что такой глубокій символизмъ не могъ быть доступенъ не только пониманію простого народа, но и всѣхъ тѣхъ, которые не погружались спеціально въ богословскія спекуляціи. Поэтому самимъ защитникамъ монотеистической теоріи приходится говорить о существованіи въ Египтѣ эсотерической религіи, о монотеизмѣ, какъ вѣрѣ

жрецовъ. Но всѣ эти предположенія ничѣмъ не подтверждаются и имѣютъ очень много противъ себя. Если монотеизмъ можетъ допускать символическое олицетвореніе отдѣльныхъ аттрибутовъ и силъ божества, то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ мыслить противоборство этихъ аттрибутовъ и силъ. Борьба Озириса, Сета и Гора, какъ можетъ быть понята при предположеніи, что они всѣ—одно. Скажутъ, что Горъ-солнце живящее и согрѣвающее, а Сетъ-солнце изсушающее. Что одинъ и тотъ же предметъ можетъ производить добро и зло, это—такъ, но божество съ монотеистической точки зрѣнія можетъ быть только благимъ и производить бѣдствія лишь въ наказаніе за грѣхи или съ воспитательными цѣлями. Какъ понять исторію истребленія людей богомъ Ра, гдѣ боги дѣйствуютъ не вполнѣ солидарно съ монотеистической точки зрѣнія. Если бы даже у египтянъ былъ монотеизмъ, то при такомъ символизмѣ и аллегоризмѣ, въ которые онъ оказывается заключеннымъ, онъ у древняго человѣка съ богатымъ воображеніемъ и съ нерегулируемой строгой логикой мышленіемъ непремѣнно долженъ былъ бы разрѣшиться въ политеизмъ. Нѣкоторые говорятъ, что у египтянъ былъ географическій монотеизмъ. Каждый номъ почиталъ своего бога, какъ единственнаго. Но если не было монотеизма во всемъ Египтѣ, то понятно, что его не могло быть и въ частяхъ, изъ которыхъ онъ былъ составленъ. Пытались вѣрованія египтянъ характеризовать словомъ генотеизмъ. Терминъ этотъ введенъ въ науку М. Мюллеромъ. Онъ разумѣлъ подъ нимъ поклоненіе нервобытнаго человѣка безконечному подъ различными формами, но какъ единому безконечному. Индусы, египтяне, ассиро-вавилоняне, говорилъ онъ, къ какому бы богу не обращались, обращаются къ нему такъ, какъ будто-бы онъ былъ единственнымъ верховнымъ. Но этотъ терминъ должно быть умретъ вмѣстѣ съ сошедшимъ въ могилу санскритологомъ. Этотъ генотеизмъ если онъ дѣйствительно есть, то онъ или монотеизмъ или пантеизмъ. Но его никакъ нельзя назвать монотеизмомъ, потому, что у тѣхъ древнихъ народовъ, въ которыхъ М. Мюллеръ хочетъ видить генотеистовъ, съ безспорною ясностью выступаетъ сознаніе, что надо угождать *различнымъ* богамъ, и что угодить Озирису вовсе еще не значитъ угодить Гапи. Монотеистическія выраженія гим-

новъ могутъ, вѣдь, быть гиперболами. Могутъ они служить отзвукомъ и пантеистической тенденціи точно также, какъ эта тенденція смѣшивала и сливала боговъ. Эта пантеистическая тенденція, безспорно, есть въ египетской религіи, но ею не могутъ быть объяснены тѣ конкретныя формы, въ которыхъ предъ нами является эта религія.—Другое толкованіе египетской религіи натуралистическое. Говорятъ, что объясненіе характера и свойствъ всѣхъ боговъ и всѣхъ миѳовъ должно искать въ явленіяхъ на небѣ и на землѣ. Къ этой точки зрѣнія въ нѣкоторой мѣрѣ примыкаетъ и Масперо своею классификаціею египетскихъ божествъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на три группы: боги мертвыхъ—Сокари, Озирисъ, Изида, можетъ быть Горъ младшій, Анубисъ, Нефтисъ; Боги стихій—Себъ, Нутъ, Ну, Гапи и вѣроятно Сетъ-Тифонъ, Пта и др., боги солнца—Ра, Шу, Амонъ и т. д. Масперо не держится строго натуралистической теоріи, но для нѣкоторыхъ все то, что говорится о богахъ стихій, есть только олицетвореніе метеорологическихъ явленій, и все, что говорится о богахъ солнца, есть персонификація движеній солнца и его вліянія на земную жизнь. Натуралистическая теорія широко примѣняется къ арійскимъ религіямъ, находятъ возможнымъ истолковывать изъ нея и религію Египта. Но въ примѣненіи къ послѣдней она совершенно несостоятельна. Классификацію Масперо расширяютъ: кромѣ божествъ стихій, божествъ астральныхъ выдѣляютъ еще въ особую группу божества Нильскія. Но все это раздѣленіе совершенно не соотвѣтствуетъ египетской теологіи: Озирисъ есть ночное солнце, божество Нила, богъ мертвыхъ. Затѣмъ изъ египетскихъ текстовъ ясно видно, что египтяне въ астральныхъ и стихійныхъ явленіяхъ любили находить символы и подобія человѣческой жизни. Луна для нихъ образъ человѣческой жизни. Несомнѣнно у нихъ былъ анимизмъ—за небесными явленіями они предполагали существованіе духовныхъ причинъ, но это не можетъ быть названо олицетвореніемъ физическихъ явленій; это—индуктивныя заключенія отъ явленія къ его духовной причинѣ. Луна затмилась. Неурочный мракъ есть знаменіе бѣдствія. Египтянинъ представлялъ, что есть какая то темная, злая сила, которая стремится наполнить міръ мракомъ и несчастіемъ. Затмѣніе есть признакъ, что эта сила начала побѣждать. Многократный

опытъ, которымъ констатировалась кратковременность затменій, привелъ къ заключенію, что побѣда зла всегда вызываетъ упорную оппозицію со стороны добра и что въ концѣ концовъ торжествуетъ послѣднее. Затѣмъ злые и добрые образы были реализированы въ чудовищахъ мрака и духахъ свѣта. Но это вовсе не астрономія и не метеорологія въ миѳологическихъ образахъ, напротивъ, метеорологическія и астрономическія явленія здѣсь призываются на помощь для выясненія метафизическихъ и этическихъ истинъ. — Пытаются египетскую религію истолковать эвгемеристически. Почитаніе умершихъ людей создало египетскихъ боговъ. Амелино полагаетъ, что онъ этотъ тезисъ доказалъ фактически. Онъ утверждаетъ, что онъ нашелъ въ Египтѣ гробъ Озириса. Длина гроба 13, 30 м. (около $7^1/_2$ сажень) и ширина 11, 80 м. (около $5^1/_2$ сажень) Амелино думаетъ, что нашелъ гробы и Гора и Сета. Исторія царствованія второй божественной династіи, къ которой принадлежитъ Озирисъ, погибшій 28 лѣтъ, для Амелино превращается въ дѣйствительную человѣческую исторію, только освѣщенную фантастическимъ свѣтомъ въ представленіи древнихъ египтянъ. Но въ дѣйствительности фантастично открытіе Амелино. Несовсѣмъ ясно, что онъ нашелъ гробъ или часовню Озириса? Затѣмъ, гробницъ Озириса, повидимому, было много въ различныхъ номахъ Египта. Масперо полагаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ смѣшеніемъ какого-нибудь царя первой, второй или третьей династіи съ Озирисомъ. Культъ Озириса очень древенъ, и если бы онъ былъ дѣйствительно царемъ Абидосскимъ, и его могила съ историческими надписями была на глазахъ у жителей Абидоса, тогда-хотя бы его и обожествили—его, конечно, тамъ менѣе всего и во всякомъ случаѣ медленнѣе всего могли отожествить съ Ниломъ или солнцемъ. Да и обожествленіе людей, вообще говоря—чего не отрицаетъ и Амелино, можетъ существовать только при наличности боговъ. Людей могутъ присоединять къ богамъ, но никогда бы изъ людей не создали боговъ, если бы ранѣе не мыслили существованія послѣднихъ. Эвгемеристическій элементъ есть въ египетской религіи, но онъ ясенъ и не замаскированъ, попытка же Амелино изъ эвгемеристическихъ началъ вывести культъ Озириса, можно съ увѣренностію сказать, не встрѣтитъ себѣ сочувствія у египтологовъ.—

Есть изслѣдователи, пытающіеся истолковать египетскую религію изъ принциповъ, которые позволительно назвать шеллингіанскими. Шеллингъ полагалъ, что въ теогоніяхъ и миѳахъ отражается исторія смѣны культовъ и порою смѣны народовъ. Въ Россіи эти принципы приложилъ Леонтьевъ къ изслѣдованію греческой религіи. Въ настоящее время Либлейнъ прилагаетъ ихъ къ религіи Египта. Особенно подробно онъ развилъ приложеніе ихъ къ миѳу объ Озирисѣ и Сетѣ. Либлейнъ безусловно отрицаетъ натуралистическій характеръ этого миѳа. Онъ полагаетъ, что въ этомъ миѳѣ противополагаются туземные египетскіе боги Озирисъ и Горъ и семитическій богъ—Сетъ. Ихъ борьба есть борьба египтянъ и семитовъ. Либлейнъ представляетъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Менесъ первый изъ египетскихъ царей попытался соединить Египетъ. Онъ двинулся съ юга на сѣверъ. Его главнымъ божествомъ былъ Озирисъ (Ѳивы-Абидосъ), на пути къ сѣверу его культъ пришелъ въ соприкосновеніе съ культомъ бога Гора въ Геліополисѣ. Дружественныя отношенія соединили этихъ боговъ. Но на сѣверѣ и востокѣ Египта съ глубокой древности жили семиты. Съ ними египтяне и ихъ божества пришли во враждебное соприкосновеніе. Повидимому сначала побѣждали семиты. Ихъ богъ Сетъ поразилъ Озириса. Но затѣмъ восторжествовали египтяне. Борьба прошла черезъ нѣсколько фазисовъ. Иногда Сетъ и Горъ почитались совмѣстно (на памятникахъ четвертой династіи), иногда почитаніе Сета какъ бы усиливалось (при гиксахъ, иногда и впослѣдствіи фараоны получали свое имя отъ этого бога—Сета), но иногда его имя оказывается стертымъ и вытравленнымъ на монументахъ. Либлейнъ полагаетъ, что египетскій Сетъ есть Сетъ или Сиѳъ евреевъ. Сетъ тожественно съ Sed (по Гезенію), съ арабскимъ Said, Sid, и испанскимъ Sid. Всѣ эти слова обозначаютъ господина. Либлейнъ пытается найдти въ библіи указанія на почитаніе такого бога въ глубокой древности. Во Второзакон. XXX, 11 говорится о евреяхъ, что они „приносили жертвы бѣсамъ (Sedim), а не Богу“. Въ псалмѣ CV, 37 еще говорится о нихъ: „приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ“ (Sedim). Sed или Seth, какъ имя бога быковъ, встрѣчается на одной аккадійской надписи (по Ленорману и Шрадеру). По Лейеру (въ Real-Encyklop. von Herzog)

Seth былъ героемъ легендарной еврейской поэзіи, ему приписывается изобрѣтеніе еврейскаго алфавита и изобрѣтеніе названій звѣздъ. Его сестра Азура была его женою. Такъ въ сынѣ Адама Либлейнъ хочетъ найдти бога египтянъ. Это своеобразное историческое истолкованіе религіозныхъ фактовъ находитъ себѣ мало сторонниковъ. Историческая схема Либлейна во всемъ объемѣ (онъ пытается обнять ею всѣ фазы религіознаго развитія въ Египтѣ) несомнѣнно несостоятельна. Онъ совсѣмъ не могъ справиться съ животнымъ культомъ и вздумалъ разсматривать его, какъ позднѣйшее явленіе, но этотъ культъ существовалъ въ Египтѣ съ самой глубокой древности. Затѣмъ никакъ нельзя принять связи установливаемой Либлейномъ между египетскимъ Сетомъ и еврейскимъ Сиѳомъ. Онъ крайне произвольно обращаетъ въ свою пользу библейскіе тексты. И въ цитируемыхъ имъ главѣ Второзаконія и псалмѣ поклоненіе Sedim обличается, какъ увлеченіе чужими, языческими культами, но онъ не приводитъ этихъ опровергающихъ его предложенія текстовъ. Образъ Сиѳа въ еврейской легендѣ по Лейеру сближается скорѣе съ египетскимъ Тотомъ, чѣмъ съ Сетомъ. Нельзя сближать Сета и съ простыми бѣсами—Sedim, онъ—великій богъ. Можетъ быть въ догадкѣ Либлейна справедлива мысль, что Сетъ—божество не туземно-египетскаго происхожденія. Сетъ въ египетской религіи разсматривался не какъ демонъ, не какъ просто представитель злой силы, въ немъ видѣли врага Озириса и врага умершихъ, которымъ покровительствуетъ Озирисъ Сетъ считался олицетвореніемъ силы, поэтому ему постоянно усвояли названіе „великій силой“, онъ былъ богомъ войны и считался покровителемъ воинственныхъ народовъ Азіи. Нѣкоторые воинственные фараоны принимали его имя, таковы изъ XIX династіи Сети I (полное имя—Менма Ра Сети Мер-ен-Пта), Сети II (Усерхепрера Сети Мер-ен-Пта) и изъ XX династіи Сетнахтъ (—Сетъ могучій). Но передъ смертью эти фараоны благоразумно смѣняли имя Сета на имя Озири. Сетъ не былъ представителемъ мрака, вмѣстѣ съ Ра онъ совершалъ путешествіе по небу и поражалъ враговъ Ра. То обстоятельство, что, начиная съ саисской эпохи, Сетъ все болѣе и болѣе отодвигается въ область мрака, пріобрѣтаетъ аттрибуты бога зла и, наконецъ, является олицетвореніемъ діавола, кажется, нужно объяснять не тѣмъ, что

онъ былъ богомъ враждебныхъ и чужихъ народовъ, а тѣмъ, что въ эту пору сталъ очень возвышаться культъ Озириса, а Сетъ считался его непримиримымъ и злымъ врагомъ. Врагу благого и почитаемаго бога и стали приписывать одно за другимъ злыя качества, и такъ образъ Сета въ концѣ концовъ сталъ образомъ чистаго зла. — Нѣкоторые хотятъ (отчасти къ этому склоняется и Тиле) корень египетской религіи видѣть въ фетишизмѣ. Полагаютъ, что древніе египтяне смотрѣли на животныхъ, какъ на фетиши, и что въ некультурныхъ классахъ этотъ взглядъ сохранился до послѣдняго времени. Фетишизмъ—религія дикихъ народовъ Африки, и самый этотъ терминъ въ первый разъ былъ приложенъ къ нимъ де Бросси. Эта теорія связываетъ родственною связью египтянъ съ некультурными народами Африки. Что некультурная Африка вліяла на вѣрованія египтянъ, все равно какъ суевѣрія инородцевъ прокрадываются въ вѣрованія живущихъ среди нихъ русскихъ, это несомнѣнно. Подобнаго происхожденія, полагаютъ, былъ богъ Бесъ. Изъ Сомали египтянамъ доставляли принадлежности парфюмеріи. Бесъ, оказывается, имѣлъ къ нимъ близкое отношеніе, и его безобразную фигуру часто встрѣчаютъ на туалетныхъ принадлежностяхъ. Весьма вѣроятно, что онъ пришелъ въ Египетъ изъ Сомали вмѣстѣ съ ладаномъ. Но во всякомъ случаѣ некультурная раса не могла дать культурной фетишистической религіи. Какъ ни былъ развитъ культъ животныхъ въ Египтѣ, онъ однако въ богословской системѣ имѣлъ подчиненное, второстепенное значеніе. Никто до сихъ поръ не могъ связать логическою и генеалогическою связью культъ животныхъ и теологію въ Египтѣ. Излагаемый нами взглядъ пытается выводить вторую изъ перваго, нѣкоторые (отчасти и Либлейнъ) выводятъ первый изъ второй. Но это не логическіе и фактическіе выводы, а не мотивированныя догадки. Гоммель въ животномъ культѣ видитъ символику и, какъ всю египетскую культуру, хочетъ вывести ее изъ Вавилона. Быкъ, по его взгляду, прежде всего чувственный образъ Мардука, затѣмъ Ра-Озириса. Баранъ—чувственный образъ бога. Еа, какъ и Хнума. Орелъ, тоже самое ястребъ, есть чувственный образъ Ниндаръ и вмѣстѣ младшаго Гора, Корова чувственный образъ Истаръ и вмѣстѣ Изиды. Шакалъ чувственный образъ Нергалъ и различныхъ боговъ родствен-

ныхъ Сету. Но дѣло въ томъ, что животная символика боговъ легко объясняется и безъ теоріи заимствованія. Въ Индіи тоже нѣкоторые боги изображались въ образѣ животныхъ (наприм. Ганеса съ головою слона). И Египетъ независимо отъ Ассиро-Вавилоніи могъ придти къ такой символикѣ. Независимость въ данномъ случаѣ подтверждается тѣмъ, что образы несходны. Скорѣе можно допустить, что для этой символики египтяне и ассиріяне удержали основныя воззрѣнія отъ общаго пранарода, но потомъ разработали эту символику совершенно самостоятельно и независимо одни отъ другихъ. Во всякомъ случаѣ въ ассиро-вавилонской религіи, если и была животная символика сходная нѣсколько съ египетской, то безусловно не было культа животныхъ.

Не скоро египетская религія найдетъ для себя правдоподобное научное истолкованіе. Можетъ быть причина этого та, что она слагалась подъ разнообразными и противоположными вліяніями. Никакая религія не представляетъ собою развитія одного принципа, но обыкновенно онѣ представляютъ развитіе началъ, изъ каковыхъ всѣхъ можетъ исходить одинъ человѣкъ. Единство и множественность въ религіозныхъ представленіяхъ, когда: то говорится о богѣ, какъ единомъ и единственномъ, то представляется существованіе сонма боговъ и легіоновъ духовъ, то высказываются благородныя правила возвышенной морали, то предлагается легчайшіе и грубѣйшіе способы для умилостивленія божества, все это понятно, потому, что все это объясняется ограниченностью и противорѣчивостью свойствъ человѣческой природы. Человѣкъ понимаетъ что богу нужно служить добрыми дѣлами и отсюда добрыя правила, но оказывается, что осуществлять эти правила очень трудно, и тогда путемъ самообмана человѣкъ находитъ возможнымъ замѣнить эти правила другими, онъ находитъ возможнымъ принести богу вмѣсто добраго поведенія добраго барана, а иногда и прямо трупъ своего врага, который не почитаетъ бога подъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ почитаетъ его онъ. Такія противорѣчивыя моральныя требованія, какъ и противорѣчивыя религіозныя представленія понятны. Мысль о единствѣ существующаго, являющаяся однимъ изъ логическихъ принциповъ человѣка, приводила египтянина къ признанію еди-

наго „Нутеръ“, наклонность за каждымъ физическимъ явленіемъ и особенно за каждою группой явленій предполагать психическую, вообще духовную причину, заставляла создавать божества Нила, плодородной почвы, пустыни; противоположныя свойства физическихъ явленій (то благодѣтельныхъ, то злыхъ) заставляло дробить божества на противоположные классы. Все это понятно. Но въ египетской религіи есть нѣкоторыя стороны и детали, которыя нельзя представить прямо, какъ созданіе указанныхъ свойствъ человѣческаго духа, они являются какъ бы не мотивированными произведеніями фантазіи. Таковы нѣкоторыя божества—можетъ быть иноземнаго происхожденія. Таковъ культъ животныхъ. Справедливо говорятъ нѣкоторые египтологи, что при современномъ состояніи знанія его невозможно объяснить. Допустимъ даже, что кто нибудь выскажетъ относительно него справедливую догадку. Онъ не будетъ имѣть возможности по недостатку данныхъ доказать ея справедливость. Исторія естествознанія знаетъ, какъ въ прошедшемъ высказывались блестящія и геніальныя догадки о причинахъ и связи явленій въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ, но эти догадки оставлялись безъ вниманія и забывались на столѣтія, потому, что не имѣлось подтверждающихъ ихъ опыта и наблюденія. Такъ теперь обстоитъ дѣло со многими вопросами религіознаго знанія и между прочимъ и съ вопросами о религіи Египта.

Культъ животныхъ имѣлъ нѣсколько формъ почитанія. Почитались виды животныхъ и почитались животные индивидуумы. По отношенію къ видамъ почитаніе имѣло болѣе отрицательный характеръ: не должно было дѣлать имъ зла. Можетъ быть эти виды разсматривались, какъ спеціальное созданіе того или другаго бога, особенно любимое этимъ богомъ, которое поэтому не должно обижать чтобы не оскорбить бога. Такъ, крокодилъ могъ поставляться въ зависимость по происхожденію отъ бога Севека, и тотъ, кто занскивалъ у этого бога, считалъ себя обязаннымъ подслужиться и его страшному протеже. Но Діодоръ Сицилійскій передаетъ разсказъ, что будто-бы нѣкогда одинъ древній египетскій царь былъ спасенъ крокодиломъ, который перевезъ его на своей спинѣ черезъ озеро Мери. Это—нѣчто аналогичное и столь же невѣроятное, какъ дельфинъ Оріона.

Однако должно сознаться, что подобнаго рода легенда легко можетъ привести къ мысли о почитаніи извѣстнаго класса животныхъ. Сказаніе о томъ, что капитолійскіе гуси спасли Римъ, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ капитоліи почитались священные гуси Юноны. Діодоръ приводитъ еще такое объясненіе культа животныхъ. „Обитатели Египта нѣкогда были часто побѣждаемы сосѣдними народами вслѣдствіе того, что они были несвѣдущи въ военномъ искусствѣ. У нихъ явилась мысль завести себѣ въ сраженіяхъ знаки, по которымъ они могли бы узнавать принадлежность къ тому или другому союзу. Эти знаки суть тѣ животныя, которыхъ они почитаютъ теперь и изображенія которыхъ вожди носили на остріяхъ своихъ пикъ. Какъ эти знаки много содѣйствовали побѣдѣ, они разсматривали ихъ, какъ причину ихъ спасенія. Признательность установила сначала обычай не убивать никакое животное представленное на этихъ изображеніяхъ, и этотъ обычай потомъ становится божественнымъ культомъ“. Нѣкоторые изслѣдователи (Рейнахъ, Пфлейдереръ) видятъ въ египетской религіи тотемизмъ, хотя наоборотъ другіе (Ланге) безусловно отрицаютъ слѣды тотемизма у египтянъ. Тотемъ есть названіе класса животныхъ, иногда растеній, чрезвычайно рѣдко неорганическихъ предметовъ, которые извѣстнымъ племенемъ или классомъ считаются требующими почитанія. Тотемъ это — существо извѣстнаго вида, на попытки вредить которымъ положено табу т. е. запрещеніе. Говорятъ, что часто тотемизмъ, т. е. почитаніе тотемъ связано съ идеею происхожденія почитающаго племени отъ почитаемыхъ тотемъ. Почитаніе змѣи связано съ идеею происхожденія племени отъ змѣи. Леббокъ и Спенсеръ дали болѣе, чѣмъ наивное объясненіе этому сомнительному вѣрованію. Человѣкъ, какой либо воинъ, вождь называется по имени животнаго, его потомки, говорятъ эти мыслители, легко приходятъ къ мысли, что они произошли отъ этого животнаго. Но что легко для Леббока и Спенсера, то вовсе нелегко хотя бы и для дикихъ, но здравомыслящихъ людей. Прежде всего для того, чтобы назвать человѣка именемъ животнаго, нужны мотивы, а потомъ для того, чтобы произвести людей отъ животныхъ, нужна легенда, и нуженъ матеріалъ для образованія этой легенды. На знаменахъ фараоновъ Египта фигурировалъ ястребъ, многія божества

Египта изображались съ головою ястреба, но никогда фараоны не вели своей родословной отъ этой хищной птицы.

Трудно объяснить почитаніе классовъ животныхъ. Можетъ быть и то обстоятельство, что извѣстное животное служило символомъ какого либо божества полагало табу на этотъ классъ животныхъ и дѣлало ихъ тотемомъ. Почитаніе отдѣльныхъ особей, думается, объяснить легче. Вотъ какъ выбирали и чтили крокодиловъ въ Θивахъ и Шаду. Жрецы, „выбравъ самаго красиваго крокодила, кормили его и пріучали ѣсть изъ рукъ, они вдѣвали ему въ уши золотыя и эмалированныя серьги и надѣвали браслеты на переднія лапы". (Геродотъ 11, LXIX). „Нашъ хозяинъ, взявъ съ собою пироги, жареную рыбу и питье приготовленное изъ меду, отправился вмѣстѣ съ нами къ озеру. Животное лежало на берегу: жрецы подошли къ нему, двое изъ нихъ разинули ему пасть, а третій сунулъ въ нее сначала пироги, потомъ жаркое и затѣмъ влилъ питье, послѣ чего крокодилъ погрузился въ воду и вышелъ опять на томъ берегу. Когда вслѣдъ затѣмъ другой иностранецъ явился съ такими же приношеніями, жрецы обошли озеро и, подойдя къ крокодилу, такимъ же путемъ всунули ему яства" (Страбон. кн. XVII гл. I). Позволительно думать, что такой крокодилъ разсматривался просто на просто, какъ живой идолъ бога. Пріобрѣсти такого идола было легче, чѣмъ сдѣлать искусственный, но за то, служить ему было труднѣе, чѣмъ истукану. Сдѣлавъ животное своимъ идоломъ, жрецы представляли тоже, что всегда предполагалось по отношенію къ идоламъ, что божество избранное существо сдѣлаетъ вмѣстилищемъ своей особенной силы, чрезъ него будетъ давать предзнаменованія и указанія, и вмѣстѣ это избранное существо будетъ связью утвержденною между богомъ и людьми, средою, чрезъ которую первый будетъ вступать въ общеніе со вторыми и чрезъ которую вторые найдутъ легчайшій и ближайшій доступъ къ первому. Почитаніе боговъ подъ животными формами несомнѣнно стоитъ въ связи съ культомъ животныхъ. Можетъ быть нѣкоторыя особенныя свойства животныхъ—свойства казавшіяся магическими и божественными—побуждали почитать животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять въ ихъ образѣ боговъ, чтобы указать, что этимъ богамъ въ высочайшей степени присущи силы и свойства этихъ животныхъ.

говорятъ, скарабей почитался потому, что его лапки имѣли 30 суставчиковъ т. е. столькоже, сколько дней имѣетъ мѣсяцъ. Это сближало скарабея съ божествомъ времени и вмѣстѣ для божества подсказывало форму скарабея. Робертсонъ Смитъ изображеніе боговъ въ видѣ животныхъ выводитъ изъ обычая покрывать статуи боговъ шкурами священныхъ животныхъ. Такъ статую ѳивскаго бога покрывали шкурою священнаго козла. Сначала такую шкуру набрасывалъ на себя жрецъ, но потомъ ее стали налагать на божество. Текстъ Геродота позволяетъ допустить, что существовалъ переходный періодъ, когда шкура животнаго набрасывалась не на жреца, но на изображеніе какого-либо присутствующаго божества. Но эта гипотеза не рѣшаетъ вопроса, потому что вопросъ прежде всего заключается въ томъ—почему то или другое животное или его шкура ассоціировались съ тѣмъ или инымъ божествомъ?

Египетская религія сложнѣе другихъ религій. Она одна заключаетъ въ себѣ то, что содержится во многихъ различныхъ религіяхъ. Отсюда, если бы она была изучена и выяснена, то она могла бы послужить руководительнымъ ключемъ къ пониманію многихъ религіозныхъ формъ въ различныхъ странахъ и въ различныя времена. Но хотя она изучается уже давно и изучается тщательно, многое въ ней не освѣщено доселѣ. Въ представленіи современныхъ ученыхъ она подобна египетскимъ храмамъ съ ихъ сумрачными святилищами и съ ихъ строго и грубо опредѣленными внѣшними контурами. Нѣкоторыя внѣшнія формы ея изучены тщательно, но ея внутренняя сущность, оживотворявшій ее духъ доселѣ скрываются отъ взоровъ изслѣдователя. Но одна сторона уже давно выяснена и представлена съ полною ясностью въ египетскомъ вѣроученіи. Это—ученіе о загробной судьбѣ человѣка.

5.

Въ явленіяхъ природы въ движеніи солнца, въ фазахъ луны египтяне видѣли символы человѣческой жизни, но солнце заходитъ на западѣ для того, чтобы взойти на востокѣ, луна постепенно угасаетъ послѣ полнолунія для того, чтобы, исчезнувъ совсѣмъ, родиться и расти вновь. Такъ

египтяне думали и о человѣкѣ. Онъ умираетъ и нисходитъ въ гробъ для того, чтобы возстать. Смерть, это-дверь, черезъ которую онъ входитъ въ новый міръ и начинаетъ новую жизнь въ сторонѣ или въ лонѣ блестящаго свѣтила. Существуетъ въ египетской религіи нѣсколько формъ ученія о безсмертіи. Ихъ нельзя согласить между собою по буквѣ, но въ существѣ они не различаются между собою. На египетскихъ памятникахъ душа человѣческая и даже душа боговъ изображаются иногда въ видѣ ястреба или иной птицы. Часто души изображаются въ видѣ коротенькихъ птицъ съ человѣческими головами. Таковы наприм. изображенія душъ Озириса и Гора, предстоящихъ предъ солнечнымъ дискомъ. Есть подобное изображеніе Сутимозу, который держитъ въ своихъ рукахъ свою душу, только у души нѣтъ рукъ. Иногда на саркофагахъ душа, представленная въ видѣ ястреба съ человѣческой головой, держитъ въ своихъ ястребиныхъ когтяхъ два кольца вѣчности. А надъ душою, какъ эмблема новой жизни ожидающей умершаго, изображается восходящее солнце, останавливаемое въ своемъ теченіи богинями Изидой и Небт-гатъ. Круговоротъ движенія солнца, символизированный птицею Венну (греческимъ фениксомъ), былъ символомъ цикла человѣческой жизни. Таинственная птица должна была сопровождать человѣка въ его странствованіяхъ въ подземномъ мірѣ. Послѣ подземныхъ странствованій умершій воскресалъ, душа должна была войдти въ тѣло, чтобы сообщить ему движеніе и жизнь. Когда умершій, говоритъ египетская теологія, окончательно достигалъ лодки солнца, онъ принимался богомъ Ра и начиналъ свѣтить заимствованнымъ отъ него свѣтомъ. Таковъ конецъ не всѣхъ, но блаженныхъ душъ по одной изъ версій египетской эсхатологіи.

Общія положенія египетской эсхатологіи утверждаются на своеобразной антропологической теоріи. По египетскому ученію человѣкъ въ своемъ земномъ существованіи состоитъ изъ разума-кгу и тѣла-кгатъ. Разумъ направляетъ человѣка къ Богу, тѣло привязываетъ его къ матеріи, участвуетъ въ ея слабостяхъ и несовершенствахъ. Въ началѣ частица разума, которая потомъ становится достояніемъ человѣка, бываетъ покрыта тонкимъ свѣтомъ, откуда и ея названіе кгу-свѣтящаяся. Въ такомъ видѣ она бываетъ способна пробѣ-

гать міры, дѣйствовать на элементы, управлять ими. Но вступая въ темницу тѣла при зачатіи или рожденіи человѣка, она лишается своего свѣтоноснаго покрова и заключается въ менѣе совершенное вещество, хотя еще божественное. Это вещество есть душа, она принимаетъ въ себя разумъ и покрываетъ его покровомъ ослабляющимъ его блескъ. Но слишкомъ чистая для того, чтобы непосредственно соединиться съ матеріею, душа для передачи своихъ рѣшеній и выполненія своей воли употребляетъ еще низшаго агента, который есть духъ или дыханіе-нифу. Только этотъ дѣятель-нифу, вслѣдствіе своей несовершенной природы, можетъ вступать въ тѣло, не губя его и не причиняя ему ранъ, между тѣмъ какъ непосредственное соприкосновеніе разума или души съ тѣломъ несетъ послѣднему неминуемую гибель. Духъ проникаетъ во все существо тѣла. Душа не прямо заключается въ тѣло, предварительно она облекается особою тонкою и воздухоподобною оболочкою, которая имѣетъ форму и образъ тѣла матеріальнаго, она увеличивается и развивается вмѣстѣ съ ростомъ тѣла; у дитяти оно имѣетъ видъ дитяти, у женщины—видъ женщины, у мужчины—образъ мужчины. Эта оболочка носитъ имя „ка“. Она представляетъ собою какъ бы двойника человѣка, такого двойника имѣютъ и боги. Полагаютъ, что это слово означаетъ тѣнь или тонкое вещество (тоже, что *Εἴδωλον* грековъ). Совокупность всѣхъ этихъ частей—разумъ и душа съ ихъ оболочками, духъ и тѣло — образуютъ всего человѣка и въ теченіи земной жизни послѣдняго связаны неразрывною связью. Душа, духъ и тѣло общи человѣку и животнымъ, но разума нѣтъ у животныхъ и потому они живутъ слѣпою жизнію. Животныя бываютъ добрыми и злыми по инстинкту или по случаю, а не вслѣдствіе опредѣленныхъ принциповъ, ихъ душа всецѣло погруженная въ матерію, не видитъ ничего надъ нею. Человѣкъ имѣетъ разумъ—кгу, открывающій ему правые пути и учащій различать доброе отъ злого. Разумъ, входя въ душу человѣка, стремится освободить ее отъ тираніи тѣла и поднять до себя. Но будучи лишенъ своего свѣтоноснаго покрова, разумъ недостаточно силенъ для того, чтобы обратить въ ничто страсти и грубыя желанія внушаемыя намъ плотью. Тяготѣющее къ землѣ и имѣющее земныя влеченія, тѣло про-

тивоборствуетъ разуму, оно возбуждаетъ дурные инстинкты и страсти. Между разумомъ и тѣломъ завязывается борьба и ведется у различныхъ людей съ различнымъ успѣхомъ и исходомъ, часто разумъ вслѣдствіе того, что душа всецѣло подпадаетъ низменнымъ влеченіямъ плоти, удаляется съ поля битвы, чтобы никогда не возвращаться. Тогда человѣкъ, лишенный божественной искры, ниспускается до скота. Часто также при терпѣніи и мужествѣ человѣка разумъ торжествуетъ, на мѣсто побѣжденныхъ страстей становятся добродѣтели, которыя постепенно укрѣпляются и увеличиваются: душа, отрѣшившаяся отъ земныхъ связей, направляется къ добру и къ вѣчному свѣту, не смотря на затемняющій ея зрѣніе матеріальный покровъ. При наступленіи смерти духъ проникавшій все тѣло и одушевлявшій его, оставляетъ тѣло и вступаетъ въ душу, тогда кровь свертывается, вены и артеріи пустѣютъ; тѣло, если его оставляютъ предоставленнымъ самому себѣ, быстро разлагается на безформенные элементы. Воспрепятствовать этому можетъ только бальзамированіе. Освободившійся разумъ принимаетъ свою свѣтоносную оболочку и становится демономъ, который также носитъ имя ка. Душа, такимъ образомъ, одновременно лишается разума, направлявшаго ее къ добру, и тѣла, увлекавшаго ее въ область зла. Она остается только облеченная своимъ двойникомъ ка. Изображенія душъ боговъ и людей на памятникахъ и относятся къ этому состоянію души. Такова египетская психологія, являющаяся базисомъ богословскаго ученія о конечной судьбѣ человѣка. Въ изложенномъ видѣ она есть продуктъ уже поздней эпохи египетскаго царства, но въ своихъ основаніяхъ она существовала съ глубокой древности, хотя ея положенія и формулировались не въ приведенныхъ терминахъ, а въ образахъ и сравненіяхъ.

Но если египетская антропологія изначала признала двойственность человѣческаго существа и установила, что послѣ смерти тѣла двойника человѣка ожидаетъ жизнь въ новыхъ условіяхъ, то египетская эсхатологія въ различныя эпохи различно представляла эту новую жизнь. Указываютъ три различныя фазы въ египетскомъ ученіи о загробной жизни. Въ древнѣйшее время мѣсто, гдѣ душа могла бы обрѣсти счастливую жизнь, указывали надъ землею, въ областяхъ

неба. Какъ добраться до этихъ областей? Не расчитывая на силу крыльевъ души, благочестивые родственники умершаго ставили въ гробъ лѣстницу, по которой душа могла бы взобраться изъ нижняго въ верхній этажъ міра. Въ однихъ текстахъ говорится, что эта лѣстница устанавливается на западномъ берегу земли, въ другихъ, что умершій самъ долженъ ее поднять и въ третьихъ что она поднимется спеціально для умершаго по молитвамъ его родственниковъ. „Послѣ того какъ царь Тети омылся на этомъ самомъ берегу, гдѣ омывается Ра, онъ, молясь, поставилъ лѣстницу, и обитатели великаго жилища (обитатели неба-боги или умершіе) протянули ему руку, чтобы помочь войдти". Эта лѣстница посвящалась Гаторъ, называлась дочерью Аменти (Аменти-область подземнаго міра, иногда богиня), даромъ Тота. Она принадлежала равно Себу, Гору, Сету, Ра, эти боги поднимали ее и поддерживали восходящихъ своими руками, чтобы человѣкъ безпрепятственно могъ подняться на небо. По оставленіи лѣстницы онъ достигалъ озера алтаря, гдѣ демонъ Ніу давалъ ему свободный пропускъ, потомъ, пріобрѣтя благоволеніе быка Ра съ четырьмя рогами, онъ вступалъ въ поле жертвъ, гдѣ и жилъ въ мирѣ, благодаря приношеніямъ, которыя его друзья по своему расположенію давали богамъ. Позднѣе хотя лѣстницы и не перестали совсѣмъ ставить въ гроба, однако представленіе о восхожденіи по ней замѣнилось идеею прохожденія души умершаго по горнымъ цѣпямъ. Эта новая идея тѣсно связана съ образовавшимися тогда космологическими представленіями египтянъ. Египтяне представляли себѣ міръ въ видѣ огромнаго ящика, дно котораго было образовано нашею землею съ ея континентами, горами и морями. Вмѣсто вертикальныхъ стѣнъ міръ окруженъ горами, которыя поддерживаютъ небесный сводъ-плоскій по мнѣнію однихъ, выпуклый по мнѣнію другихъ. Этотъ сводъ есть наша твердь или наше звѣздное небо. Четыре пилона или четыре столба поддерживаютъ эту кровлю міра и препятствуютъ ей сокрушить землю. Эти столбы находятся въ точкахъ сѣвера, востока, юга и запада. Ящикъ міра не прямоугольнъ, а имѣетъ приблизительно форму продолговатаго эллипсиса. Его большая ось (въ сущности Нилъ) идетъ съ юга на сѣверъ, малая съ востока на западъ. Представляя себѣ землю какъ

распростершагося Себа, а небо, какъ поднимающуюся надъ нимъ Нутъ, египтяне голову Себа предполагали на югѣ, гдѣ были источники Нила и гдѣ находилась резиденція бога творца Хнума. Поэтому египтяне оріентировались, обращаясь къ югу: западный берегъ Нила былъ для нихъ правымъ, восточный-лѣвымъ. Они дѣлили міръ на три области: землю, небо и дуатъ. Земля представлялась плоскою или нѣсколько вогнутою въ центрѣ. На низшей части неба находились звѣзды, угасавшія или становившіяся невидимыми днемъ и свѣтившія ночью, въ высшей части находился міръ подобный нашему, на которомъ жили боги. Дуатъ полагали находящимся и подъ землею и надъ землею, но справедливѣе повидимому мнѣніе Масперо, помѣщающаго его на сѣверѣ. По представленію египтянъ, аналогичному представленіямъ другихъ древнихъ народовъ, солнце въ теченіе двѣнадцати часовъ ночи проходило за горами сѣвера, которыя не пропускали его свѣтъ на землю. Солнце двигалось въ баркѣ по океану облегающему землю. Дуатъ, это-нѣчто въ родѣ водянаго туннеля прорытаго въ горахъ сѣвера. Въ его области жили тѣни умершихъ. Умершіе отправлялись пѣшкомъ или на лодкѣ изъ опредѣленнаго тракта, гдѣ открывался въ горахъ входъ въ другую землю. По легендѣ Озириса этотъ пунктъ находился къ западу отъ Абидоса на продолженіи ущелья въ ливійской цѣпи и въ которомъ, когда находилось солнце, то оно какъ бы помрачалось. Проходъ отверстія велъ въ территорію отверстія, область перваго часа ночи, и умершіе устремлялись туда толпою изъ всѣхъ областей Египта для того, чтобы выйдти изъ нашего міра. Въ книгѣ мертвыхъ (117 глава) есть изображеніе дороги ведущей къ двери корридоровъ. Тѣни съ палками путешественниковъ въ рукахъ ставятъ свои ноги на поверхность горы и начинаютъ восхожденіе. Дверь открывается передъ ними не безъ трудности. Только при благодѣтельномъ содѣйствіи многихъ боговъ душа переступаетъ порогъ новаго міра. Не радости сначала ожидаютъ ее здѣсь. Она подвергается здѣсь страданьямъ, голоду, несчастнымъ случайностямъ, смерти, какъ и живой человѣкъ, остаткомъ котораго она является. Но живой человѣкъ во многомъ преимуществуетъ передъ нею, онъ можетъ бороться съ опасностями и препобѣждать ихъ, благодаря своей энергіи, ору-

жію, и имѣющимся у него съѣстнымъ припасамъ, одеждѣ, талисманамъ. Но умершій ничего не можетъ дѣлать и ничего не имѣетъ самъ по себѣ. Всѣмъ тѣмъ, что у него есть, онъ обязанъ или благочестію своихъ друзей и родственниковъ или своей предусмотрительности, благодаря которой онъ во время жизни пріобрѣлъ то достояніе, которое нужно по смерти. Какъ и самъ умершій является въ загробный міръ въ уменьшенномъ и выродившемся видѣ, такъ и этотъ міръ менѣе богатъ и менѣе гостепріименъ, чѣмъ земной. „Западъ есть страна глухого сна и мрака-область, гдѣ пребываютъ находящіеся тамъ. Спя въ формѣ мумій, они не просыпаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не замѣчаютъ ни своихъ отцевъ, ни матерей. Ихъ сердце забываетъ о ихъ женахъ и ихъ дѣтяхъ. Вода живая, которая есть у земли для находящихся на землѣ, эта вода гнилая со мною, она течетъ къ кому-нибудь на землѣ и она гнилая для меня, вода, которая около меня“ Аменти была областью густого мрака. Солнце, проходившее по этой области въ теченіе двѣнадцати часовъ, было зеленоватымъ безъ пыла и блеска. Вода тамъ была теплая или гнилая и зловонная, атмосфера, плотная, давящая и бурная. Всюду тамъ были ядовитыя змѣи, вредныя животныя, геніи съ ужасными формами, питавшіеся сердцемъ и кровью умершихъ и ихъ душами и тѣнями. Нѣсколько благодѣтельныхъ оазисовъ находилось въ этой ужасной области—поле жертвъ, сады Іалю. Задача умершихъ была попасть въ эти блаженныя области. Но чѣмъ обусловливалось вступленіе въ нихъ? Масперо утверждаетъ, что по древней египетской эсхатологіи туда могли попадать только цари, богатые или знатные не потому, чтобы природа ихъ признавалась отличною отъ бѣдныхъ и рабовъ, но потому что у послѣднихъ обыкновенно не было средствъ, чтобы научить (сакру) и снабдить нужными средствами свою душу въ такихъ полнотѣ и обиліи, въ какихъ это могли сдѣлать люди изъ хорошихъ домовъ. Прежде чѣмъ достигнуть садовъ Іалю, нужно пройти темные гроты и мѣста пустынныя дикими животными, совершить переходы черезъ потоки съ кипящей водою или озера загромажденныя сѣтями, пройдти аллеи и замки, двери которыхъ охранялись ужасными демонами. Только талисманы могли спасти душу отъ яда змѣй, отъ зубовъ крокодиловъ,

отъ петлей сѣтей, отъ жадныхъ рукъ злыхъ геніевъ. Душа должна была владѣть большими запасами и чарами. Бѣдные рѣдко могли знать всѣ необходимыя формулы, а блюда и возліянія, которыя предлагали за нихъ на землѣ, были слишкомъ недостаточны. По этому ихъ души уязвлялись змѣями, пожирались крокодилами, разрывались геніями или страдали отъ голода и жажды, питались человѣческими экскриментами и уриной—единственная пища, которую онѣ могли находить въ своемъ странствованіи—и всѣми бѣдствіями доводились до полнаго уничтоженія. Ихъ постигала вторая смерть, и они обращались въ ничто. Богатые или знатные, достигшіе полей жертвъ или садовъ Іалю, избавлялись отъ опасности несчастій и смерти. Они вступали въ рай. Это былъ небесный Египетъ, представлявшій чувственную идеализацію земнаго. Плодородіе его было неистощимо. Пшеница имѣла тамъ семь футовъ вышины, изъ нихъ два приходилось на колосъ. Каналы непрестанно наполнявшіеся водой поддерживали плодородіе и свѣжесть. Умершіе проводили тамъ время за ѣдою, питьемъ и въ игрѣ съ дамами. Они должны были только обработывать поля и снимать жатвы, но отъ этого они могли избавляться, представляя вмѣсто себя замѣстителей. Эти замѣстители — маленькія фигуры изъ терракоты или изъ камня, которыя клались въ гробы умершихъ. Озирисъ, владыка всего, царствовалъ надъ ними и для того, чтобы принимать ихъ въ свою свиту, требовалъ только отъ нихъ знанія заклинательныхъ гимновъ и обильныхъ жертвенныхъ приношеній. Какъ ни грубо это представленіе рая, трудно однако согласиться съ Масперо, что по мысли египтянина въ него вели только магія (заклинанія) побѣждающая демоновъ и взятки (жертвы), умилостивляющія боговъ. Нравственныя сентенціи древняго Египта, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь далѣе, убѣждаютъ насъ, что въ ту пору въ умѣ египтянъ уже ясно была просознана идея нравственнаго мздовоздоянія, только съ нею слишкомъ сплелась вѣра въ силу правильно произнесенныхъ заклинаній и правильно принесенныхъ жертвъ, вѣра въ магическую силу культовыхъ словъ и дѣйствій. Однако нѣкоторыя аналогіи въ другихъ религіяхъ позволяютъ думать, что этотъ магическій элементъ могъ въ нѣкоторой мѣрѣ быть соглашаемъ съ моральнымъ. Во 1) самыя магическія

знанія, т. е. пріобрѣтеніе таинственныхъ силъ могли быть подаваемы за добродѣтель, во 2) жертвы могли оцѣниваться не сами по себѣ по рыночному курсу опредѣлявшему стоимость ихъ матеріала, а по отношенію къ благосостоянію приносившаго жертву. Буддійская легенда о маленькой лампадѣ вдовы, прогорѣвшей всю ночь у гробницы Будды, между тѣмъ какъ масло въ громадныхъ лампадахъ богачей выгорѣло въ короткое время, общечеловѣчна. Безъ сомнѣнія было много людей въ Египтѣ, которые путали обрядово-магическую и моральную стороны религіи, но геній народа, какъ это слышится въ нравственныхъ сентенціяхъ его лучшихъ представителей, уже понималъ силу нравственной правды.

Позднѣе идея нравственнаго мздовоздаянія олицетворилась въ представленіи суда Озириса надъ умершими. Душа является предъ трибуналомъ, гдѣ Озирисъ-Кгонтъ-Аментъ засѣдаетъ вмѣстѣ съ 42 судьями, составляющими подземный судъ. Маатъ-богиня истины вводитъ умершаго предъ Озириса. Совѣсть умершаго или, какъ говорили египтяне, его сердце говоритъ за или противъ него. Свидѣтельства его жизни или обвиняютъ или оправдываютъ его. Его сердце кладутъ на одну изъ чашекъ вѣсовъ истины, которыми управляютъ Горъ и Анубисъ, на другой чашкѣ помѣщается изображеніе справедливости, представляющее противовѣсъ. Тотъ отмѣчаетъ на доскѣ результатъ этой психостазіи или взвѣшиванія души. При судѣ присутствуетъ звѣрь въ видѣ гиппопотама, четыре погребальныхъ генія. Умершій долженъ назвать имена всѣхъ 42 судей и произносить родъ очистительной исповѣди. Сообразно съ тѣмъ легкими или тяжелыми будутъ найдены дѣянія души, подземный судъ изрекаетъ свой приговоръ. Исполнителемъ этого приговора является разумъ. Онъ входитъ въ душу отягощенную непростительными преступленіями, входитъ вооруженный божественнымъ огнемъ, напоминаетъ душѣ о своихъ наставленіяхъ и совѣтахъ, которыми она пренеберегала, о своихъ мольбахъ, которыя были для нея предметомъ насмѣшекъ, бичуетъ ея грѣхи и подвергаетъ ее бурямъ и вихрямъ враждебныхъ элементовъ. Находящаяся между небомъ и землею, не могущая избавиться отъ тяготѣющихъ надъ нею проклятій, осужденная душа ищетъ человѣческаго тѣла для того, чтобы жить въ немъ, а пока она его не найдетъ, она под-

вергается пыткамъ, претерпѣваетъ болѣзни, терпитъ убіенія и сумасшествіе, становится добычею чудовища въ образѣ гиппопотама-самки, которое присутсвуетъ при психостазіи (великое пожирающее). Душа обезглавливается Горомъ или Сетомъ на неммѣ, т. е. на подземномъ эшафотѣ. Достигнувъ по истеченіи вѣковъ окончанія своихъ страданій, она подвергается второй смерти и погружается въ небытіе. Высшее и окончательное наказаніе для злыхъ по ученію египтянъ есть ихъ полное уничтоженіе. Что касается до души оправданнной, то она очищенная отъ грѣховъ огнемъ, охраняемымъ четырьмя геніями съ лицами обезьянъ, вступаетъ въ плирому или блаженство, становится товарищемъ, Озириса Унъ-Нофри, становится добрымъ существомъ въ превосходной степени, питается самыми тонкими кушаньями. Но и оправданный человѣкъ, будучи необходимо грѣшникомъ, не можетъ достигнуть совершеннаго блаженства, не пройдя ряда испытаній. Его душа, сходя въ Кер-ти-Нутри (подземную область Озириса), должна пройдти черезъ пятнадцать заставъ охраняемыхъ геніями вооруженными мечами, она можетъ ихъ пройдти, только показывая свои добрыя дѣла и обнаруживая знаніе вещей божественныхъ. Она проходитъ неизвѣстныя пространства, поддерживаемая разумомъ и сопутствуемая твердою надеждою на конечное счастье. Когда ея знаніе возрастетъ, ея силы умножатся, она станетъ способною принимать формы, какія ей угодно. Но зло будетъ являться ей подъ тысячью различнѣйшихъ образовъ и будетъ стараться задержать ее своими угрозами и испытаніями. Душѣ придется вести ужасныя битвы съ чудовищами, съ фантастическими животными и побѣждать ихъ только при помощи сакраментальныхъ формулъ (изложенныхъ въ 11 главахъ книги мертвыхъ). Однимъ изъ таковыхъ чудовищъ, стремящихся погубить душу, является истинный демонъ, великій змѣй Рефруръ или Апапъ. Другимъ средствомъ, при помощи котораго тѣнь умершаго боролась съ дьявольскими призраками, является способность ее ассимилировать свои члены съ таковыми же членами различныхъ боговъ и такимъ образомъ обожествлять въ нѣкоторой мѣрѣ свою субстанцію. Солнце, олицетворяемое въ Озирисѣ, одушевляя и поддерживая жизнь, является вмѣстѣ богомъ воздаятелемъ и спасителемъ. Озирисъ сопровождаетъ чело-

вѣка въ его загробномъ странствованіи, принимая усопшаго при его нисхожденіи въ Кер-ти-нутри и ведя его къ вѣчному свѣту. Первый воскресшій изъ мертвыхъ Озирисъ въ свою очередь воскрешаетъ умершихъ, помогая имъ предварительно побѣдить всѣ препятствія. Въ концѣ концовъ умершій представляется вполнѣ соединившимся съ Озирисомъ и начинаетъ называться Озирисъ такой то. Относительно значенія и смысла этой формулы существуютъ различныя предположенія. Ланге настаиваетъ, что этими словами означается только то, что умершій сталъ достоинъ такого же безсмертія, какъ и Озирисъ. Но трудно согласиться съ этимъ утвержденіемъ Ланге. Если бы каждый оправданный умершій становился тѣмъ же, чѣмъ и Озирисъ, то Озирисъ въ глазахъ египтянъ долженъ былъ бы стать ничѣмъ. На самомъ дѣлѣ культъ Озириса стоялъ наиболѣе высоко, когда исповѣдывалась приведенная формула. Уже эта высота почитанія Озириса исключала возможность, чтобы кого нибудь изъ обыкновенныхъ смертныхъ рѣшались ставить съ нимъ рядомъ. Да и въ самыхъ подробностяхъ ученія о загробномъ существованіи души есть указаніе, какъ вѣрнѣе представлять дѣло. Оправданная душа пріобрѣтаетъ способность отожествлять свои члены съ такими же членами различныхъ боговъ. Отсюда позволительно думать, что и при наименованіи усопшаго Озирисомъ дѣло идетъ объ отожествленіи. Такое представленіе, не унижая бога, возвышаетъ человѣка. Усопшій сливаетъ свою личность съ личностью Озириса, пантеистически погружается въ его божественную сущность. Въ другихъ варіантахъ блаженство оправданной души представляется заключающимся въ томъ, что она вступаетъ въ лодку Ра. Всѣ ея загробныя странствованія и мученія— это ея переходъ отъ мѣста смерти къ священной лодкѣ солнечнаго бога. Тамъ на этой лодкѣ душа соединяется съ Ра, и здѣсь опять мы встрѣчаемся съ пантеистической идеей сліянія.

Рядомъ съ надеждою на блаженное существованіе въ лонѣ Озириса или Ра въ Египтѣ существовало и пессимистическое представленіе удѣла мертвецовъ. Документы, подтверждающіе это, довольно поздняго происхожденія (эпохи птоломеевъ), но они чисто египетскаго характера и, принимая во вниманіе аналогіи въ другихъ религіяхъ, гдѣ пессимистическія тѣни

всегда стоятъ рядомъ съ самыми свѣтлыми упованіями (даже у Гомера и Гезіода), позволительно думать, что они представляютъ собою не наносное и случайное явленіе, а отзвукъ идущій отъ временъ прошедшихъ разочарованнаго настроенія нѣкотораго элемента египетскаго общества. „О, мой другъ, мой братъ, мой мужъ, говоритъ погребальная надпись на памятникѣ отъ имени покоющейся подъ нимъ женщины, ѣшь, пей, опоражнивай кубокъ жизни, люби и празднуй праздники. Пусть всегда будутъ исполняться твои желанія, и скорбь никогда не войдетъ въ твое сердце, пока ты на землѣ. Ибо Аментъ есть страна глухого сна и мрака, жилище скорби для пребывающихъ въ немъ. Они спятъ въ своихъ безтѣлесныхъ формахъ, они не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не знаютъ болѣе ни отца, ни матери, ихъ сердце не стремится ни къ женѣ, ни къ дѣтямъ. Каждый насыщается водою жизни, лишь я одна испытываю жажду. Вода полезна для живущихъ на землѣ; гдѣ нахожусь я, тамъ самая вода возбуждаетъ жажду. Съ тѣхъ поръ какъ я вступила въ эту область, я не знаю, гдѣ я нахожусь. Я плачу о водѣ, которая падаетъ оттуда сверху. Я скорблю о вѣтрѣ, который дуетъ на берегу рѣки и который освѣжилъ бы мое скорбное сердце. Здѣсь живетъ богъ, имя которому совершенная смерть. Онъ призываетъ къ себѣ каждаго. Всѣ кажутся равными передъ нимъ. Всякій боится обращаться къ нему съ мольбою, такъ какъ онъ никого не слушаетъ; никто не хвалитъ его, такъ какъ онъ вовсе не является благодѣтельнымъ для тѣхъ, кто его почитаетъ. Онъ не взираетъ ни на какія жертвы, которыя ему предлагаютъ“. Эти печальныя рѣчи можетъ быть высказывались не многими, но ихъ необходимо отмѣтить, какъ выраженіе пессимистическаго настроенія, которое, значитъ, существовало и въ Египтѣ.

Египтяне очень заботились о сохраненіи своихъ труповъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ находимыя безчисленныя муміи (мумія слово арабское значитъ—асфальтъ, оно соотвѣтствуетъ древне-египетскому слову—саху). Муміи, это—бальзамированные трупы. Даже бѣдняки бальзамировали своихъ покойниковъ, употребляя щелочныя и соляныя вещества и низшій сортъ асфальта, который дѣлалъ муміи черными и безобразными. Эти муміи непрочны и разлагаются

при малѣйшемъ прикосновеніи сырости. Но и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что египтяне считали обязанностью защищать трупы своихъ близкихъ отъ разрушенія. Какими побужденіями они руководствовались? Повидимому подсказывается мысль, что они какъ бы вѣрили въ будущее воскресеніе тѣлъ и ставили въ зависимость это воскресеніе отъ сохраненія тѣла. Но должно признаться, что въ египетскомъ вѣроученіи отсутствуетъ идея воскресенія тѣлъ. Приходится обращаться къ другимъ предположеніямъ. У египтянъ было ученіе—не согласованное съ общеизвѣстною ихъ богословскою эсхатологіею, но по всей вѣроятности идущее съ глубокой древности, о посмертной жизни души на этой землѣ вблизи тѣла. Это вѣрованіе очень распространено у людей стоящихъ на низшей ступени культуры. Они представляли себѣ, что двойникъ усопшаго живетъ около своего тѣла, можетъ возвращаться въ него и нуждается въ томъ, въ чемъ нуждается и тѣло. Благополучіе этого двойника легко связать съ мыслью о благополучіи его тѣла. Сухой сохраняющій климатъ древняго Египта самъ содѣйствовалъ сохраненію труповъ, а затѣмъ у египтянъ легко могла явиться мысль объ искусственномъ содѣйствіи этому сохраненію. Бальзамированіе несомнѣнно восходитъ къ первымъ временамъ Египта. Самая древняя мумія принадлежитъ Сокаремсафу, сыну Пепи I, царя VI династіи (найдена въ 1881 г. хранится въ музеѣ Гизэ), но имѣются и болѣе древнія муміи, только онѣ разсыпаются при первомъ прикосновеніи воздуха. Заботясь о двойникѣ, египтяне клали въ гробовое помѣщеніе яства и питья, нужные предметы, изображали ихъ на стѣнахъ гробницъ и повидимому впослѣдствіи пришли къ мысли, что символическія изображенія совершенно могутъ замѣнять для покойниковъ дѣйствительные предметы. Это примитивное представленіе посмертной жизни было вытѣснено болѣе сложнымъ и осмысленнымъ представленіемъ о жизни души въ иномъ мірѣ, но мысль о посмертной связи души съ тѣломъ и о зависимости благополучія первой отъ сохраненія втораго осталась. Однако на первомъ планѣ у египтянъ всегда была мысль, что загробное благополучіе зависитъ отъ земнаго поведенія. Объ этомъ говорятъ тексты пирамидъ, въ этомъ наставляетъ книга мертвыхъ. Вообще отмѣчаютъ, что мораль пирамидныхъ текстовъ грубѣе и ды-

шитъ большею узкостію, чѣмъ мораль книги мертвыхъ. Кромѣ этихъ источниковъ для сужденія о морали египтянъ есть у нихъ еще свѣтскія произведенія. Таковы напримѣръ изреченія Птаготепа, Хонсуготепа (полагаютъ: Хонсуготепа къ Ани, но Амелино читаетъ наоборотъ: Ани къ Хонсуготепу), наставленія Аменготепа 1-го, наставленія Дауфа. И здѣсь мораль древней эпохи оказывается ниже нравственныхъ правилъ послѣдующаго времени. Этика Птаготепа утилитарна и груба, отъ тенденцій Хонсуготепа, хотя еще и вѣетъ утилитаризмомъ, но его разсужденія о богопочитаніи и семьѣ отличаются нравственно возвышеннымъ характеромъ. Практически грубость и страшныя преступленія не исчезали изъ Египта за все время его существованія, но теоретически несомнѣнно, египтяне чувствовали правду добра съ древнѣйшаго времени. Надпись на надгробномъ памятникѣ одного сановника пятой династіи говоритъ отъ лица этого сановника слѣдующее. „Познавши вещи, я вышелъ изъ этого мѣста (т. е. изъ міра), гдѣ я говорилъ истину и творилъ справедливость. Будьте добры ко мнѣ, вы идущіе въ слѣдъ за мною, засвидѣтельствуйте о вашемъ предкѣ: онъ дѣлалъ добро, о еслибы и мы могли поступать также. Пусть говорятъ это идущіе вслѣдъ за мною. Никогда я не возбуждалъ скорби, никогда не убивалъ. О владыка неба, могущественный владыка вселенной, я въ мірѣ исполнялъ мои обязанности, любя своего отца и свою мать, служа всякому, я былъ радостью своихъ братьевъ, любовью своихъ слугъ, въ которыхъ я никогда не возбуждалъ сожалѣній“. Эпитафія одного областнаго владѣтеля двѣнадцатой династіи говоритъ слѣдующее: „Я служилъ своему господину, когда онъ ходилъ въ чужія земли побивать враговъ. Я ходилъ въ качествѣ сына начальника, камергера, генерала отъ инфантеріи и правителя нома Миги. Я ходилъ противъ кушей и доходилъ до конца земли. Я препровождалъ добычу моего господина, и хвала моя дошла до неба. Когда его величество, разбивъ враговъ презрѣнныхъ кушей, вернулся въ мирѣ, я пришелъ служить ему. Ни одинъ изъ моихъ солдатъ не бѣжалъ отъ меня, когда я сопровождалъ продукты золотыхъ пріисковъ его святости Узиртизена I всегда и вѣчно живущаго. Я отправился тогда съ наслѣднымъ принцемъ, сыномъ царя, Амоки, жизнь, здоровье, сила, я ходилъ съ четырьмя стами

отборныхъ воиновъ, я вернулся въ мирѣ и ни одинъ изъ моихъ воиновъ не бѣжалъ отъ меня, когда я сопровождалъ продукты золотыхъ пріисковъ. Все это доставило мнѣ похвалу царей... Я былъ добрымъ, привѣтливымъ повелителемъ, былъ правителемъ любящимъ свою страну... Я работалъ и весь номъ былъ преисполненъ дѣятельности. Я никогда не обидѣлъ ребенка, необращался дурно съ вдовой, никогда не оттолкнулъ землепашца, не препятствовалъ пастуху. Не было начальника хотя бы надъ пятью человѣками, отъ котораго бы я требовалъ людей для своихъ работъ. Во все мое время не было голода, не было голоднаго въ моей области даже въ годы безкормицы, потому, что я вспахалъ всю землю нома Миги до самыхъ сѣверныхъ и южныхъ его границъ и такъ распредѣлилъ областныя работы между жителями, что никто не голодалъ. Я одинаково надѣлялъ вдову и замужнюю. Давая, я не предпочиталъ большихъ малымъ. Когда вода въ Нилѣ была высока и владѣльцы полей и другихъ предметовъ оживлялись надеждой, я не прегреждалъ пути водѣ въ каналахъ орошающихъ поля". На памятникѣ намѣстника другого округа (Θивскаго) тойже эпохи излагается такая рѣчь. „Я былъ палкою опоры для старца, питаніемъ для дитяти, защитникомъ для слабыхъ, домъ мой тепелъ для всякаго, чувствовавшаго холодъ въ Θиваидѣ, я былъ хлѣбомъ для угнетенныхъ защитой отъ варваровъ". Другое важное лицо именно принцъ Ентефъ расказываетъ о себѣ на своемъ памятникѣ, что онъ лишалъ силы руки надменныхъ, употреблялъ силу противъ грубой силы, но что онъ былъ человѣкомъ единственнымъ, мудрымъ, обогащеннымъ знаніями, здравымъ духомъ, умѣющимъ отличать мудраго отъ глупаго, отличающимъ искусныхъ и порицающимъ невѣждъ. Онъ былъ отцемъ для несчастнаго, матерью для того, у кого не было матери, страхомъ для жестокаго, покровителемъ лишеннаго наслѣдства, защитникомъ того, кто былъ угнетаемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ самъ, онъ былъ вмѣсто супруга для вдовы, убѣжищемъ для сироты". Въ XXX главѣ книги мертвыхъ сердце человѣка противополагается человѣку, оно имѣетъ свою собственную волю, оно можетъ быть довольно и недовольно человѣкомъ и если оно довольно, оно не свидѣтельствуетъ противъ человѣка на судѣ Озириса. Но сердце это—

совѣсть, и XXX глава книги мертвыхъ представляетъ загробную участь человѣка стоящею въ зависимости отъ оправданія его собственною совѣстью. Въ CXXV главѣ книги мертвыхъ излагаются оправданія души предъ сорока двумя судьями Озирисова суда. „Я не злословилъ, говоритъ умершій, я не обманывалъ, я не воровалъ, я не кривилъ справедливостью, не предпринималъ подлоговъ и обмановъ по отношенію къ людямъ, я не мучилъ вдовы, не налагалъ на управляющаго работами болѣе работы, чѣмъ онъ могъ понести; я не производилъ волненій, никого не заставлялъ плакать, никого не морилъ голодомъ, не былъ лѣнивымъ и нерадивымъ, не упивался, не отдавалъ несправедливыхъ приказаній, не имѣлъ нескромной страсти, не былъ болтливымъ, никого не билъ и никого не убивалъ, не приказывалъ убить предательскимъ образомъ, никому не внушалъ страха, никого не поносилъ, не возводилъ ложныхъ обвиненій, не отнималъ молока изо рта питающагося, не производилъ искусственнаго выкидыша, не унижалъ раба предъ господиномъ, не причинялъ зла рабу, выдвигая надъ нимъ свое превосходство“. Даже и въ наставительныхъ произведеніяхъ свѣтскаго характера на ряду съ правилами житейской мудрости высказывается иногда не мало свѣтлыхъ правилъ, бичуются пороки, рекомендуются добродѣтели. Такъ въ трактатѣ Хонсуготепа излагаются добрыя правила о домашнихъ обязанностяхъ, о религіи, предписывается изученіе древнихъ книгъ, дѣятельность, запрещается пьянство, обжорство, расточительность, роскошь, внушается страхъ къ порокамъ, скромность, порицаются злословіе, болтливость, предписывается великодушіе, забота о добромъ воспитаніи, уваженіе къ старости, мужество, порицается мотовство, говорится о дружбѣ, о непостоянствѣ вещей, объ общественныхъ отношеніяхъ. Замѣчательны нравственныя правила, излагаемыя въ одномъ Луврскомъ папирусѣ демотическаго письма прочитаномъ Піэрэ. Демотическое письмо представляетъ собою упрощеніе іератическаго, которое въ свою очередь есть упрощеніе іероглифическаго. Іероглифы, это чрезвычайно сложные знаки для обозначенія звуковъ (напр. изображенія различныхъ птицъ для обозначенія а, у, м.), слоговъ и понятій, іератическое письмо, это—закругленіе и упрощеніе іероглифическихъ знаковъ, демотическое — дальнѣй-

шая степень упрощенія, введеніе лигатуръ, т. е. слитнаго писанія. Іератическія и демотическія письма явились послѣ іероглифическихъ, но долго они существовали совмѣстно, причемъ іероглифы употреблялись для цѣлей религіозныхъ, для важныхъ документовъ, а въ обыденной жизни существовало демотическое письмо. Вотъ какая мораль преподавалась этимъ обыденнымъ письмомъ. „Не дѣлай своимъ товарищемъ злого человѣка“. „Не дѣйствуй по совѣту глупца и не имѣй дѣла съ безумнымъ“, „не слушай его словъ“. „Избѣгай непріятныхъ посѣщеній“. „Не давай дурныхъ примѣровъ“. „Не развращай сердца своего товарища, если оно чисто“. Отцу авторъ говоритъ: „запрещай сыну твоему вступать въ связь съ замужней женщиной“. Особенно онъ рекомендуетъ чувство уваженія и осторожности по отношенію къ слабымъ. „Не обращайся дурно съ низшимъ, уважай старшихъ, не обращайся дурно съ женщиною, силы которой меньше твоихъ, пусть она найдетъ въ тебѣ своего покровителя, не заставляй страдать ребенка по причинѣ его слабости, помогай ему; не дѣлай развлеченія, забавляясь надъ тѣми, кто зависитъ отъ тебя“. Въ послѣднемъ правилѣ авторъ говоритъ: „никогда не спасай свою жизнь цѣною жизни другаго“.

Существуетъ много свидѣтельствъ, утверждающихъ въ мысли, что эти добрыя правила хотя записывались и читались, но не исполнялись и что лестныя рекомендаціи, которыя давали себѣ умершіе на надгробныхъ надписяхъ или на судѣ Озириса, далеко не отвѣчали правдѣ. Номархи управляли палкой и скудно платили рабочимъ за работы. „Я видѣлъ кузнеца за работой передъ жерломъ печи, говоритъ одинъ книжникъ двѣнадцатой династіи своему сыну, его пальцы такъ шероховаты, какъ вещи изъ крокодиловой кожи, и пахнетъ отъ него хуже, чѣмъ отъ рыбьей икры. А работающіе надъ металлами..... ночью, когда предполагается, что они свободны, они все еще работаютъ, не смотря на то, что рукамъ ихъ пришлось такъ много сдѣлать въ теченіи дня..... Каменотесъ ищетъ работы надъ различными твердыми каменьями. Когда онъ оканчиваетъ ее, его руки утомлены, онъ отдыхаетъ, такъ какъ ему приходится работать, сидя на корточкахъ съ самаго разсвѣта, спина и колѣна его разбиты.....

Я тебѣ скажу словами самого каменщика, что болѣзнь подтачиваетъ его, потому что его обдуваетъ вѣтромъ, когда при трудныхъ строительныхъ работахъ онъ высоко привязанъ къ лотообразнымъ капителямъ зданій, чтобы достать ихъ верхушки. Руки его портятся отъ работы, одежда его въ безпорядкѣ, онъ самъ гложетъ себя; его пальцы, это—его хлѣбъ; онъ моется только разъ въ сутки. Онъ долженъ унижаться, чтобы поправиться..... Когда у него есть хлѣбъ, онъ возвращается домой и бьетъ своихъ дѣтей. Ткачъ работающій дома несчастнѣе женщины. Его колѣна всегда находятся на высотѣ его сердца. Онъ не дышитъ чистымъ воздухомъ. Если хотя одинъ день онъ не изготовитъ положеннаго количества матеріи—его привяжутъ, какъ лотосъ на болотѣ. Только подкупивъ привратниковъ подачками въ видѣ кусковъ хлѣба, онъ можетъ повидать дневной свѣтъ..... Пальцы красильщика издаютъ зловоніе, какъ тухлая рыба, глаза смыкаются отъ усталости, но рука не перестаетъ работать..... Сапожникъ очень несчастливъ, онъ вѣчно бѣдствуетъ. Здоровье его—здоровье тухлой рыбы. Онъ грызетъ кожу, чтобы утолить голодъ. „Я видѣлъ насиліе, я видѣлъ насиліе“, говоритъ книжникъ. Это описаніе, говоря нашимъ языкомъ, тенденціозно, потому что оно имѣетъ своею задачею доказать превосходство профессіи книжника предъ другими профессіями. Но если краски здѣсь и сгущены намѣренно и сгущены очень сильно, то все таки, какъ ни ослаблять ихъ, получается картина далеко не отвѣчающая тому идиллическому порядку вещей, о которыхъ говорятъ надписи. Да и a priori нельзя повѣрить въ такую реализацію нравственной правды болѣе, чѣмъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Но необходимо приходится признать фактъ пониманія этой правды и еще нѣчто большее. Изъ приведенныхъ правилъ и разсужденій слѣдуетъ, что египтяне признавали возможнымъ осуществленіе этихъ высокихъ нравственныхъ требованій, а такъ какъ они были не теоретиками, а практиками и самыя нравственныя правила они можетъ быть формулировали по наблюденію надъ дѣйствительностію, то значитъ въ средѣ ихъ были лица—хотя и немногія и рѣдкія исключенія—приближавшіяся по своей нравственной высотѣ къ ихъ высокимъ требованіямъ. Но

при признаніи высокаго характера отдѣльныхъ правилъ египетской морали должно однако отмѣтить что въ ней отсутствовали нѣкоторыя важныя моральныя начала. Въ морали египтянъ нѣтъ объединяющаго нравственнаго принципа, нѣтъ нравственныхъ обобщеній. Затѣмъ та форма, въ которой умершій аттестовалъ самаго себя, заставляетъ подозрѣвать: числилось-ли въ ряду египетскихъ добродѣтелей смиреніе? Наконецъ, оффиціальное признаніе, что магическія дѣйствія и знанія не менѣе необходимы для спасенія, чѣмъ доброе поведеніе, и даже, пожалуй, могутъ съ успѣхомъ восполнить его недостатокъ, значительно, колеблятъ смыслъ и силу нравственныхъ требованій.

6.

Для древняго египтянина, какъ и для другихъ людей древняго міра, религія не была теоріею, которая имѣется про запасъ и о которой вспоминаютъ при случаѣ. Вся его жизнь была выраженіемъ его вѣрованій. Онъ отдавалъ много времени, силъ и средствъ на служеніе богамъ и онъ не дѣлалъ ничего для себя, не призывая боговъ. Египетская религія имѣла богатый и сложный культъ и по оставшимся слѣдамъ этого культа собственно ее и возстановляютъ и выясняютъ теперь. Когда египтяне начали строить своимъ богамъ храмы, вопросъ этотъ остается открытымъ. Отъ мемфисскаго періода не осталось несомнѣнныхъ слѣдовъ существованія храмовъ. Но отсюда нельзя дѣлать заключенія къ ихъ несуществованію въ эту эпоху. Очень можетъ быть, что тогда египтяне воздвигали деревянные храмы. Древесная растительность была тогда гораздо богаче въ Египтѣ, въ послѣдствіи строевой лѣсъ былъ вытѣсненъ изъ нильской долины развившимся земледѣліемъ. Затѣмъ болѣе роскошныя постройки послѣдующаго времени, когда египтяне стали свободно эксплоатировать алебастръ и гранитъ, могли легко вытѣснить скромныя зданія первой эпохи. Отъ времени четвертой династіи Маріеттомъ въ 1853 г. найдены остатки зданія, относительно котораго онъ и многіе другіе склоняются къ мысли, что оно было храмомъ. Къ юго-западу отъ

Каира у подножія громаднаго сфинкса въ пескѣ Маріеттъ разрылъ зданіе „въ варварскомъ стилѣ“ изъ алебастра и розоваго гранита. Въ основаніи оно было почти квадратнымъ. Съ южной стороны (близко къ западу) во внутренность зданія велъ узкій корридоръ, въ серединѣ этого корридора на право имѣется небольшая комната, налѣво лѣстница, ведущая на террасу, далѣе корридоръ вводитъ въ большую залу, имѣющую форму буквы т., поддерживавшуюся колоннами въ формѣ параллелипипеда, съ восточной стороны т. нѣсколько узкихъ комнатъ корридоровъ, т. оріентированъ съ сѣвера на югъ, на сѣверѣ корридоръ соединяетъ его еще съ узкою залою, къ которой прилегаетъ сѣверная стѣна зданія. Судя по плану, каждая сторона зданія была болѣе 15 и менѣе 20 сажень. Маріеттъ нашелъ здѣсь глубокій колодезь засыпанный пескомъ, девять разбитыхъ статуй Хефрена (въ разныхъ возрастахъ) и нѣсколько каменныхъ фигуръ павіановъ. Громадный сфинскъ (олицетвореніе Гора) наводитъ на мысль, что это зданіе было храмомъ, но съ другой стороны статуи Хефрена и планъ зданія, сходный и только немного превосходящій размѣры нѣкоторыхъ гробовъ, дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что это была гробница. Несомнѣнные остатки храмовъ къ намъ идутъ, начиная съ двѣнадцатой династіи. Особенно такими остатками богатъ западный берегъ стовратныхъ Ѳивъ. Здѣсь находятся развалины карнакскаго храма, отъ котораго сохранились колонны, одинъ обелискъ въ разбитомъ видѣ и одинъ въ цѣломъ (обелиски символизировали собою солнечные лучи, имѣли видъ четыреугольныхъ кверху суживавшихся и кончавшихся заостреніемъ столбовъ, изсѣкались большею частію изъ гранитнаго монолита, исписывались іероглифами, по египетски назывались „техами“). Общій типъ египетскаго храма, какъ объ этомъ позволяютъ судить останки таковыхъ, былъ слѣдующій. „Своимъ входомъ храмъ былъ обращенъ къ востоку или что тоже къ Нилу, такъ какъ храмы, какъ и кладбища, строились на западной сторонѣ Нила. Для храмовъ прежде всего воздвигали громадную кирпичную платформу, имѣвшую видъ продолговатаго параллелограмма. На платформѣ съ трехъ сторонъ западной, сѣверной и южной—воздвигали каменныя стѣны нѣсколько наклоненныя внутрь, что придавало храму видъ усѣченной пирамиды. Ко входу въ храмъ

вела обыкновенно длинная аллея гранитныхъ сфинксовъ или барановъ, она доводила до двухъ башенъ пилоновъ, между которыми открывался входъ во храмъ. Пилоны были расписаны живописью и іероглифами, вверху ихъ были сдѣланы отверстія для помѣщенія мачтъ съ узкими флагами въ праздничные дни. Надъ дверью между пилонами помѣщалось изображеніе крылатого солнечнаго диска, около котораго изображались двѣ змѣи (uraei). Это—знакъ Озириса, онъ помѣщался надъ всѣми дверьми внѣ и внутри храма. Черезъ дверь между пилонами посѣтитель не вступалъ еще прямо въ храмъ, предъ нимъ открывался длинный дворъ имѣвшій съ трехъ сторонъ крытыя галлереи на колоннахъ, за этимъ дворомъ иногда шелъ другой подобный же. Далѣе открывалась обширная зала, ея каменный потолокъ поддерживался колоннами, средняя часть залы была выше прочихъ и въ ея возвышающемся куполѣ прорубались четырехугольныя отверстія, свѣтъ проникавшій черезъ которыя и освѣщалъ залу. Эта зала называлась „залой проявленія“. Сюда въ торжественные дни выносили для поклоненія вѣрующимъ святыни храма или ковчегъ, содержавшій въ себѣ статую Бога. Ковчегъ имѣлъ форму лодки (бари). Всего вѣроятнѣе, что эта форма указывала на лодку Ра, вообще на солнечную лодку, въ которой божество объѣзжаетъ міръ. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ этой лодкѣ указаніе на лодку Изиды, въ которой она плавала по Нилу, отыскивая тѣло Озириса, но это—случайное событіе, съ которымъ не связывается представленіе объ участіи въ немъ всѣхъ божествъ. За залой проявленія обыкновенно находилась другая подобная же зала меньшихъ размѣровъ. Склоняются къ мнѣнію, что она служила для той-же цѣли, какъ и первая, но только въ менѣе торжественныхъ случаяхъ. Корридоры и комнаты вели изъ названныхъ залъ во святилище. Это—сравнительно небольшая, низкая и совершенно темная комната, въ которой помѣщались статуя бога, обыкновенно роскошно одѣтая, ковчегъ (=бари), вообще святыни. Къ святилищу вели еще корридоры и комнаты, въ которыхъ по всей вѣроятности помѣщались принадлежности культа. При храмахъ устраивались помѣщенія для священныхъ животныхъ, имѣлись отдѣленія прорицалищъ. Жрецы не жили въ храмахъ, ихъ дома обыкновенно устраивались около. Аллеи сфинксовъ и

двери и самъ храмъ постепенно съуживались по направленію къ святилищу такъ, что храмъ являлся чѣмъ то въ родѣ равнобедреннаго треугольника обращеннаго основаніемъ къ Нилу. Стѣны, потолки храмовъ, колонны, статуи, все обыкновенно покрывалось изображеніями и іероглифическими надписями. На капителяхъ колоннъ часто вырубалось лицо богини Гаторъ (четыре лица на одной капители). Въ надписяхъ говорилось о богахъ и героическихъ подвигахъ фараоновъ. Были храмы и болѣе простого устройства. Таковые находятъ по верхнему теченію Нила. Были храмы цѣликомъ или на половину высѣченные въ скалахъ. Они назывались спеосами и полуспеосами.

Предметомъ такихъ же, а часто и большихъ заботъ, чѣмъ храмъ, служили гробницы. Онѣ имѣли нѣсколько типовъ. Важнѣйшій и извѣстнѣйшій изъ нихъ суть пирамиды. Это—сооруженія, имѣвшія квадратное основаніе и четыре трехугольныя боковыя поверхности, относительно которыхъ доселѣ неизвѣстно представляли-ли они въ своемъ верхнемъ окончаніи четырехгранный уголъ или они не доводились до такой высоты и оканчивались площадкой. Т. е. мы не знаемъ, были ли пирамиды полными или усѣченными, такъ какъ теперь онѣ существуютъ только въ усѣченномъ состояніи. Къ предположенію, что онѣ были полными ведетъ то обстоятельство, что въ саркофагахъ послѣдующаго времени, когда уже не было пирамидъ, находятся около мумій маленькія пирамидки вполнѣ соотвѣтствующія геометрическому опредѣленію четырехгранной пирамиды. Полагаютъ, что исторически пирамиды смѣнили собою могильные курганы, подобные которымъ находятся и въ Россіи. Но процессъ смѣны вторыхъ первыми невыясненъ и неизвѣстенъ. Самая высочайшая изъ пирамидъ—хеопсова. Хотя она теперь и уменьшилась, однако имѣетъ высоты болѣе 65 сажень и каждая изъ сторонъ ея квадратнаго основанія имѣетъ около 110 сажень. Мѣсто погребенія мумій въ пирамидахъ обыкновенно тщательно закрывалось и замаскировывалось. Одною изъ цѣлей этого можетъ быть было то, чтобы спасти мумію отъ разграбленія и уничтоженія и не только отъ людей, но и отъ стихій. Комнату, гдѣ погребалась мумія, замуровывали герметически, чтобы не допускать доступа свѣжаго воздуха, сырости. Съ муміей клали амулеты, скарабеи, украшенія, фи-

гурки боговъ, книгу мертвыхъ. Самую мумію въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя эпохи погребали различно. Въ пирамидахъ проводилось много корридоровъ и камеръ. Но кромѣ мѣста погребенія еще важное значеніе имѣла камера, въ которой помѣщались портретныя статуи усопшаго. Не только съ статуями боговъ египтяне соединяли представленіе, что между ними и богами существуетъ связь и что чрезъ нихъ дѣйствуетъ божественная сила, но они тоже самое думали и о статуяхъ людей. Имъ казалось, что между статуей усопшаго и его душою есть какая-то таинственная связь, и что еслибы мумія усопшаго, обусловливающая нѣкоторымъ образомъ существованіе двойника, погибла, то тогда статуя могла бы въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнить мумію и поддержать существованіе души усопшаго. Далѣе при гробницахъ или около нихъ помѣщались поминальные покои. Въ нихъ находилась покрытая іероглифами погребальная стела, письмена которой говорили объ общественномъ и имущественномъ положеніи покойника. Въ поминальномъ покоѣ находился жертвенникъ, на который клались приносимые дары. Доступъ въ поминальный покой былъ открытъ. Иногда этотъ покой устраивался отдѣльно отъ пирамидъ. Не всѣ пирамиды были строгими копіями указаннаго образца, но всѣ онѣ незначительно варіировали сравнительно съ нимъ. Пирамиды были прежде всего усыпальницами царей. Сохранились пирамиды уже отъ второй династіи, но обычай воздвигать ихъ не просуществовалъ во все время существованія Египта: въ эпоху новаго царства фараоны прекратили обычай воздвигать себѣ эти грандіозные памятники. Другія египетскія гробницы представляютъ два основныхъ типа: однѣ высѣчены въ скалахъ, другія сложены изъ камня на поверхности земли. Послѣднія получили отъ арабовъ имя „мастаба“. Онѣ представляютъ собою усѣченную пирамиду съ продолговатымъ четыреугольнымъ основаніемъ, которому отвѣчаетъ совершенно подобная, но только меньшихъ размѣровъ платформа на верху. Въ мастабѣ необходимо были поминальный покой и камера съ статуями покойника (называлась сердобъ); мумія покойника помѣщалась въ подземномъ склепѣ обыкновенно подъ поминальнымъ покоемъ. Спускали ее черезъ отверзтіе въ верхней платформѣ, устроивъ какъ бы нѣчто въ родѣ колодца, и затѣмъ въ поминальномъ покоѣ отверстіе, ведущее

въ подземный склепъ, задѣлывали такъ тщательно, что его трудно было найдти.

Въ храмахъ должно было служить и въ гробницахъ хоронить по выработаннымъ вѣками ритуаламъ. Исполнителями и руководителями въ дѣлѣ исполненія этихъ ритуаловъ были жрецы. Образованіе вообще въ Египтѣ было достояніемъ канцелярскихъ чиновниковъ и жрецовъ, но послѣднихъ преимущественно, они назывались рехіу хету—познавшіе вещи „премудрые“ Библіи, ἱερογραμματεῖς. Въ исторіи жреческаго института должно различать два періода, изъ которыхъ смѣна перваго вторымъ можетъ быть совершалась съ неуловимой постепенностью, но которые въ своемъ высшемъ развитіи рѣзко различаются между собою. Въ первый періодъ кромѣ жрецовъ профессіональныхъ существовали еще, такъ сказать, жрецы добровольцы. Знатные и богатые люди считали честью служить богу своей области въ качествѣ жреца, знатныя и богатыя женщины охотно выступали въ качествѣ жрицъ богинь Гаторъ или Нейтъ. Но съ теченіемъ времени профессіоналисты все болѣе и болѣе оттѣсняли добровольцевъ и затѣмъ, вытѣснивъ ихъ изъ храма, сами перешли въ наступленіе и начали занимать свѣтскія должности. Жрецы имѣли различные ранги и въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ жреческая іерархія имѣла различное устройство. Были спеціальные жрецы, на которыхъ лежала забота объ одеждахъ статуй и изображеніи боговъ. Они должны были ежедневно одѣвать и раздѣвать статую бога, кормить ее при кажденіи и произнесеніи установленныхъ формулъ. Были жрецы, на обязанности которыхъ лежало приготовленіе и совершеніе жертвъ. Въ религіозныхъ церемоніяхъ они являлись съ принадлежностями жертвеннаго культа и съ мѣрой истины и жертвенной чашей въ рукахъ. Были жрецы, которые хранили священные предметы и при церемоніяхъ носили ковчеги съ изображеніями боговъ и религіозные символы. Были жрецы анатомы, жрецы исполнявшіе погребальныя обязанности, были астрологи, были жрецы-пѣвцы, были и пѣвицы, были особыя жрицы, которыя трактовались, какъ жены боговъ. Ихъ называли „гаремомъ“ бога. Въ храмахъ для нихъ были спальныя комнаты, въ которыхъ они должны были проводить ночь. Извѣстны нѣкоторыя наименованія жрецовъ: уэбъ—

чистые, гор-гебъ—чтецы, гон-нутеръ—рабы божіи. Гер-гебъ трактовались, какъ умѣвшіе читать божественное слово, какъ служители Тота и владѣвшіе знаніемъ заклинаній. Они легко пріобрѣли себѣ репутацію маговъ. Въ храмѣ Амона-Ра жрецы назывались пророками. Были жрецы и пророки разныхъ ранговъ. Верховный пророкъ Амона-Ра былъ религіознымъ главою Египта. Хотя жрецы образовали собою касту, однако жреческія достоинства не передавались непосредственно по наслѣдству. Жрецъ долженъ былъ проходить іерархію должностей. Болѣе была наслѣдственна жреческая спеціальность, чѣмъ жреческое достоинство: сынъ чтеца становился чтецомъ и сынъ анатома — анатомомъ. У жрецовъ было много отличій, характеризировавшихъ ихъ профессію, и привиллегій, показывавшихъ, что эта профессія считалась въ Египтѣ въ высшей степени почтенною. „Жрецы боговъ въ другихъ мѣстахъ, говоритъ Геродотъ, носятъ длинные волосы, а въ Египтѣ они стригутся..... Будучи самыми религіозными изъ всѣхъ людей, они исполняютъ слѣдующіе обряды. Пьютъ изъ мѣдныхъ чашъ, ополаскивая ихъ ежедневно; причемъ это дѣлаютъ всѣ, а не нѣкоторые только; носятъ льняныя одежды всегда чистыя, о чемъ особенно заботятся: крайнюю плоть обрѣзываютъ такъ же ради чистоты и вообще предпочитаютъ опрятность красотѣ. Жрецы черезъ каждые три дня стригутъ волосы на всемъ тѣлѣ, чтобы у нихъ не было ни паразитовъ, ни другой какой-либо нечистоты, когда они служатъ богамъ; жрецы носятъ исключительно льняную одежду и обувь изъ коры папируса: иной одежды и иной обуви имъ не дозволено носить. Они моются въ холодной водѣ два раза днемъ и два раза ночью; вообще можно сказать, что они исполняютъ безчисленное множество разныхъ обрядовъ, однако они обладаютъ и немалыми преимуществами. Изъ собственныхъ средствъ они ничего не тратятъ и не издерживаютъ; у нихъ бываетъ всегда много священныхъ припасовъ такъ, что каждому ежедневно достается большое количество бычьяго и иного мяса; для нихъ позволяется и виноградное вино, но рыбу не позволено употреблять въ пищу. Египтяне вовсе не сѣютъ бобовъ, и хотя эти послѣдніе растутъ тамъ, ихъ не ѣдятъ ни сырыми, ни вареными: жрецы не хотятъ и смотрѣть на нихъ, считая овощи съ шелухой не-

чистыми. При каждомъ изъ боговъ жреческія обязанности исполняются не однимъ человѣкомъ, а нѣсколькими: изъ нихъ одинъ главный жрецъ: когда кто изъ нихъ умретъ, его мѣсто заступаетъ сынъ. (Герод. 11, 36, 37). Жрецъ былъ хранителемъ священныхъ традицій и преданій, скромная одежда жрецовъ позднихъ эпохъ таже, что и ранняго времени, но сохраняя старые обычаи, жрецы непрестанно стремились пріобрѣтать новыя права и преимущества. Громадные доходы стекались въ храмы. Они составлялись изъ жертвенныхъ приношеній, добровольныхъ пожертвованій, но главнымъ образомъ ихъ доставляли завоеванія. Ко времени Рамзеса IV (приблизительно за 1200 л. до Рожд. Хр.) матеріальное благополучіе храмовъ повидимому достигло наивысшей степени. Храмы владѣли 169 городами, изъ которыхъ девять было въ Сиріи и Эѳіопіи, 113433 рабами обоего пола, 493386 головами скота, 1071780 арурами земли, 514 виноградными удѣлами, 88 барками и морскими судами, 336 граммами золота въ издѣліяхъ и слиткахъ, 2993964 граммами серебра, громадными количествами мѣди и драгоцѣнныхъ каменьевъ и сотнями магазиновъ, гдѣ складывались произведенія изъ областей—пшеница, масло, вино, медъ, мясо въ консервахъ. Каковы были эти складочныя мѣста, можно судить, напр., по даннымъ большаго папируса Гарриса, въ которомъ число живыхъ птицъ магазина обозначается восходящимъ до 680714, число сушеныхъ и копченыхъ рыбъ—до 494800. Амону принадлежала львиная доля изъ всего этого, изъ рабовъ, напр., на его часть приходилось 86486, т. е. три четверти.

Жрецы были служителями общественнаго культа. Но прежде всего у египтянъ былъ культъ личный. Всѣ свои личныя начинанія и дѣйствія египтянинъ сообразовалъ съ волею боговъ и стихій, причемъ представленія объ этой волѣ его были грубо суевѣрными, а средства, которыми онъ стремился согласовать съ нею свое благополучіе, заключались въ заклинаніяхъ, магическихъ дѣйствіяхъ, приспособленіяхъ къ счастливымъ и несчастливымъ днямъ. Египетскій календарь былъ мистическимъ руководствомъ, наставлявшимъ, въ какой день что можно и чего нельзя дѣлать. Годъ у египтянъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ по 30 дней каждый, значитъ имѣлъ 360 дней. Ошибки такого счисленія не за-

медлили обнаружиться. Египтяне прибавили къ 12 мѣсяцамъ тринадцатый и о происхожденіи его составили такое сказаніе. Ра заклялъ Нутъ такъ, что она не могла разрѣшиться дѣтьми зачатыми ею отъ Себа ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ года. Тогда Тотъ, любившій богиню, сталъ играть въ кости съ луною и выигралъ у ней одну шестидесятую (точно— одну семдесятъ вторую) часть каждаго дня, изъ чего составилъ пять дней и прибавилъ ихъ къ 360. Каждый день года у египтянъ былъ посвященъ или особымъ божествамъ или воспоминанію особыхъ событій или наприм., даже поминовенію умершихъ (5 прибавочныхъ дней посвящены воспоминанію рожденій Озириса, Гора, Сета, Изиды и Нейтъ) [1]). Каждый день былъ или счастливымъ или несчастнымъ. Вотъ— отрывокъ изъ египетскаго календаря. „4 тиби: добрый, добрый, добрый (т. е. день). Чтобы ты ни увидѣлъ въ этотъ день, все будетъ счастливымъ. Кто родится въ этотъ день, умретъ старѣйшимъ изъ своихъ, онъ достигнетъ старости болѣе глубокой, чѣмъ его отецъ. 5 тиби: злой, злой, злой. Это день, въ который богиня Секкетъ, владычица двойнаго бѣлаго двóрца, сожгла вождей, которые возбуждали толпы, поднимались и шли (разумѣется,—противъ Ра. Рѣчь идетъ о возстаніи, которое кончилось истребленіемъ людей и удаленіемъ Ра на небо). Хлѣбныя жертвы Шу, Пта, Тоту, воскурять фиміамъ Ра и богамъ его свиты—Пта, Тоту, Ху-Шу, въ этотъ день. Что бы ты ни увидѣлъ въ этотъ день, будетъ счастливымъ. 6 тиби: добрый, добрый, добрый. Что ты ни увидишь въ этотъ день, будетъ счастливымъ 7 тиби: злой, злой, злой. Не соединяйся съ женщиной въ присутствіи глаза Гора. Объ огнѣ находящемся въ твоемъ дому заботься, чтобы онъ не упалъ. 8 тиби: добрый, добрый, добрый. Чтобы ты не увидѣлъ своимъ глазомъ въ этотъ день девятерина боговъ поможетъ тебѣ, больной поправится. 9 тиби: добрый, добрый, добрый. Боги восклицаютъ отъ радости, въ полдень въ этотъ день приноси въ жертву праздничные пироги и свѣжіе хлѣбы, которые услаждаютъ сердце боговъ и усопшихъ. 10 тиби: злой, злой, злой. Не помѣщай

---

[1]) Египетскіе мѣсяцы: Тотъ (соотвѣтствуетъ нашему Сентябрю), Паоти Атиръ, Сеакъ, Тиби, Метиръ, Фаменотъ, Фармутій, Панонъ, Пайни, Эпифи Мезори, дополнительные дни—Низи.

огня на травѣ въ этотъ день. Это день, въ который Сопху произвела пожаръ въ странѣ Буто (событіе неизвѣстно). 11 тиби: злой, злой, злой. Не приближайся ни къ какому пламени въ этотъ день, ибо Ра помѣстился въ пламени для того, чтобы поражать всѣхъ враговъ, и кто изъ нихъ приблизится въ этотъ день, тотъ не получитъ добра во всю свою жизнь. 12 тиби: злой, злой, злой: постарайся не видать крысы въ этотъ день и чтобы крысы не приблизилось къ твоему дому. Это день, когда Сокхетъ даетъ опредѣленія.“ Содержаніе календарныхъ изреченій вообще двояко. Одни изъ нихъ предписываютъ что-нибуть дѣлать или не дѣлать, другія просто утверждаютъ, что тотъ или иной день тѣмъ или другимъ лицамъ несетъ ту или иную судьбу. Такъ, кто родится 4, 5 или 6 Паоти, тотъ умретъ отъ болотной лихорадки, отъ любви или отъ пьянства. Родившійся 23 погибнетъ въ зубахъ крокодила, родившійся 27 будетъ загрызенъ и умерщвленъ змѣею. Но тѣ, которые родятся 9 или 29, доживутъ до глубокой старости и мирно сойдутъ въ гробъ почитаемые всѣми. Это-фаталистическія изреченія, а вотъ наставленія. 21 тота: не убивай быковъ; 22 тота: не ѣшь и не соли рыбы: 13 паоти: не ѣшь никакихъ овощей; 22 паоти; не купайся; 26 паоти; не начинай постройки дома: 19 атира: не выѣзжай на Нилъ; 21 Сеакъ: не ходи гулять. 28 Сеакъ: не ѣшь никакого воднаго животнаго: 24 тиби: пей медъ.

Во всѣхъ случайностяхъ и несчастіяхъ жизни человѣка должна охранять сила спасительныхъ заклинаній. Предносится-ли ему опасность отъ дикихъ звѣрей, онъ обращаетъ противъ нихъ такія формулы: „Явись сюда, властелинъ боговъ, удали отъ меня львовъ, появляющихся съ земли, и крокодиловъ, выходящихъ изъ рѣки, и всѣхъ кусающихъ тварей, выползающихъ изъ своихъ норъ. Прочь крокодилъ, мако, исчадіе Сета! Не бей своимъ хвостомъ, не потрясывай своими лапами, не раскрывай своей пасти! Да будетъ вода, которая предъ тобою, пылающимъ огнемъ: пусть копья семидесяти семи боговъ выколятъ тебѣ глазъ, ты прикованъ къ большому рулю бога Ра. Будешь ты вдругъ прикованъ къ четыремъ металлическимъ крюкамъ, къ передней части корабля Ра. Стойте крокодилы, мако, исчадіе Сета, ибо я— Амонъ, оплодотворившій собственную мать“. Вотъ другое

заклинаніе: „Не будь противъ меня. Я—Амонъ, я—Ангуръ, милостивый защитникъ, я великій властитель силы, владыка меча, не подымайся на меня, я-Сетъ. Не прикасайся ко мнѣ, я-Горъ. Вы, которые въ водѣ, не смѣйте выходить изъ нея, вы, которые вышли изъ воды, не смѣйте возвращаться въ воду; вы, которые остаетесь въ ней, должны выплыть на верхъ, какъ всплываютъ трупы на волнахъ. Ваша часть должна замкнуться такъ же, какъ замкнуты семь печатей вѣчности". Въ одномъ позднѣйшемъ папирусѣ написанномъ уже по гречески, но несомнѣнно отражающемъ въ себѣ вѣрованія эпохъ древнѣйшихъ, приводится слѣдующая формула, посредствомъ которой кольцу сообщается магическая сила „я-Тотъ изобрѣтшій и создавшій цѣлебныя средства и письмена. Приди ко мнѣ ты, живующій надъ землей. Явись предо мною, великій духъ". Если я не буду знать всего, что таится въ душахъ, всѣхъ египтянъ, грековъ, сирійцевъ и эѳіоповъ, всѣхъ народовъ и племенъ, если я не буду знать всего, что было и должно произойдти, если я не получу объясненія объ ихъ обычаяхъ, трудахъ и жизни, объ ихъ именахъ и именахъ ихъ отцевъ, матерей, сестеръ и друзей, а такъ же и именахъ умершихъ, то я волью кровь чернаго въ ухо собаки, лежащей въ новомъ не употреблявшемся сосудѣ. Я положу это въ новый котелъ и сожгу вмѣстѣ съ костями Озириса; громкимъ голосомъ назову его, Озириса, который былъ въ рѣкѣ три дня и три ночи, который былъ вынесенъ въ море теченіемъ рѣки". Хорошо, конечно, было знать заклинанія и волю боговъ и силы стихій самому, но лучше всего было пользоваться въ нужныхъ случаяхъ спеціалистомъ. Нужно ли чего-нибудь добиться или повредить кому нибудь, должно было идти къ знахарю. Когда нужно было наказать врага, знахарь имѣлъ возможность тысячью способами осуществить это. Онъ преслѣдовалъ его страшными или обманчивыми сновидѣніями, тревожилъ таинственными голосами, дѣлалъ его добычею болѣзней, напускалъ на него блуждающихъ тѣней (духовъ), которые поселялись у него и угнетали его. Знахарь на разстояніи могъ сокрушить и измѣнить волю людей, онъ могъ перемѣнить желанія женщины и заставить ее бѣжать отъ того, что она любила, и полюбить то, что прежде внушало ей отвращеніе. Нѣсколько капель крови, обрѣзки ногтя или волосъ, лоскутокъ рубашки

бывшій въ соприкосновеніи съ тѣломъ какого либо лица, были достаточны для спеціалиста, чтобы сдѣлать это лицо жертвою своихъ неотвратимыхъ чаръ. Кровь, волосы или что иное соединялось съ воскомъ, изъ котораго вылѣплялась фигура, представлявшая подобіе жертвы, и затѣмъ все то, что производилось надъ фигурою, отражалось на лицѣ. Изображенный долженъ былъ подвергнуться всему тому, чему подвергалось изображеніе. Изображеніе бросали въ огонь, изображенный долженъ былъ умереть отъ лихорадки. Изображеніе поражали ножомъ, изображенный мучился болѣзнью отъ раны. Магіи можно было противопоставлять магію и чары, навѣянныя однимъ, разсѣевалъ другой. Конечно магія безсильна предотвратить многое. Человѣкъ родившійся 27 паоти долженъ былъ умереть отъ укушенія змѣя. Судьбою могъ быть точно опредѣленъ день, въ который онъ долженъ умереть, но годъ оставался неопредѣленнымъ, и заклинатель силою своихъ чаръ могъ отодвигать его на возможно позднее время. Должно было охранять себя не только заклинаніями, но и амулетами и талисманами. Мы выше говорили объ изображеніи Гора—дитяти на крокодилахъ. Эта группа, гдѣ фигурируетъ богъ Бесъ, попираются крокодилы, душатся львы и змѣи, имѣла охранительное значеніе. Подобные талисманы ставились при входѣ въ комнату или домъ, маленькіе амулеты носились съ собою. Былъ и циклъ опредѣленныхъ обрядовъ моленій, омовеній, содержаніе въ домахъ священныхъ змѣй, былъ рядъ опредѣленій объ отношеніяхъ къ священнымъ животнымъ. Вообще вся жизнь египтянина была обставлена руководственно религіозными правилами. Но кромѣ этого онъ долженъ былъ принимать участіе въ общественномъ культѣ и затѣмъ особенные случаи въ его жизни требовали особыхъ священнодѣйствій совершавшихся жрецами.

Храмовыя и вообще общественныя богослуженія египтянъ можно подраздѣлить, на нѣсколько типовъ: ежедневныя, праздничныя, мистеріи, по особеннымъ случаямъ. Ежедневные храмовые обряды извѣстны намъ лишь въ общихъ чертахъ. Обряды, видно, были строго разработаны; молитвы, изрѣченія, жесты, дѣйствія, все совершалось по строго опредѣленнымъ правиламъ. Каждый день требовалось вычистить и убрать достойнымъ образомъ жилище бога, облечь статую

бога въ достойныя одежды, предложить ему столъ. Трапеза бога обыкновенно убиралась цвѣтами. Все это—очистка храма, смѣна одежды, устройство стола представляло собою рядъ богослужебныхъ церемоній, которыхъ, наприм. въ Абидосѣ вмѣнялось въ обязанность жрецу совершать ежедневно 36, а въ Ѳивахъ даже 60. Вотъ, какъ въ Египтѣ совершались жертвоприношенія по повѣствованію Геродота: „Отмѣченное животное приводятъ къ алтарю, гдѣ слѣдуетъ принести жертву, зажигаютъ огонь и затѣмъ, совершивши около жертвы возліяніе на алтарь вина, причемъ взываютъ къ богу, закалываютъ животное и у него отрѣзаютъ голову. Туловище обдираютъ, а надъ головой совершаютъ длинное проклятіе и потомъ относятъ ее на рынокъ тамъ, гдѣ у нихъ бываютъ для торговли еллины, которымъ ее и продаютъ, а тамъ гдѣ нѣтъ еллиновъ, голову бросаютъ въ рѣку. Смыслъ проклятія, которое они произносятъ надъ головой, таковъ: если должно случиться какое нибудь несчастье съ нимъ-ли приносящимъ жертву или со всѣмъ Египтомъ, то пусть оно обратится на эту голову. Всѣ египтяне соблюдаютъ эти обычаи относительно жертвенныхъ головъ и возліянія вина одинаково при всѣхъ священныхъ животныхъ, и вслѣдствіе такого обыкновенія никогда египтянинъ не отвѣдываетъ головы какого либо животнаго. Способъ потрошенія и сожиганія жертвъ бываетъ различенъ при различныхъ священныхъ животныхъ“ (Гер. 11, 39, 40). Праздничныя богослуженія, понятно, были торжественнѣе будничныхъ и опять таки имѣли различныя степени торжественности и притомъ были мѣстными или общими для всего Египта. Праздниковъ у египтянъ было очень много. Праздновались всѣ новолунія и каждый седьмой день недѣли (фазы луны), поднятіе воды въ Нилѣ, дни жатвы. Основной религіозной церемоніей праздниковъ было ношеніе статуи бога въ ковчегѣ (въ лодкѣ) вокругъ храма. Это ношеніе сопровождалось музыкой и пѣніемъ. Къ процессіи жрецовъ примыкали міряне, давшіе обѣтъ послужить чествуемому божеству. Иногда эти обѣты оказывались не безопасными. Такъ въ Пакремисѣ религіозное торжество въ честь Арея (полагаю, Себека, сына Нейтъ?) совершалось такимъ образомъ. „Когда солнце начинаетъ клониться къ западу, нѣкоторые жрецы бываютъ заняты около статуи; дру-

гіе въ большомъ числѣ съ деревянными палками въ рукахъ становится при входѣ въ храмъ. Наконецъ тѣ, которые хотятъ исполнить обѣты въ числѣ нѣсколькихъ тысячь также съ деревянными палками становятся противъ первыхъ. А статую заключенную въ маленькомъ деревянномъ позолоченномъ ковчегѣ переносятъ наканунѣ въ другое священное зданіе. Немногіе жрецы, оставшіеся около статуи, тащатъ четырехколесную колесницу, на которой стоитъ ковчегъ съ статуей. Жрецы находящіеся у дверей не пускаютъ ихъ. Тогда обязанные обѣтомъ бросаются на помощь богу, бьютъ ихъ, тѣ защищаются, происходитъ жестокій бой на палкахъ; они разбиваютъ другъ другу головы и, какъ я думаю, многіе даже умираютъ отъ ранъ, впрочемъ сами египтяне увѣряли, что никто не умираетъ. Это праздничное собраніе, какъ утверждаютъ туземцы, установлено по слѣдующему поводу. Мать Арея жила въ одномъ храмѣ. Арей, который былъ воспитанъ вдали отъ родителей, по достиженіи совершеннолѣтія пришелъ сюда, чтобы увидаться съ матерью, но слуги матери никогда прежде не видавшіе его не пустили его, задержали. Тогда онъ, приведя съ собою людей изъ другого города, сурово поступилъ съ слугами и вошелъ къ матери. По этой то причинѣ, утверждаютъ они, и устраивается въ честь Арея драка на этомъ праздникѣ“ (Геродотъ, 11, 63, 64). Такимъ образомъ религіозныя церемоніи въ драматической формѣ представляли исторію учрежденія праздника. Иногда эти церемоніи и процессіи не ограничивались тѣсной территоріей около храма, но принимали видъ путешествія по Нилу. Такъ богиня Гаторъ посѣщала разъ въ годъ бога Гора въ Едфу. Такъ совершались паломничества по Нилу въ Бубастисъ, куда по свидѣтельству Геродота собиралось до 700000 человѣкъ. Подобныя религіозныя путешествія часто принимали оргическій характеръ. Родъ животныхъ и способъ принесенія ихъ въ жертву при различныхъ обстоятельствахъ и при чествованіи различныхъ боговъ были различными. Не приносили въ жертву коровъ, считая ихъ символомъ Изиды. Въ Ѳивахъ не приносили въ жертву барановъ, видя въ нихъ символъ Амона. Только разъ въ годъ въ честь этого бога закололся священный баранъ. Въ мендесскомъ округѣ почитали козъ и козловъ и не приносили ихъ въ

жертву [1]). Свиней вообще считали нечистыми, но въ честь Изиды и Озириса ихъ приносили въ жертву и употребляли въ пищу каждое полнолуніе. Любопытна одна подробность въ этомъ обычаѣ. Бѣдные люди, не имѣвшіе свиней, вылѣпляли ихъ изъ тѣста, пекли и приносили въ жертву. Кому приходилось проводить Рождество въ современной Германіи, тотъ знаетъ, что обычай вылѣплять и печь или покупать печеныхъ свиней въ этотъ праздникъ имѣетъ всеобщій характеръ. Были у египтянъ мистеріи. Въ настоящее время совершенно отвергнуто мнѣніе, что посвященные въ нихъ исповѣдывали какую-то высшую религію сравнительно съ другими—религію эзотерическую въ отличіе отъ экзотерической. Вѣрнѣе всего, что мистеріями прежде всего называлось истолкованіе обряда, каковое сообщалось только посвященнымъ. Въ то время какъ благочестивые люди въ Пакремисѣ дрались безъ всякой задней мысли, посвященные въ мистеріи находили смыслъ борьбы въ сказаніи о богѣ, котораго не пускали къ собственной матери. Простолюдинъ принималъ, какъ фактъ, что у Изиды-голова коровы, посвященному въ мистеріи объясняли, что Горъ въ гнѣвѣ на Изиду за то, что она отпустила Сета, отрубилъ ей голову, и Дути вмѣсто отрубленной приставилъ ей голову коровы. Такъ *αἰτίαι* ритуала могли создать тайное преданіе, которое передавалось только посвященнымъ, какъ *ἱερὸς λόγος* объ Озирисѣ, Ра, Горѣ, и только посвященные могли вступать во внутренность храмовъ. Важнѣйшія мистеріи у египтянъ были въ честь Изиды и въ честь Нейтъ. Въ мистеріяхъ Изиды, конечно, изображалась исторія Озириса, и неумѣренное вниманіе къ *φαλλός*у, о которомъ говоритъ Геродотъ, безъ сомнѣнія намекаетъ на эпизодъ неудачи Изиды въ дѣлѣ отысканія тѣла Озириса. Можетъ быть къ историческому истолкованію обрядовъ въ мистеріяхъ присоединили потомъ и философскій элементъ. По крайней мѣрѣ Нейтъ въ изложеніи Плутарха рекомендуетъ себя такимъ образомъ: „Я все бывшее, настоящее и грядущее, моего покрывала никто не открывалъ, плодъ, рожденный мною, есть солнце“. Въ египетскихъ текстахъ, правда, поздняго времени нахо-

[1]) Геродотъ разсказываетъ: *ἐγένετο δ' ἐν τῷ νόμῳ τουτῳ ἐπ' ἐμεῦ τοῦτο τὸ τέρας. γυναικὶ τράγος ἐμίσγετο ἀναφανδόν. τουτο ες ἐπίδεξιν ἀνθρώπων ἀπίκετο.*

дится слѣдующая молитва къ Нейтъ: „о великая мать, рожденіе которой непостижимо. О богиня юная, великая, покрывало которой не открывается! О открой твою завѣсу сокровенная, ибо не дано мнѣ пути, чтобы войдти къ тебѣ. Явись, прими мою душу и защити ее руками твоими“. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ мистеріяхъ мысль египтянина дѣлала шагъ впередъ въ области философіи религіи, но это не было отрицаніемъ прежней религіи и противоположеніемъ ей новой. Это была таже религія только нѣсколько глубже понятая. Новое пониманіе рехіу (знающіе, посвященные) не спѣшили сообщать сами толпѣ, полагая, что высокія истины не поднимутъ толпы и исказятся и опошлятся въ ея представленіи. Мистеріи были богослуженіями доступными немногимъ. Ежедневный культъ конечно, тоже не привлекалъ многочисленныхъ богомольцевъ. Толпа въ Египтѣ, какъ и вездѣ, знала главнымъ образомъ праздники. Но кромѣ праздниковъ постоянныхъ торжественный культъ вызывался особыми событіями. Начало и окончаніе походовъ, бѣдствія и избавленіе отъ нихъ давали поводъ къ особымъ празднованіямъ. Закладка храмовъ, какъ показываютъ тексты, соединялась съ особымъ ритуаломъ, и въ жертву при этомъ приносились люди, чтобы души ихъ потомъ сторожили зданіе храма. Геродотъ отрицаетъ фактъ человѣческихъ жертвоприношеній у египтянъ, но изъ этого слѣдуетъ только то, что ихъ не было въ его время. Однако восковыя фигуры, о которыхъ говоритъ Порфирій, представлявшія колѣнопреклоненнаго человѣка съ руками назадъ и мечемъ у горла, явно направляютъ мысль на жертву. Обычай строить на крови имѣлъ широкое распространеніе, въ примѣненіи къ городамъ онъ, кажется, существовалъ и въ древней Руси.

Всѣ особенные случаи въ жизни частнаго человѣка требовали особыхъ священнодѣйствій. Такимъ первымъ особеннымъ случаемъ являлось рожденіе. Рожденнаго подвергали особеннымъ омовеніямъ и затѣмъ черезъ нѣкоторое время обрѣзывали, „для очищенія и изглажденія скверны“. Впрочемъ потомъ обрѣзаніе въ Египтѣ перестало быть всеобщимъ и стало отодвигаться къ болѣе зрѣлому возрасту. Въ случаяхъ прикосновенія къ нечистымъ животнымъ требовались омовенія. При болѣзни тоже самыми спасительными средствами признавались жреческія заклинанія и амулеты.

Врачей въ Египтѣ было безчисленное множество и притомъ узкихъ спеціалистовъ: одни лѣчили только голову, другіе только глаза, но всѣ главнымъ образомъ надѣялись на Тота и на врачебную магію, а не на врачебную науку. Но главнымъ особеннымъ случаемъ въ жизни человѣка всегда была и останется смерть. Церемоніи, совершавшіяся надъ умершимъ въ Египтѣ, представляли собою дѣйствія, совершенныя надъ тѣломъ Озириса Горомъ и другими богами. Весь египетскій чинъ погребенія представлялъ собою большую книгу. Но для ознакомленія съ его характеромъ достаточно узнать какую либо одну изъ входящихъ въ составъ его церемоній. Важною церемоніею является открытіе рта и глазъ усопшаго, чтобы онъ могъ вкушать погребальную трапезу. Церемонія совершалась или надъ муміей или надъ статуей умершаго. Дѣйствующими лицами церемоніи были: завѣдующій, который со свиткомъ въ рукѣ руководилъ всѣмъ, указывалъ участникамъ ихъ мѣста, дѣлалъ жесты, произносилъ или высвистывалъ рѣчи. Вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе домашній, другъ (или замѣститель друга), сынъ, двѣ плакальщицы—одна, представлявшая Изиду, другая—Нефтисъ и масса другихъ фигурантовъ. По нуждѣ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ являться въ церемоніи въ роли различныхъ божественныхъ лицъ. Дѣйствующихъ лица въ сущности требовалось четыре: Горъ и его три сына—боги четырехъ сторонъ свѣта, которые нѣкогда погребали Озириса и облекли его тѣло въ саванъ. Мумію или статую клали лицомъ на югъ на пескѣ, который представлялъ собою безплодную область запада, потомъ домашній или другъ входилъ на сцену, онъ ходилъ по ней съ кадиломъ, повторяя: ты чистъ, ты чистъ, Озирисъ N и начиналъ предварительныя очищенія водою изъ четырехъ вазъ. „Твоя чистота, говорилъ совершитель жертвоприношенія, есть чистота Гора и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Сета и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Тота и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Софу и наоборотъ. Ты принялъ голову и ты очистилъ кости для Себа, Каждый изъ боговъ четырехъ странъ свѣта совершалъ возліяніе надъ умершимъ, чтобы возвратить ему употребленіе головы, которое отняло бальзамированіе, и чтобы очистить его кости для удовлетворенія Себа, въ землѣ котораго онъ будетъ покоиться. По окончаніи первыхъ возліяній немедленно совер-

шаются вторыя изъ вазъ такъ называемыхъ красныхъ, и домашній или другъ, въ четыре пріема обойдя покойнаго, сверхъ прежнихъ формулъ говорилъ: „ты получилъ то, что находится въ глазахъ, Гора и двѣ красныя вазы Тота очищающія тебя отъ того, что не должно существовать въ тебѣ. Жертва, которую приносили умершему, называлась глазомъ Гора. Ее составляли вода, бычья ляшка, вино, молоко, растенія, драгоцѣнный камень, благовоніе, матерія. Очищеніе водою, какъ и многія иныя церемоніи, совершалось два раза, потому, что было два Египта—сѣверный и южный, Египетъ бѣлой и красной короны. Умершій могъ быть обезпеченъ въ своемъ гробѣ только подъ условіемъ имѣть доступъ въ тотъ и другой и располагать въ своей волѣ тѣмъ, что они заключали. Умершему давали пшеницу сѣверную и южную, вино сѣверное и южное и т. д. Послѣ очищенія водою совершается церемонія, съ благовоніями. Сначала домашній или другъ беретъ пять зеренъ южнаго благовоннаго вещества изъ города Ненгабъ (въ древности южнѣйшій изъ египетскихъ городовъ) и пройдя четыре раза вокругъ статуи за обычною формулою: ты чистъ, произносилъ: „благовоніе, которое откроетъ твои уста, Озирисъ N, обоняй благовоніе въ божественныхъ жилищахъ. Это благовоніе—потъ Сета, благовоніе укрѣпляющее, сердце обоихъ Горовъ (т. е. южнаго и сѣвернаго), благовоніе твоихъ устъ, ибо твоимъ ладономъ совершаютъ очищенія боги слѣдующіе за Горомъ. Хотя въ церемоніи называются Горъ сѣверный и южный, однако затѣмъ таже церемонія съ новыми пятью зернами совершалась по отношенію къ сѣверу. „Твое благовоніе—благовоніе Гора и взаимно, твое благовоніе—благовоніе Сета и взаимно и т. д. Стань среди этихъ боговъ, ибо уста твои также чисты, какъ уста молочнаго тельца въ день его рожденія. Затѣмъ приносились еще благовонія иноземнаго происхожденія. Домашній подносилъ къ устамъ и глазамъ усопшаго по два раза благовонія, одинъ разъ къ рукѣ, потомъ онъ произносилъ свои молитвы: твое благовоніе есть благовоніе Гора..... ты чистъ, ты чистъ, твой двойникъ чистъ, ты благоухаешь, ты благоухаешь. Стань среди твоихъ братьевъ боговъ, ибо голова твоя благоухаетъ, кости чисты отъ всего того, что не должно существовать въ тебѣ. О, Озирисъ N, я далъ тебѣ глазъ Гора (фиміамъ) для того, чтобы украсить имъ твое

лицо, восходи, восходи къ себѣ". Вслѣдъ за тѣмъ начинается новое дѣйствіе. Домашній человѣкъ или другъ усопшаго вмѣстѣ съ обитателемъ жилища умершаго располагаются около статуи. Домашній ложится на короткомъ ложѣ около статуи. Онъ весь закутывается въ матерію, кулакъ кладетъ противъ кулака, его локти выдаются, онъ спитъ и грезитъ передъ статуею, позади нея стоитъ обитатель послѣдняго жилища умершаго. Тогда показываются завѣдующій церемоніею и живущій внутри. Обитатель гроба кричитъ (4 раза), видя ихъ появленіе: „отецъ" и будитъ домашняго говоря: я нашелъ живущихъ внутри стоящими у двери. Домашній просыпается и садится на корточкахъ на своемъ ложѣ. Затѣмъ всѣ четверо соединяются, представляя четырехъ дѣтей Гора—боговъ съ головою ястреба, обезьяны, шакала и человѣка, которые одѣвали усопшаго Озириса. Домашній первый прерываетъ молчаніе: словами „я видѣлъ моего отца во всѣхъ его формахъ". Всѣ трое отвѣчаютъ ему, указывая на статую: „не здѣсь ли твой отецъ?" Домашній отвѣчаетъ, дѣлая намекъ на Озириса: богъ, лицо котораго покрыто и который закутанъ въ свои погребальныя повязки, богъ, лицо котораго покрыто плетеньемъ". Всѣ повторяютъ слова: „я видѣлъ моего отца во всѣхъ его формахъ". Домашній говоритъ далѣе объ усопшемъ, что нѣтъ волненія въ немъ. Масперо толкуетъ это темное выраженіе въ томъ смыслѣ, что усопшій не имѣетъ тѣни. Лежащій послѣ смерти онъ не отражался, но теперь онъ долженъ начать новую жизнь, и ему нуженъ его двойникъ, душа, свѣтящееся начало или имя, или тѣнь. Тѣнь призывается теперь. Статуя, какъ и умершій, становится чистою. Начинается новая фаза церемоніи. Домашній облачается въ нѣчто въ родѣ ефода, надѣваетъ брыжжи изъ стекла или изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Его три товарища теперь называются стражами тѣла, а всѣ четверо они—дѣти Гора. Домашній приближается къ статуѣ и привѣтствуетъ ее жезломъ: я желалъ моего отца, я принесъ жертву моему отцу, я сдѣлалъ его великое изображеніе, онъ продолжаетъ и всѣ подхватываютъ: „вотъ, что полезно моему отцу". Одинъ изъ стражей: „устрой ему голову". Всѣ: „порази твоего отца". И съ этими словами приближаются къ статуѣ и прикасаются къ ней орудіями, при помощи которыхъ должны открыться ротъ и глаза усоп-

шаго. „Я пришелъ, говоритъ домашній, для того, чтобы обнять тебя, я—Горъ, я коснулся твоихъ устъ, я, Горъ, твой сынъ, который тебя любитъ“. Съ палкою въ лѣвой рукѣ онъ поднимаетъ правую руку къ головѣ статуи, касается мизинцемъ ея устъ и потомъ становится позади нея, между тѣмъ какъ остальные трое становятся на его мѣсто. Дальше домашній преображается въ Гора, сына умершаго, который обязанъ отдать послѣдній долгъ отцу. Ему говорятъ: иди, взгляни на своего отца. Онъ снимаетъ съ себя прежнія инсигніи, облачается въ шкуру пантеры и становится сзади статуи, но далѣе онъ является уже не Горомъ, а слѣдующимъ за Горомъ. Роль Гора принимаетъ на себя завѣдующій церемоніей. Онъ возвѣщаетъ, что скоро будетъ принесена жертва, словами: „я освободилъ мой глазъ изъ его устъ и я приготовилъ ему бедро.“ Эти слова указываютъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы Сета съ Горомъ. Сетъ, превратившись въ свинью, схватилъ глазъ, который заключалъ въ себѣ душу Гора, и хотѣлъ его проглотить. Но Горъ спасъ свой глазъ. Послѣ побѣды надъ Сетомъ его сторонники попрятались въ тѣлахъ птицъ, четвероногихъ и рыбъ. Найденные они всѣ были обезглавлены. Погребальная жертва представляла собою повтореніе этой сцены убійства. Убивая животныхъ, убивали враговъ Озириса. Принесеніе жертвы совершалось наружи и для жертвоприношенія статую усопшаго оставляли на нѣкоторое время одну. Быковъ вѣроятно закалывали и приготовляли уже ранѣе. Управляющій церемоніею приводилъ домашняго къ животному помѣщалъ у ногъ великой плакальщицы, которая представляла собою Изиду и кричалъ: „домашній! схвати быка полудня“. Домашній совершалъ тогда симуляцію убіенія быка, затѣмъ отрубались головы газелямъ, закалывался гусь. Мясникъ давалъ ляшку завѣдующему церемоніей, сердце другу и они бѣжали тогда съ этими частями къ статуѣ, клали полученныя части передъ богомъ и завѣдующій говорилъ: „я принесъ тебѣ бедро, глазъ Гора, я принесъ тебѣ сердце твоего врага. Пусть не нападаютъ болѣе на этого бога. Я принесъ тебѣ газель, которая нападала на тебя. Я отрѣзалъ ей голову. Я принесъ тебѣ гуся, отрѣзавъ ему голову. Затѣмъ начиналась церемонія открытія устъ. Для этой цѣли употреблялись два спеціальныя

орудія, называвшіяся два божественныя (нутрити) тесла; ихъ впервые употребилъ Анубисъ при погребеніи Озириса и затѣмъ еще цѣлая серія инструментовъ. Возлагая эти орудія на уста статуи, домашній говорилъ: „твои уста были всегда замкнуты, я привелъ ихъ въ такое-же положеніе, какъ и твои зубы, статуя Озириса N, я раздѣлилъ твои уста, статуя Озириса N, я открылъ твои глаза, статуя Озириса N, я раздѣлилъ твои уста тесломъ Анубиса, я открылъ твои уста тесломъ Анубиса, желѣзной ляшкою (форма тесла), которою раздѣляютъ уста боговъ. Горъ, открой уста статуи Озириса N.... Ты открылъ уста статуи Озириса N, пусть онъ проходитъ и уходитъ, пусть его тѣло будетъ съ великою девятерицею боговъ въ великомъ храмѣ владыки, который въ Геліополисѣ, и пусть онъ тамъ приметъ діадему подлѣ Гора— владыки людей. Обитатель погребальнаго жилища полагаетъ конецъ этой молитвы четырехъ-кратнымъ крикомъ: „отецъ, отецъ“. Губы и рѣсницы теперь раздѣлены, но рана еще не зарубцовалась. Нужны новые обряды для того, чтобы усопшій могъ дѣйствовать. На сцену является новое орудіе — оприкау (металлическая фигура въ формѣ змѣя, оканчивающаяся головою барана, надъ которою поднимается uraeus— змѣй). Завѣдующій церемоніею говоритъ..... „статуя Озириса N, Нутъ подняла тебѣ голову, тогда Горъ взялъ свою діадему и свои доблести, тогда Сетъ взялъ свою діадему и свои доблести, тогда діадема сошла съ твоей головы, привела къ тебѣ всѣхъ боговъ, ты плѣнилъ ихъ, ты заставилъ ихъ жить, ты сталъ сильнѣйшимъ, ты проводишь жизнь съ ними, позади статуи этого Озириса N. Да будетъ онъ счастливъ и недвижимъ. Ты смѣшался съ двойниками всѣхъ боговъ. И когда ты поднимаешься, царь верхняго Египта, когда ты поднимаешься, царь нижняго Египта, владыка между всѣми богами и ихъ двойниками, тогда Шу, сынъ Атму, становится Озирисомъ N. Если живетъ онъ, живешь ты. Онъ вооружилъ тебѣ Шу, онъ призвалъ Шу, онъ возбудилъ Шу, онъ сдѣлалъ тебя властелиномъ Шу и ты проводишь свою жизнь позади статуи Озириса N. Пусть твоя жизненная доблесть будетъ позади него, пусть онъ живетъ и будетъ недвижимъ. Статуя Озириса N, Горъ раздѣлилъ тебѣ уста..... Молитва оканчивается четырехкратнымъ восклицаніемъ обитателя погребальнаго жилища: „отецъ, отецъ“. Послѣ окон-

чанія первой жертвы немедленно начиналась вторая. Глаза и уста усопшаго были открыты, но глаза еще были тусклы и безцвѣтны, челюсти сжаты и не дѣйствовали свободно. Въ нихъ нужно вдохнуть жизнь и имъ нужно дать новыя силы. Выступаютъ новыя лица, но буквально повторяются прежнія сцены. Тѣже рѣчи объ устахъ и глазахъ, только появляется еще новый амулетъ — раздѣлитель челюстей. Завѣдующій церемоніей приносилъ его въ обѣихъ рукахъ и приставлялъ къ устамъ статуи. „Озирисъ N, говорилъ онъ, я прочно укрѣпилъ твои двѣ челюсти въ твоемъ лицѣ и вотъ онѣ раздѣлены“. Умершій могъ теперь разжевывать то, что ему предлагали, завѣдующій говорилъ домашнему: „приблизь зерна къ его устамъ“. Тотъ приносилъ корзинку или вазу съ чемъ-либо-зернами, масломъ, сыромъ: „Озирисъ N, тебѣ подносятъ глазъ Гора, чтобы ты взялъ, и пусть онъ не ускользнетъ отъ тебя, когда ты возьмешь зерно въ твои уста“, послѣ этого домашній обмахивалъ четыре раза лицо статуи страусовымъ перомъ, говоря: „глазъ Гора предсталъ предъ тобою, Озирисъ N, чтобы твое лицо не было лишено его“. Далѣе второй жертвѣ предшествуютъ тѣже церемоніи, что и первой, но только предъ самымъ жертвоприношеніемъ жрецы прежде, чѣмъ уйдти, разрѣшаютъ сыну взять отпускъ у отца и проститься съ нимъ. Домашній или другъ бралъ его правою рукою, а лѣвою заставлялъ склонить голову передъ статуею и затѣмъ совсѣмъ повергалъ предъ статуею на землю и передавалъ амто (значеніе лица неизвѣстно), который выводилъ его изъ погребальнаго покоя. Второе жертвоприношеніе было совершеннымъ повтореніемъ перваго, только слово „югъ“ замѣнялось словомъ „сѣверъ“ — быкъ сѣвера, газель, гусь сѣвера, и на мѣсто великой плакальщицы Изиды становилась малая плакальщица Нефтисъ. Буквальное повтореніе первой жертвы—вторая кончалась тѣмъ жа восклицаніемъ „отецъ, отецъ“! каждое слово, жестъ, движеніе, все въ этой длинной церемоніи было точно предусмотрѣно, опредѣлено, регламентировано. Между тѣмъ эта церемонія была только однимъ изъ моментовъ въ длинномъ ряду религіозныхъ попеченій живыхъ объ умершемъ.

Таковъ былъ тотъ сложный культъ, въ которомъ воспитывался древній египтянинъ, который охватывалъ его всю жизнь и который провожалъ его за могилу. Трудно въ не-

многихъ словахъ охарактеризовать этотъ грандіозный ритуалъ, который выработывался тысячелѣтіями и который подъ своей обычно драматической формой скрывалъ все то, что выработала мысль и пережило чувство египтянина въ теченіи этихъ тысячелѣтій. Мы видимъ въ обрядовыхъ формулахъ метафизическіе (характеристика Нейтъ), космогоническіе и теогоническіе элементы. Нельзя отказать имъ въ присутствіи моральнаго элемента. Трогательныя заботы Гора объ усопшемъ отцѣ говорятъ о чисто нравственномъ сыновнемъ чувствѣ. Посмертный судъ надъ усопшими говоритъ тоже о высокомъ этическомъ пониманіи. Но рядомъ съ этими элементами выступаютъ иные. Въ обрядахъ открывается механическій и магическій характеръ. Строго разработанная теорія обряда не оставляетъ никакого мѣста для свободнаго порыва чувства, напротивъ, центръ тяжести упорно переносится на искусное, а иногда и искусственное выполненіе предписаній. Важны не чувство, не настроенность, производящія дѣйствія, а то, чтобы дѣйствія были произведены. Ихъ можно производить и механически, и въ Египтѣ были орудія, аналогичныя буддійскимъ молитвеннымъ мельницамъ, которыя за людей совершали молитвенныя дѣйствія и умиротворяли боговъ. Еще болѣе, чѣмъ механическій, въ Египтѣ выдвигается магическій характеръ культа. Постоянно заклинанія и заклинанія, и сила ихъ такова, что они поставляютъ заклинаемаго въ рядъ боговъ или отождествляютъ съ богами.

7.

Религія египтянъ была предметомъ особеннаго вниманія уже для древнихъ грековъ. Геродотъ считалъ египтянъ религіознѣйшими изъ всѣхъ народовъ, и если изслѣдованія послѣдняго времени разсѣяли, какъ заблужденіе, представленія древнихъ о мудрости египтянъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они дали громадный новый матеріалъ для изученія ихъ религіи. Открытіе чтенія іероглифовъ дало ключъ къ пониманію первоисточниковъ египетской религіи. Открытая съ тѣхъ поръ обширная египетская литература оказалась на $^{9}/_{10}$ религіознаго содержанія, но она получается въ испорченномъ видѣ, частію оказывается неудобочитаемой, частью и ключъ

къ ея чтенію доселѣ еще далеко не совершенъ, вслѣдствіе чего и теперь свидѣтельства древнихъ грековъ о египетской религіи оказываются имѣющими значеніе и вмѣстѣ съ новопрочитанными папирусами и надписями и при свѣтѣ этихъ послѣднихъ расширяютъ наши представленія о религіознѣйшихъ людяхъ древности. Библія, ассиро-вавилонскія лѣтописи, азіатскія надписи уже даютъ намъ свѣдѣнія о египетской религіи, но первымъ трактовавшимъ о ней подробно является Геродотъ. (485—425 г. Р. Х.). Онъ видѣлъ Египетъ еще не утратившимъ самобытнаго характера. Не все въ египетской религіи онъ понялъ и истолковалъ правильно, но въ общемъ его свѣдѣнія драгоцѣнны и нѣкоторыя изъ нихъ становятся намъ понятными именно при свѣтѣ новѣйшихъ открытій. Вотъ почему напримѣръ, египтологъ Видеманъ счелъ нужными издать его вторую книгу (въ 1890 г.). Затѣмъ свѣдѣнія о Египтѣ даетъ Гекатей Абдеритъ въ своихъ *Αἰγυπτικά* (въ послѣдней четверти IV в. до Р. Х.). Первый на основаніи египетскихъ первоисточниковъ далъ египетскую исторію на греческомъ языкѣ Манетонъ (жилъ въ первую половину III в. до Р. Х.). Его схема египетской религіи до сихъ поръ служитъ основой, которую принимаютъ египтологи и, благодаря которой, у нихъ имѣется хотя условно сходное представленіе о послѣдовательномъ ходѣ судебъ Египта. Но исторія Манетона, равно какъ и его другіе труды—противъ Геродота, о праздникахъ—не дошли до нашего времени, ихъ приходится извлекать изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ. Изъ нихъ дѣлали извлеченія Іосифъ Флавій, Африканъ, Евсевій, но и эти извлеченія дошли до насъ черезъ Георгія Синкелла, армянскій переводъ Евсевія и excerpta Barbari. Эратосѳенъ книдскій (275—194) далъ списокъ египетскихъ царей (въ своихъ *χρονογραφίαι*) Агаѳаркидъ книдскій (кон. II в.) составилъ „периклъ эритрейскаго моря“. Полибій (212—123), бывшій въ Египтѣ при Птоломеѣ V и слѣдующихъ, въ своей міровой исторіи далъ объ александрійцахъ свѣдѣнія очевидца. Діодоръ Сицилійскій (современикъ Юлія Цезаря и Августа) первыя книги своей обширной *βιβλιοθηκή* — исторіи всѣхъ странъ и народовъ посвятилъ Египту. Полагаютъ, что источникомъ для египетской исторіи у него служилъ Гекатей Абдеритъ. Недостатокъ критичности, рѣзко выступающій у Діодора, привелъ нѣкото-

рыхъ къ гипотезѣ, что его произведенія дошли до насъ не въ подлинномъ, а въ переработанномъ видѣ. Замѣчательнѣйшимъ памятникомъ греческой литературы, посвященнымъ египетской религіи, является трактатъ Плутарха Херонейскаго (46—120 по Р. Х.) De Iside et Osiride (лучшее изданіе съ комментаріями опирающимися на данныя египтологіи принадлежитъ G. Parłey. 1850). Наконецъ, у Климента Александрійскаго (II—III вв. по Р. Хр.) въ его *Στρωμάτεις* находятся цѣнныя указанія по египетской религіи. Писали и многіе другіе о Египтѣ и его религіи, но до насъ отъ нихъ не дошло ничего имѣющаго какую-либо цѣнность; изъ названныхъ писателей только послѣдній Климентъ относится строго отрицательно къ египетской религіи; напротивъ, его языческіе предшественники не прочь поставить въ примѣръ своимъ греческимъ соотечественникамъ благочестіе жителей нильской долины: ищущій фактической точности Геродотъ и влюбленный въ римскіе порядки прагматистъ Полибій и философствующій Плутархъ—не говоримъ уже о египетскомъ жрецѣ Манетонѣ—всѣ платятъ нѣкоторую дань почтенія сѣдой и священной древности Египта.

До девятнадцатаго столѣтія европейскія представленія о египетской религіи составлялись на основаніи названныхъ писателей. Но когда геніальный Шампольонъ нашелъ ключъ къ чтенію іероглифовъ, въ рукахъ европейцевъ появились и съ каждымъ днемъ умножаются документы о египетской религіи, современные описываемымъ имъ религіознымъ формамъ и ученіямъ. Важнѣйшимъ и наиболѣе изученымъ изъ документовъ является книга мертвыхъ. На нее обратилъ вниманіе уже Шампольонъ и назвалъ ее погребальнымъ требникомъ; названіе „книги мертвыхъ“ первый усвоилъ ей Лепсіусъ, который и издалъ ее въ 1842 г. Собственно и это названіе не отвѣчаетъ ея египетскому имени, но хорошо отвѣчаетъ ея содержанію. У египтянъ, мы видимъ, съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай на стѣнахъ могилъ и гробницъ писать тексты, которые могли бы руководствовать душу въ ея загробныхъ странствованіяхъ. Въ послѣдствіи такіе руководительные тексты, написанные въ свиткѣ, полагались съ умершимъ или даже влагались ему въ руки. Съ теченіемъ времени эти тексты и варіировались и разростались. Въ общемъ это—сборникъ пѣснопѣній и молитвъ,

изъ которыхъ одни даютъ человѣку общія свѣдѣнія объ участи ожидающей его за гробомъ, другія прилагаются къ частнымъ случаямъ загробнаго существованія. Это, такъ сказать, гидъ по загробному міру. По египетски этотъ гидъ или книга мертвыхъ называется: „книга о пертъ эмъ геру". Бругшъ переводилъ эти слова: выходъ въ теченіе дня. Навиль въ своемъ замѣчательномъ изданіи Das aegyptische. Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastiё 1886. перевелъ: выходъ изъ дня. Повидимому это заглавіе относится только къ началу книги, именно къ первымъ 15 главамъ. Въ развитіи ея отмѣчаютъ три главныхъ періода: 1) древнюю эпоху, 2) ѳиванскую (изданіе Навиля) и 3) Псамметиховъ и послѣдующихъ. Можно отмѣтить содержаніе нѣкоторыхъ главъ этой замѣчательной книги-библіи египтянъ, какъ ее называютъ нѣкоторые. 15 глава содержитъ гимны въ честь солнца, считающіеся наилучшими. 17 глава представляетъ собою цѣльную теогоническую и космогоническую систему. Она начинается: „когда еще не было неба, когда еще не было земли, когда еще не было людей и не родились боги и не существовало смерти", единое Ну существовало, водное начало всего и въ этой первобытной водѣ Туму отецъ боговъ. День творенія приблизился, Шу поднялъ воды.... (Шу отъ корня шу—поднимать). 27 глава говоритъ о возвращеніи сердца умершему, 44-я глава наставляетъ, какъ не умереть во второй разъ, 64-я глава въ краткомъ видѣ содержитъ въ себѣ все, что содержитъ книга мертвыхъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ она носитъ заглавіе: „глава излагающая въ одной главѣ всѣ главы объ исходѣ дня". 125 глава описываетъ судъ и произнесеніе приговора надъ умершимъ предъ трибуналомъ Озириса, 130-ая глава и слѣдующія за ней описываютъ вступленіе усопшаго въ лодку Ра и совмѣстное путешествіе съ Ра, 180 содержитъ въ себѣ заключительныя литаніи, привѣтствующія солнце при его заходѣ и вступленіи въ подземную область. То обстоятельство, что книга мертвыхъ влагалась въ руки усопшимъ, не устранило обычая выписывать отдѣлы изъ нея на стѣнахъ гробницъ. Содержаніе книги мертвыхъ или ея отдѣловъ иногда повторяется и въ другихъ документахъ. Такъ, наприм., оправдательная исповѣдь „книги о вздохахъ", употреблявшейся у жрецовъ и жрицъ Амона, очень близко напо-

минаетъ 125 главу книги мертвыхъ. Изъ другихъ документовъ важныхъ для изученія египетской религіи и въ настоящее время прочитанныхъ должны быть названы: книга о томъ, что находятъ въ царствѣ мертвыхъ, книга о вратахъ царства мертвыхъ, книга о бальзамированіи, книга о погребеніи, обрядникъ жертвъ за умершихъ. Изъ этого обрядника сдѣланы сокращенныя извлеченія въ предшествовавшей главѣ настоящаго трактата. Имѣются еще книги о происхожденіи вѣчности, скорбныя пѣсни Изиды и Нефтисъ. Найдена цѣлая серія магическихъ сочиненій (наприм. папирусъ Гарриса). Раскопки въ Тель-эль-Амарна освѣтили въ религіозномъ отношеніи эпоху Аменготепа IV. Даже въ описаніяхъ походовъ, въ трактатахъ по медицинѣ, въ сочиненіяхъ нравоучительныхъ и беллетристическихъ, ибо беллетристика (наприм., романъ о двухъ братьяхъ) существовала въ древнемъ Египтѣ, находятся религіозные элементы, которые могутъ помогать въ выясненіи вопросовъ относительно египетской религіи. Религіозное прошлое Египта встаетъ изъ гробницъ и изъ подъ развалинъ, но было-бы ошибочно думать, что новая наука разгадала религіозныя тайны стараго царства. Многія открытія, напротивъ, скорѣе умножили число недоумѣній и загадокъ, чѣмъ разрѣшили ихъ. Нѣкоторыя религіозныя церемоніи древняго Египта, благодаря новымъ открытіямъ, могутъ быть воспроизведены съ скрупулезною точностію, но смыслъ ихъ часто остается теменъ.

8.

Пытаются дать исторію развитія египетской религіи. Совершить полное построеніе такой исторіи доселѣ не удалось никому, но отмѣчено много частныхъ фактовъ въ этой исторіи и высказано немало цѣнныхъ заключеній. На предыдущихъ страницахъ уже не разъ указывался историческій ходъ развитія того или другого вѣрованія, теперь естественно заключить разсужденіе о египетской религіи разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ моментовъ ея развитія въ ея цѣломъ. Во время непосредственно предшествовавшее первымъ династіямъ, отъ которыхъ у насъ имѣются памятники, повидимому многія божества, которыя были потомъ объеди-

нены въ семьи и соподчинены между собою, почитались отдѣльно. Такъ Изида почиталась въ Буто отдѣльно отъ Озириса, почитавшагося въ Абидосѣ. Горъ еще не выступалъ въ качествѣ ихъ сына, былъ Горъ древній — богъ солнца, совершенно самостоятельный. Сетъ еще не противополагался безусловно Озирису. Повидимому господствовалъ культъ Ра. Ученіе о загробномъ мздовоздояніи въ эту эпоху не заключало въ себѣ суда Озириса. Умершій спасался силою дѣлъ, жертвъ и заклинаній безъ всякой юридической процедуры. Его ожидалъ божественный удѣлъ въ общеніи съ Ра, а не съ Озирисомъ. Такъ было въ эпоху древняго царства. Затѣмъ два ряда фактовъ шедшихъ изъ далеко отстоящихъ одна отъ другой областей, должны были измѣнить содержаніе религіи. Происходило политическое объединеніе номовъ Египта и вмѣстѣ съ тѣмъ развивавшаяся философская мысль жрецовъ стремилась привести къ объединенію и согласію разнорѣчивые миѳы и вѣрованія египтянъ. Тогда началась разработка того, что дало потомъ содержаніе семнадцатой главы мертвыхъ, и эта богословская работа шла такъ энергично, что къ эпохѣ двѣнадцатой династіи 17 глава оказывается снабженною тройнымъ рядомъ примѣчаній. Вскорѣ послѣ этого въ Египтѣ начинаются неурядицы, волненія, которыми пользуются азіатскіе народы, названные Манетономъ гиксами, которые вступаютъ въ Египетъ и овладѣваютъ имъ. Главнымъ божествомъ гиксовъ и вмѣстѣ хеттеевъ, которые повидимому представляли преобладающій элементъ среди гиксовъ, былъ Сутехъ. Гиксы вообще приспособились и къ египетской культурѣ и къ египетской религіи, но за всѣмъ тѣмъ фараоны изъ гиксовъ стремились своихъ боговъ поднять выше египетскихъ, и это повело къ паденію и изгнанію гиксовъ. Апепи хотѣлъ принудить египтянъ поклоняться Сутеху, котораго они отожествили съ Сетомъ. Началась борьба туземцевъ съ пришельцами, и гиксы были изгнаны вмѣстѣ съ ихъ богами. Послѣ этого начинается цвѣтущій періодъ Египта. Фараоны предпринимаютъ походы въ Азію и приводятъ оттуда не только плѣнныхъ людей, но и Ваала и Решуфа (финикійскаго и кипрскаго бога войны). Низшіе слои населенія, на которыхъ война ложилась только своими тяготами, всѣхъ этихъ новыхъ боговъ соединили съ Сетомъ. Между тѣмъ

богатая военная добыча, жертвовавшаяся въ значительной части на храмы, крайне усиливала могущество жерцовъ. Они были освобождены отъ повинностей, имѣли могущественныя права и громадныя владѣнія. Изъ этихъ владѣній они сдѣлали, такъ сказать, духовный ленъ и поставили его подъ управленіе „супруги бога", т. е. Амона-Ра. Съ „духовнымъ леномъ" пришлось считаться фараонамъ. Удобный modus vivendi создавался вслѣдствіе того; что фараоны женились на „супругѣ бога". Но этотъ modus vivendi разстроился при Аменхотепѣ IV. Его отецъ Аменхотепъ III женился на нахаринской (изъ Азіи) принцессѣ Ти, которя принесла съ собою культъ солнечнаго диска — Атенъ, отказалась поклоняться Амону-Ра и воспитала своего сына въ своей вѣрѣ. Аменхотепъ IV оставилъ Ѳивы съ ихъ Амономъ и основалъ на восточномъ берегу Нила городъ, современная деревушка на мѣстѣ котораго называется Тель-Эль-Амарна. Атенъ былъ привозглашенъ творцомъ и промыслителемъ міра. Аменхотепъ перемѣнилъ свое имя и назвалъ себя Хунатепъ (сіяніе Атена-солнечнаго диска). Всѣ правительственныя учрежденія были перенесены въ новую резиденцію. Какъ смотрѣть на эту религіозную реформу? Она совершилась повидимому легко. Это значитъ, что Аменхотепъ не былъ одинокъ и имѣлъ приверженцевъ и что предложенная имъ реформа не оказалась чѣмъ-то дикимъ и кощунственнымъ для египтянъ. Замѣчательно, что верховный жрецъ Атенъ носитъ тотъ же титулъ, что и верховный жрецъ Геліополиса. Самого Атена иногда называютъ Ра, иногда Горомъ обоихъ горизонтовъ. Трудно высказать, что-либо рѣшительное объ этомъ предметѣ, но позволительна вотъ какая догадка. Можетъ быть рефлектирующее мышленіе ко времени Аменхотепа пришло къ полному объединенію боговъ и къ поглощенію ихъ въ одномъ, этотъ богъ по своимъ свойствамъ есть древній богъ солнца, но Аменхотепъ и многіе находили неудобнымъ оставить за нимъ имя Амона-Ра во 1) потому, что съ именемъ послѣдняго связывалось представленіе и о свойствахъ чуждыхъ единому богу,—это-теоретическая сторона, — и во 2) потому что поглощеніе всѣхъ боговъ въ Амонѣ было бы новымъ торжествомъ жрецовъ Амона, могущество которыхъ уже и такъ становилось опаснымъ для царской власти. Это—практическая сторона. Подобныя соо-

браженія можетъ быть и заставили Аменхотепа провозгласить почитаніе въ сущности томуже Амону, но только подъ новымъ именемъ и на новомъ мѣстѣ. Можетъ быть въ исторіи развитія египетской религіи это былъ моментъ ея наибольшаго приближенія къ монотеизму. Мнѣнія Піэрэ, Ленормана, что египетская религія въ началѣ была монотеистической, и что процессъ ея роста былъ процессомъ ея духовнаго паденія, теперь едвали можетъ быть принято. Какъ ни возвышенны древнѣйшія выраженія египтянъ о божествѣ, они имѣютъ около себя фактъ множества боговъ. Между тѣмъ ученіе 17 гл. книги мертвыхъ объ одномъ, единомъ существовавшемъ сущностью, принадлежитъ во всякомъ случаѣ не первымъ династіямъ. Вотъ, почему позволительно думать, что процессъ развитія египетской религіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — не говоримъ: во всѣхъ — былъ процессомъ роста ея метафизическихъ и моральныхъ элементовъ. Но самый этотъ ростъ былъ неравномѣренъ и неправиленъ. Нашествіе гиксовъ задержало его и можетъ быть насильственное поднятіе его на кульминаціонную высоту Аменхотепомъ IV положило ему конецъ. Въ интересахъ жрецовъ было противодѣйствовать новому культу и они добились того, что преемникъ Аменхотепа примирился съ ними. Вскорѣ затѣмъ, основавшій девятнадцатую династію Горемгебъ оффиціально возстановилъ культъ Амона. Затѣмъ идетъ долгій періодъ не офиціальнаго и офиціальнаго господства ѳиванскихъ жрецовъ. Временно возникаетъ ѳиванская теократія, и весь Египетъ становится, такъ сказать, духовнымъ леномъ. Затѣмъ Египетъ опять волнуютъ внутреннія смуты и внѣшніе враги. Новый періодъ въ жизни Египта вообще и особенно въ религіозной жизни начинается съ двадцать шестой династіи, основатель которой Псамметихъ утвердилъ свою столицу въ Саисѣ. Отсюда эта эпоха носитъ имя саисской. Псамметихъ утвердился въ Египтѣ, опираясь на иностранцевъ; и съ его времени въ Египетъ устремляются евреи, греки, финикіяне. Всѣ эти народы несутъ сюда свои вѣрованія и свои культуры, и семитическія божества смѣшиваются съ египетскими. Даже и греческіе боги начинаютъ проникать въ египетскій пантеонъ. Но само правительство пытается сообщить исторіи совсѣмъ иное теченіе. Съ религіозной точки зрѣнія саисская эпоха есть поворотъ ко времени пирамидъ. Воз-

станавляются и вводятся въ употребленіе погребальные обряды царей четвертой династіи, снова начинаютъ употребляться древніе титулы царей, религіозное искусство возвращается къ архаическимъ формамъ. Но какъ попытка Аменхотепа поднять египетскую религію до монотеизма, такъ и попытка Псамметиха и его преемниковъ возвратить ее къ древнимъ традиціямъ кончилась крушеніемъ. Иностранцы и иностранныя вѣрованія все болѣе и болѣе профильтровывались въ нѣкогда замкнутую страну чудесъ. Наконецъ Камбизъ послѣ завоеванія Египта (525 г. до Р. Х.) принялъ имя Месутъ-Ра (сынъ Ра) и жрецомъ Учагоромъ былъ посвященъ въ мистеріи Нейтъ. Что это не было торжествомъ египетской религіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ все дальнѣйшее поведеніе Камбиза. Онъ убилъ Аписа и многократно проявлялъ крайнее неуваженіе къ египетской религіи. Камбизъ явился и послѣдователемъ и преслѣдователемъ египетской религіи. Онъ знаменуетъ собою начало новой и важной религіозной эпохи въ Египтѣ, въ которомъ теперь арійцы открыто вступаютъ въ сношенія и связи съ хамитами и семитами. Этотъ новый важный періодъ можетъ быть понятъ лишь послѣ изученія, состоянія арійскихъ религій къ концу VI в. до Р. Х.

3. РЕЛИГІЯ ХЕТТЕЕВЪ [1].

1.

Въ числѣ защитниковъ Трои Гомеромъ называются *κήτειοι* (*Од.* XI, 521), и въ настоящее время многіе изслѣдователи допускаютъ, что эти *κήτειοι* были тѣ самые חִתִּים —по русскому переводу—хеттеи, о которыхъ говоритъ Библія, и всѣ изслѣдователи теперь признаютъ, что хеттеи Библіи тожественны съ Кхета, или Кхата египетскихъ памятниковъ и кхатта или кхате ассирійскихъ. Библія представляетъ ихъ потомками Хета, потомка Хама (Быт. X, 15). Такимъ обра-

---

[1] *Литература.* Въ ряду различныхъ вопросовъ, которыми занимаются оріенталисты, хеттеямъ и ихъ вѣрованіямъ доселѣ отведено очень мало вниманія, и литература о хеттейской религіи ограничивается только нѣсколькими изслѣдованіями и статьями. Дѣло въ томъ, что хеттеи, памятники ихъ письменности, скульптуры и зодчества стали предметомъ систематическаго изслѣдованія всего лишь съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія. Надписи ихъ только теперь ученые начинаютъ дешифрировать. Важнѣйшими источниками для сужденія о хеттеяхъ въ настоящее время являются Библія, ассирійскіе и египетскіе памятники письменности, нѣкоторыя сообщенія классическихъ писателей—Геродота (въ его исторіи) о Птеріи (1, 199 и слѣд.), Лукіана (въ трактатѣ о сирійской богинѣ) о храмѣ Мабога. Изслѣдованія *W. Wrigt*—The empire of the Hittites; *Perrot et Shipiez*—Histoire del'art dans l'antiquité; T. IV; *E. de Rougé*—Leçons professées au Collège de France (Mélanges d'archéologie. T, II); *Sayce*—The Races of the old Testament, The Monuments of the Hittites, *Sayce—Menant*—Les Hèteens, Histoire d'un empire oublié (у Сейса много еще работъ о хеттеяхъ); *Vigouroux*—Les Hèthèens de la Bible (Въ Rev. Quest. histor. T. XXXI). Имѣются свѣдѣнія о хеттеяхъ и ихъ религіи въ курсахъ Ленормана, Масперо и др. На русскомъ языкѣ о религіи хеттеевъ есть небольшая переводная статья *Тайлера* (у *Тимирязева* въ его книгѣ „Религіозныя вѣрованія.....).

зомъ они не были ни семитами, ни арійцами. Сейсъ, судя по сохранившимся ихъ изображеніямъ, усматриваетъ въ ихъ типѣ родство съ монгольскою расой. Какъ и у монголовъ, у нихъ желтая кожа, черные волосы и глаза, они зачесывали свои волосы назадъ, образуя изъ нихъ маленькую тонко заплетеную и вытянутую косу. По этой косѣ равно какъ и по ихъ обуви съ острыми носками загнутыми назадъ ихъ легко узнать на памятникахъ. Въ эпоху Авраама хетеи жили въ южной части Палестины въ области Хеврона, и Авраамъ и его сынъ жили среди нихъ (Быт. XXIII и XXVI, 34), и по возвращеніи изъ Египта евреямъ пришлось много считаться съ хеттеями. Послѣднія извѣстія, которыя даетъ о нихъ Библія, относятся ко времени Соломона. Въ 2 Парал. VIII, 7—8 сообщается, что сохранившіеся останки хеттеевъ Соломонъ сдѣлалъ оброчными. Съ другой стороны въ 3 цар. X, 29 (ср. 2 Паралип. 1, 17) говорится, что купцы, доставлявшіе Соломону колесницы изъ Египта, доставляли ихъ и царямъ хеттейскимъ. До 1879 г. недоумѣвали, какъ можно согласить эти два указанія. Открытія и изслѣдованія Сейса разрѣшили недоумѣнія. Оказалось, что хетеи Палестины представляли собою только маленькую колонію эмигрантовъ прибывшихъ съ сѣвера. Главный центръ, гдѣ жили хетеи, былъ въ области Оронта и верховьевъ Евфрата, но могущество ихъ давало чувствовать себя и въ Малой Азіи—отъ Каппадокіи и Ликаоніи до Лидіи. Могущественное хеттейское государство соперничало порою съ Египтомъ и Ассиріею и несомнѣнно-подобно Финикіи—своею восточною культурою оказало значительное вліяніе на Европу. Въ составъ гиксовъ, именемъ которыхъ обозначается совокупность племенъ вторгнувшихся въ Египетъ при XIV династіи, хетеи повидимому были преобладающимъ элементомъ. Ихъ главный богъ Сутехъ былъ главнымъ богомъ гиксовъ. По изгнаніи гиксовъ, когда самые египтяне стали совершать завоевательные походы въ Азіи, Тутмесу 1-му (XVIII династія) удалось получить контрибуцію съ „царя великой земли кхетовъ“. Его преемникамъ неоднократно приходилось воевать съ хеттеями и объ Аменхотепѣ III сообщается, что онъ заключилъ миръ съ царемъ Нахарина (библейскій Арамъ, въ области котораго было поселеніе хеттеевъ) посредствомъ брака съ принцессой Ти. О Ти извѣстно, что она отказалась почитать египетскаго

Амона, и подъ ея вліяніемъ ея сынъ Аменхотепъ IV совершилъ религіозную революцію и провозгласилъ культъ солнечнаго диска. На хеттейскихъ монументахъ постоянно встрѣчается изображеніе этого диска, и все заставляетъ предполагать о широкомъ распространеніи его культа среди хеттеевъ. Когда XVIII династія смѣнилась XIX, преемникъ Горемгеба, Рамзесъ I заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Сапалеломъ, царемъ хеттейскимъ. Рамзесъ II совершилъ блестящій походъ противъ хеттеевъ. Его подвиги подъ стѣнами Кадеша-хетейской столицы на Оронтѣ-воспѣты Пантуаромъ-этимъ египетскимъ Гомеромъ. Но походъ однако кончился почетнымъ договоромъ для обѣихъ сторонъ. Рамзесъ женился на дочери хеттейскаго владыки Кхета-Сира, принцессѣ дали египетское имя Урмаа-Нофери-Ра, ея замѣчательную красоту прославляли придворные лѣтописцы. Эпоха Рамзеса II и Кхета-Сира, кажется, была самою блестящею и для Египта и для Хеттеевъ. Сирія стала законнымъ владѣніемъ послѣднихъ. Ихъ владычество простиралось теперь отъ Евфрата на востокъ до Эгейскаго моря на западъ и отъ Каппадокіи на сѣверъ до южныхъ границъ Палестины. Но вскорѣ ихъ положеніе въ послѣдней землѣ стало измѣняться къ худшему. Въ Палестину вступили евреи. Книга судей (1, 23—26) разсказываетъ о какомъ-то обитателѣ Луза, который показалъ евреямъ входъ въ этотъ городъ и самъ бѣжалъ къ хеттеямъ. Очень можетъ быть, что онъ самъ былъ хеттеяниномъ. Евреи вытѣсняли хеттеевъ, но послѣдніе долго сопротивлялись. Нѣкоторый элементъ хеттеевъ должно быть вступалъ въ составъ Израиля и растворялся въ немъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія Уріи хеттеянина (2 цар. XI). Другая часть пыталась отстаивать свою независимость. Іерусалимъ, или Іевусъ такъ долго не сдававшійся израильтянамъ, повидимому былъ образованъ и составленъ въ значительной части хеттеянами. На участіе хеттейскаго элемента въ образованіи Іерусалима указываетъ прор. Іезекіиль, когда говоритъ: „отецъ твой—Аморрей, и мать твоя—хеттеянка“ (Іезекіиль XVI, 3, 45). Послѣ того какъ самостоятельность хеттеевъ была совершенно уничтожена въ Палестинѣ, можетъ быть остатокъ ихъ по примѣру предателя эпохи судей удалился на сѣверъ. Но съ этого времени и на сѣверѣ слава хеттеевъ стала меркнуть. Рамзесъ III (второй

царь двадцатой династіи) нанесъ сильное пораженіе хеттеямъ, и съ этихъ поръ Кадешъ исчезаетъ изъ исторіи и хетеи изъ іероглифическихъ записей. Но свѣдѣнія о нихъ доставляютъ ассирійскіе монументы. Столицею хеттеевъ съ этой поры является Кархемишъ—городъ въ области верховьевъ Евфрата, въ шести часахъ пути отъ рѣки. Здѣсь они вели борьбу съ ассиріянами и сиріянами. Какъ видно изъ документовъ, хетеи долго отстаивали здѣсь свою самостоятельность. Сначала войны ихъ кончались контрибуціями, болѣе или менѣе почетными договорами, ихъ относительному благополучію помогало неустойчивое положеніе ихъ сосѣдей, то затмевался блескъ Ассиріи, и возвышалась Сирія, то снова усиливалось могущество Ассиріи. Однако въ VIII стол. могущество послѣдней оказалось для Кархемиша непреодолимымъ. Въ 717 г. Кархемишъ былъ взятъ арміею Саргона, и послѣдній царь Кархемиша Пизири сталъ ассирійскимъ плѣнникомъ. Такимъ образомъ здѣсь хеттейское царство погибло почти одновременно съ израильскимъ. Но часть хеттеевъ еще въ теченіи двухъ столѣтій послѣ этого сохраняла самостоятельность въ Малой Азіи. Судьбу ихъ отчасти можно прослѣдить по Геродоту и Страбону, которые называютъ ихъ сирійцами, но относительно которыхъ оставленные ими на мѣстахъ поселенія памятники не допускаютъ сомнѣнія, что они были хеттеянами. Конецъ самостоятельному существованію хеттеевъ положилъ здѣсь Крезъ, царь лидійскій, самъ вскорѣ послѣ этого потерявшій царство въ борьбѣ съ Киромъ. Съ этого времени нигдѣ не является никакихъ слѣдовъ существованія хеттеевъ.

2.

При современномъ состояніи знанія можно представить только нѣкоторые обрывки изъ того, что составляло совокупность хеттейскихъ религіозныхъ вѣрованій. Безъ сомнѣнія, эти вѣрованія измѣнялись не только по эпохамъ, но и по мѣстамъ жительства хеттеевъ. Безъ сомнѣнія, вѣрованія эти давали отвѣты на всѣ вопросы, которые предлагаетъ религіозная любознательность: какіе существуютъ боги и духи, какъ почитать тѣхъ и другихъ, какъ пріобрѣтать ихъ расположеніе, узнавать ихъ волю, какъ вообще должно вести

себя? Должны были быть, конечно, и какія либо космогоническія и эсхатологическія свѣдѣнія. Но въ нашихъ рукахъ имѣются пока лишь отрывочные документы и косвенныя указанія. Возсоздать религію хеттеевъ пока нельзя, но уже о многомъ и важномъ, касающемся этой религіи, можно составлять сужденія, имѣющія за собою повидимому достаточныя основанія.

Важнымъ документомъ для сужденія о хеттейской религіи, равно какъ и для изученія политической исторіи хеттеевъ, является договоръ Хета-Сира заключенный съ Рамзесомъ II. Этотъ договоръ былъ начертанъ на серебряныхъ доскахъ, а копія съ него помѣщена на южной стѣнѣ карнакскаго ипостиля. Вотъ его переводъ: „Въ двадцать первый годъ, въ мѣсяцъ Тиби, въ двадцать первый день мѣсяца, въ царствованіе царя Рамессу-Мей-ямунъ, вѣчно и всегда подающаго жизнь, почитающаго божество Амона-Ра, Гармонеса, Пта, жену Мутъ озера Амера и Хонса, въ царствованіе царя любящаго миръ было публичное собраніе. Царь возсѣлъ на тронѣ Гора среди живыхъ, подобный своему отцу Гармакису въ вѣчности, въ вѣчности на всегда. Въ этотъ день царь былъ въ городѣ Рамзеса, принося свои жертвы мира своему отцу Аммону-Ра и богамъ Гармакисъ-Туму, Пта, Рамессу Мейямунъ и Сутеху, могущественному, сыну богини неба Нутъ, чтобы они дали ему безчисленные счастливые годы и покореніе всѣхъ народовъ подъ ноги его навсегда. Тогда приблизился посланникъ царя и Аданъ (изъ его дома, по имени.... и онъ представилъ посланниковъ) великаго царя Кхета Кхеты-Сирэ, которые были посланы къ фараону, чтобы предложить дружбу царю Раммессу-Мейямунъ, вѣчно и всегда подающему жизнь, какъ его отецъ богъ солнце (подаетъ ее) каждый день. Вотъ какое содержаніе серебряной таблицы, которую приказалъ сдѣлать великій царь Кхета Кхета Сира и которая была поднесена фараону рукою его посланника Тартисебу и его посланника Рамеса для того, чтобы установить дружбу съ царемъ Рамессу-Мейямунъ, быкомъ между князьями, устанавливающимъ свои границы во всѣхъ земляхъ тамъ, гдѣ ему угодно. Договоръ, который былъ предложенъ великимъ царемъ Кхета Кхета-Сирою могущественнымъ, сыномъ Мор-Сиры могущественнаго, сыномъ сына Сапалеля, великаго

царя Кхета, могущественнаго, (предложенъ) на серебряной таблицѣ Рамессу-Мяйямунъ, великому владыкѣ Египта, могущественному, сыну Менепта-Сети, великаго владыки Египта, могущественнаго, сыну сына Рамессу 1-го великаго царя Египта, могущественнаго, добрый договоръ о дружбѣ и согласіи, который укрѣпилъ миръ (и установилъ согласіе) на время болѣе долгое, чѣмъ когда либо. Установили на основаніи этого договора великій владыка Египта и великій царь Кхета: да не допуститъ Божество, чтобы возникла между ними вражда. Извѣстно, что во время Мотала великій царь Кхета мой братъ велъ войну съ Менепта-Сети, великимъ владыкой Египта. Но теперь, начиная съ сего дня, Кхета Сира, великій царь Кхета, будетъ охранять этотъ договоръ, чтобы могло существовать соглашеніе, которое создалъ богъ Ра, которое создалъ богъ Сутехъ между народомъ египетскимъ и народомъ Кхета, чтобы не было между ними вражды никогда". Согласно договору цари Кхета и Египта обязывались не переходить съ своими войсками границъ другъ друга, не начинать войны въ случаѣ какихъ либо недоразуменій, поддерживать своими войсками другъ друга въ борьбѣ съ врагами (при нашествіи врага на Египетъ египетскій царь можетъ сказать хеттейскому: приди, сдѣлай меня сильнѣе врага, тоже самое въ подобномъ случаѣ можетъ сказать и царь Кхета). Рамессу и Кхета-Сира обязались выдавать бѣглецовъ. „Когда этотъ договоръ станетъ извѣстенъ обитателямъ Египта и Кхета, тогда они да не осмѣлятся нарушать его, потому что все то, что написано на серебряной таблицѣ договора одобрено союзомъ боговъ, божествами мужскими и женскими, божествами земли египетской. Они свидѣтельствуютъ за меня о твердости этихъ словъ, которыя они одобрили. Вотъ списокъ боговъ земли Кхета.

1) Сутехъ города Тунепа (теперь Тенниба въ сѣверной Сиріи).
2) Сутехъ города Кхета.
3) Сутехъ города Арнема.
4) Сутехъ города Царанда.
5) Сутехъ города Пилька.
6) Сутехъ города Кхизазара.
7) Сутехъ города Сарту.
8) Сутехъ города Кхилипъ (Алеппо).

9) Сутехъ города.....
10) Сутехъ города Сарпина.
11) Астарта страны Кхета (Астарта=Антарата).
12) Богъ страны Цаіятъ—Кхири.
13) Богъ страны Ка.....
14) Богъ страны Кхеръ....
15) Богиня города Акх....
16) (Богиня города.....) и страны А.....ца.
17) Богиня страны Цаина...
18) Богъ страны..... Натх....еръ.

Я призвалъ эти мужскія и женскія божества страны Кхета, этихъ боговъ страны, какъ свидѣтелей моей клятвы. Вмѣстѣ съ ними находятся мужскія и женскія божества горъ и рѣкъ земли Кхета, боги земли Кацуадана, Аммонъ, Ра, Сутехъ и мужескія и женскія божества египетской страны, земли, моря, вѣтровъ, бурь. Тотъ, кто не будетъ хранить содержащихся въ серебряной таблицѣ опредѣленій относительно народовъ Кхета и Египта, тотъ будетъ представленъ мщенію боговъ Кхета, будетъ представленъ мщенію боговъ Египта, (онъ), его домъ и его служители. Но тому, кто будетъ исполнять опредѣленія содержащіяся въ серебряной таблицѣ—будутъ ли они касаться народа Кхета или египетскаго, за то, что онъ не пренебрегъ этими опредѣленіями, боги земли Кхета и боги земли египетской воздадутъ ему награду и сохранятъ его жизнь—ему и служителямъ и тѣмъ, которые съ нимъ и съ его служителями. Если какіе либо жители Египта или два или три жителя убѣгутъ и явятся къ великому царю Кхета, (великій царь Кхета) не позволитъ (имъ остаться, но) онъ выдастъ ихъ и отошлетъ къ Рамессу-Мей-ямунъ, великому владыкѣ Египта. Теперь, что касается египетскаго поселенца, который выданъ Рамессу-Мей-ямунъ, великому владыкѣ Египта, его вина не будетъ наказана въ его лицѣ, его домъ не будетъ у него отнятъ, ни его жена, ни дѣти (не осудятъ на смерть его мать, и онъ не будетъ наказанъ ни поврежденіемъ глазъ, ни рта, ни по подошвамъ), ни въ какомъ преступленіи его не будутъ обвинять; точно также если поселенцы страны Кхета убѣгутъ одинъ, два или трое и если они явятся предъ Рамессу-Мей-ямунъ, великимъ владыкой Египта, великій владыка Египта Рамессу-Мей-ямунъ прикажетъ ихъ схватить и выдать вели-

кому царю Кхета. Тому, кто будетъ выданъ, его преступленіе не будетъ вмѣнено, его (домъ) не будетъ у него отнятъ, ни его жены, ни его дѣти, ни его люди, его мать не будетъ осуждена на смерть, онъ не будетъ наказанъ ни поврежденіемъ глазъ, ни рта, ни по подошвамъ и никакое обвиненіе не будетъ возбуждено противъ него. Изображеніе, помѣщаемое по срединѣ этой серебряной таблицы, есть изображеніе бога Сутеха окруженное надписью: „вотъ—изображеніе бога Сутеха, царя неба и (земли)". При заключеніи трактата, который сдѣлалъ Кхета-Сира, великій царь Кхета.....

Какъ видно изъ приведенной таблицы, главнымъ божествомъ хеттеевъ былъ Сутехъ (чтеніе послѣдняго слога проблематично). Подобно тому какъ у язычниковъ семитовъ одинъ и тотъ же Ваалъ дробился на Ваала Тирскаго, тарскаго, такъ и Сутехъ носилъ многія nomina appellativa, которыя какъ бы раздробляли его на множество отдѣльныхъ боговъ отдѣльныхъ городовъ, но въ сущности онъ оставался однимъ и тѣмъ же Сутехомъ. Должно полагать, что качества, которыми хетте и надѣляли этого бога, отвѣчали въ общемъ идеальнымъ требованіямъ, которыя предъявляли къ божеству культурные сосѣди хеттеевъ. Въ эпоху владычества гиксовъ Сутехъ былъ довольно благосклонно принятъ въ Египтѣ, хотя потомъ его въ Египтѣ стали смѣшивать съ Сетомъ. Весьма вѣроятнымъ представляется, что Сутехъ являлся у хеттеевъ богомъ солнца. Но это не исключаетъ того, что онъ имѣлъ свойства не только солнца и съ другой стороны, что хетте и почитали и другихъ боговъ солнца. Въ Киликіи уже въ греко-римскую эпоху былъ какой то богъ *Ρω* или *Ρως*. Думаютъ, что онъ былъ хеттейскимъ, но названіе его отожествляютъ съ египетскимъ Ра — солнце, полагая, что египтяне сблизили какое то солнечное хеттейское божество съ своимъ отцомъ боговъ Ра. Хеттейскія божества имѣли свои женскія половины, таковую имѣлъ и Сутехъ. Но кромѣ этихъ богинь являвшихся пассивными сторонами своихъ могущественныхъ мужей, у хеттеевъ были могущественныя богини. Договоръ Рамзеса II и Кхета Сиры упоминаютъ нѣсколько богинь, но называютъ только одну— Астарту или Антарату. Имѣются еще другія имена богинь. Считаютъ вѣроятнымъ, что послѣ эпохи Рамзеса II культъ Сутеха сталъ отступать на задній планъ предъ культомъ

„великой богини“. У хеттеевъ были такъ называемые священные города (Кадешъ прямо значитъ священный, святой). Оказывается, что на пути завоеваній и владѣній хеттеевъ было много городовъ посвященныхъ „великой богинѣ“. Такъ, въ Каппадокіи весь городъ Комана былъ посвященъ культу богини, которая носила здѣсь имя Ма. Ей служили здѣсь 6000 жрецовъ и жрицъ, городомъ управлялъ абаклъ, или главный жрецъ. Подобные города, посвященные культу богини были во многихъ мѣстахъ Малой Азіи. Такъ, въ Пессинунтѣ во Фригіи, гдѣ богиня представлялась окруженною львами и пантерами, весь городъ управлялся галлами, т. е. жрецами — евнухами. Греческая легенда объ амазонкахъ несомнѣнно имѣетъ свое происхожденіе въ хеттейскомъ культѣ. Амазонкамъ приписывали построеніе многихъ знаменитыхъ городовъ Малой Азіи—Смирны, Ефеса. Эти амазонки были на самомъ дѣлѣ жрицами великой богини Азіи. Хеттейскія арміи занесли ихъ культъ сюда изъ Кархемиша. При храмѣ, который посвящали богинѣ, создавали обширный институтъ вооруженныхъ жрицъ и жрецовъ—евнуховъ. Такъ было въ Команѣ, такъ было въ Ефесѣ. Главная жрица называлась здѣсь пчелой царицею. Когда Ефесъ попалъ въ руки грековъ, богиню отождествили съ греческой Артемидой, и верховный жрецъ занялъ мѣсто главной жрицы, но жрица Артемиды продолжала, носить имя пчелы (семитическое: Девора) и богиню продолжали представлять подъ тою формою, которую усвоили ей хетеи. Ее представляли въ коронѣ хеттейскаго стиля (бока короны поднимались стѣнами), представляли, что ея колесница запряжена львами, ея священнымъ животнымъ стала коза. Комана въ Каппадокіи и Ефесъ на берегахъ Эгейскаго моря разсматриваются, какъ типическіе образцы священныхъ хеттейскихъ городовъ. Все населеніе этихъ городовъ представляло собою служителей богини. Въ центрѣ города помѣщался храмъ. Главнымъ лицомъ въ городѣ былъ верховный жрецъ. Представитель власти свѣтской стоялъ на второмъ мѣстѣ. Священный городъ весь былъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно являлся храмъ,— мѣстомъ неприкосновенности личности въ извѣстныхъ случаяхъ. Священные города были городами убѣжища. Убійца, переступившій ограду города, былъ здѣсь неприкосновененъ для родовой мести. Могли здѣсь находить спасеніе и поли-

тическіе преступники и должники. Въ ту суровую эпоху, когда рядомъ съ величайшею безнаказанностью малѣйшія нарушенія суроваго права могли влечь за собою смертную казнь, эти города были, такъ, сказать, нравственными оазисами, гдѣ не допускалось пролитіе крови и гдѣ налагалось табу на возможность дикой расправы съ врагомъ.

Богиня Кархемиша, культъ которой распространился въ Малой Азіи, сначала носившая имя Антараты или Астарты, потомъ стала называться Атхарати. Это имя греки преобразовали въ Атаргатисъ и Деркето (*Δερκέθω*). Греки представляли Деркето матерью ассирійской царицы Семирамиды. Семирамида была вскормлена голубями, сначала была женою правителя Сиріи, затѣмъ женою ассирійскаго царя Нина и послѣ его смерти заняла ниневійскій престолъ. Съ ея именемъ связываютъ созданіе культуры, основаніе городовъ, всѣ грандіозныя постройки и великіе походы. Свою жизнь Семирамида кончила тѣмъ, что превратилась въ голубя. Исторія Семирамиды есть въ сущности греческое искаженіе ассиро-вавилонскаго миѳа объ Истаръ. Семирамида, это—Истаръ. Деркето или Астарта или Астароѳъ въ сущности тоже самое, мать тожественна съ своей дочерью. Въ Палестинѣ эта богиня называлась Аштаротъ-Карнаимъ. Это названіе показываетъ, что между хеттейской и вавилонской богинями существовало различіе по отношенію ихъ къ небеснымъ свѣтиламъ. Истаръ была богиней Венеры, Аштаротъ или Деркето богиней луны. Греческія легенды представляютъ Деркето мало отвѣчающею понятію великой богини, то ее представляютъ супругою лидійскаго героя Кайстера, то жертвою лидійца Монса, который утопилъ ее въ священномъ озерѣ Аскалона. Но это уже не хеттейскія сказанія. Несомнѣнно, что въ представленіи хеттеевъ Атхароти, какъ и вавилонская Истаръ, была снабжена своимъ Таммузомъ. Въ Сиріи богъ, игравшій роль Таммуза, назывался Ададомъ, его отожествляли здѣсь съ Риммономъ. Такъ, и пророкъ Захарія (XII, II) говоритъ о траурѣ по Адад-Риммонѣ въ магеддонской долинѣ. Въ Гіераполисѣ и Анепѣ его также называли Ададъ или Дади, но во всей Малой Азіи онъ носилъ имя Аттиса—пастуха блестящихъ звѣздъ. Миѳъ объ Аттисѣ отличается отъ сказанія о Таммузѣ. О немъ разсказывается, что онъ произошелъ отъ бога неба и матери земли. Съ нимъ

совершился цѣлый рядъ различныхъ превращеній. Онъ былъ гермафродитомъ, миндальнымъ деревомъ, отъ котораго наконецъ его родила дочь ручья. Красота юнаго бога плѣнила мать боговъ. Атхарати (тоже самое—Цибела, Диндимена) полюбила его и въ своей ревности обрекла безумію. По одной версіи Аттисъ самъ оскопилъ себя, по другой, уже будучи любовникомъ богини, онъ былъ оскопленъ и убитъ другими. Какъ у вавилонянъ культъ Таммуза, такъ у хеттеевъ и затѣмъ вообще у народовъ Малой Азіи культъ Аттиса распадался на два различныхъ момента: оплакивалась его смерть и ликовали по случаю его воскресенія. Культъ его имѣлъ оргіастическій характеръ. На хеттейскихъ памятникахъ этотъ богъ обыкновенно изображается въ видѣ юноши позади великой богини; какъ богиня, такъ и онъ обыкновенно представляются стоящими на львѣ или на пантерѣ.

Были еще у хеттеевъ боги Таръ или Тарку, Мауру, Каун, Хепа. Тарку въ Киликіи и Лидіи былъ извѣстенъ подъ именемъ Сандана. Его изображеніе на медаляхъ называли тарскимъ Вааломъ. Представлялся онъ на рисункахъ и барельефахъ въ остроконечной тіарѣ украшенной рогами, въ короткой туникѣ и въ характерной хеттейской обуви съ острыми загнутыми назадъ носками. Тарку былъ несомнѣнно богомъ солнца, отсюда его позднѣйшее смѣшеніе съ Вааломъ. Былъ богъ Тисбу или Тушпу, функціи его отожествляютъ съ функціями ассиро-вавилонскаго Раммана, т. е. считаютъ его богомъ грозъ и бурь. Надо полагать, что хеттейскимъ богомъ былъ Касіу, откуда явился потомъ греческій Зевсъ касіосъ. Хеттейскіе боги въ общемъ имѣли дикій и воинственный характеръ. Изъ договора Кхета-Сиры съ Рамзесомъ II видно, что всѣ области, стихіи имѣли у хеттеевъ своихъ боговъ. Какъ у другихъ народовъ, у нихъ была развита вѣра въ духовъ, которые посылали бури и облака, жили въ моряхъ, рѣкахъ, источникахъ, на горахъ и въ лѣсахъ. Почитались небесныя свѣтила—солнце и луна. Изображенія крылатаго солнечнаго диска были часты. Почитались у хеттеевъ животныя. Не говоря объ изображеніяхъ львовъ, пантеръ, быковъ постоянно встрѣчающихся на ихъ памятникахъ религіознаго характера, отъ нихъ сохранились изображенія быка стоящаго на алтарѣ (см. у Perrot, Hist. t. IV p. 667—668), къ которому приближаются лица въ молитвенныхъ позахъ. По-

читались и птицы. Есть основанія думать, что въ Кархемишѣ существовалъ культъ орла. Солнце-царь неба, орелъ-птица неба. Весьма естественно въ послѣднемъ видѣть символъ перваго. Замѣчательно, что у хеттеевъ существовали изображенія двухглаваго орла. Только изображенія эти очень загадочны и сохранились въ несовершенномъ видѣ. Такъ, имѣется такое изображеніе: орелъ держитъ каждою изъ своихъ лапъ какое то животное (см. у Perrot 682. ср. у Sayce, Hist, 87)—какъ будто зайца, на головахъ орла кто то поставилъ свою ногу въ хеттейскомъ башмакѣ, но кто неизвѣстно, такъ какъ верха изображенія нѣтъ. Въ древнихъ мусульманскихъ преданіяхъ есть сказаніе о какомъ то фантастическомъ животномъ Хамса, черты котораго отвѣчаютъ изображенію хеттейскаго орла найденному въ Каппадокіи. На монетахъ турецкихъ князей, владычествовавшихъ на среднемъ Евфратѣ и въ Сиріи изображался Хамса—двухглавый орелъ и, по свидѣтельству путешественниковъ, онъ былъ ихъ гербомъ. Но трудно установить связь и выяснить происхожденіе этихъ изображеній.

Изъ неодушевленныхъ предметовъ несомнѣнно у хеттеевъ было развито почитаніе ашеръ и бетилей. Повидимому теперь можно считать выясненнымъ, что такое ашера. Они стоятъ въ прямой связи съ культомъ fallus'a. Слово это часто встрѣчается въ книгахъ ветхаго завѣта и было переводимо словомъ „дубрава". Такъ, въ нашей славянской библіи о Манассіи говорится: и поставн изваяное дубравы въ храмѣ (4 цар. XXI, 7). Въ русской библіи переведено: „и поставилъ истуканъ Астарты". На первый взглядъ должно представиться, что преимущество имѣетъ русскій текстъ. Что это за изваяніе дубравы? На самомъ дѣлѣ русскій переводъ, давая невѣрный комментарій темнаго мѣста подлинника, совершенно отрѣзываетъ путь къ правильному пониманію повѣствованія, между тѣмъ какъ приведенный текстъ славянскій и соотвѣтствующій ему греческій при сопоставленіи съ данными о культахъ еврейскихъ сосѣдей, кажется, выясняютъ дѣло. Дубравы были мѣстомъ оргіастическаго культа Ашеры или Астарты. Въ дубравахъ, конечно, имѣются деревья съ прямымъ стволомъ, въ странахъ южныхъ такіе прямые стволы безъ вѣтвей у многихъ пальмъ, которыя вѣтвятся лишь вверху, встрѣчаются постоянно. Прямой

стволъ дерева очень удобный символъ для fallus'a. Ашеры и были эти прямые стволы деревьевъ служившіе предметомъ почитанія. Несомнѣнно ихъ впослѣдствіи имитировали, т. е. изваявали изъ металловъ или вырѣзывали и вылѣпляли скульпторы. Въ памятникахъ Кархемиша находятся такіе символы, рядомъ съ ними обыкновенно помѣщается изображеніе полумѣсяца и очень часто на этотъ символъ помѣщаемый на изображеніи вверху указываетъ рука, какъ на важнѣйшій предметъ поклоненія. При такомъ пониманіи ашеръ понятно то отвращеніе съ которымъ говорятъ о нихъ священные писатели и понятно различіе смысла этого слова въ различныхъ мѣстахъ ихъ книгъ. Другимъ предметомъ почитанія у хеттеевъ были бетили (греческ. *Βαίτυλος* несомнѣнно семитическаго корня bêth—êl, финикійское bêth—ul, сирійское beto aloho) Бетили, это—священные камни, главнымъ образомъ, должно полагать, аэролиты. „Я видѣлъ бетиль, летящій по небу", говоритъ Дамасцій (род. около 470 г. по Р. Х. см. у Фотія, Библіот. код. 242 стр. 348 изд. Беккера). Въ фрагментахъ Санхоніатона (время происхожденія проблематично) Ураносъ (Шама—небо) изобрѣтаетъ и производитъ бетили, и Бетиль есть сынъ Ураноса. Необыкновеннымъ почитаніемъ пользовался аэролитъ въ фригійской области Цибелы, изъ Пессинунта гдѣ почиталась хеттейская богиня, камень былъ перенесенъ въ Римъ. Онъ былъ черный, неправильной формы съ острыми углами (таковы обыкновенно аэролиты) и настолько маленькій, что его могли вставить въ ротъ статуи богини. Съ введеніемъ культа матери боговъ въ Греціи одновременно, кажется, стали почитать и бетили. Такъ Пиндаръ, увидѣвъ камень падавшій съ неба въ пламени и съ шумомъ, посвятилъ его „матери боговъ". Псевдоплутархъ говоритъ объ одномъ родѣ камней, которые находили въ Малой Азіи въ рѣкѣ Сагарисѣ и которые считались священными, потому что въ нихъ былъ видѣнъ типъ матери боговъ. Любопытно еще выясненное въ послѣдніе годы мистическое почитаніе у хеттеевъ равностороннаго треугольника. Полагаютъ, что эта скромная геометрическая фигура считалась источникомъ могучей силы, даже источникомъ жизни. Изображеніе равностороннаго треугольника помѣщалось на печатяхъ и къ нему присоединяли еще другіе образы. Иногда въ треугольникѣ помѣща-

лись глаза; изображенія треугольниковъ имѣются изъ разныхъ мѣстъ, нѣкоторыя изъ треугольниковъ снабжены головою. Интересный отпечатокъ хеттейской печати имѣется въ Луврѣ. Основаніе треугольника закруглено книзу, что, можетъ быть, выражаетъ полноту божественной силы, струя которой исходитъ изъ одного конца треугольника, или вниманіе къ обращающемуся съ мольбой поклоннику, такъ какъ здѣсь изображена рука протянутая съ мольбой.

3.

Хеттейскихъ храмовъ не сохранилось. Существуютъ всѣ основанія полагать, что многія религіозныя церемоніи, жертвоприношенія, вообще многіе элементы культа хеттеевъ не нуждались въ храмахъ, а скорѣе въ высотахъ и дубравахъ. Однако, несомнѣнно, были у нихъ и храмы. Въ скалѣ Язили-Каія въ Каппадокіи найдены и изслѣдованы хеттейскіе барельефы, которые не только съ несомнѣнностію утверждаютъ въ мысли, что хетеи имѣли храмы, но и даютъ возможность составить нѣкоторое представленіе объ этихъ храмахъ. У Лукіана самосатскаго въ его сочиненіи о сирійской богинѣ описывается храмъ въ Мабогѣ II вѣка христіанской эры. Мабогъ смѣнилъ собою Кархемишъ, и описаніе мабогскаго храма сдѣланное Лукіаномъ прямо насъ вводитъ въ Кархемишскій, хеттейскій культъ. Храмъ возвышался въ самомъ центрѣ города. Онъ имѣлъ внѣшній дворъ и внутреннее святилище, въ которомъ находилось еще святое святыхъ. Въ послѣднее могли входить только верховный жрецъ и тѣ изъ его сослуживцевъ, которые считались наиболѣе близкими къ божеству. Храмъ былъ построенъ на обширной искусственной платформѣ, имѣвшей 12 футовъ высоты, во внутренности стѣны, плафондъ и обѣ створки дверей блистали золотомъ, святое святыхъ отдѣлялось отъ остальныхъ частей зданія только завѣсой или покрываломъ. Съ каждой стороны входа возвышались высокія колонны, суживавшіяся кверху на подобіе конуса. Они были символомъ богини плодородія. Во внѣшнемъ дворѣ помѣщался мѣдный жертвенникъ, на лѣво отъ него идолъ богини; Лукіанъ называетъ эту богиню Семирамидою, но у хеттеевъ эта богиня, очевидно, Антарата, Астарата или Атарата, не вдалекѣ отъ

нея было озеро съ священными рыбами. На дворѣ были, кормились и служили предметомъ усердныхъ почитаній быки, лошади, орлы, медвѣди и львы, какъ посвященные различнымъ почитаемымъ божествамъ. При входѣ въ храмъ на лѣво возвышался престолъ солнца, но на этомъ престолѣ не помѣщалось статуи, такъ какъ солнце и луна, единственныя между божествами, не имѣли изображеній, которыя были бы имъ посвящены. Въ храмѣ были статуи различныхъ божествъ, между ними одна, которой приписывали даръ чудесъ и пророчества. Разсказывали, что иногда статуя эта двигалась съ мѣста единственно силою своей воли, и если жрецы не ставили ее обратно на мѣсто, она начинала выдвигаться наружу. Тогда жрецы поднимали статую руками и она вела ихъ изъ одной части храма въ другую, между тѣмъ верховный жрецъ, стоя передъ нею, дѣлалъ ей вопросы, на которые она отвѣчала условнымъ образомъ, направляя впередъ тѣхъ, кто ее несъ. Главнымъ предметомъ почитанія въ храмѣ были золотыя статуи двухъ божествъ. Лукіанъ отождествляетъ ихъ съ Герой и Зевсомъ грековъ, но нѣтъ основаній сомнѣваться, что это была великая мать и Аттисъ. На головѣ богини, по описанію Лукіана, помѣщался золотой голубь, символъ Семирамиды, Истаръ, Астарты, она вся блистала драгоцѣнными каменьями, въ рукахъ держала скипетръ, на головѣ ея была стѣнная корона, какъ у хеттейскихъ богинь въ каппадокійской Птеріи. Помѣщалась она на львахъ, а ея супругъ—на быкахъ. Такъ обыкновенно изображаются хеттейскія божества. Барельефныя изображенія въ Іазили-каія (теперь эта мѣстность Каппадокіи носитъ имя Башацъ-кеи, но имѣются твердыя основанія отождествлять ее съ Птеріей Геродота (см. Герод. Истор. 1, 16) подсказываютъ выводъ, что въ помѣщеніяхъ храмовъ были ниши, въ которыхъ можетъ быть хранились ковчеги и иныя священныя принадлежности. Внѣ храмовъ у хеттеевъ воздвигались сфинксы. Такіе сфинксы найдены въ Башацъ-кеи. Какъ стражи, они стоятъ предъ дворцомъ. Сфинксъ — египетское понятіе. Это существо съ человѣческой головой и львинымъ туловищемъ. Такому опредѣленію удовлетворяютъ и хеттейскіе сфинксы, но сравнительно съ египетскими они однако представляютъ много особенностей. Найденные сфинксы выбиты въ двухъ громадныхъ камняхъ (болѣе двухъ са-

жень высоты) такъ, что они имѣютъ только переднюю сторону, египетскіе сфинксы—законченныя скульптурныя произведенія. Египетскіе сфинксы всегда имѣютъ лежащее положеніе, сфинксы хеттейскіе стоятъ. Отмѣчаютъ еще сравнительно съ египетскими въ хеттейскихъ сфинксахъ особенности въ помѣщеніи ушей (у хеттейскихъ—на нормальной высотѣ, у египетскихъ -выше нормальной), въ куафюрѣ, въ украшеніяхъ.

Институтъ жрецовъ и жрицъ, какъ уже видно изъ изложеннаго, былъ у хеттеевъ очень великъ. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ священныхъ городахъ управленіе приближалось къ теократическому. Уже когда распространялось христіанство и не осталось и имени хеттеевъ, мы видимъ, въ Ефесѣ культъ хеттейской богини подъ именемъ Артемиды пользовался великимъ вниманіемъ и предполагалось, что всѣ знали, что городъ Ефесъ есть служитель великой богини Артемиды и Діопета (Дѣян. XIX, 35, о Діопетѣ ничего неизвѣстно. Въ греческой миѳологіи встрѣчается сомнительное имя *Διοπος*. Можетъ быть Діопетъ при Артемидѣ былъ тоже, что Аттисъ при великой матери). Особенный и высшій классъ жрецовъ представляли евнухи. При Ефесскомъ храмѣ были еще и обрѣзанные. Насколько потеря мужской силы связывалась у хеттеевъ съ понятіемъ служенія богини видно изъ миѳа объ Аттисѣ, о которомъ по одной версіи повѣствуется, что онъ, лишивъ себя производительной силы, сталъ первымъ и верховнымъ жрецомъ любившей его богини. Жрецы и другіе священные служители при праздничныхъ церемоніяхъ иногда разрѣзывали себѣ руки, бичевали другъ друга. Такъ, на этихъ праздникахъ рядомъ съ страшными оргіями и разгуломъ шло кастрированіе и самоистязаніе.

Въ жертвы приносились различныя животныя. Козы и бараны были самыми обычными жертвами. Торжественную и добрую жертву представляли быки. Только свиней было запрещено приносить въ жертву и не дозволялось употреблять въ пищу свиное мясо. Свиньи у хеттеевъ трактовались какъ нечистыя животныя. Обыкновенно послѣ того, какъ желавшій принести жертву приводилъ животное къ храму, его отводили обратно къ дому жертвователя и тамъ закалывали. Иногда животное умерщвляли инымъ способомъ,

именно бросали его на дворъ съ высоты портика. Такимъ способомъ хетты приносили въ жертву дѣтей. Ихъ закутывали въ звѣриныя шкуры и родители низвергали ихъ сверху, крича, что это не ихъ дѣти, а быки.

Имѣются указанія относительно нѣкоторыхъ праздниковъ, которые повидимому справлялись хеттеями. Можно полагать, что мабогскія празднества II в. по Р. Х. имѣли свое основаніе въ хеттейскихъ вѣрованіяхъ и установленіяхъ. Два раза въ годъ въ Мабогѣ праздничная процессія отправлялась къ расщелинѣ скалы, находившейся подъ храмомъ: въ эту расщелину, говорили, стекли воды потопа и въ нее лили морскую воду. Повидимому на эту расщелину указываетъ Мелитонъ сардійскій (около 170 г. по Р. Х.), когда говоритъ, что богиня Сими, дочь высшаго бога Адада (Ададъ-Дади), положила конецъ нападеніямъ демона, наполнивъ морскою водою расщелину, въ которой онъ жилъ. У Лукіана на мѣсто демона поставленъ потопъ. Празднованіе окончанія потопа около Кархемиша хорошо согласуется съ тѣмъ, что около Кадеша найдено мѣстечко (маіоромъ Кондеромъ), носящее имя „ковчегъ пророка Ноя“, въ томъ мѣстечкѣ протекаетъ ручей называемый Таннуръ или Фуръ, откуда по вѣрѣ мусульманъ вытекли воды потопа. Въ Мабогъ на праздники, которыхъ было не мало, стекались пилигримы изъ самыхъ различныхъ странъ — Аравіи, Палестины Каппадокіи, Вавилоніи и даже Индіи. „Человѣкъ приходившій въ первый разъ въ Мабогъ (Мабогъ—сирійское названіе, греки называли этотъ городъ просто священнымъ—Іерополисъ, какъ и во Фригіи назывался Іерополисомъ городъ, гдѣ почиталась Цибела), брилъ себѣ голову и брови. Принеся въ жертву овцу, онъ разрѣзывалъ на куски мясо и устраивалъ пиръ. Шкуру разстилалъ на землѣ, становился на колѣна, голову и ноги жертвы возлагалъ на свою голову, въ тоже время заклиналъ боговъ принять его жертву, обѣщая въ будущемъ принесть еще лучшую. Потомъ онъ и совершавшіе съ нимъ путешествіе увѣнчиваются вѣнками. Затѣмъ, сложивъ вѣнокъ, онъ отправляется въ путь, тщательно заботясь о томъ, чтобы для питья и омовеній употреблять только холодную воду и стараясь спать всегда на жесткомъ ложѣ, потому что запрещалось спать въ постели до окончанія паломничества и возвращенія въ собственный

домъ. Барельефы Іазили=каія знакомятъ съ праздничными религіозными церемоніями, которые имѣли мѣсто въ Птеріи. Храмъ, можетъ быть главное святилище птерійцевъ (изслѣдованіе и толкованіе Перо), находился на горѣ. Около храма безъ сомнѣнія была священная роща. Сюда раза два или три въ годъ въ праздники соединенные съ перемѣною временъ года выходило все городское населеніе въ праздничныхъ одеждахъ. Толпа выходила изъ города чрезъ большія ворота, предводимая князьями, жрецами и жрицами. Достигнувъ горы, они медленно взбирались по ея бокамъ, и когда вершина была достигнута, представители племени отправлялись къ храму, гдѣ жрецы приносили жертвы, а толпа разсѣевалась по рощѣ, подъ тѣнью деревьевъ, по лужайкамъ, подъ навѣсами скалъ. Народъ проводилъ здѣсь весь день. Пили, ѣли, плясали, играли на музыкальныхъ инструментахъ и пѣли. Такъ обыкновенно праздновались панегиріи на востокѣ. На нихъ собирался народъ изъ окрестныхъ селеній. Обыкновенно такія празднества, подобныя которымъ существуютъ и теперь, связываются съ ярмарками.

Что думали хетеи о загробной жизни, какъ рисовали они себѣ „по ту сторону бытія?“ На это нельзя дать прямого отвѣта. Позволительно высказать догадку, что ученіе о загробномъ существованіи у нихъ было развито болѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ ихъ семитическихъ сосѣдей. По своимъ вѣрованіямъ и именно въ области вѣрованій они приходили въ соприкосновеніе съ египтянами, но у египтянъ ученіе о существованіи за гробомъ было краеугольнымъ камнемъ вѣры. Не далеко отъ Башацъ-каи найденъ некрополь повидимому хеттейскій. Въ скалѣ расширена естественная трещина, изъ нея сдѣлано нѣчто въ родѣ портика, поддерживаемаго тремя толстыми и короткими колоннами. Налѣво и направо отъ портика погребальныя комнаты. Лѣвая комната отдѣлана и украшена гораздо богаче. Ея окно разукрашено, между тѣмъ какъ окно правой представляетъ просто четыреугольное отверстіе. Въ ней устроено въ родѣ алькова погребальное ложе, выбитое въ массѣ скалы. Изслѣдованіе открываетъ, что въ этой скалѣ и въ другихъ устраивались жилища и для живыхъ, но во всякомъ случаѣ для умершихъ отдѣлываютъ и обставляютъ удобныя жилища лишь тамъ, гдѣ предполагаютъ, что со смертью не все кончается

для умершаго. Любопытно, что нерѣдко на хеттейскихъ рисункахъ встрѣчается изображеніе лѣстницы (см. Perrot. p. 671). Конечно для того, чтобы взбираться на горы, нужно выбивать ступени и дѣлать лѣстницы, но не намекаютъ ли лѣстницы хеттейскихъ барельефовъ на другую идею? Если хеттейскій сфинксъ, какъ ни какъ, все таки имѣетъ связь съ египетскимъ, то не имѣетъ ли и хеттейская лѣстница связи съ лѣстницею египетскихъ гробовъ. У послѣднихъ, какъ мы знаемъ, лѣстница должна была вести умершихъ изъ міра людей въ міръ боговъ, не имѣла ли подобнаго назначенія и хеттейская лѣстница?

4.

Выше было показано, что новѣйшія изслѣдованія о хеттеяхъ разрѣшили одно изъ недоумѣній вызываемыхъ библейскимъ текстомъ. Очень можетъ быть, что дальнѣйшія изслѣдованія о хеттеяхъ окажутъ еще не мало услугъ библейскому экзегезису. Хетеи близко соприкасались съ евреями, и соприкосновеніе это, несомнѣнно, происходило и на почвѣ религіозной. Библія не одинъ разъ рисуетъ хеттеевъ свѣтлыми чертами. Такъ, Хетеи говорили Аврааму: „ты князь Божій посреди насъ“ (Бытія XXIII, 6) и были готовы задаромъ уступить ему лучшее изъ погребальныхъ мѣстъ для погребенія Сарры. И Ефронъ хеттеянинъ отдавалъ задаромъ свое поле и пещеру для погребенія Сарры. Авраамъ, о которомъ не говорится, чтобы онъ преклонился предъ народомъ египетскимъ или филистимскимъ, кланялся сынамъ хеттейскимъ. Много столѣтій спустя на сцену Библейской исторіи снова выступаетъ хеттеянинъ, и нельзя сказать чтобы при взаимныхъ отношеніяхъ этого хеттеянинина и народа Божія нравственное превосходство было на сторонѣ послѣдняго. Хеттеянинъ этотъ Урія. Онъ представляется ревностнымъ исполнителемъ религіи Израиля, не допукающимъ мысли, чтобы можно было спать въ домѣ и наслаждаться радостями и удовольствіями семейной жизни, когда ковчегъ Божій находится въ полѣ (2 Цар. XI). Въ библіи есть еще важное указаніе относительно хеттеевъ. Оказывается, что въ составъ нѣкоторыхъ хеттейскихъ именъ входило слово Іегова—наименованіе Бога израилева. Такъ, въ Библіи разска-

зывается, что, когда Давидъ разбилъ сувскаго царя Адраазара и Сирійцевъ, Θοй, царь Имаѳа, т. е. хеттейскій, послалъ „Іорама, сына своего, къ царю Давиду, привѣтствовать его и благодарить его за то, что онъ воевалъ съ Адраазаромъ и поразилъ его; ибо Адраазаръ велъ войны съ Θоемъ. Въ рукахъ же Іорама (въ еврейскомъ и LXX наименованія нѣтъ) были сосуды серебряные, золотые и мѣдные. Ихъ также посвятилъ царь Давидъ Господу, вмѣстѣ съ серебромъ и золотомъ, которое посвятилъ изъ отнятаго у всѣхъ покоренныхъ имъ народовъ". (2 Цар. VIII, 10—11). Въ кн. Паралипоменонъ (1, XVIII, 10) имя посла Θоева нѣсколько измѣнено (въ русскомъ текстѣ стоитъ также Іорама). Можетъ быть транскрипція кн. Паралипоменонъ есть результатъ описки. Во всякомъ случаѣ писатель книги царствъ очевидно, допускалъ возможнымъ въ составъ хеттейскаго имени вводить слово Іегова. Нѣкоторыхъ ученыхъ это короткое сообщеніе библіи заводитъ очень далеко, они говорятъ на основаніи его даже о несемитическомъ происхожденіи имени Іегова, но во 1) Іегова весьма удобно производится отъ семитическаго הָיָה—быть, во 2) въ составъ еврейскихъ именъ имя Іеговы входило съ древнѣйшаго времени (наприм., Іохаведа, мать Моисея Исх. VI. 20). Сопоставляя имя хеттейскаго Іорама съ его миссіей естественнѣе всего предположить, что не находившіе предосудительнымъ уважать евреевъ хетты не находили предосудительнымъ почитать и ихъ бога. Но относительно того, какого рода было это почитаніе, какъ они смотрѣли на Іегову, нельзя дать отвѣта, который опирался бы на серьезныя данныя. Нѣкоторые (наприм. Ленорманъ) готовы видѣть въ основѣ религіи хеттеевъ монотеизмъ и называютъ единымъ богомъ хеттеевъ Седа или Сета, откуда производная форма — Сутехъ. Что у хеттеевъ Сутехъ имѣлъ преобладающее значеніе, это безспорно, но безспоренъ также фактъ ихъ политеистическихъ и полидемоническихъ вѣрованій. Самое признаніе ими Іеговы богомъ безъ внесенія какихъ либо измѣненій въ своемъ религіозномъ строѣ скорѣе подтверждаетъ фактъ ихъ политеизма. Іегова не поставляется на мѣсто прежнихъ боговъ, но присоединяется къ нимъ, какъ новый членъ многочисленной божественной семьи. Что практически хетты были политеистами, это безспорно, но не возвышались ли онѣ теорети-

чески до монотеизма? Изъ исторіи египетской религіи мы знаемъ, что тамъ подъ вліяніемъ хеттейской принцессы Ти была сдѣлана попытка замѣнить различные культы культомъ единаго Атенъ, изъ исторіи ассирійской религіи мы знаемъ, что гораздо позже подъ вліяніемъ принцессы Саммуратъ Рамманирари III пытался культы боговъ замѣнить культомъ единаго Небо. Не была ли Саммуратъ хеттейскаго происхожденія? Ея имя сближаютъ съ именемъ Семирамиды. Семирамиду называютъ дочерью Деркето, и культъ обѣихъ подъ иными названіями мы находимъ у хеттеевъ. Мы стоимъ здѣсь предъ рядомъ вопросовъ, ключа для рѣшенія которыхъ не даетъ современное знаніе.

Можно указать еще нѣсколько пунктовъ сближенія въ религіозныхъ сказаніяхъ и культѣ у хеттеевъ съ евреями. Такъ, сообщенія Лукіана о мабогскомъ храмѣ заставляютъ думать, что у хеттеевъ существовало преданіе о потопѣ и, что представляетъ особенный интересъ, это преданіе у нихъ подало поводъ къ созданію особаго религіознаго торжества. Въ богооткровенной религіи событіе о потопѣ не увѣковѣчено въ культѣ, какъ не увѣковѣчена въ культѣ и гибель Гоморры. Эти событія не даютъ матеріала для празднованія, гибель нечестія не должна вызывать и скорби. Въ институтѣ жрецовъ выдѣлялся у хеттеевъ верховный жрецъ подобно еврейскому первосвященнику, но онъ былъ не одинъ у всѣхъ хеттеевъ, какъ это имѣло мѣсто въ еврейскомъ народѣ, а одинъ въ каждомъ священномъ городѣ. Полагаютъ, что у хеттеевъ были ковчеги, но это вѣроятно нѣчто аналогичное египетскимъ или ассировавилонскимъ. Въ ихъ храмахъ указываютъ святое святыхъ, отдѣлявшееся завѣсой отъ сосѣдней части храма. У нихъ были по праздникамъ паломничества въ святые города. Какъ и евреи, они считали свиней нечистыми. Любопытное сходство между хеттеями и евреями открывается въ практикѣ городовъ убѣжища. Евреи отдѣлили Кедесъ въ Галилеѣ на горѣ Нефѳалимовой, Сихемъ на горѣ Ефремовой, и Киріа-Арбы, иначе Хевронъ на горѣ Іудиной; за Іорданомъ противъ Іерихона къ востоку, отдѣлили: „Бецеръ въ пустынѣ, на равнинѣ, отъ колѣна Рувимова, и Рамоѳъ въ Галаадѣ отъ колѣна Гадова, и Голанъ въ Васанѣ отъ колѣна Манассіина: сіи города назначены для всѣхъ сыновъ израилевыхъ и для пришельцевъ, живущихъ

у нихъ, дабы убѣгалъ туда всякій, убившій человѣка по ошибкѣ, дабы не умеръ онъ отъ руки мстящаго за кровь, доколѣ не предстанетъ предъ общество" (на судъ. Іис. Нав. XX, 8—9 ст. опредѣленія закона о городахъ убѣжища см. числ. XXXV, 9 и слѣд. до конца; Второзак. XIX, 1 — 13). Это-тѣ города, въ которыхъ нѣкогда жили хеттеи и аморреи. Кедесъ (Кадешъ) и Хевронъ были мѣстами хеттейскихъ колоній. О Сихемѣ имѣется свидѣтельство, что онъ нѣкогда принадлежалъ аморреямъ (Быт. XLVIII, 21—22). Востокъ отъ Іордана вообще былъ занятъ долго аморрейскими племенами. Но аморреи и хеттеи представляются въ Библіи связанными дружественною родственною связью. Они оказываются живущими въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и дѣйствующими совмѣстно. „Отецъ твой—Аморрей, и мать твоя—хеттеянка" (Іезек. XVI, 2 и 45), говоритъ пророкъ о іерусалимѣ. Этнографически аморреи далеко не похожи на хеттеевъ. Въ библейскихъ описаніяхъ (Ам. 11, 9) аморреи являются красивыми и рослыми, хеттеи на всѣхъ памятникахъ представляются некрасивыми до каррикатуры. Но политически они, видно, сближались между собою въ Палестинѣ почти до полнаго братства. Аморреи были жителями горъ и города убѣжищъ евреи выбираютъ на горахъ. Нѣтъ ничего трудно допустимаго въ томъ положеніи, что евреи при вступленіи въ Палестину назначили мѣстами убѣжища тѣ города, которые и ранѣе ихъ у предшествовавшихъ имъ поселенцевъ служили той же цѣли (мнѣніе это принадлежитъ Сейсу). Не рѣдки были случаи, что языческіе храмы превращались въ христіанскіе. Нѣтъ ничего предосудительнаго и въ томъ, что города приспособленные для доброй цѣли хеттеями и аморреями, были приспособлены къ той цѣли и Израилемъ.

Кто вздумалъ однако бы проводить параллель между ветхозавѣтной религіей и хеттеями далѣе и захотѣлъ бы усматривать сходство и въ темныхъ сторонахъ хеттейскихъ принциповъ съ еврейскими, тотъ впалъ бы въ грубое заблужденіе. Несомнѣнно, что евреи допускали дѣянія, которыя у хеттеевъ освящались религіею и которыя въ сущности представляли собою зло. Но будучи *закономъ* у хеттеевъ, они были *злоупотребленіемъ* у израильтянъ. Несомнѣнно у хеттеевъ былъ культъ тельца, онъ былъ у евреевъ, но онъ всегда

разсматривался у нихъ, какъ преступленіе, хотя въ тельцѣ они, можетъ быть, почитали всемогущество Іеговы. У хеттеевъ найдены статуэтки тельца или быка (имѣются въ Луврѣ см. рисунокъ у Перро и Шипье стр. 763), въ нихъ хотятъ видѣть идоловъ. Но должно замѣтить, что статуэтка хранящаяся въ Луврѣ имѣетъ нѣсколько комическій оттѣнокъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы это обусловливалось неискусствомъ художника. Рисунки въ Іазили-кая показываютъ, что хеттейское искусство было развито, и быкъ представленный тамъ на алтарѣ вполнѣ отвѣчаетъ понятію о божествѣ древняго востока. Не была ли статуэтка Лувра созданіемъ рефлексіи, скептицизма или даже прямого отрицанія того, что признавалось священнымъ въ Птеріи? Распространенный у хеттеевъ культъ ашеръ былъ у евреевъ предметомъ омерзенія и обличенія. На хеттейскихъ іероглифахъ фигурируютъ иногда зайцы или тушканчики, изображавшіеся для іероглифовъ въ довольно большихъ размѣрахъ. Не имѣли ли они какого-либо религіознаго значенія? И не должно ли быть противопоставлено имъ библейское запрещеніе употреблять въ пищу зайцевъ (Лев. XI, 4 — 6. Втор. XIV, 6—7)? У хеттеевъ были евнухи жрецы, ихъ миѳологія освящала лишеніе мужской силы, и въ ихъ религіозно-іерархическомъ ряду эти самоизувѣченные изувѣры занимали особенно высокое положеніе. Библія не только не освящаетъ этого дикаго обычая кастраціи, но въ своихъ запрещеніяхъ относительно этого пункта идетъ далѣе всѣхъ когда либо существовавшихъ законодательствъ. „Животнаго у котораго ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырѣзаны, не приносите Господу и въ землѣ вашей не дѣлайте сего: и изъ рукъ иноземцевъ не приносите всѣхъ таковыхъ животныхъ въ даръ Богу вашему, потому что на нихъ поврежденіе, порокъ на нихъ: не пріобрѣтутъ они вамъ благоволенія“ (Лев. XXII, 24—25). Наконецъ, у хеттевъ были распространены человѣческія жертвы, у евреевъ онѣ не допускались безусловно и не только у нихъ, но и у ассиро-вавилонянъ и у египтянъ не видно существованія ихъ въ исторически извѣстную эпоху.

Можетъ быть, какъ заставляетъ предполагать имя хеттейскаго принца Іорама, въ религію хеттейскую проникало нѣчто отъ евреевъ, но съ другой стороны представляется не-

сомнѣннымъ, что хетте́и вліяли въ религіозномъ отношеніи вреднымъ образомъ на евреевъ, и что затѣмъ у хеттеевъ вообще была наклонность къ пропагандѣ и пріобрѣтенію прозелитовъ. По отношенію къ Египту это доказывается документами отъ эпохи гиксовъ. По отношенію къ Малой Азіи это доказываютъ культы Цибелы во Фригіи, Артемиды въ Ефесѣ. Нѣтъ основаній думать, чтобы хетте́и заходили на западѣ далѣе береговъ Малой Азіи, но вліяніе ихъ распространилось далѣе. Оказывается, оно сказалось не въ азіатской только, но и въ европейской Греціи. Для объясненія происхожденія микенской культуры теперь приходится обращаться уже не къ египтянамъ и финикіянамъ только, но и къ хеттеямъ. Шлиманъ при своихъ роскопкахъ въ Микенахъ нашелъ два золотыя кольца, въ гнѣздахъ которыхъ помѣщены рисунки въ хеттейскомъ стилѣ, на одномъ изображены головы животныхъ, на другомъ женщина подъ деревомъ, смотрящая на обращенныхъ къ ней двухъ другихъ лицъ въ развѣвающихся одеждахъ и въ башмакахъ съ загнутыми носками, на полѣ рисунка головы животныхъ. Шлиманъ нашелъ еще двѣ золотыя статуэтки, представляющія обнаженную богиню съ руками сложенными на груди и съ голубями на головѣ и еще маленькій памятникъ въ формѣ храма, на верхушкѣ котораго помѣщены два голубя. Въ знаменитыхъ микенскихъ львахъ также сказывается хеттейстое вліяніе. Эти результаты археологическихъ изслѣдованій хорошо согласуются съ древними греческими преданіями. По греческой легендѣ микенскіе вожди пришли изъ Лидіи и принесли съ собою въ Европу цивилизацію и сокровища Малой Азіи. Гомеръ, разсказывая о легендарной славѣ Микенъ, говоритъ о правившей ими мидійской династіи. Сближая всѣ эти факты, покойный Гладстонъ и высказалъ гипотезу, что *κῆτειοι* Гомера суть хетте́и Библіи. Сейсъ готовъ послѣдовать въ этомъ мнѣніи за своимъ геніальнымъ соотечественникомъ. Но Перро и Шипье предостерегаютъ отъ того, чтобы въ данномъ случаѣ мы довѣрились этому „блестящему, но опасному уму“, какъ они называютъ Гладстона. Трудно пока высказывать какія либо рѣшительныя сужденія. Хеттейская религія, какъ и сами хетте́и, является пока передъ нами болѣе загадкою, чѣмъ фактомъ. Однако всѣ, кто доселѣ занимался ея изслѣдованіемъ, пришли къ заклю-

ченію, что она является ключемъ для пониманія многихъ явленій въ духовной жизни древняго міра. Ждутъ многаго отъ дешифрированія хеттейскихъ надписей. Опытъ дешифрированія другихъ древнихъ памятниковъ, показалъ что результаты никогда не оправдывали ожиданій. Но эти результаты никогда не были безплодными. Нельзя ожидать, чтобы въ скоромъ времени тайны прошлаго вышли изъ своихъ тысячелѣтнихъ могилъ, но постепенно и вѣрно изслѣдователи раскрываютъ эти могилы и разсказываютъ намъ, какая жизнь была схоронена въ нихъ.

4. РЕЛИГІЯ ФИНИКІЯНЪ [1].

1.

Два совершенно противоположныя представленія соединяются съ словомъ „финикіяне:“ представленіе о маленькомъ уголкѣ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, носившемъ названіе Финикіи, и представленіе о цвѣтущихъ городахъ и колоніяхъ по островамъ и берегамъ всего Средиземнаго моря, образованныхъ финикіянами. Съ одной стороны мы имѣемъ рядъ небольшихъ городовъ съ неболь-

---

[1]) *Литература.* Важнѣйшими пособіями для изученія финикійской религіи являются Sanchoniathonis Berytii quae feruntur fragmenta (изданіе Orelli), затѣмъ свѣдѣнія Филона Беритскаго въ Fragmenta Historicorum Graecorum (изданіе Muller'a Didot), начавшее издаваться съ 1881 г. Corpus inscriptionum semiticarum. Финикійской религіи касаются и клинообразныя записи (изданіе Шрадера). Много о сидонскихъ и тирскихъ культахъ сообщаетъ Библія, и многія узаконенія Ветхаго Завѣта направляются противъ этихъ культовъ. Капитальное изслѣдованіе, доселѣ не утратившее своей цѣнности и къ нѣкоторымъ изъ воззрѣній котораго нынѣ оставленнымъ еще можетъ быть вернутся, принадлежитъ Movers'y-Die Phönizier. Затѣмъ должны быть названы Renan-Mission de Phénicie, Schröder-Die Phonizische Sprache. Berger-la Phénicie (въ словарѣ Lichtenberger'a) Pietschmann-Geschichte der Phönizier: C.-P.-Tiele-la Religion des Pheniciens (R. H. R. T. III). M. Muller-Asien und Europa nach den altägyptischen-Denkmälern. Baudissin—Studien zur semitischen Religionsgeschichte M. de Vogüé-Souvenirs d'une excursion en Phénicie, Mélanges d' archéologie orientale. Названнымъ авторамъ кромѣ указанныхъ монографій принадлежитъ еще много статей и изслѣдованій касающихся финикійской религіи. Курсы, сочиненія и авторы указанные для изученія ассиро-вавилонской и другихъ религій древняго востока въ большей части являются нужными и для изученія финикійской религіи.

шими гаванями, которые должны были постоянно трепетать предъ стремленіями къ захвату египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, персовъ, грековъ, сиріянъ, римлянъ, съ другой стороны мы видимъ смѣлый и предпріимчивый народъ, совершавшій отдаленнѣйшія путешествія, устанавливавшій взаимообщеніе и обмѣнъ между отдаленными государствами, передавшій духовную культуру азіатскаго востока европейскому западу.

Ни значеніе слова „Финикія“, ни происхожденіе финикійскаго народа неизвѣстны. Библія финикіянъ древнѣйшей эпохи называетъ сидонянами и производитъ Сидонъ отъ Ханаана (Быт. X, 15). Можетъ быть въ связи съ переселеніемъ Авраама изъ Месопотаміи стоитъ и появленіе ханаанеянъ и въ частности финикіянъ (сопоставь Геродота Истор. I,1) въ Палестинѣ и Сиріи. Въ Египтѣ финикіянъ стали звать „фунъ“ (пёни, пуни); отсюда, должно полагать, и образовалось путемъ удлиненія слово Финикія, которое греки впослѣдствіи стали сближать и съ пальмою и съ собственнымъ именемъ Феникса. Финикіяне заняли побережье Средиземнаго моря, настроили здѣсь городовъ (самый сѣверный—Арадъ, самый южный—Ако,) въ плодородныхъ и живописныхъ мѣстностяхъ, защищенныхъ отъ враговъ съ суши горами и лѣсами. Финикійскіе города были независимы одинъ отъ другого и нерѣдко даже враждовали между собою. Финикіяне скоро повели всемірную торговлю и рано начали образовывать колоніи и на востокѣ и на западѣ—во всѣхъ трехъ частяхъ древняго міра. Изъ кн. Іис. Нав. (XIII, 6) и Суд. (XVIII, 7—8) видно, что въ эпоху занятія евреями Палестины сидоняне жили въ послѣдней. И повидимому гораздо раньше финикіяне заняли Киприъ. Маршрутъ финикійскихъ разселеній неизвѣстенъ. Нѣкоторые города Финикіи лежали частію на островѣ (Тиръ), нѣкоторые—на островѣ близъ материка (Арвадъ), первою чисто морскою колоніею ихъ былъ Критъ (одни сутки пути отъ Финикіи), затѣмъ, они, должно быть, поднялись къ Малой Азіи, изъ острововъ Эгейскаго моря, прежде всего заняли Родосъ и затѣмъ постепенно заселяли острова и берега восточной части Средиземнаго моря. Несомнѣнно, они рано дошли и до Гибралтара, проникли и на острова бриттовъ (слѣдовъ финикійскихъ поселеній однако на нихъ не найдено), но вообще въ

періодъ времени, для начала котораго трудно поставить точную дату (приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х.), финикійскія колоніи процвѣтали на востокѣ Средиземнаго моря, а затѣмъ начался разцвѣтъ финикійскихъ колоній на западѣ. На востокѣ преобладающее а затѣмъ въ сущности и исключительное значеніе пріобрѣли греки. Несомнѣнно, что на первыхъ ступеняхъ своего духовнаго развитія греки много позаимствовали отъ финикіянъ. Въ греческомъ языкѣ указываютъ не мало словъ, а вмѣстѣ и понятій финикійскаго происхожденія. Полярная звѣзда, по которой финикіяне оріентировались въ своихъ плаваніяхъ, у грековъ получала названіе *φοινίκη*, названіе золота *χρυσός*, полагаютъ произошло отъ חָרוּץ, указываютъ еще рядъ словъ въ греческомъ языкѣ, обозначающихъ продукты культуры, игры, профессіи, будто бы финикійскаго происхожденія. Нѣкоторыя греческія сказанія (наприм., о Кадмѣ) указываютъ финикійскихъ основателей для греческихъ городовъ, но большинство современныхъ ученыхъ отрицаетъ историческую основу этихъ сказаній. Дѣйствительно, въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ Греціи финикіяне представляются не какъ культуртрегеры, а какъ очень недоброй памяти люди. Въ Одиссеѣ Гомера они именуются людьми крайне хитрыми—*πολυπαίπαλοι*, искусными въ обманѣ—*ἀπατήλια εἰδότες*, эксплоататорами — *τρῶκται*, причиняющими много бѣдъ людямъ (о финикіянинѣ *ὃς δὴ πολλὰ κακὰ ἀνθρώποισιν ἐώργει* Од. XIV, 289, ср. Од. XV, 415—484). Во всякомъ случаѣ, когда греки утвердились въ Пелопонессѣ, Малой Азіи и на островахъ они скоро и рѣшительно оттѣснили финикіянъ, число которыхъ здѣсь было незначительно и которые повидимому въ заботѣ о своихъ торговыхъ предпріятіяхъ не имѣли въ виду играть здѣсь политической роли. Однако нужно было искать мѣста, факторіи, гдѣ бы они могли дѣйствовать, какъ полноправные хозяева, финикіяне и стали заводить колоніи на Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ, въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ. Въ ряду этихъ колоній скоро выдвинулся Карѳагенъ (греч. *Καρχηδών*, лат. Carthago представляетъ собою трансскрипцію семитическаго Karthchadaschath) — новый городъ (Новгородъ), названіе многихъ городовъ въ древности. Карѳагенъ былъ основанъ выходцами изъ Тира, и, достигнувъ высокой степени могущества и процвѣтанія, онъ не

забывалъ о своей связи съ своимъ материнскимъ городомъ и ежегодно отправлялъ туда посольства съ десятиною на храмъ Мелькарта. Карѳагенъ за время своего существованія выдержалъ два періода борьбы—съ греками стремившимися упрочиться въ западныхъ областяхъ Средиземнаго моря, и съ римлянами стремившимися ко всемірному господству. Изъ первой онъ вышелъ съ честію, вторая кончилась его страшною гибелью. Въ 146 г. до Р. Х. Карѳагенъ былъ разрушенъ и на его мѣсто наложено проклятіе. Должно однако замѣтить, что эта трагическая гибель не была послѣднимъ моментомъ въ исторіи борьбы между семитами и арійцами на сѣверѣ Африки. Восемь столѣтій спустя побѣдныя знамена арабовъ были водружены на мѣстѣ прежнихъ финикійскихъ колоній. Финикійская метрополія окончила свое самостоятельное существованіе значительно раньше Карѳагена. Въ началѣ повидимому финикійскія владѣнія простирались къ югу значительно далѣе Ако (Акка Птолемаида, Яффа), и города Аскалонъ и Газа были финикійскими, филистимляне оттѣснили финикіянъ къ сѣверу. Дальнѣйшая исторія Финикіи распадается на двѣ эпохи Сидонскую и Тирскую. Границу между этими двумя событіями полагаютъ повидимому переселенія съ Крита филистимлянъ и евреевъ изъ Египта въ Палестину. До этихъ событій господствовалъ Сидонъ, послѣ—Тиръ. Въ сидонскую эпоху финикіяне, какъ это показываетъ тельэльамарнская переписка, бывали въ вассальной зависимости отъ египтянъ. Ленорманъ въ своей исторіи, сопоставляя свидѣтельства египетскихъ памятниковъ о морскихъ предпріятіяхъ египтянъ съ свидѣтельствами о распространеніи финикійскихъ колоній, приходитъ къ заключенію, что египтяне въ своихъ путешествіяхъ и морскихъ сношеніяхъ пользовались финикійскимъ флотомъ. Тутмесъ III имѣлъ сношенія съ Кипромъ, Критомъ, Архипелагомъ, съ западнымъ побережьемъ Африки, можетъ быть съ Южною Италіею и побережьемъ Чернаго моря. Сами египтяне не имѣли любви и наклонности къ мореплаванію. Поименованныя мѣстности суть тѣ, съ которыми имѣли сношенія и въ которыхъ образовывали колоніи финикіяне. Естественнс предположить, что финикіяне возили туда и египтянъ. Фараоны XVIII династіи предпринимали путешествія по Красному морю въ южную Аравію и можетъ

быть до Индіи. Путешествія по Красному морю трудны и опасны, они могли быть совершаемы лишь опытными моряками, такими и являлись въ эту эпоху финикіяне, какъ такими они были и въ эпоху Хирамовъ и Соломона. Появленіе въ Палестинѣ филистимлянъ и особенно евреевъ перемѣстило центръ политической жизни финикіянъ изъ Сидона въ Тиръ. Сидонъ несравненно доступнѣе для нападеній, чѣмъ Тиръ. Сидонъ расположенъ на сушѣ, и его естественная защита не особенно сильна, Тиръ расположенъ на материкѣ и островѣ и въ случаѣ опасности жители изъ перваго легко могли переходить на второй. Въ эпоху господства Тира финикіяне долго были совершенно самостоятельны. Это—эпоха полнѣйшаго разцвѣта Финикіи. Съ нею совпадаетъ—позже начавшаяся и раньше кончившаяся—эпоха политическаго разцвѣта израиля. Враги израильтянъ были врагами и финикіянъ. Ассиріяне, положившіе конецъ существованію израильскаго царства, стремились къ подчиненію и Финикіи. Тиръ долго держался въ этой борьбѣ и отдѣлывался отъ осадъ легкою данью. Много должно быть вредило ему то, что другіе финикійскіе города дѣйствовали противъ него въ союзѣ съ его врагами. Вѣроятно причиною этого была зависть къ его могуществу и богатству. Послѣ паденія Ассиріи возвысился Вавилонъ, и финикійскіе города подчинились господству Халдеи. Подчинился ему и Тиръ, хотя и продолжалъ управляться собственными царями. Съ эпохи Кира господство Вавилона смѣнилось господствомъ персовъ. Финикіяне безъ сопротивленія приняли перемѣну одного ярма на другое. Только, когда Камбизъ, совершивъ походъ въ Египетъ, хотѣлъ двинуться на Карѳагенъ, финикіяне отказались везти его войска. Карѳагеняне остались совершенно свободными. Но все-таки персидскіе цари пытались разсматривать Карѳагенъ, какъ обязанный имъ повиноваться. Такъ карѳагенянамъ были отправляемы приказы, что бы они не приносили человѣческихъ жертвъ и не хоронили въ землѣ труповъ. Во время похода Александра М. на Азію Тиръ пытался было оказать ему упорное сопротивленіе, ему оказывали поддержку Самарія и Іудея, но эта поддержка не спасла его, онъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія. На немъ исполнились во всей ихъ ужасающей подробности слова библейскихъ пророковъ (Іезек.

XXVI, XXVII, XXVIII). Съ гибелью Финикіи и финикійскихъ колоній погибла и финикійская религія.

2.

Съ финикійской религіей прежде всего связывается представленіе о Ваалѣ. Слову Ваалъ усвояютъ значеніе владыка (בַּעַל не должно смѣшивать съ вавилонскимъ בֵּל). Существуютъ два противоположныя воззрѣнія на значеніе этого имени. По мнѣнію однихъ Ваалъ есть собственное имя верховнаго божества, различныя проявленія котораго носятъ различныя названія. Ваалъ—беритъ значитъ Ваалъ, охраняющій союзы, Ваалъ-Гермонъ Ваалъ Фегоръ, т. е. Ваалъ горъ Гермона, Фегора. По мнѣнію другихъ (рѣшительный сторонникъ Тиле) Ваалъ, это—названіе класса боговъ, и различные Ваалы суть индивидуальныя особи этого класса. Это мнѣніе повидимому имѣетъ для себя основанія и въ Библіи. Пророкъ Илія говоритъ о Ваалахъ, какъ множествѣ боговъ (3 цар. XVIII, 18; сн. Суд. VIII, 33). Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ, кажется, есть доля правды, но въ существѣ они оба должны быть признаны неправильными. Не существуетъ никакихъ указаній того, чтобы финикіяне исповѣдывали единаго Бога. Рядомъ съ Вааломъ у нихъ съ глубокой древности стоятъ другіе боги, не находящіеся по отношенію къ нему ни въ безусловной зависимости, ни въ безусловномъ подчиненіи. Монотеистической должна быть называема только такая религія, въ которой все безусловно существующее представляется происшедшимъ отъ Бога и все безусловно зависитъ отъ него, т. е. можетъ быть имъ уничтожено и можетъ отъ него получить счастіе. Въ финикійской религіи генезисъ боговъ и вещей не ясенъ и не опредѣленъ, и боги представляются не осуществляющими единую высшую волю, но могущими и противоборствовать одни другимъ. Финикійская религія не знаетъ Бога творца и вседержителя. Но съ другой стороны подъ Вааломъ она мыслила великаго бога, владыку, управляющаго судьбою людей, солнце. Сравнительное изученіе религій показываетъ намъ, что великіе боги всегда мыслились индивидуальными, а не представляли собою класса или множества. Добрые и злые духи классифицировались. Предполагалось, что ихъ существуетъ безчисленное множество, но великихъ боговъ немного. Воп-

новъ бываетъ тысячи, но полководцевъ очень не много. Ваалъ былъ одинъ, но съ представленіемъ о немъ у финикіянъ обыкновенно связывалась мысль не о всѣхъ его свойствахъ, а только о нѣкоторыхъ. То онъ мыслился, какъ охранитель союза финикійскихъ городовъ, и тогда именовался Ваалъ беритъ, то его представляли какъ властелина небесъ, и тогда его называли Ваалъ-Шамаимъ, онъ управлялъ теченіемъ солнца, и его называли Ваалъ-Семель. Каждый городъ, вознося моленія и принося жертвы Ваалу, считалъ себя въ правѣ расчитывать на его особое благоволеніе, и Тиръ мыслилъ Ваала тирскимъ, и Сидонъ сидонскимъ, Беритъ-беритскимъ. Легко, конечно, въ представленіи неразвитыхъ людей эти различныя проявленія единаго Ваала могли стать различными Ваалами. Отсюда выраженія Библіи о Ваалахъ, но рядомъ съ ними обыкновенно встрѣчается и прямо имя Ваалъ безъ дополненій (см. 3 цар. XVIII, 21, 26). Процессъ дробленія божественныхъ свойствъ и дѣйствій на боговъ очень обыченъ въ различныхъ религіяхъ. Въ ряду различныхъ божествъ произведенныхъ изъ сложенія имени Ваала съ другими названіями является Ваалъ-Танитъ лицо Ваала. Такое божество было бы не мыслимо, если бы существовали только Ваалы, а не Ваалъ.

Ваалъ былъ богомъ природы и исторіи. Тѣ, которые видятъ въ немъ общее наименованіе для извѣстнаго класса боговъ и сближаютъ его имя съ египетскимъ нутеръ, греческимъ Θεος, латинскимъ deus, санскритскимъ дева, персидскимъ bagha, упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что приводимыя ими, какъ выясняющія, понятія на самомъ дѣлѣ еще далеко не выяснены вполнѣ; неизвѣстно ихъ первоначальное значеніе, и что Ваалъ извѣстенъ намъ несравненно болѣе. Они хотятъ извѣстное пояснять неизвѣстнымъ. На основаніи одного ветхаго завѣта можно написать обширную монографію о Ваалѣ, о немъ имѣются многочисленныя свидѣтельства классическихъ писателей (собраны у Моверса). Ветхій Завѣтъ противопоставляетъ Ваала Іеговѣ, классическіе писатели противопоставляютъ его Зевесу и Юпитеру. Ваалъ является богомъ небесъ, богомъ солнца, особенно формою солнечнаго бога является Ваалъ-Зебувъ. Зебувъ, — это гигантская муха, снабженная убивающимъ жаломъ (символъ палящаго солнца). Ваалъ Цефонъ — богъ сѣвернаго

неба, сѣвернаго вѣтра и сѣверныхъ бурь. Можетъ быть, какъ божество солнца, должно разсматривать и Ваала Гаммона. Гамманимъ—столбы, символы солнечныхъ лучей. Они ставились въ храмахъ, наприм., въ тирскомъ Хирамъ воздвигнулъ ихъ изъ яшмы. Полагаютъ, что столбы *іахинъ* (онъ основываетъ) и *воазъ* (въ немъ сила) поставленные въ іерусалимскомъ храмѣ (3 цар. VII, 21; 2 паралип. 3, 17) были воздвигнуты по финикійскому образцу. Являясь богомъ природы, Ваалъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть богъ судьбы. Онъ почитался, какъ Ваалъ-Гадъ, т. е. какъ устроитель счастія Ваалъ-беритъ, такъ сказать богъ финикійскихъ штатовъ. Былъ Ваалъ Мелькартъ. Мелькартъ сокращеніе словъ Мелекъ Кіріатъ, царь города. Подъ этимъ именемъ преимущественно почитался Ваалъ въ Тирѣ (имѣются надписи: владыкѣ Мелькарту, Ваалу Тирскому). Названіе каждаго финикійскаго города было опредѣляющимъ словомъ при Ваалѣ. Финикійскія собственныя имена обыкновенно теофорны и часто заключаютъ въ себѣ имя Ваала-Адонъваалъ, Ваалрамъ, Охоливаалъ (Ваалъ-господинъ, могущественень, палатка). Эти теофорныя имена и мысли въ нихъ заключающіяся, полагаемъ, также указываютъ на индивидуальный характеръ понятія Ваалъ. Отъ Ваала-Зебува произошло имя Вельзевула и отъ Ваала-Санина или Сана (небесъ, солнца) произошло перешедшее во всѣ европейскіе языки слово бальзамъ. Имя Ваалъ-Baalim, должно полагать, соотвѣтствуетъ еврейскому elohim отвлеченному понятію божества. Обыкновенно Ваалъ изображался въ видѣ человѣка. Ваалъ Гаммонъ (съ большою вѣроятностію можно переводить: Ваалъ палящій) изображался въ видѣ бородатаго спокойно величаваго старца съ бараньими рогами сидящаго на тронѣ, руки его спущены на стоящихъ около него барановъ (см. изображеніе у Perrot'a T. III p. 73). На Кипрѣ найдена статуя Мелькарта, котораго прежде считали особымъ богомъ, но который несомнѣнно есть тотъ же Ваалъ. Это-колоссальная статуя въ двѣ сажени вышиною. Мелькартъ представленъ подъ видомъ чудовищеобразнаго человѣка. Руки его страшно мускулисты, грудь и плечи шерстисты, на головѣ коротенькіе рога, борода завита по ассирійски, руками онъ держитъ передъ собою за заднія лапы львицу (см. изображеніе у Lenormant'a, L'Histoire. T. 6 p. 566).

Подобно имени Ваала въ св. Писаніи часто встрѣчается имя Молоха, какъ божества финикіянъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ (Лев. XVIII, 21; XX, 2; 4 Цар. XXIII, 10). Съ именемъ Молоха ветхій завѣтъ связываетъ представленіе о божествѣ огня, которому приносили на сожженіе дѣтей, а затѣмъ и людей вообще. Раціоналистическая литература выдвинула въ послѣднее время два мнѣнія о Молохѣ взаимно уничтожающія одно другое: по одному мнѣнію Молохъ—общесемитическое божество огня, уничтоженія и разрушенія. Израильскій Іегова въ глубокой древности будто-бы тоже надѣлялся чертами Молоха. Въ подтвержденіе послѣдней мысли приводятъ текстъ изъ Второзаконія: „Господь Богъ Твой есть огнь поядающій, Богъ ревнитель“ (IV, 21 сн. Евр. XII, 29). По другому мнѣнію богъ Молохъ существуетъ только въ воображеніи ученыхъ. Молохъ или Мелехъ (מלך) значитъ царь. Ваалы, по Тиле, классъ боговъ, Мелехи или Молохи — высшій видъ или высшая разновидность этого класса. Молохъ-царь боговъ. Само собою понятно, что если Ваалы-не классъ, то и Молохи-не видъ этого класса. Но и независимо отъ теоріи, считающей Ваалъ именемъ нарицательнымъ, теорія, усвояющая нарицательный характеръ имени Молоха, не можетъ быть принята. Молоху неизмѣнно приписываются качества огня, аттрибуты разрушенія. Онъ является съ опредѣленными индивидуальными чертами жестокаго владыки. Онъ не древнѣйшій общесемитическій богъ, потомучто въ древнѣйшихъ памятникахъ Халдеи не встрѣчается ему подобнаго. Стремленіе раціоналистовъ видѣть въ Іеговѣ смягченнаго и возвышеннаго Молоха буквально не выдерживаетъ критики. Богъ называется огнемъ поядающимъ во Второзаконіи. По мнѣнію раціоналистовъ эта книга написана позже нѣкоторыхъ монотеистическихъ произведеній пророковъ, гдѣ раскрыто возвышеннѣйшее понятіе о божествѣ. Съ точки зрѣнія раціоналистовъ, люди той партіи, изъ которой вышло второзаконіе, задолго до появленія второзаконія боролись съ человѣческими жертвоприношеніями и съ культомъ Молоха. Какъ же они могли исповѣдать, какъ истину то, противъ чего боролись, какъ противъ ужаснаго заблужденія? Но можетъ быть, если допустить древнее происхожденіе Второзаконія или даннаго отрывка, то тогда раціоналистическая теорія получитъ для себя серьезное ос-

нованіе? Нисколько. Опредѣленіе Господа, какъ поядающаго огня, стоитъ въ прямой связи съ запрещеніемъ израильтянамъ ставить кумиры, изображающіе что-либо (23 ст.) Смыслъ опредѣленія поставленнаго рядомъ очевидно тотъ, что если заповѣдь о кумирахъ не будетъ исполняться израильтянами, то Господь будетъ уничтожать ослушниковъ, какъ огонь уничтожаетъ вещи. Какъ сопоставить это съ культомъ Молоха, котораго обыкновенно изображали въ видѣ мѣдной статуи съ головою быка и туловищемъ человѣка, съ распростертыми руками для принятія жертвъ. Въ идолѣ, говорятъ, дѣлали 7 отверстій, въ которыя клались жертвы. Безъ сомненія никакимъ образомъ нельзя отождествлять идола, представлявшаго собою мѣдную печь для сожженія людей, съ Божествомъ, безусловно воспрещающимъ почитаніе и поставленіе такого идола. Весьма вѣроятно, что Молохъ по своему происхожденію стоитъ въ зависимости отъ Ваала. Но онъ возникъ не какъ разновидность возникаетъ изъ вида, а какъ изъ одного образа воображеніемъ созидается другой-частію похожій и частію непохожій на первый. И Ваалъ поставлялся въ связи съ солнцемъ и съ изсушающимъ зноемъ. Тирскій Мелькартъ даже былъ закованъ въ цѣпи въ знакъ его зависимости отъ солнца. И Ваалу приносили человѣческія жертвы. Но въ образѣ Ваала были и другія благородныя и благодѣтельныя черты. Типъ восточныхъ деспотовъ, которые являлись въ Финикію и Палестину, съ востока, сѣвера и юга и требовали жертвъ и даровъ, которые были кровожадны, жестоки и жадны, подсказывалъ имъ образъ бога-царя по типу этихъ земныхъ царей. Подавленная ужасомъ фантазія и модифицировала Ваала въ Молоха, поставила втораго рядомъ съ первымъ и такъ какъ этотъ второй былъ болѣе требователенъ и жестокъ, чѣмъ первый, ему стали служить заботливѣе и усерднѣе, чѣмъ первому.

Въ именахъ высшихъ боговъ Финикіи рѣзко подчеркивается, что они властительные владыки. Это значеніе заключается въ словахъ Ваалъ, Молохъ, его имѣетъ и Адонисъ (אדון—господинъ). Но образъ Адониса плохо отвѣчаетъ понятію восточнаго деспота. Адонисъ-юный, прекрасный богъ, онъ близко родствененъ съ вавилонскимъ Таммузомъ и фригійскимъ Аттисомъ. Сказанія о немъ и его культъ весьма родственны съ сказаніями объ Аттисѣ и Таммузѣ. Наибо-

лѣе культъ Адониса былъ развитъ въ Библосѣ и на Кипрѣ. Вотъ, какъ совершались (описываетъ Тиле) библосскія празднества въ честь Адониса (подробное, но спутанное описаніе у Лукіана). Когда весна-прекраснѣйшее время года-подходила къ концу, и начиналъ чувствоваться угнетающій лѣтній жаръ, въ Библосѣ совершалось празднество мрачнаго характера. Справлялся погребальный праздникъ. На улицахъ и храмахъ раздавались печальныя пѣсни, слышался плачь, звучала похоронная флейта. Женщины съ распущенными волосами, а нѣкоторыя бритыя, нѣкоторыя съ израненною грудью, всѣ въ разорванныхъ одеждахъ съ видомъ ужаса, жрецы-галлы, евнухи одѣтые въ женское платье бродили по улицамъ, какъ будто отыскивая кого-то, собирались въ кругъ около выставленнаго катафалка. На этотъ катафалкъ долженъ былъ быть возложенъ трупъ, который изображала собою пестрая деревянная статуя. Эту статую сначала прятали, затѣмъ искали и, найдя, возлагали на катафаликъ. На трупѣ виднѣлась зіяющая рана, причинившая смерть. Рядомъ съ катафалкомъ помѣщалось изображеніе кабана, который согласно сказанію ранилъ смертельно на охотѣ юнаго бога. Погибшаго бога оплакивали въ теченіе многихъ дней съ выраженіями самой глубокой и живой скорби, потомъ совершали погребальныя жертвы и хоронили его тѣло. На солнце выставляли вазы, называвшіеся садами Адониса. Въ нихъ были посажены маленькіе зеленые отпрыски растеній скоро погибавшіе отъ солнечнаго зноя. Эти растенія являлись символомъ юнаго бога, скошеннаго смертію въ его цвѣту, это былъ символъ краткосрочности всякаго существованія. Празднество представляло собою воспоминаніе гибели Адониса, котораго любила богиня плодородія и любви и котораго завистливый богъ мщенія, изображавшійся въ видѣ кабана, поразилъ на ливанскихъ горахъ. Въ концѣ года осенью (годъ начинался въ октябрѣ) снова совершалось празднество въ честь Адониса, но уже иного характера. Осенніе дожди, размывая горы и берега, сносили изъ ручьевъ и ключей и непосредственно въ Библосскую рѣку Адонисъ красноватую глину, отчего рѣка принимала красноватокровавую окраску. Въ этой окраскѣ видѣли указаніе на смерть бога, кровію котораго окрасилась рѣка. Въ теченіе семи дней справлялось похоронное торжество, но въ

восьмой трауръ и плачъ уступали мѣсто необузданной радости. Говорили, что богъ воскресъ и вознесся на небо. Постъ предшествовавшихъ дней смѣнялся необузданнымъ разгуломъ. Женщины, которыя не посвящали своихъ волосъ божеству, отдавались иностранцамъ, дѣвушки должны были жертвовать своей честью для бога, и плата за эту священную проституцію шла въ храмовую казну. Какъ и въ другихъ божествахъ, о которыхъ существуютъ подобныя сказанія, въ Адонисѣ видятъ символъ производительной силы весенняго солнца и производимой имъ жизни. Изсушающее лѣтнее солнце, смѣняющее весну, губитъ явившуюся во время ея жизнь. Молохъ губитъ Адониса. Злая сила торжествуетъ надъ доброю. Но это торжество-временно. Смерть не можетъ царствовать вѣчно. Круговоротъ времени снова приближается къ веснѣ. Адонисъ воскресаетъ и съ нимъ воскресаютъ жизнь и радости жизни. Миѳъ объ Адонисѣ имѣетъ различные варіанты, во многихъ аналогичныхъ сказаніяхъ господствуетъ версія оскопленія или самооскопленія бога. Миѳъ объ Адонисѣ показываетъ, что у финикіянъ, какъ и у другихъ языческихъ народовъ, рядомъ съ богами существовали и богини. Какъ и въ другихъ религіяхъ, эти богини-двухъ родовъ. Однѣ представляютъ собою пассивную сторону своихъ боговъ-мужей, лишены самостоятельнаго характера и почитанія, другія выступаютъ предъ нами, какъ самостоятельныя и могучія владычицы, считаться съ которыми и заискивать у которыхъ приходилось болѣе, чѣмъ у многихъ боговъ. Пассивныя формы-Ваалтисъ, Ваалитъ, Мелькатъ, самыми своими именами ясно показывающія, что онѣ только женскія стороны Ваала и Молоха. Но когда къ Мелькатъ прибавляется опредѣленіе Хамамаимъ, и богиня является не просто царицею, но царицей небесъ, то здѣсь мы уже видимъ шагъ на пути къ образованію индивидуальности. То, что Ваалъ былъ въ сущности одинъ, не исключаетъ возможности того, что Ваалтисъ было много. Вѣрнѣе, ихъ блѣдные, безжизненные образа никогда не достигали такой степени опредѣленности, чтобы различныхъ Ваалтисъ можно было отождествить или противопоставить одну другой. Самостоятельными женскими божествами въ Финикіи являются Ашера, Астарта и Танитъ. Ашера-богиня земной, половой производительности. Ея культъ въ Финикіи,

какъ и окрестныхъ странахъ, имѣлъ оргіастическій характеръ. Астарта или Астаретъ, представлявшаяся или дѣвою или матерью, всегда мыслилась, какъ божество неба, и противополагалась Ашерѣ, богинѣ земли. Въ ветхомъ Завѣтѣ нерѣдко говорится объ Астартахъ (Суд. X, 6; 1 Цар. VII, 3—4; XII, 10) и въ книгѣ Бытія (XIV, 5) упоминается Астаротъ-Карнаимъ (Аштерое-Карнаимъ по русскому тексту нашей Библіи). Вслѣдствіе этого относительно Астарты дѣлаютъ тоже заключеніе, которое сдѣлали относительно Ваала, что Астартъ было много, и что Астарта-имя нарицательное. Но позволительно думать, что Астарта, какъ и Ваалъ, есть имя собственное. Библія, говорящая объ Астартахъ (и поставляющая ихъ всегда съ Ваалами), говоритъ намъ и просто о капищѣ Астарты (1 Цар. 31, 10), но не ставится капищъ богамъ вообще. Храмы воздвигаютъ богамъ опредѣленнымъ (аѳинскій жертвенникъ невѣдомому богу имѣетъ свое особое объясненіе, Дѣян. XVII, 23). Астарта почиталась многими племенами, да и въ самой Финикіи, понятно, ея образъ могъ раздробиться на нѣсколько, но это не первоначальный а послѣдующій моментъ. Астарта представлялась или, какъ мать, или, какъ дѣва. Какъ богиня неба (4 Цар. XXIII, 4 сближаетъ ее со всѣмъ воинствомъ небеснымъ), она представлялась то богиней луны, то богинею Венеры. Астарту преимущественно представляли, какъ жестокую богиню войны, которая, слѣдовательно, всегда готова жестоко мстить за городъ или народъ, которые ее почитали и которымъ она покровительствовала. Почитаніе этой суровой богини выражалось въ воздержаніи, самоистязаніяхъ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ Карѳагенѣ великимъ почитаніемъ пользовалась богиня Танитъ. Въ сущности это таже Астарта. Танитъ называлась не супругой, но именемъ или лицомъ Ваала. Этимъ указывалось на ея дѣвственный характеръ. Она была virginale numen по преимуществу. Она изображалась съ головою коровы или съ рогами, между которыми помѣщалась полная луна. Стѣнообразная корона давалась богинѣ, какъ заступницѣ города.

Особенное положеніе въ системѣ финикійскихъ божествъ занимали Эшмунъ и кабиры. Слово кабиръ значитъ могущественный, ихъ называли кузнецами (П' ум, П' угм, отсюда пигмеи), образователями, великими. Ихъ представляли

образователями вселенной, строителями міра, создателями. Ихъ было семь, и они назывались сыновьями Седека (справедливаго, нѣкоторые полагаютъ, что хеттейскій Сутехъ имѣетъ тотъ же корень). Число семь очевидно соотвѣтствуетъ семи планетамъ древнихъ—Солнцу, Лунѣ, Меркурію, Венерѣ, Марсу, Юпитеру и Сатурну. Къ семи кабирамъ присоединялся Эшмунъ (буквально: восьмой)—богъ, который поставлялся въ ихъ главѣ. Точно также Тотъ въ Египтѣ поставлялся надъ семью богами, устроителями міра. Астрономія древняго міра представляла, что надъ землею возвышается семь сферъ, въ каждой изъ которыхъ двигается особая планета, каждая изъ которыхъ есть, слѣдовательно, область одного изъ кабировъ. По этому типу небесныхъ сферъ строились земные храмы. Надъ этими семью видимыми сферами предполагали существованіе невидимой восьмой — области невидимаго бога космическаго огня, скрывающагося въ волнахъ небеснаго океана. Имя этого бога Эшмунъ есть синонимъ бога высочайшаго. Нѣкоторые сближаютъ Эшмуна съ Ашимой гаматеевъ, котораго обыкновенно представляютъ въ видѣ козла, какъ символа огня и жизненной силы, но возможно предположеніе, что если Ашима и имѣетъ отношеніе къ Эшмуну то только, какъ его видимое обнаруженіе. Главные храмы были воздвигнуты Эшмуну въ Аскалонѣ, Бейрутѣ, Сидонѣ и особенно замѣчательный былъ въ Карѳагенѣ (на вершинѣ акрополя). Греки смѣшивали иногда Эшмуна съ своимъ богомъ врачевства Асклепіемъ. Вѣроятно, это происходило отъ того, что въ болѣзняхъ посѣщали его храмы и вопрошали его оракула. Культъ кабировъ широко распространился въ греко-римскомъ мірѣ, но это былъ культъ мистерій облеченный глубокою таинственностію, и классическіе писатели дѣлаютъ о немъ лишь глухія и неясныя упоминанія.

За великими богами въ финикійскомъ пантеонѣ слѣдуютъ боги меньшіе. Какъ бы связующимъ звеномъ между первыми и вторыми является Таутъ. Въ представленіи нѣкоторыхъ классическихъ писателей онъ является величайшимъ изъ финикійскихъ божествъ (у Варрона, De lingua lat, V, 10: Principes dii coelum et terra, qui in Aegypto Serapis et Isis, Tautes et Astarte apud Phoenices). Но собственно Таутъ игралъ ту же роль у финикіянъ, какую Оаннесъ (Еа) у вавилонянъ и

Тотъ у египтянъ,—роль культуртрегера. Ему приписывается редакція священныхъ книгъ, излагающихъ космогоническую систему, религіозное ученіе и принципы соціальнаго устройства у финикіянъ. Эти книги, представлявшія собою божественный законъ, были олицетворены въ представленіи финикіянъ и почитались, какъ нѣкоторое божество Тура (законъ; еврейское-тора) и Кхусаретъ (гармонія). Божество это разсматривалось, какъ супруга Таута. На основаніи филологическаго сходства съ Таутомъ сближаютъ и карѳагенскую Танитъ. По своимъ свойствамъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Таутъ приближается къ Эшмуну. Символомъ Таута была змѣя, свернувшаяся въ кругъ и держащая свой хвостъ во рту. Какъ богъ разума и знанія, Таутъ повидимому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ долженъ приближаться къ греческому Аполлону, но именемъ финикійскаго Аполлона обыкновенно называютъ Резефа, Решефа или Решефъ Микаля, бога по своимъ свойствамъ имѣющаго очень мало общаго съ Таутомъ. Повидимому онъ былъ солнечнымъ богомъ и богомъ войны (какъ богъ войны, онъ почитался въ Египтѣ, см. его египетское изображеніе у Perrot, T. III p. 71). Культъ его былъ распространенъ на Кипрѣ (въ надписи найденной на Кипрѣ, въ новолуніе мѣсяца Этанима назначается для стражей святилища и дла смотрителей храма Резефа 20..... чего? неизвѣстно: текстъ въ данномъ мѣстѣ испорченъ, но дѣло идетъ о жертвахъ и пожертвованіяхъ). Былъ у финикіянъ богъ Элъ. Практически культъ его не былъ развитъ, но теоретически его надѣляли чертами верховнаго божества. Слово Элъ есть семитическій корень для понятія божества, естественно поэтому, что Элъ представляется возвышающимся надъ Эліонъ—божествами (у пророка Исаіи въ XIV, 13 стихѣ говорится о немъ буквально съ еврейскаго такъ: „взойду на небо, надъ звѣздами Эла вознесу престолъ мой, сдѣлаю себя равнымъ Эліонъ“). Финикійской и особенно карѳагенской богиней (*δαίμων καρχηδονίων*) была Дидона, которая изъ божества была превращена въ историческую личность и съ такимъ характеромъ была увѣковѣчена Виргиліемъ въ его Энеидѣ. Иначе Дидона называлась Элиссой, она подобна Семирамидѣ (тоже игравшей роль въ финикійскихъ сказаніяхъ) и вавилонской Астартѣ. Ея отецъ Белъ, ея сестра Анна имѣетъ черты Венеры, ея возлюбленный

Ярбасъ или Милихъ, ея братъ Пигмальонъ является тоже, какъ и вся ея родня, могущественнымъ божествомъ. Его имя значитъ убійца Эліонъ (מעם עליון, Дидона значитъ планета, Анна—прекрасная), онъ былъ чѣмъ то въ родѣ бога ада. Имѣлись у финикіянъ и еще боги и богини (наприм., богини: Астроноія, Наама), все это маленькія копіи съ великихъ Ваала и Астарты, около этихъ второ и третьестепенныхъ божествъ сплетались миѳы, порою поднимавшіе ихъ до Эліонъ, но больше низводившіе ихъ до участія въ самыхъ обыденныхъ интригахъ самыхъ дюжинныхъ людей.

Но съ самой глубокой древности были въ Финикіи боги иного рода — боги иноземнаго происхожденія. Финикіяне были космополитами древняго міра. Финикійскіе купцы, какъ полагаемъ это извѣстно всѣмъ дѣйствительно культурнымъ людямъ, развозили по древнему міру не одни товары, но и знанія и культуру и привозили въ Финикію кромѣ денегъ идеи и наблюденія. Условія торговли въ древнемъ мірѣ благопріятствовали этому. У купцовъ тогда было много досуга. И на своихъ медленно двигавшихся корабляхъ и въ гаваняхъ въ ожиданіи благопріятнаго пути они должны были оставаться по долгу, кромѣ торговыхъ операцій имъ естественно представлялась возможность бесѣдовать и объ иныхъ вещахъ, выслушивать религіозныя и историческія сказанія народовъ, приглядываться къ ихъ обычаямъ и нравамъ. Ихъ прибывшихъ издалека должны были слушать съ жаднымъ любопытствомъ. Представимъ себѣ длинные вечера южныхъ странъ, въ которые можно заниматься только бесѣдой, вечера, въ которые на открытомъ воздухѣ или въ домахъ при скудномъ освѣщеніи свѣтильниковъ древніе люди вели свои долгія бесѣды. Древніе люди были религіозны, и религіозныя сказанія должны были въ этихъ бесѣдахъ слѣдовать безъ перерыва одно за другимъ, какъ безостановочно воды Нила изливаются въ Средиземное море. Съ раннихъ поръ въ Финикію вмѣстѣ съ произведеніями чуждыхъ странъ проникли и чуждые боги. Съ пантеономъ Финикіи эпохи Соломона, т. е. почти за тысячу лѣтъ до Р. Х. представляется намъ, не могъ бы поспорить ни одинъ современный музей религіозныхъ реликвій. Южными сосѣдями финикіянъ были евреи. Колонисты изъ Финикіи жили даже среди евреевъ. О финикійскомъ вліяніи на евреевъ

свидѣтельствуетъ вся Библія: сидонскіе и иные финикійскіе боги были предметомъ постояннаго увлеченія для евреевъ, но имѣются нѣкоторыя свидѣтельства, показывающія, что евреи вліяли на финикіянъ. Сохранилась стела воздвигнутая великой владычицѣ Библоса (=Гебала) однимъ библосскимъ царемъ (изображеніе см. у Perrot. p. 68) Владычица эта похожа и на туземную Астарту и разсматривается, какъ египетская Изида-Гаторъ. Но вотъ, что заслуживаетъ вниманія, царя, воздвигшаго стелу, зовутъ Іегова-мелекъ (Іегова—царь). Собственныя имена финикіянъ были теофорны, т. е. они заключали въ себѣ имена божествъ. Чтился ли Іегова, какъ богъ у финикіянъ? Позволительно думать, что на этотъ вопросъ должно дать положительный отвѣтъ. Другое дѣло, какъ представляли себѣ этого бога финикіяне? По всей вѣроятности различно. Многіе можетъ быть безъ особеннаго раздумья присоединяли его къ ряду иныхъ чтимыхъ ими боговъ. Но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что нѣкоторые должны были составлять себѣ то представленіе о Іеговѣ, которое исповѣдывали евреи. Для выясненія этого должны имѣть значеніе указанія классическихъ писателей о почитавшемся у финикіянъ божествѣ Іао. Санхоніатонъ называетъ Іао отцомъ Урана (неба). У Макробія Saturn. 1, 18 consultus Apollo Clarius, quis Deorum habendus sit, qui vocatur *Ιαώ* ita effatus est.

Ὄργια μέν δεδαῶτας ἐχρῆν νηπενθέα κεύθειν
Ἐν δ' ἀπάτῃ παύρῃ σύνεσις καὶ νοῦς ἀλαπαδνός
Φρᾶζεω τὸν πάντων ὕπατον θεὸν ἔμμεν Ἰαώ
Χείματι μὲν τ' Αἴθην, Διὰ τειάρος ἀρχομένοιο
Ἥλιον δε θέρευς, μετοπώρου δ' αβρόν Ἰαώ.

Плутархъ считаетъ имя *Ιαω* имѣющимъ таинственное (*ἄῤῥητον*—неизрѣченное) значеніе подателя или производителя жизни. Нѣкоторые отождествляли *Ιαω* съ *φῶς νοητόν* греческой теософіи (Іоанн. Лид, De mens. IV, 38, 74). *Ιαω* давался эпитетъ Саваоѳъ, но Моверсъ полагаетъ, что не צבאות, а שבעות, т. е. не богъ воинствъ, а богъ семи (планетъ). Едва ли однако это различіе существенно и еще болѣе сомнительно, чтобы значеніе слова Саваоѳъ, принимаемое по производству Моверса, умаляло величіе *Ιαω*: быть владыкою свѣтилъ и планетныхъ божествъ гораздо выше, чѣмъ только повелѣвать полчищами духовъ. Въ понятіи שבעות необхо-

димо уже по семитическому языческому богословію заключалось צבאות, но обратное не представляется необходимымъ. Очень можетъ быть, что филологически Іао и Іегова различнаго происхожденія, но звуковое сходство легко могло побудить тѣхъ, кто, познакомился съ еврейскимъ ученіемъ о Іеговѣ, перенесть его черты на Іао. Говорятъ, что Іао былъ халдейскимъ богомъ, на мѣстѣ своей родины онъ могъ не имѣть тѣхъ чертъ, какія пріобрѣлъ въ Финикіи.

Религіозное вліяніе Египта сказалось на Финикіи очень рано. Оно идетъ въ глубь вѣковъ далѣе тэль-эль-амарнской эпохи. Необыкновенно широко былъ распространенъ въ финикійской метрополіи и ея колоніяхъ культъ Озириса. Миѳъ объ Адонисѣ и его супругѣ Астартѣ переплелся съ миѳомъ объ Изидѣ и Озирисѣ. И египетскій миѳъ объ Озирисѣ говоритъ о Библосѣ, куда присталъ ящикъ съ тѣломъ Озириса, и финикійская легенда разсказываетъ, что египтяне въ день посвященный воспоминанію о смерти Озириса опускали въ море осмоленную карзинку, въ которую было заключено извѣстіе, что Озирисъ воскресъ. Карзинка приплывала въ Библосъ въ тотъ день, когда скорбь о смерти Адониса смѣнялась радостью, вслѣдствіе его воскресенія. Широко было развито почитаніе Пта. Въ финикійскихъ колоніяхъ находятъ массу его изображеній обыкновенно въ видѣ эмбріона. Въ Испаніи между финикійскими богами нашли Гарпократа, Гор-пе крути, Гора-дитя съ его чисто египетскимъ эпитетомъ Іатанъ гаіімъ, тотъ, кто подаетъ жизнь, Богъ-дитя, богъ-пигмей, это—образцы особенно любимые финикійскимъ искусствомъ. У финикіянъ не было способноети къ идеализаціи, они не создавали образовъ идеальныхъ, но у нихъ была способность къ каррикатурѣ, и эта способность подмѣчать и подчеркивать дурное нашла себѣ приложеніе въ ихъ религіозной скульптурѣ. Пта-эмбріонъ, египетскій Бесъ (см. у Perrot, p. 420—421) и даже боги высшаго порядка находили для себя каррикатурное воплощеніе въ рукахъ финикійскихъ скульпторовъ.

Египетское вліяніе на финикійскую религію относятъ къ глубокой древности. Либлейнъ предполагаетъ его уже въ эпоху VI династіи, Тиле говоритъ, что при Апріесѣ (Уахетпра, Хофра) финикійская религія была уже египтизирована, но какъ бы далеко и глубоко не сказывалось египетское

вліяніе и по приматству и по силѣ оно должно уступить мѣсто вліянію вавилонскому. Въ сущности здѣсь дѣло идетъ не о вліяніи, а о родствѣ. Родину финикіянъ Геродотъ указываетъ на берегахъ Эритрейскаго моря, т. е. въ южной Месопотаміи, иначе въ области прародины евреевъ и вавилонянъ. Также родственны финикіянамъ и божества хеттеевъ, религія которыхъ имѣла чисто семитическій характеръ. Белъ, Риммонъ, Санданъ, Деркато, Аргатисъ, Ададъ, Гададъ, Гадъ, Соламбо, всѣ эти божества находятъ сочувственный пріютъ себѣ у финикіянъ. Несомнѣнно вліяли на нихъ въ религіозномъ отношеніи и ихъ южные сосѣди (не семитическаго происхожденія) филистимляне. Филонъ говоритъ о почитаніи у финикіянъ бога Дагона. Филонъ производитъ это имя отъ „дагалъ“ жатва, но несомнѣнно это—фантастическая филологія. Дагонъ происходитъ отъ דג—рыба (онъ можетъ быть примѣта множественнаго числа), это національное филистимское божество, о которомъ часто говоритъ Библія (I Цар. V, 2—5; Саф. 1, 9, Суд. XVI, 23 и слѣд. 1 Макк. X, 83—84), имѣло хвостъ и туловище рыбы, а верхнюю часть—голову и руки человѣческія. Греческое вліяніе сказалось на Финикію съ самаго начала историческаго существованія Греціи. У автора финикійскаго богословія Санхоніатона (жившаго едва ли позже V вѣка до Р. Х.), уже встрѣчаются имена греческихъ божествъ Плутона и Прозерпины. Классическіе писатели находятъ у финикіянъ всѣхъ своихъ боговъ.

Во взаимоотношеніяхъ финикійскихъ божествъ нѣкоторые хотятъ видѣть и идею тройственности божества и теорію тріадъ. Моверсъ хочетъ видѣть въ высшемъ божествѣ финикіянъ воплощеніе трехъ силъ производящей, разрушающей и сохраняющей, Адонисъ-богъ весенняго живительнаго солнца, сила производящая, убивающій его богъ Марсъ или Ваалъ-Гаммонъ, палящее солнце лѣта, Сатурнъ или Ваалъ-Хаванъ, зимнее солнце; въ пору зимы истощенныя силы природы накопляются постепенно для произведенія новой жизни. Указываютъ въ финикійской религіи тріады совершенно аналогичныя египетскимъ. Таковы-Ваалъ, Астарта и Мелькартъ (подобно: Озирисъ, Изида и Горъ), другая тріада въ сѣверной Финикіи—Элъ (Сатурнъ), Ваалтисъ (созвѣздіе рыбы) и Адонисъ.

Культъ духовъ, полидемонизмъ былъ развитъ менѣе у финикіянъ, чѣмъ у вавилонянъ. Но за всѣмъ тѣмъ, какъ и во всѣхъ древнихъ религіяхъ, они почитали—и признавали не мало всевозможныхъ вышечеловѣческихъ существъ. Особенно въ ряду ихъ должно отмѣтить рефаимовъ. Рефаимы,— это маны финикіянъ. Это—тѣни гигантовъ (Ис. XIV, 9; Іезек. XXXI, 16). Почитались животныя. Были голуби и рыбы посвященные Астартѣ. Почитались хвойныя (смолистыя) деревья и другія растенія. Почитались небесныя свѣтила. У Евсевія въ его Praeparat. evang. (lib. 1. 27) есть свидѣтельство *Φοίνικας καὶ Αἰγυπτίους πρώτους ἁπάντων κατέχει λόγος ἥλιον καὶ σελήνην καὶ ἀστέρας θεούς, ἀποφῆναι μόνους τε εἶναι τῆς τῶν ὅλων γενέσεώς τε καὶ φθορᾶς αἰτίους.* На самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что халдеи предварили въ этомъ дѣлѣ и финикіянъ и египтянъ. Но можетъ быть полярная звѣзда въ финикійскомъ культѣ имѣла особенное значеніе. Для земледѣлія и вообще для житейскихъ дѣлъ необходимы небесныя свѣтила, по нимъ измѣряется время, суточныя и годовыя перемѣны. Лишь полярная звѣзда, остающаяся для каждаго даннаго мѣста на неизмѣнномъ пунктѣ неба, ненужна осѣдлымъ людямъ. Но она нужна морякамъ. По ея перемѣщенію на небѣ они могутъ опредѣлять свое положеніе на морѣ, Полярная звѣзда была финикійской звѣздой. Греки называли ее *Φοινίκη*. Условія мореплаванія требовали отъ финикіянъ особаго вниманія и къ нѣкоторымъ созвѣздіямъ. Планеты имѣли и религіозное и магическое значеніе. Юпитеръ - планета большого, Венера - малаго счастія, Сатурнъ - большого и Марсъ-малаго несчастія. Меркурій назывался коварнымъ. Горы, скалы, источники имѣли своихъ духовъ, которые почитались, или вѣрнѣе почитались самыя горы и рѣки. Вещи (аэролиты), ашеры, неодушевленные предметы, случайно остановившіе на себѣ вниманіе и поставленные въ связь съ какими нибудь благопріятными или несчастными событіями, признавались заключающими въ себѣ сверхъестественную силу и пріобрѣтали религіозное почитаніе.

3.

Въ системахъ древнихъ религій господствовалъ тотъ принципъ, который въ новѣйшее время введенъ въ естествознаніе: все ставилось въ связь по происхожденію и между всѣмъ

установливалось взаимоотношеніе по родству. У нихъ были теогоніи и космогоніи. Имѣли ихъ финикіяне. Несомнѣнно, что въ каждой области были своя теогонія и космогонія, потомучто каждая область ставила на первый планъ свое населеніе и тѣхъ боговъ, которые въ ней преимущественно почитались. Эти теогоніи и космогоніи были изложены Санхоніатономъ. Произведеніемъ Санхоніатона воспользовался Филонъ Библосскій (жилъ во II в. по Р. Х. при Адріанѣ), изъ него сдѣлалъ извлеченія Евсевій Кесарійскій (Praeparatio evangelica), у котораго они и сохранились. Анализъ сохранившихся отрывковъ приводитъ къ такому пониманію финикійской міровой системы. Въ началѣ былъ Хаосъ (Вогу), и хаосъ былъ мрачный и мятущійся, и Дыханіе (Руахъ) носилось надъ хаосомъ. И хаосъ не имѣлъ предѣла и онъ такъ существовалъ въ теченіи вѣковъ и вѣковъ. И Дыханіе возлюбило свои собственныя начала, и произошло ихъ смѣшеніе, и это смѣшеніе было названо желаніемъ (Шефетъ). И желаніе было причиною созданія всего, и Дыханіе не знало своего собственнаго созданія, И Дыханіе и хаосъ смѣшались, и родился Мотъ (илъ или вязкая тина), и изъ него вышли всѣ сѣмена творенія, и Мотъ былъ отцомъ всего. Мотъ имѣлъ форму яйца. И солнце, и луна, и звѣзды и великія созвѣздія засвѣтили на небѣ. Тогда явились существа, у которыхъ не было чувствъ и отъ нихъ произошли существа разумныя, и ихъ назвали Тсофесамимъ (созерцающіе небо). Началась борьба элементовъ, которые стали раздѣляться между собою. Раскаты громовъ разбудили разныя существа, которыя были какъ бы во снѣ, и тогда мужскія и женскія существа стали двигаться по землѣ и по морю. И Дыханіе родило сѣверный, южный, восточный и западный Вѣтеръ. Хаосъ и западный Вѣтеръ соединились и они произвели Улома (время) и древняго (Кадмонъ) и эти произвели потомство (толедетъ) и населеніе (моледетъ), которые населили Финикію и почитали солнце подъ именемъ Ваала-Самимъ, какъ владыку небесъ. Уломъ и Кадмонъ родили сыновей, имена которыхъ суть свѣтъ, огонь и пламя, они ввели употребленіе огня путемъ тренія одного куска дерева о другой. Отъ нихъ явились на землѣ сыновья-гиганты (рефаимы), которые назывались Касій, Ливанъ, Антиливанъ и Ѳаворъ. Отъ этихъ родились Самемрумъ (поднимающійся до

небесъ) и Узо (косматый). Самемрумъ жилъ на островѣ Тирѣ, гдѣ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ камыша и папируса. Братъ его Узо, живший несогласно съ нимъ, изобрѣлъ приготовленіе одеждъ изъ шкуръ животныхъ. Узо былъ первый пустившійся въ плаваніе. Отъ молніи произошелъ пожаръ въ лѣсу, покрывавшемъ островъ Тиръ. Срубивъ одно пылавшее дерево и бросивъ его въ море, Узо увидѣлъ, что оно не тонетъ, что навело его на мысль объ устройствѣ плотовъ и судовъ для плаванія. Самемрумъ имѣлъ сыновей и дочерей, изъ этого племени произошелъ Сидонъ, который изобрѣлъ рыболовство и охоту и былъ отцомъ сидонянъ. Это—сидонская космогонія. Существуетъ подобная ей библосская. Седъ (всемогущій) родилъ садимъ, которые изобрѣли построеніе домовъ. Отъ нихъ родились Елимъ и титаны. Отъ нихъ произошли Аминъ (?) и Магъ (?) изобрѣтшіе земледѣліе, Отъ нихъ родились Мизоръ (египтянинъ) и Сидикъ (справедливый). У Мизора былъ сынъ Таутъ, который изобрѣлъ письмо, а отъ Сидика родились кабиры, создавшіе мореплаваніе и медицину. Таммузъ-Еліунъ (высочайшій), который погибъ жертвою дикаго животнаго и въ честь котораго устрояютъ траурное торжество, далъ рожденіе человѣку, вышедшему изъ земли (Адаму и человѣческому роду, который жилъ тогда въ Гебалѣ=Библосѣ).

Существуетъ еще третья версія. Въ ней представляется затруднительнымъ возстановленіе именъ, такъ какъ они эллинизированы. Высочайшій (Еліунъ) произвелъ небо и землю. Когда они соединились, небо и земля произвели Ела, Веѳиля, Дагона и Атласа. Потомъ небо имѣло много дѣтей отъ другихъ супругъ. Разгнѣванная земля разошлась съ небомъ, и небо задумало умертвить дѣтей, которыхъ имѣла отъ своей сестры. Елъ по совѣтамъ Таутъ выступилъ тогда на борьбу противъ неба, своего отца. Елъ родилъ Прозерпину (судя по этому имени, у финикіянъ были божества подземнаго міра) и Минерву (Танитъ) Прозерпина умерла дѣвой. Съ согласія Танитъ и Таута Елъ изобрѣлъ арканъ и копье. И Таутъ научилъ Елогимъ, происшедшихъ отъ Ела и ставшихъ его сотоварищами, магическимъ средствамъ для борьбы съ небомъ. Наконецъ, Елъ достигъ того, что низложилъ могущество Неба, своего отца. Одна изъ супругъ Неба, ставшая плѣнницею Ела, была отдана Дагону, и она родила

Дагону Θамира (Ваалъ-Θамара), зачатаго отъ Неба. Елъ сталъ основателемъ города Гевала и онъ похоронилъ подъ землею своего брата Атласа (Адониса? Таммуза?). Это было сдѣлано по совѣтамъ Таута. Тогда кабиры (сторонники и родственники погребеннаго бога?), съ крайней поспѣшностію, построивъ корабли, отплыли подъ парусами, чтобы построить храмъ на горѣ Касія. Елъ убилъ также своего сына Сидика и одну изъ своихъ дочерей. И небо пыталось низвергнуть Ела при помощи его трехъ дочерей — Астаретъ, Рен (Атаргатисъ) и Діаны (Ваалитъ), потомъ еще посредствомъ Имармены (Гада—судьбы, счастья) и Горы (Ноамы). Но Елъ возмутилъ ихъ въ свою очередь. И небо изобрѣло веѳили, живые камни. Елъ имѣлъ отъ Астаретъ семь дочерей—титанидъ (?), отъ Атаргаты семь сыновей и еще дочерей отъ Ваалтисъ. Отъ Астаретъ онъ имѣлъ двухъ сыновей Желаніе (Шефетъ) и Любовь (финикійское имя и божество неизвѣстно). Дагонъ изобрѣлъ плугъ и культуру пшеницы. Отъ Сидика и одной изъ титанидъ родился Эшмунъ. И Елъ имѣлъ еще трехъ сыновей отъ Аргаты: втораго Ела, Ваала и Аполлона (Ваалъ-Самимъ?) Отъ него родились Понтъ, Тифонъ и Нерея. И Понтъ родилъ Посейдона и Сидона, который изобрѣлъ искусство пѣнія. Ваалъ-Θамаръ родилъ Мелькарта. И возгорѣлась война между Небомъ, Понтомъ и Вааломъ-Θамаръ. И Елъ, занявшій престолъ Неба, своего отца, оскопилъ его такъ, что его кровь окрасила ручьи и источники. Великая (кебиратъ) Астаретъ, Ваалъ-Θамаръ и Гададъ царствовали тогда съ Еломъ. И Астаретъ, у которой была голова коровы, проходя по землѣ, нашла звѣзду упавшую съ неба, она принесла ее на священный Тирскій островъ для того, чтобы ей воздавали религіозное почитаніе. Подобнымъ же образомъ Елъ, проходя по міру, далъ своей дочери Танитъ въ царство Аттику. Затѣмъ Елъ, чтобы искупить оскопленіе, совершенное надъ собственнымъ отцомъ Небомъ, принесъ ему въ жертву единственнаго своего законнаго сына и онъ установилъ обрѣзаніе, подвергшись ему самъ. Его сынъ, принесенный въ жертву, назывался Мотъ (смерть). И Елъ отдалъ городъ Гевалъ Ваалитъ, Беритъ Посейдону и Сидонъ Кабирамъ. Таутъ придумалъ изображенія боговъ, священныя письмена, религіозные образы и онъ создалъ инсигніи царства Ела. И Елъ, прибывши на югъ, отдалъ

Египетъ Тауту. И все это было утверждено въ священныхъ книгахъ написанныхъ подъ редакціею Таута семью Кабирами, сыновьями Сидика, и ихъ восьмымъ братомъ Эшмуномъ. Принявшими наслѣдство и передавшими посвященіе своимъ преемникамъ были Озирисъ и Ханаанъ, предокъ финикіянъ.

Имѣются еще варіанты, развитіе и дополненіе космогоніи и миѳической исторіи финикіянъ. Но они мало прибавляютъ и мало измѣняютъ изложенное. Анализируя изложенное, мы видимъ, что въ сохранившихся отрывкахъ — содержащихъ, замѣтимъ, значительные пропуски—финикійскія воззрѣнія грецизированы и латинизированы, но за всѣмъ тѣмъ они излагаются съ финикійской точки зрѣнія. То обстоятельство, что въ отрывкахъ имѣются пропуски, лишаетъ возможности возстановить и установить связь между всѣми предполагаемыми въ Финикіи устроителями древняго міра (откуда явился Сидикъ въ послѣднемъ повѣствованіи?). То обстоятельство, что классическіе авторы не переводятъ только имена боговъ, но по представлявшемуся имъ сходству замѣняютъ финикійскія божества классическими, дѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе нѣкоторыхъ именъ и выясненіе подлиннаго характера нѣкоторыхъ финикійскихъ божествъ. Что это за безвременно умершая Прозернина? Это имя заставляетъ догадываться, что въ финикійскихъ религіозныхъ представленіяхъ существовало нѣчто подобное классическому аду и классическимъ подземнымъ богамъ. Что это за Мотъ, о которомъ Санхоніатонъ свидѣтельствуетъ: *Θάνατον δὲ τοῦτον καὶ Πλούτωνα φοίνικες ὀνομάζουσι.* Но хотя на изложенныхъ сказаніяхъ сильно классическое вліяніе, они изложены или финикіянами или по крайней мѣрѣ людьми финикійскаго образа мыслей. Авторъ финикійской первоисторіи не забываетъ Аттики и Египта, но они явились по его представленію послѣ Финикіи и были лишь ленами финикійскихъ божествъ. Повидимому такой точки зрѣнія могъ держаться только сынъ Финикіи, но имѣющіяся у насъ данныя заставляютъ воздерживаться отъ подобнаго заключенія. Геродотъ былъ грекомъ и однако идеализировалъ египтянъ и ихъ вѣрованія. Увлеченія иноземнымъ и идеализація иноземнаго не представляютъ собою явленія новаго времени, но нерѣдко бывали и въ древности. Это должно помнить при

спорахъ объ авторахъ древнихъ документовъ: не всегда можно опредѣлить націю и даже религію автора по его симпатіямъ. И не финикіянинъ могъ предположить Финикію міровымъ центромъ, все равно какъ не французъ, а пошехонецъ или дорогобужецъ можетъ думать, что Парижъ есть соль земли и свѣтъ міра. Финикійскія сказанія — особенно въ своемъ развитіи и подробностяхъ—имѣютъ сходство съ библейскими. Существуютъ два противоположныя воззрѣнія на этотъ фактъ. По мнѣнію однихъ тѣ и другія сказанія имѣютъ одинъ языческій источникъ, который писателями Библіи былъ переработанъ въ монотеистическомъ духѣ, по мнѣнію другихъ финикійскія сказанія представляютъ собою языческое искаженіе монотеистической истины, изложенной въ Библіи. Какихъ бы кто не держался религіозныхъ воззрѣній, научное безпристрастіе, думаемъ, обязываетъ отвергнуть оба эти воззрѣнія. Существуютъ предположенія, что Санхоніатонъ представляетъ собою просто миѳъ. Думаемъ, что онъ дѣйствительность. Но когда жилъ онъ? Евсевій Кесарійскій говоритъ: во время троянской войны. Для насъ такое указаніе есть опредѣленіе одного неизвѣстнаго посредствомъ другого неизвѣстнаго. Теперь время его жизни относятъ къ эпохѣ греко-персидскихъ войнъ. Но если онъ даже жилъ въ VII—VIII в., то несомнѣнно со всякой точки зрѣнія—въ эту пору существовали и еврейскій монотеизмъ и финикійскій политеизмъ. Живое общеніе между этими націями было уже при Хирамѣ и Соломонѣ, т. е. за 1000 лѣтъ до Р. Х. При такихъ условіяхъ естественно, что Адамъ въ финикійской исторіи долженъ былъ занять не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ какое было отведено Египту и Аттикѣ въ географіи. Разобраться въ генезисѣ и хронологіи финикійскихъ сказаній при современномъ состояніи знанія невозможно, но должно обратить вниманіе на нѣкоторыя черты этого сказанія. Въ нихъ явно выдвигаются два принципа, которые пользуются широкимъ распространеніемъ и авторитетомъ теперь, это—эвгемеризмъ и эволюціонизмъ. По Эвгемеру, боги настоящаго суть обожествленные люди прошедшаго, согласно мнѣнію многихъ современныхъ ученыхъ культъ боговъ возникъ изъ культа предковъ. Несомнѣнно, что изложенныя финикійскіе сказанія сложились у финикіянъ за долго до Эвгемера (современника Александра Ма-

кедонскаго), но видимъ, они сложились уже по тѣмъ началамъ, которыя Эвгемеръ и въ измѣненномъ видѣ ученые XIX вѣка, возвели въ принципъ. Боги финикіянъ представляются ихъ предками и въ сущности нѣкогда жившими людьми. Достаточно отбросить въ повѣствованіи о нихъ нѣкоторыя фантастическія подробности, измѣнить нѣкоторыя выраженія и указанія и они снизойдутъ до уровня обыкновенныхъ историческихъ дѣятелей. Но анализъ этихъ повѣствованій, сопоставленный съ данными о древнѣйшемъ состояніи финикійской религіи по семитическимъ памятникамъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что здѣсь миѳологическій процессъ состоялъ не въ томъ, что образъ смертнаго человѣка превращался въ безсмертнаго бога, а наоборотъ въ томъ, что божество низводилось до человѣческаго уровня. На самомъ дѣлѣ, для того, чтобы бога Солнце превратить въ тирскаго царя, нужно дѣлать не шагъ впередъ, а нѣсколько шаговъ назадъ. За полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. финикіяне несомнѣнно имѣли представленія о великихъ богахъ, владыкахъ неба и міра, тысячу лѣтъ спустя поэтическая фантазія такъ тѣсно сплела образы этихъ боговъ съ земною жизнію, что божественныя черты въ нихъ совершенно отступили назадъ предъ человѣческими. Другое начало финикійскихъ сказаній эволюціонизмъ. Развитіе культуры представляется въ нихъ совершающимся эволюціоннымъ путемъ. Важнымъ факторомъ является случай. Дерево, упавшее въ воду, поплыло. Это наводитъ на мысль объ утилизаціи деревьевъ для плаванія. Создаются плотъ, лодка, корабль. Конечно, открытія и изобрѣтенія совершались постепенно. Но вотъ что представляется страннымъ. Изобрѣтеніе огня, одеждъ, хижинъ и плотовъ повидимому должны далеко заходить за предѣлы исторической памяти человѣчества. Дикари Сиріи, Нильской долины и Аравійскихъ пустынь, такъ давно сжились съ этими изобрѣтеніями, что повидимому ихъ потомкамъ человѣкъ и употребленіе огня должны были казаться не разъединимыми. Финикійскія сказанія о происхожденіи культуры подсказываютъ мысль, что переходъ изъ некультурнаго состоянія въ культурное совершился незадолго предъ составленіемъ этихъ сказаній и совершился скоро. Что привело къ этой мысли финикійскихъ повѣствователей о началахъ?

4.

Первоначальными мѣстами общественнаго культа въ Финикіи были высоты (ב מ ו ת) При обращеніи къ божеству человѣкъ естественно выбираетъ пунктъ, гдѣбы онъ былъ ближе къ божеству. Боги жили на небѣ, свѣтила находились на небесныхъ сферахъ; значитъ, поднимаясь отъ земли и приближаясь къ небу, человѣкъ приближается къ богамъ. Кромѣ того при обращеніи съ молитвой человѣку естественно желать видѣть, если не само божество, къ которому онъ обращается съ молитвой, то по крайней мѣрѣ ту область, гдѣ онъ предполагаетъ его преимущественное присутствіе. Этою областью является небо. При развитіи культа идоловъ небо и звѣзды становятся ненужными. Божество или его замѣститель находятся на лицо, но никто не станетъ оспаривать, что въ исторической жизни финикіянъ идолы были сравнительно позднѣйшимъ явленіемъ. Поэтому отправленіе культа на высотахъ предшествовало отправленію его въ храмахъ. Возникновеніе послѣднихъ, конечно, не уничтожило сразу первыхъ. Тѣ и другіе должны были еще долго существовать совмѣстно. Многочисленныя свидѣтельства о высотахъ находятся въ Библіи (Іерем. VII, 31; Іезек. XVI, 16; 3 Цар. XIII, 32; 4 Цар. XVII, 9, 29). Первоначально дѣло, должно быть, происходило такимъ образомъ. На скалѣ, холмѣ или горѣ расчищали мѣсто, ставили алтарь изъ необдѣланныхъ камней и на немъ приносили жертвы. Такъ скоро и просто создавались мѣста общественнаго богослуженія. Выборъ мѣста опредѣлялся конечно не одними только собственно удобствами, но и тѣмъ, что было около него. При жертвоприношеніяхъ нужна была вода для омовеній, для того, чтобы можно было предаться жертвенному пиру, нужны были тѣнистыя мѣста, т. е. рядомъ съ алтаремъ должны были быть лѣсъ и вода, алтари и воздвигались около истоковъ, ручьевъ, рѣкъ, рощъ и лѣсовъ. Иногда безъ сомнѣнія мѣста становились священными не по своимъ топографическимъ условіямъ, а потому что въ нихъ по мнѣнію финикійцевъ появилась особенная божественная сила. Аэролитъ, упавшій на какое либо мѣсто, освящалъ его и самъ являлся святыней и естественнымъ алтаремъ. Такъ, если съ одной стороны финикіяне сами

выбирали веѳили—дома божіи, то съ другой стороны они могли получать указанія, что тѣ или другія мѣста суть веѳили (указываютъ, что никакой семитическій текстъ не говоритъ о священныхъ камняхъ подъ именемъ веѳиля, но несомнѣнно, что священный камень считался знакомъ веѳиля. Быт. XXVIII, 17—18. Отсюда, естественно заключеніе, что греческое *βαιτύλιον, βαίτυλος*, обозначавшее священные камни, семитическаго происхожденія). Священныя мѣста финикіяне обносили священными оградами. Еще одинъ шагъ—поставленіе навѣсовъ должно было превратить эти мѣста въ храмы. На финикійскихъ храмахъ видятъ преимущественное египетское вліяніе. Но въ сущности они рѣзко отличались отъ египетскихъ храмовъ. Площадь земли ограниченная со всѣхъ сторонъ рядомъ или нѣсколькими рядами колоннъ и покрытая кровлей, вотъ—основа финикійскаго храма. Обыкновенно въ задней части такого строенія воздвигалась палатка или небольшое зданіе, въ которомъ помѣщалось изображеніе божества. Это называлось святилищемъ. Во святилище имѣли доступъ лишь жрецы. Тамъ помѣщались предметы нужные для религіозныхъ процессій и тамъ былъ архивъ лѣтописей, который велся жрецами (храма Эшмуна въ Карѳагенѣ). Внѣ святилища помѣщался жертвенникъ для принесенія въ жертву животныхъ, чаша для омовеній, жаровня съ постояннымъ огнемъ. Жертвенники вѣроятно были подобны, обычнымъ языческимъ жертвенникамъ. Раввинское преданіе говоритъ, что въ идолѣ Молоха было семь отверстій или семь камеръ, изъ которыхъ въ первую клали пшеничную муку, во вторую—голубей, въ третью—овецъ, въ четвертую—барановъ, въ пятую — тельцовъ, въ шестую—быковъ, а въ седьмую—дѣтей. Но позволительно усумниться въ достовѣрности этого преданія. Найденная на Кипрѣ статуя Мелькарта не соотвѣтствуетъ этому описанію. Скинія Молохова, о которой говоритъ пророкъ Амосъ (V, 26), тоже не отвѣчаетъ такому представленію о статуѣ Молоха.

Финикійскіе храмы стоятъ въ связи съ храмомъ іерусалимскимъ. Израильскій храмъ истинному Богу былъ построенъ преимущественно изъ финикійскаго матеріала при содѣйствіи финикійскихъ рабочихъ. Въ дѣлѣ этого построенія имѣли большое значеніе три лица, въ имени которыхъ

заключалось слово Хирамъ: Хирамъ, царь тирскій, финикіянинъ, Адонирамъ (Адонъ Хирамъ)-еврей, Хирамъ-художникъ-финикіянинъ по отцу и еврей по матери (3 Цар. V, 7—10, 14; VII, 13—14). Значитъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. религіозная архитектура получила уже широкое развитіе у финикіянъ. Храмъ Соломоновъ разрушенъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ, но еще доселѣ въ ученіи франкмасоновъ имѣютъ важное значеніе столбы іахинъ и воазъ, молотокъ, ватерпасъ, лопатка и вѣтвь акаціи—символы, связанные съ легендою о іерусалимскомъ храмѣ. „Для соблюденія порядка при расчетѣ съ легіонами мастеровъ, подмастерьевъ, мастеровъ и простыхъ учениковъ Адонирамъ раздѣлилъ ихъ на группы, давъ каждой вмѣстѣ съ особеннымъ одѣяніемъ свои пароли и лозунги. Мастеровые, завидуя мастерамъ и желая получить большую противъ заслуженной плату, задумали образовать отдѣльную шайку костюмированную подобно мастерамъ, дабы получить отъ Адонирама болѣе, нежели имъ слѣдовало. Измѣнить одежду было нетрудно. Главное препятствіе было въ паролѣ и лозунгѣ мастеровъ, неизвѣстныхъ простымъ мастерамъ. Принужденные вслѣдствіе этого отказаться отъ хитрости, мастеровые рѣшились тайно убить Адонирама и ограбить казну, бывшую на его попеченіи. Первое имъ удалось. Они умертвили Адонирама, но не могли доискаться, гдѣ у него были спрятаны деньги, ассигнованныя на жалованіе рабочимъ. Досадуя на неудачу и раскаяваясь въ напрасномъ преступленіи, мастеровые зарыли трупъ Адонирама въ груду щебня и извести, помѣтивъ это мѣсто вѣткой акаціи, чтобы послѣ похоронить убитаго. На другой день при первомъ слухѣ объ исчезновеніи Адонирама царь Соломонъ разослалъ на поиски за нимъ нарочныхъ во всѣ концы его царства, еще не зная, жалѣть ли ему о вѣрномъ слугѣ или негодовать на него, какъ на вора. Въ это время левиты, пришедшіе къ царю, доложили ему, что на мѣстѣ строенія храма совершилось чудо: за ночь, на грудѣ сухого щебня выросъ и расцвѣлъ большой кустъ акаціи.... Дѣйствительно, къ удивленію всѣхъ рабочихъ и къ ужасу убійцъ, вѣтка акаціи, которою они помѣтили мѣсто погребенія Адонирама, въ одну ночь дала корень и разрослась кустарникомъ. Соломонъ съ левитами и вельможами, придя на мѣсто, не могъ

не подивиться, какимъ образомъ на сухомъ щебнѣ и известкѣ могло явиться деревцо; желая убѣдиться съ корнемъ ли оно, царь приказалъ разрыть щебень... Сочные корни, далеко разбѣгая въ глубину, достигали самаго трупа Адонирама. Всѣ присутствовавшіе оцѣпенѣли отъ ужаса, и одинъ изъ левитовъ, взявъ мертвеца за руку, почувствовалъ, что она оторвалась отъ туловища, такъ какъ тѣло отъ пребыванія въ извести начало тлѣть. Макъ бен-акъ! воскликнулъ левитъ, и слова эти означали: тѣло отдѣляется отъ костей. Виновные были найдены и казнены.... Макъ бен-акъ сдѣлалось съ того времени условнымъ лозунгомъ каменьщиковъ" (масоновъ. Аноним. автора-Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ Т. 4-ый стр. 312—313).

Институтъ жрецовъ былъ очень обширенъ у финикіянъ, онъ распадался на много классовъ и имѣлъ различные виды и типы. Во главѣ жрецовъ въ каждомъ мѣстѣ стоялъ верховный жрецъ. Во многихъ мѣстахъ жреческое достоинство было наслѣдственнымъ. Въ Тирѣ верховный жрецъ выбирался изъ царской семьи. Такъ было и во многихъ малоазійскихъ святилищахъ. При такихъ условіяхъ верховный жрецъ могъ иногда носить даже царскую корону. По мѣстамъ санъ верховнаго жреца былъ пожизненнымъ, по мѣстамъ верховный жрецъ избирался на опредѣленный срокъ. За верховнымъ жрецомъ слѣдовали жрецы. Спеціальностію однихъ было принесеніе кровавыхъ жертвъ, другіе совершали возліянія, третьи поддерживали священный огонь и курили благовонія, были жрецы предсказатели. Такъ какъ знать будущее человѣку нужно не только изъ любопытства, но и во имя важныхъ практическихъ расчетовъ (предпринимать ли плаваніе, начинать ли предпріятіе, вести ли войну), то весьма справедливымъ представляется предположеніе Моверса, что въ Тирѣ (а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ) предсказатели содержались на царскій счетъ (см. 3 Царств. XXII). Число лицъ исполнявшихъ низшія религіозныя обязанности было чрезвычайно велико. Страбонъ въ различныхъ святилищахъ (онъ указываетъ и хеттейскія) насчитываетъ ихъ тысячами. Этимъ числамъ не нужно удивляться, если принять во вниманіе указанія 3 Царствъ, по которымъ при Ахавѣ въ Израильскомъ царствѣ было 450 пророковъ Ваала и 400 пророковъ дубрав-

ныхъ (XVIII, 19—22, снеси XXII, 6 и 2 Паралип. XVIII, 5). Гіеродулы занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ на поляхъ—часто весьма обширныхъ—принадлежавшихъ храму. Были служители, спеціально занимавшіеся пѣніемъ и музыкой. Они привѣтствовали восходъ и заходъ солнца, они играли и пѣли при жертвоприношеніяхъ и праздникахъ. Были служители, носившіе воду и рубившіе дрова для храмовъ (подобные неѳинеямъ Ветхаго Завѣта, т. е. рабамъ подареннымъ, отданнымъ Богу. Втор. XXIX, 11; Іис. Нав. IX, 23; 1 Ездры VII, 24). Были женщины, прислуживавшія при храмахъ, чистившія ихъ, дѣлавшія одѣянія нужныя для храмовъ, идоловъ и процессій.

Особенный типъ религіозныхъ служителей представляли собою кедешимъ и кедешотъ (отъ קדש—святой, посвященный... въ данномъ случаѣ Венерѣ). Русская библія всегда переводитъ эти имена словами „блудники“ и „блудницы“ (славянская переводитъ различно, иногда даже оставляетъ это названіе безъ перевода 4 Цар. XXIII, 7). Одни изъ нихъ жили при храмахъ (Осіи IV, 14), другіе свободно ходили по странѣ. Кедешимъ обыкновенно просили милостыню, кедешотъ торговали собою. Обыкновенно имъ платили козленкомъ, какъ жертвой богинѣ (повидимому въ образѣ подобной кедеши явилась нѣкогда Ѳамарь Іудѣ. Быт. XXXVIII, 14—17 срав. Быт. XXI, 22 по еврейскому тексту Іерем. III, 2). Женщины, отказывавшіяся принести богинѣ жертву своими волосами, должны были одинъ разъ принять на себя обязанности кедеши. Возможно, что жертва волосами вмѣсто жертвы честью представляла собою замѣну и смягченіе послѣдней. Можетъ быть жертва волосами имѣла и болѣе глубокій смыслъ и болѣе благородное происхожденіе. Она была развита такъ, что существовалъ особый классъ храмовыхъ служителей, занимавшихся исключительно стрижкою волосъ. Особый видъ кедешей представляли собою галлы. Полагаютъ, что имя заимствовано отъ малоазійской рѣки Галлъ, воды которой будто-бы приводили въ изступленное состояніе жрецовъ Астарты. Можетъ быть само слово галлъ представляетъ собою опредѣленіе этого состоянія, т. е. равно греческому *Θεοφόρητος*. Были такъ называемые женоподобные галлы. Это—галлы лишившіе себя мужской силы. Лукіанъ разсказываетъ, что, совершивши надъ собою ужасную опе-

рацію и имѣя въ рукахъ то, что получено отъ нея, галлъ вбѣгалъ въ какой либо домъ, и тамъ были обязаны дать ему женское платье и женскія украшенія.

Наоборотъ, и женщины жрицы облачались иногда въ мужское платье. Это облаченіе въ одежды не соотвѣтствующія полу стояло повидимому въ связи съ мыслью о нѣкоторой двухполости (гермафродитизмѣ) въ божествѣ.

Однимъ изъ распространенныхъ способовъ выраженія богопочитанія у финикіянъ было поставленіе стелъ, столбовъ болѣе или менѣе грандіозныхъ и художественно устроенныхъ съ надписями, говорящими, что эти памятники посвящаются тому или иному божеству. Вотъ образецъ такихъ вотивныхъ надписей (финикійскія буквы здѣсь замѣнены еврейскими) на финикійскомъ и латинскомъ языкахъ.

לרבת לתנת ול	Dominae Tanaiti et Ba-
בעלן לאדן לב	ali nostro, domino, Ba-
על חמן אש נד	ali Hhammano vir vo-
ר גזעשתרת	vens Gad-Astoreth
חספר בן עבדמלקר	scriba, filius Abd-Melcar.

Постояннымъ способомъ выраженія богопочитанія, какъ и вездѣ, у финикіянъ была жертва. Важнѣйшимъ даннымъ для составленія о нихъ понятія является массилійская надпись, найденная въ 1845 г. и содержащая опредѣленія относительно платы за жертвы. Она не вполнѣ сохранилась и ее дополняютъ по найденной подобной же таблицѣ въ Карѳагенѣ, хотя за всѣмъ тѣмъ остаются еще проблематическія мѣста. Недавно найдена еще таблица жертвеннаго тарифа на Кипрѣ. Эти таблицы, написанныя на камняхъ, несомнѣнно были помѣщаемы на видныхъ мѣстахъ при входѣ въ храмъ, чтобы желающіе приносить жертвы могли ими руководствоваться. Вотъ—текстъ массилійской надписи. „Въ храмѣ Ваала должна существовать слѣдующая плата за жертвы, которая утверждена (въ правленіе) суффета... ваала, сынъ Бодъ-танита, сына Бодъ (Эшмуна и въ правленіе Хальци-Ваала) суффета, сынъ Бодъ Эшмуна сына Хальци-Ваала и (ихъ совѣта). За быка будетъ ли это всесожженіе, или просительная жертва или полная благодарственная жертва—жрецы (должны получать) десять секелей серебра за каждую штуку скота. И при жертвѣ всесожженія жрецы,

кромѣ того должны получить (300 секелей мяса вѣсомъ). И при просительной жертвѣ они кромѣ этого получаютъ קצרת (предположительный переводъ: мелкія части) и נצלח (предположительный переводъ: жареное мясо), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За עגל (не вполнѣ выросшій быкъ) который уже имѣетъ рога, но еще не вполнѣ крѣпкіе, и который уже началъ работать, или за оленя при всесожженіи—будетъ ли это просительная жертва или полная благодарственная жертва—уплачиваютъ жрецамъ пять секелей серебра (за каждую штуку скота и при всесожженіи) должны кромѣ того получить 150 секелей вѣсомъ мяса и при просительной жертвѣ мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги должны принадлежать жертвователю. За овцу или козу при всесожженіи—будетъ ли это просительная или полная благодарственная жертва — жрецы (должны получать секель серебра) и два цара за каждое животное и при просительной жертвѣ кромѣ этого имъ должны принадлежать мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За ягненка или за молоденькую козу или за маленькую козулю при всесожженіи—будетъ ли это просительная или полная благодарственная жертва—жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и (два) цара (за каждое животное и въ случаѣ просительной жертвы они должны получать) вмѣстѣ съ этимъ мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За птицу — все равно домашнюю или дикую при всесожженіи будетъ ли это שגר или חזח (два различные рода жертвы?) жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и два цара за каждую птицу и (кромѣ того много мяса). За птицу или за жертву первороженнаго какого бы то ни было животнаго или за хлѣбную жертву или за жертву масла жрецы (должны получать) десять монетъ за каждую. Во всякомъ случаѣ просительной жертвы, которая приносится богамъ, долженъ жрецъ получать мелкія части (?) и жареное мясо (?) и при просительной жертвѣ... и за пироги и за молоко и за жиръ, и за всякую жертву безъ крови, которую кто либо приноситъ... И при всякой жертвѣ, которую приноситъ ка-

кой-либо человѣкъ бѣдный скотомъ или птицею, жрецы ничего не должны получать... Все прокаженное, порченое или больное запрещается. И каждый долженъ изъ того, что онъ жертвуетъ (?)..... кровь убитаго. Плата за каждую жертву должна быть сообразна съ тѣмъ, что утверждено въ этомъ объявленіи... Что касается всякой другой жертвы, относительно которой нѣтъ предписаній на этой таблицѣ, и которая совершается не согласно съ опредѣленіями, которыя (опубликованы въ правленіе... ваала, сына Бодъ-Танита) и Бодъ-Эшмуна, сына Хальци-Ваала и ихъ совѣта, каждый жрецъ принимающій жертву, которая неопредѣлена въ написанномъ на этой таблицѣ, долженъ быть наказанъ.... Что касается до жертвоприносителя, который не уплатитъ за жертву (ея цѣны, тотъ также долженъ быть наказанъ?)". Кипрскіе камни представляютъ собою счета по уплатѣ на одной сторонѣ въ мѣсяцъ Этанимъ, на другой—въ мѣсяцъ Пеулатъ. „Плата въ мѣсяцъ Этанимъ, въ новолуніе мѣсяца Этанимъ, богамъ новолунія два... Строителямъ, которые строили храмъ Астаретъ, каждому дому... Хранителямъ святилища и надсмотрщикамъ храма Резефа 20... людямъ, которые ходятъ за скотомъ въ присутствіи святой царицы въ этотъ день... За двухъ мальчиковъ... за двѣ жертвы... Двумъ пекарямъ, которые пекли пироги для святой царицы. Тому, кто стригъ, за его дѣло, два... десяти каменьщикамъ, которые строили фундаментъ и храмъ солнечнаго бога. Эбедъ Эшмуну, главному писцу, который посланъ былъ въ этотъ день, три... За собаку и ея щенятъ"... На другой сторонѣ написано: „Въ новолуніе мѣсяца Пеулата. Богамъ новолунія два... владыкамъ дня... благовонія и мирную жертву... Для идоловъ въ храмѣ солнечнаго бога и другихъ боговъ... Для Карѳагенскаго Эбедъ-баста. Человѣку, который купилъ высохшія растенія (?)... Пастухамъ страны два... ...Главной пѣвицѣ (альма) и 22 дѣвамъ (аламотъ) съ жертвою... За собаку и ея щенятъ три??.

Эти темные докумены, безъ сомнѣнія, не были бы даже переведены, тѣмъ болѣе истолкованы безъ помощи библіи и затѣмъ другихъ семитическихъ памятниковъ. Какіе это пироги или хлѣбы небесной царицѣ? Конечно, тѣ, о которыхъ говорилъ пророкъ Іеремія (VII, 18; XLIV, 19). О какой говорится здѣсь платѣ за собаку? О той, которая запрещена

во Второзаконіи (XXIII, 18). Какимъ брадобрѣямъ устанавливается плата? Производящимъ стрижку запрещенную въ книгѣ Левитъ (XIX, 27).

Очевидно, жертвы дѣлились на нѣсколько типовъ. Несомнѣнно, первое мѣсто занимала жертва всесожженія. Она имѣла нѣсколько видовъ. Жертва просительная всегда вмѣстѣ съ тѣмъ была жертвой всесожженія, жертва благодарственная могла быть и не быть всесожженіемъ. Была жертва мирная. Были жертвы безъ крови. Жертвы изъ птицъ, надо полагать имѣли характеръ гадательный. Были жертвы, о которыхъ и не говорятъ, приведенные тексты и которыя представляли собою, такъ сказать, самопожертвованіе: жертвовали волосами, честью, мужскою силою, обрѣзывались, уродывались. Важные моменты и событія жизни заставляли финикіянъ приносить жертвы по личной иниціативѣ и уплачивать за нихъ по опредѣленной таксѣ. Высокія цѣны марсельскаго тарифа заставляютъ заключать, что и животныя и вообще матеріалъ жертвъ продавались при храмѣ. Безъ сомнѣнія эта такса не только за совершеніе, но и за матеріалъ для обряда. Кромѣ жертвъ личныхъ были постоянныя храмовыя жертвы—вечернія и утреннія, въ новолуніе и полнолуніе, въ счастливые дни (ваалеямилѣ), во дни весеннихъ и осеннихъ торжествъ, во дни воспоминаній особенныхъ событій, явленій и дѣйствій божества. На марсельской таблицѣ не говорится о человѣческихъ жертвахъ, въ концѣ тарифа даже утверждается, что совершеніе незаконныхъ жертвъ будетъ преслѣдоваться, но на кипрскихъ счетахъ есть какое то загадочное упоминаніе о двухъ мальчикахъ. Фактъ человѣческихъ жертвоприношеній въ Финикіи не сомнѣненъ. Полагаютъ, что на марсельской таблицѣ сказалось гуманизирующее европейское вліяніе. Но происхожденіе этой таблицы относятъ къ VI-ому вѣку до Р. Х., когда едва ли Эллада и Римъ могли вліять на народы облагораживающимъ образомъ. Поэтому не лучше ли и не проще ли предположить, что человѣческія жертвоприношенія не числились въ ряду жертвъ, онѣ были жертвами необычными, которыя вызывались необычайными событіями. Ужасныя бѣдствія, свидѣтельствовавшія о необычномъ гнѣвѣ боговъ, требовали необычныхъ жертвъ для ихъ умилостивленія, великія предпріятія тоже требовали великихъ жертвъ для соисканія благосклон-

наго содѣйствія божествъ. За великія удачи тоже должно было платить великими жертвами. Принесеніе въ жертву плѣнниковъ, рабовъ, конечно не было еще великой жертвой. Рабы также, какъ и скотъ, представляютъ собою нѣчто, за что должно платить по таксѣ. Великою жертвою являлось пожертвованіе богамъ сыновей и дочерей. Вѣрою, что богамъ нужны подобныя ужасныя жертвы, повидимому, руководился Ахіилъ веѳилянинъ при возстановленіи Іерихона (3 Цар. XVI, 34; ср. Іис. Нав. VI, 25).

5.

У египтянъ въ культѣ преобладающее мѣсто занимали заботы о посмертной участи усопшаго. У народовъ семитическихъ невидно, чтобы область по ту сторону бытія была предметомъ большихъ ихъ заботъ въ этомъ бытіи. Финикіяне въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія. Ничего не извѣстно объ ихъ погребальныхъ обрядахъ, о поминовеніи или ихъ умершихъ. За всѣмъ тѣмъ рядъ данныхъ позволяетъ заключать почти съ несомнѣнностію, что они признавали посмертное существованіе человѣка, что они представляли его подобнымъ земному, что сравнительное посмертное благополучіе они ставили въ связь съ тѣмъ, какъ человѣкъ провелъ жизнь и съ тѣмъ, какъ другіе позаботились и отнеслись къ нему по смерти. Наконецъ, должно думать, финикіяне признавали возможность взаимообщенія между живыми и умершими. Обыкновенно подчеркиваютъ мрачный и жестокій культъ финикійскихъ жертвъ, но возможенъ ли такой культъ, еслибы въ основѣ его не лежали какія-либо свѣтлыя надежды? На полученіе какой награды расчитывалъ галлъ-евнухъ, лишивъ себя мужской силы? Какого счастія ждалъ для себя и сына человѣкъ, приносившій этого сына на алтарь Молоха? Уродуя себя, лишая себя потомства или даже возможности имѣть его, финикіянинъ, конечно, понималъ, что на землѣ онъ не получитъ достойнаго возмездія за свою жертву. Его должна была руководить мысль о наградѣ посмертной. Финикійскіе писатели называютъ въ ряду божествъ Прозерпину и Плутона (Мута). Это — названія божествъ ада, божествъ загробнаго міра. У финикіянъ были праздники воскресенія боговъ: праздникъ воскресенія Адо-

ниса, праздникъ воскресенія Геракла (послѣдній совершался при началѣ весны въ мѣсяцѣ Перитіи и повидимому съ этимъ празднованіемъ связана исторія Иліи въ 3 Царст. XVIII). Въ этихъ праздникахъ хотятъ видѣть лишь стихійный характеръ — побѣду весны надъ зимою, жизни надъ смертію, но на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ у финикіянъ, какъ и другихъ народовъ, явленія природы давали только возможность въ конкретной формѣ выразить нравственныя идеи: въ мірѣ существуетъ добро и зло, они борятся, между собою, временно можетъ побѣждать зло, но окончательное торжество принадлежитъ добру. Смерть, это—торжество зла, но послѣ смерти можетъ еще произойдти воскресеніе. Найдено много финикійскихъ гробовъ и найдены надгробныя надписи Табнита и Эшмуназара—царей сидонскихъ. Полагаютъ, что Табнитъ—отецъ Эшмуназара, и время Эшмуназара относятъ къ IV вѣку, разноглася относительно болѣе точнаго опредѣленія даты. Надпись Эшмуназара изучена тщательно (надпись Табнита имѣетъ подобное же содержаніе), но это изученіе дало лишь отрицательные результаты. Подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ египетскихъ надписяхъ, въ ней слышится глубокая скорбь по земной жизни и невидно никакихъ свѣтлыхъ ожиданій относительно будущаго. Надпись содержитъ въ себѣ обращеніе отъ лица Эшмуназара. „Я покоюсь въ этомъ каменномъ заключеніи, въ этой пещерѣ, въ этомъ саркофагѣ, который я построилъ. Я заклинаю всякаго человѣка царскаго или обыкновеннаго рода не открывать саркофага, чтобы искать въ немъ сокровищъ, въ немъ нѣтъ сокровищъ. (Я заклинаю) не разрушать каменнаго заключенія, въ которомъ находится мой саркофагъ, не тревожить у меня въ моемъ саркофагѣ сводчатой комнаты втораго саркофага“. Но повидимому тѣ, которые составляли надпись отъ имени царя, не были увѣрены, что достаточно заявленія покойника, что въ его гробѣ нѣтъ сокровищъ, для того, чтобы отнять у воровъ охоту самимъ провѣрить это заявленіе. Финикійскія раскопки новѣйшаго времени показываютъ, что эта неувѣренность имѣла для себя серьезныя основанія. Гроба большею частію оказываются разграбленными, но что любопытнѣе всего, что и сами они по крайней мѣрѣ—нѣкоторые оказываются воровскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ египетскаго происхожденія. Затѣмъ,

должно сказать, что на всѣхъ ихъ сказалось египетское вліяніе. Гробы антропоидны, т. е. имѣютъ видъ человѣка мумія—типъ египетскій. Заботясь о сохраненіи гроба Эшмуназара, устроившіе его гробъ устрашаютъ любителей разслѣдованій въ гробахъ слѣдующими словами. „Всякій человѣкъ, который откроетъ сводъ этого саркофага или который потревожитъ камеру моего саркофага или который потревожитъ меня въ моемъ саркофагѣ“ (надо полагать: будетъ жестоко наказанъ). Почти буквально тѣ же заклинанія повторяются въ послѣднихъ словахъ надписи, Эшмуназаръ призываетъ Ваала Сидонскаго, Астарту Шем-Ваала, лечителя Эшмуна и ихъ храмы во свидѣтели, что, кто потревожитъ его гробъ, тотъ самъ будетъ наказанъ за это кощунство, его дѣти погибнутъ и самъ онъ будетъ лишенъ мира въ своемъ послѣднемъ снѣ, такъ какъ не уважилъ покоя въ гробѣ другаго. Эшмуназаръ перечисляетъ въ своей надписи заслуги свое и передъ богами, шлетъ отчаянныя жалобы: жизнь моя преждевременно отнята у меня, величію моему насталъ конецъ, и вотъ я достойный лишь скорби лежу мертвымъ. Хотя надпись Эшмуназара относится къ IV вѣку, но нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что Эшмуназаръ погребенъ по обычаю своихъ предковъ и что на его гробѣ можно видѣть обычаи, державшіеся столѣтія. Финикійскіе гробы находятъ теперь не только въ Финикіи, но и во многихъ мѣстахъ европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ побережій. Проводившіе жизнь въ странствованіяхъ финикіяне, понятно, не рѣдко умирали далеко отъ дома. Понятно, что въ дали отъ родины финикіянамъ приходилось измѣнять архитектуру гробовыхъ построекъ и приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, но основнымъ типомъ погребальныхъ жилищъ у финикіянъ вообще былъ такой: покойнику приготовляли пещеру, каменный саркофагъ и деревянные гроба. Устраивались фамильныя пещеры, ставились памятники. Съ покойникомъ ставили и клали предметы, нужные ему въ обычной жизни, полагали драгоцѣнности, амулеты, вазы съ благовоніями, бѣлье, посуду. Полагаютъ, что клали пищу, но прямыхъ указаній этого не найдено. Этотъ способъ погребенія указываетъ, что финикіяне, какъ и египтяне, представляли себѣ, что въ загробномъ существованіи человѣку нужны тѣ же предметы, которые нужны ему на землѣ. Та

настойчивая заботливость о сохраненіи гроба, которая слышится въ надписи Эшмуназара, заставляетъ предполагать, что это сохраненіе ставилось въ связь съ посмертнымъ благополучіемъ покойника. Египетскія представленія могутъ послужить въ данномъ случаѣ комментаріемъ къ финикійскимъ обычаямъ. Готовность приносить богамъ тяжкія и страшныя жертвы тоже, очевидно, предполагаетъ собою надежду на загробную расплату.

Представляя себѣ загробную жизнь подобную земной, финикіяне — полагаютъ — думали, что между тѣмъ и настоящимъ міромъ возможно общеніе на землѣ, что живые могутъ тревожить тѣни усопшихъ и могутъ пользоваться ихъ указаніями для своихъ выгодъ. Это предположеніе относительно финикіянъ основывается отчасти на аналогіяхъ и главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ запрещеніяхъ библіи, относительно которыхъ заключаютъ, что они были направлены противъ финикійскихъ обычаевъ. Въ XIX, 31 Левит. повелѣваетъ: „не обращайтесь къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ не ходите“. То же самое повелѣніе повторяется въ XX, 6 ст. причемъ оно поставляется въ связь съ запрещеніемъ служить Молоху и слѣдовать оргіастическимъ культамъ (ст. 6 и предыдущіе). Во второзаконіи XVIII, 11 опять повторяется запрещеніе обращаться къ вопрошающимъ мертвыхъ, ему предшествуетъ здѣсь запрещеніе имѣть въ своей средѣ проводящихъ дѣтей своихъ чрезъ огонь. Галеви обратилъ вниманіе на XXVI, 14 ст. второзаконія: „я не ѣлъ отъ нея (святыни, имѣвшейся въ моемъ домѣ) въ печали моей, и не отдѣлялъ ея въ нечистотѣ, и не давалъ изъ нея для мертваго“. Подъ святынею здѣсь разумѣлась десятина отъ начатковъ, которая въ третій годъ отдавалася левиту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ (12). Слова „не давалъ изъ нея для мертваго“ ясно указываютъ на существованіе обычая дѣлать приношенія пищи мертвецамъ. Изъ текста и контекста нельзя заключать съ необходимостію, что въ данномъ мѣстѣ имѣется въ виду финикійскій обычай. Группа изслѣдователей раціоналистическаго направленія приходитъ къ этому утвержденію своеобразнымъ путемъ. Второзаконіе, говорятъ, написано при послѣднихъ царяхъ Іудеи, тогда представители закона вели упорную борьбу съ языческими и въ частности—пожалуй, даже преимуществен-

нымъ образомъ—финикійскими обычаями, отсюда, естественно заключеніе, что и данное запрещеніе направляется противъ финикійскаго обряда. Но когда поднимается вопросъ о времени происхожденія второзаконія, данный текстъ вмѣстѣ съ другими, какъ направляющійся противъ финикіянъ, является указаніемъ на седьмой вѣкъ даже послѣднюю четверть этого вѣка. Не всѣмъ подобная аргументація покажется убѣдительной. Здѣсь есть нѣчто близкое (не говоримъ совершенно тождественное) къ тому, что называется логическимъ кругомъ и здѣсь упускается изъ виду, что финикійскія колоніи существовали въ Палестинѣ въ эпоху Моисея и Іисуса Навина, что Саулъ началъ свое царствованіе съ преслѣдованія вызывателей мертвыхъ, а кончилъ тѣмъ, что самъ обратился къ одной изъ такихъ вызывательницъ (1 Цар. XXVIII). Вызываніе мертвыхъ естественно предположить связаннымъ съ приношеніемъ мертвымъ. Послѣднія книги царствъ, вообще документы VIII—VII в.в. не говорятъ о подобныхъ вызываніяхъ. Нѣтъ указаній, чтобы они въ эту эпоху происходили у финикіянъ. Финикійская религія связана съ египетскою. Представленія о загробномъ мірѣ, отвѣчающія обычаю вызывать усопшихъ, и здѣсь отходятъ въ далекое прошлое. Тоже должно полагать и о Халдеѣ. Конечно, въ низшихъ слояхъ населенія могли держаться какія угодно воззрѣнія, но въ слояхъ болѣе развитыхъ культурно некромантія должна отступать на задній планъ. Въ эпоху Моисея и Іисуса Навина многовызывателей усопшихъ должно было существовать въ Нильской долинѣ, на Синайскомъ полуостровѣ, въ передней Азіи, но 900—800 лѣтъ спустя число ихъ должно было значительно уменьшиться. Конечно, не въ эту позднюю пору долженъ былъ явиться законъ, преслѣдующій это вызываніе, законъ который за много столѣтій ранѣе пытался такъ ревностно осуществить Саулъ.

Религію называютъ санкціонированной моралью. Какую же мораль санкціонировала религія финикіянъ? Недобрую память сохранили по себѣ финикіяне по южнымъ побережьямъ Европы и Малой Азіи. Геродотъ свою исторію начинаетъ съ повѣствованія о вѣроломномъ и безчестномъ похищеніи Іо финикіянами, греки считали ихъ жадными и безжалостными обманщиками, въ произведеніяхъ римлянъ fides punica, пред-

ставляется какъ крайняя степень вѣроломства. Однако, если обратиться къ религіи финикіянъ, то здѣсь за образами жестокихъ и чувственныхъ боговъ можно найдти благородныя и возвышенныя идеи. Божество Сидикъ или Седекъ (Мельхиседекъ-царь правды), т. е. справедливость, правда, было отцомъ Кабировъ. Финикійская космогонія знаетъ божество любви. Финикійскій культъ признаетъ право на существованіе за безмѣрною скорбью. Горе и скорбь вслѣдствіе смерти Адониса, несомнѣнно имѣютъ въ себѣ этическую основу. Жертвы и самопожертвованіе свидѣтельствуютъ также о могучемъ нравственномъ духѣ. Историки крайне неблагопріятствующіе финикіянамъ свидѣтельствуютъ намъ о нихъ, что они были трудолюбивы, предпріимчивы, смѣлы. Но и нравственное пониманіе и добрыя качества духа стушевываются и меркнутъ предъ темными сторонами ихъ характера. Финикіяне были купцами. Страсть, овладѣвающая купцами извѣстна. Это-корыстолюбіе. Оно ужасно тѣмъ, что помѣрѣ того, какъ развивается, заглушаетъ всѣ благородныя и добрыя качества сердца. И въ современной торговлѣ обманъ играетъ крупную роль, въ древнемъ мірѣ обманъ былъ существеннымъ рычагомъ торговли. Кромѣ обмана для удовлетворенія корыстолюбія требуется безжалостность. Если будешь жалѣть бѣдныхъ, упускать случай овладѣть чужимъ, не наживешь много. Такъ думаютъ многіе въ настоящее время, въ древности такъ думали почти всѣ. Корыстолюбіе развиваетъ жестокость. Въ началѣ европейцы были гораздо менѣе культурны, чѣмъ финикіяне. Послѣдніе и обманывали ихъ самымъ жестокимъ и безсовѣстнымъ образомъ. Но ихъ нравственное огрубѣніе само въ себѣ заключало для нихъ кару. По своему образу они стали истолковывать своихъ боговъ. Корыстолюбіе, безжалостность и жестокость они приписали и имъ. Жестокіе, какъ купцы, финикіяне въ тоже время любили роскошь и чувственность, какъ люди востока, какъ семиты. И эти черты перенеслись на боговъ. Такъ, финикіяне сами надъ собой создали жестокихъ тирановъ, которымъ и приносили мучительныя и тяжкія жертвы. Это—въ эпоху могущества и блеска Финикіи и финикійскихъ колоній. Но исторія показываетъ намъ, что надъ ними былъ совершенъ и иной высшій нравственный судъ. Они, какъ корыстолюбивые купцы, стремились

отнять все у другихъ и кончили тѣмъ, что погибли, отдавъ все другимъ. Они передали культуру европейскимъ народамъ, а европейскіе народы уничтожили ихъ.

Финикіяне были близки съ евреями. Пытаются утвердить между ними и фактъ религіозной близости. Говорятъ, что вѣрованія евреевъ въ первое время поселенія ихъ въ Палестинѣ, не отличались отъ финикійскихъ, и что только впослѣдствіи возникло и развилось ихъ религіозное раздѣленіе. Финикіяне, сосредоточивъ всѣ свои духовныя силы на торговыхъ интересахъ, не пошли впередъ въ религіозномъ развитіи, у евреевъ напротивъ имѣла мѣсто быстрая религіозная эволюція, закончившаяся утвержденіемъ чистаго монотеизма. Въ этой теоріи истина тѣсно переплетена съ заблужденіемъ. Поэтому, кто отвергаетъ ее всецѣло, тотъ самъ впадаетъ въ заблужденіе, но кто принимаетъ ее всецѣло, тотъ принимаетъ чисто раціоналистическое воззрѣніе. Въ этой теоріи должно разобраться. Для этой цѣли должно установить различіе между прогрессомъ культурнымъ и прогрессомъ религіозно-нравственнымъ и затѣмъ между судьбами Откровенія и судьбами еврейскаго народа. Культурное развитіе на пространствѣ вѣковъ имѣло мѣсто у финикіянъ. Страбонъ называетъ какого-то древняго финикійскаго философа Моха будто бы основателя атомизма. Въ Карѳагенѣ извѣстенъ географъ Магонъ, несомнѣнно тамъ были историки, былъ тамъ философъ Аструбалъ Клитомахъ. Эти имена дошли до насъ, но несомнѣнно тамъ существовали и многіе иные, имена которыхъ погибли. Однако вмѣстѣ съ этимъ культурнымъ развитіемъ не шло параллельно религіозное развитіе. Тиле, сторонникъ изложеннаго раціоналистическаго взгляда на судьбы финикійской и еврейской религіи, сознается, что древніе финикійскіе культы были менѣе жестоки и суровы, чѣмъ культы позднѣйшіе. Такъ, на самомъ дѣлѣ онъ констатируетъ у финикіянъ не фактъ религіозной неподвижности, а фактъ религіознаго регресса. Съ другой стороны, кто бы и чтобы ни говорилъ, ученіе о единомъ Богѣ-всемогущемъ творцѣ и промыслителѣ было у евреевъ въ эпоху Моисея, но оно въ своей полной ясности и опредѣленности было воспринято далеко сознаніемъ не всѣхъ евреевъ. Отсюда не мало евреевъ увлекалось финикійскими обычаями и несомнѣнно, что въ первое время по

переселеніи евреевъ въ Палестину такихъ увлекающихся было гораздо больше, чѣмъ въ іудейскомъ царствѣ въ предплѣнное время. Человѣческая слабость могла толкнуть Соломона (3 Цар. XI, 5) или Іуду (Быт. XXXVIII, 15—17) на путь порочныхъ культовъ, суевѣрное корыстолюбіе могло пожертвовать даже сыномъ въ пользу божества покровительствующаго торговлѣ, но рядомъ съ этими слабостями и страстями существовало сознаніе истинной правды (Быт. XXXVIII, 26; 3 Цар. VIII, 23—53). Это сознаніе постепенно глубже и сильнѣе вкоренялось въ евреяхъ, и въ эпоху вавилонскаго плѣна богосознаніе народа возвысилось до того, что исключило возможность слѣдовать нечистымъ-чувственнымъ и жестокимъ языческимъ культамъ.

Говорятъ, что евреи въ средніе вѣка были такими же безжалостными и нестѣсняющимися правдой торгашами, какими были финикіяне въ древности. Только условія складывались не всегда благопріятно для евреевъ. Противъ нихъ поднималось раздраженіе и негодованіе массъ. Въ средніе вѣка это происходило особенно часто, но это имѣло мѣсто уже и въ древности, было и во дни Клавдія въ Римѣ, бываетъ это и въ настоящіе дни. И теперь при этомъ не хотятъ часто видѣть, что дали хорошаго евреи, и въ прошедшемъ упускаютъ изъ вида, что дали финикіяне. Евреи дали міру нравственную правду, финикіяне дали культуру. Кто знаетъ, сколько вѣковъ понадобилось бы грекамъ для того, чтобы путемъ собственной самостоятельности подняться до эпохи Перикла? Имъ въ ихъ первыхъ шагахъ помогли финикіяне. Но на финикійскихъ корабляхъ бывали и евреи, бывали, конечно, и евреизированные финикіяне. Если для всѣхъ такіе корабли привозили культуру и произведенія культуры, то для отдѣльныхъ—наиболѣе чуткихъ нравственныхъ личностей — названныя лица произвели религіозно-нравственную правду. Это былъ одинъ изъ путей, которымъ сѣмена нравственной правды разсѣевались по міру. Нѣкоторые апологеты древности представляли себѣ, что изъ этихъ сѣмянъ развились сравнительно возвышенныя идеи о божествѣ въ классической философіи. Такое представленіе не можетъ быть правильнымъ. Философія можетъ приготовить почву для принятія религіи, въ нѣкоторой мѣрѣ такое значеніе имѣла и классическая философія, но рели-

гія, если она выраждается въ философію, погибаетъ. Дѣйствительная религія есть практика жизни. Она есть то, во что вѣруетъ сердце и что исповѣдуется словами и дѣломъ. Древніе семиты не были склонны къ философіи, но они были сильны въ религіозной практикѣ. Съ различными формами ея знакомили финикіяне древнихъ обитателей побережья Средиземнаго моря, и въ ряду этихъ религіозныхъ формъ жизни должны были быть и еврейскія.

5. РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ СИРІЙЦЕВЪ И АРАБОВЪ [1].

Культурное и религіозное развитіе древней Греціи не можетъ быть выяснено и истолковано во всемъ своемъ объемѣ изъ особенностей арійскихъ племенъ и мѣстныхъ географическихъ условій. На культурѣ Эллады оставили свой сильный отпечатокъ культуры Египта, Финикіи, хеттеевъ и ассиро-вавилонянъ. Чтобы понять религію Греціи, нужно понять религіи этихъ народовъ. Но чтобы вполнѣ понять религіи этихъ народовъ, нужно изучать не только ихъ—каждый особенно и всѣ во взаимоотношеніяхъ,—но должно изучать и ту историческую и этнографическую среду, въ которой протекало ихъ развитіе. Въ египетскомъ пантеонѣ отыскиваютъ боговъ Сомали, наприм., Беса, и черезъ Египетъ этотъ богъ оказывается переданнымъ Финикіи. Тѣмъ болѣе въ пантеоны и культы древнихъ культурныхъ народовъ должны были проникать вѣрованія и обычаи родственныхъ имъ, но менѣе ихъ культурныхъ сосѣдей. Вѣдь не только люди болѣе образованные вліяютъ на менѣе образованныхъ, но всегда происходитъ еще и обратное вліяніе. Въ рели-

---

[1] *Литература.* Сирійскія вѣрованія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ религіями хеттейской и финикійской, поэтому пособіями для изученія сирійскихъ культовъ являются тѣ же изслѣдованія, которыя нужны для изученія хеттейской и финикійской религій. Для изученія языческой Аравіи кромѣ общихъ источниковъ и пособій по семитическимъ религіямъ въ настоящее время имѣется много и переводныхъ надписей и изслѣдованій. Crell-Uber die Religion der vorislamitischen Araber, Osieander-Studien über die vorislamische Religion der Araber, Wellgausen-Reste arabischen Heidenthums, Berger-L' Arabie avant Mahomet, d'apres les inscriptions, Derenbourg-Etudes sur l'épigraphie du Yemen, Halevy-Inscriptions du Safa; Хвольсонъ-Die Ssabier und Ssabismus.

гіозной области такое вліяніе снизу вверхъ, а не сверху внизъ сказывается еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Черты арамейскаго бога Барку или Бирку ассирійцы перенесли на своего бога Раммона, хотя ассирійцы въ культурномъ отношеніи стояли гораздо выше арамейцевъ, которымъ по нѣкоторому недоразумѣнію было усвоено въ искаженіи имя ассирійцевъ, ихъ назвали сирійцами и страну ихъ Сиріей. Хеттеяне не были семитами, однако ихъ религія, поскольку она выяснилась въ настоящее время, является чисто семитическою. Культурные народы передней Азіи жили около и среди семитическихъ племенъ, и между ними была тѣсная религіозная близость. Малокультурныя сирійскія и некультурныя арабскія племена были тою средою, чрезъ которую или на которой и сталкивались и вели мирныя сношенія Ассиро-вавилонія съ Египтомъ, Финикіею, хеттеями. Вотъ, почему обозрѣніе вѣрованій сирійскихъ и арабскихъ племенъ является существенно важнымъ при изученіи религій культурныхъ народовъ древняго востока.

Подъ Сиріей, носившей въ древности имя Арама, разумѣлась область ограниченная съ востока—Евфратомъ, съ юга-аравійской пустыней, съ запада-Палестиной и Финикіей, съ сѣвера-ливанскими горами, гдѣ находилась область хеттеевъ (теперь предѣлы Сиріи расширены). Границы эти не оставались неизмѣнными, въ счастливыя времена онѣ расширялись, въ несчастныя сирійцевъ тѣснили съ сѣвера хетеи, съ запада евреи, съ востока ассиріяне. Въ Сиріи обитало много племенъ, которыя были независимы одно отъ другого и представляли—каждое—самостоятельное царство. Когда кончились цвѣтущія времена еврейскаго царства, и ослабѣли царства іудейское и израильское, тогда возвысилось царство Дамасское при преемникахъ дамасскаго царя Рецина. Но слава Дамасскаго царства не могла быть продолжительной. Сирія была проходною дорогою для войскъ великихъ монархій. Лишь только она стала расширяться по направленію къ западу и почувствовала себя свободнѣе на сѣверѣ вслѣдствіе ослабленія царства хеттеевъ, черезъ нее по направленію къ тому же западу двинулись полчища усилившейся Ассиріи. Затѣмъ поднялся Вавилонъ, затѣмъ явились персы, затѣмъ греки. За три столѣтія до Р. Х. область Арама превратилась собственно въ сирійское царство.

Арамъ былъ тѣсною родственною связью связанъ съ евреями, и отецъ еврейскаго народа Іаковъ называется въ Библіи странствующимъ арамеяниномъ (Второзакон. XXVI, 5). Исторія Іакова и Лавана раскрываетъ намъ эту родственную близость, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на громадное ихъ религіозно-нравственное различіе, при семъ, какъ показываетъ Библія, вліяніе Арама на израильтянъ было далеко неблагодѣтельнымъ (Быт. XXXI, 34—35). Религіозныя возрѣнія въ Сиріи были по существу тѣми же, какія держались на востокѣ въ Ассиріи и Вавилоніи и на западѣ въ Финикіи. Признавалось и почиталось въ Сиріи общесемитическое божество Элъ, Илю и его женская форма Илатъ. Повидимому преимущественно это божество почиталось въ южной Сиріи, гдѣ это имя употреблялось предпочительно для обозначенія высшаго Божества. Находятъ это имя во многихъ арамейскихъ именахъ и позднѣе у набатеевъ. За имѣющимъ неопредѣленныя и неясныя очертанія Илю слѣдовали имѣвшія гораздо болѣе конкретныя формы Адоны, Ваалы, Мелеки. Слово Адонъ встрѣчается очень часто въ именахъ хананейскихъ царей (Іис. Нав. X, 1 Суд. 1, 5—7). Почитался Ваалъ съ разными опредѣленіями, наприм., Ваалъ Ермонъ (Суд. II, 1, 3; 1 Паралип. V, 23). Библія часто называетъ Молоха, какъ главное божество аммонитянъ. Тѣ, которые разсматриваютъ Молоха, какъ имя класса, полагаютъ, что за названіемъ Молоха у аммонитянъ скрывалось божество Аммона или Аммана. Эта догадка не колеблется, если подъ Молохомъ разумѣть индивидуальное божество. Божествомъ аморреевъ, моавитянъ въ Библіи обыкновенно называется Хамосъ, а божество аммонитянъ Молохомъ (Суд. XI, 24; Числ. XXI, 29; 3 Царств. XI, 7; 4 Цар. XXIII, 13). Указываютъ на то, что *Μολχόμ* по переводу LXX равняется *ὁ βασιλεὺς αὐτῶν* (см. по еврейскому и греческ. тексту 2 Цар. XII, 30; 1 Паралип. XX, 2). Но дѣло въ томъ, что и на землѣ у сирійцевъ — у каждаго самостоятельнаго племени — былъ одинъ царь, который правилъ пожизненно, одного постояннаго царя естественно имъ было мыслить для себя и на небѣ, поэтому подъ Молохомъ или Милхомомъ аммонитяне мыслили всегда одинъ опредѣленный образъ. Можетъ быть этотъ богъ носилъ еще имя Аммона или Аммана. Почитался среди сирійцевъ, какъ и у финикіянъ и у египтянъ, Решефъ,

почитался Шамасъ, хотя и другимъ нѣкоторымъ божествамъ усвоялись черты солнечнаго бога. Особенное положеніе въ арамейскомъ пантеонѣ занимали Ададъ или Хадаръ и вмѣстѣ съ нимъ Риммонъ. Это наиболѣе почитавшіяся божества Дамаска. Имя Адада, по свидѣтельству Николая Дамасскаго, заключалось въ именахъ десяти дамасскихъ царей и имя Риммова (см. 3 Цар. XV, 18; о Риммонѣ см. еще 4 Цар. V, 18). Ададъ и Риммонъ сливались въ одинъ образъ и должно полагать, что съ именемъ Гададриммона у сирійцевъ былъ связанъ миѳъ и праздникъ такой же, какой у финикіянъ связывался съ именемъ Адониса. На это указываетъ пророкъ Захарія, когда сравниваетъ плачь имѣющій быть въ Іерусалимѣ съ плачемъ Гададриммона въ долинѣ магеддонской (XII, 11). Почитался въ Сиріи и Дагонъ. Позднѣйшая исторія представляетъ намъ его божествомъ филистимскимъ (1 Цар. V.), но какъ имѣются свидѣтельства о томъ, что онъ почитался въ Финикіи, такъ существуютъ указанія и на то, что онъ былъ почитаемъ хананейскими племенами, можетъ быть даже въ эпоху, когда филистимляне еще не вторгнулись въ Палестину. Въ Палестинѣ были города, въ составъ которыхъ входило имя Дагона (Іис. Нав. XV, 41; XIX, 27). Въ тель-эль-амарнской перепискѣ упоминается Дагантакала: по всему вѣроятію Дагонъ почитавшійся въ Сиріи былъ по своимъ свойствамъ подобенъ Еа (Оаннесу) богу—рыбѣ Халдеи. Былъ въ Арамеѣ богъ молніи Барку или Бирку весьма похожій на халдейскаго бога бурь Раммана, хотя съ другой стороны между Раммановъ и Риммономъ существовало не только звуковое сходство. Въ нихъ видятъ одно божество, произношеніе имени котораго и свойства измѣнились съ теченіемъ времени у различныхъ народовъ.

Рядомъ съ мужскими стояли женскія божества. Была Ваалтъ-Гевалъ. Была Милькатъ. Почиталась Астарта съ различными поднаименованіями. Была Астаретъ Наамахъ (Дамасцій называетъ божество *Ἀστρονόη*, Моверсъ полагаетъ, что справедливѣе читать *Ἀστρονόμη*, имѣя въ виду семитическую основу). Была Аштероѳъ Карнаимъ. Она изображалась повидимому въ видѣ египетской Гаторъ. Изображеніе ея хотятъ видѣть въ каменномъ памятникѣ, находящемся въ Харранѣ и называющемся у арабовъ камень Іова (она изобра-

жалась, съ рогами, имѣвшими видъ молодой луны). Богиня оргіастическаго культа нерѣдко именовалась Кадшу. Были божества Атаргатисъ, Деркето. Деркето въ женскомъ образѣ представляла собою то, что Дагонъ въ мужскомъ. Была богиня Гадъ-божество судьбы, фортуны (Ис. XXV, 11; это имя входило въ географическія названія Іис. Нав. XI, 17; XV, 37). Почиталась богиня Анатъ, иначе называвшаяся Анаити, Анити. Это имя также встрѣчается нерѣдко въ библейскихъ книгахъ (Іис, Нав. XV, 59; XIX, 38; XXI, 18; Суд. I, 33; 3 Цар. II, 26; Іерем. I, 1; XXIX, 27), встрѣчается оно (карт-Анити) и на египетскихъ памятникахъ. Была богина Азити. Есть выраженіе: Азити-іакхуру, что переводятъ предположительно: Азити воспламеняется отъ гнѣва. Ей повидимому приписывался воинственный и жестокій характеръ. За богами въ іерархическомъ порядкѣ, какъ и въ халдейской религіи, слѣдовалъ безчисленный циклъ духовъ. Трудно рѣшить — къ классу божествъ или духовъ должно быть отнесено Лилитъ-загадочный образъ о которомъ говоритъ пророкъ Исаія (XXXIV, 14 по еврейскому тексту לִלִית — по русски переведено—ночное привидѣніе). Проявленіе вышечеловѣческой силы божествъ и духовъ видѣли въ нижечеловѣческихъ существахъ и просто неодушевленныхъ предметахъ. Были священныя животныя, птицы, рыбы, растенія. У Плинія въ его естественной исторіи (XXXVII, 71) есть свидѣтельство, что въ Сиріи нѣкоторыя геммы почитались, какъ почки, глаза, пальцы бога Адада. Отсюда дѣлаютъ выводъ (Галеви), что въ Сиріи вообще почитали бога Адада подъ формою камней, которые поражали своимъ сходствомъ съ нѣкоторыми частями человѣческаго тѣла. Камни конической формы сначала были символами божественнаго образа, затѣмъ они стали подвергаться болѣе совершенной обдѣлкѣ и превратились въ идоловъ. Были у арамейцевъ терафимы—какія то небольшія изображенія боговъ (Быт. XXXI, 19 и слѣд. впослѣдствіи видимъ у евреевъ были терафимы повидимому по размѣру подходившіе къ людямъ I Цар. XIX, 13) Сабеизмъ, т. е. почитаніе свѣтилъ было развито значительно въ Сиріи, хотя и менѣе, чѣмъ въ Халдеѣ. Полагаютъ, что въ Сиріи каждая область считала себя находящеюся подъ покровительствомъ того или другаго изъ задіакальныхъ созвѣздій. Почиталось въ Сиріи божество Марна, считавшееся у фи-

листимлянъ покровительствующимъ Газѣ. Это было божество планеты Юпитера. Въ честь этого божества устраивались въ опредѣленное время игры и бѣга колесницъ. При Антіохѣ Епифанѣ получилъ распространеніе культъ Моазина, полагаютъ, римскаго Марса, но этотъ культъ, должно полагать, потому и встрѣтилъ себѣ сочувствіе, что планета Марсъ пользовалась большимъ почитаніемъ уже ранѣе. Красный цвѣтъ Марса имѣлъ особенное мистическое значеніе. Это былъ цвѣтъ пустыни, цвѣтъ Сета-Тифона въ Египтѣ, цвѣтъ грѣха и зла.

Въ сирійскихъ областяхъ имѣлись жрецы всѣхъ тѣхъ типовъ, какіе были въ Финикіи и у халдеевъ. Верховные жрецы, жрецы совершители обрядовъ, спеціализировавшіеся на тѣхъ или иныхъ подробностяхъ религіознаго ритуала, галлы, галлы—евнухи, пѣвцы, музыканты, жрицы различныхъ профессій, въ числѣ которыхъ были и религіозныя танцовщицы и кедеши, были и пророки и пророчицы (Аодъ выдалъ себя за моавитскаго пророка Суд. III, 16—22), и волшебники и волшебницы (I Цар. XXVIII, 7). Храмы Сиріи, должно быть, были многочисленны. Храмъ Мабога (Гіераполиса), описанный Лукіаномъ, позволительно думать, былъ хеттейскимъ. Можетъ быть наиболѣе замѣчательнымъ изъ сирійскихъ храмовъ былъ дамасскій въ честь Риммона (4 Цар. V, 18). Вѣроятно при этомъ храмѣ былъ жертвенникъ, который такъ плѣнилъ своею красотою іудейскаго царя Ахаза и по образцу котораго онъ поставилъ жертвенникъ въ Іерусалимѣ (4 Цар. XVI, 10—14). Можетъ быть въ областяхъ Сиріи храмы служили иногда и крѣпостями (см. исторію Авимелеха. Суд. IX, особенно 46 и слѣд. Размѣры храма Дагона въ Газѣ тоже подтверждаютъ это. Суд. XVI, 23 и слѣд. особенно 27 и 30). Кромѣ храмовъ въ Сиріи былъ обычай воздвигать въ религіозныхъ цѣляхъ памятники. Ставились памятники въ видѣ простыхъ столбовъ или съ капителями (стелы) въ память событій, счастливый исходъ которыхъ приписывался божественной помощи. Ставились надгробные памятники, они назывались нефешъ. Такъ называли ихъ и евреи (Быт. XXXV, 10 по еврейск. тексту), Нефешъ значитъ жизнь, дыханіе, душа. Понятно, что наименованіе надгробнаго памятника душою обусловливается цѣлою системою вѣрованій въ загробное существованіи души. Жертвы сирійцы приносили тѣже,

какія вообще приносили сѣверные семиты. Кровавыя жертвы были распространены. Иногда, полагаютъ, приносили богамъ въ жертву всѣхъ дѣтей, на которыхъ указывали боги. Въ 4 Царств. III читаемъ о Месѣ, царѣ моавитскомъ, что онъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда израильтяне одолѣвали его, взялъ „сына своего первенца, которому слѣдовало царствовать вмѣсто него и вознесъ его во всесожженіе на стѣнѣ“ (27). Въ 1869 г. открытъ памятникъ („камень спасенія“), который Меса воздвигнулъ Хамосу за свое избавленіе изъ рукъ израильтянъ. Обращаютъ вниманіе на то, что Меса въ своемъ памятникѣ не говоритъ о принесеніи имъ въ жертву сына. Объясняютъ это различнымъ образомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что найденъ камень не весь, что нижней половины у него не хватаетъ (двѣ послѣднія строчки и на найденномъ камнѣ неразобраны) другіе склонны заподозрить точность библейскаго извѣствованія [1]). Трудно объяснить

---

[1]) Примѣчаніе. Вотъ переводъ надписи Месы. Я Меса, сынъ Хамоса Гада, царь Моава, дибонитянинъ (см. у Исаіи XV 9). Мой отецъ управлялъ Моавомъ въ теченіе тридцати лѣтъ, и я правилъ послѣ моего отца. И я воздвигъ этотъ камень Хамосу въ Кирхѣ, (ср. I Цар. VII, 12) спасенія, поелику онъ спасъ меня отъ всѣхъ грабителей и далъ мнѣ видѣть радость мою надъ всѣми врагами моими, даже надъ Амвріемъ, царемъ израильскимъ. Они угнетали моавитянъ многіе дни, поелику Хамосъ гнѣвался на свою страну. Его сынъ наслѣдовалъ ему, и онъ такъ же сказалъ: я буду угнетать Моава. Въ мои дни (Хамосъ) сказалъ: идите, (ср. I Цар. XXIII, 2) и я увижу радость мою въ немъ и въ домѣ моемъ и я навѣки сокрушу израиля. Амврій взялъ страну Мебеда, и (врагъ) владѣлъ ею сорокъ лѣтъ (въ его дни и въ) дни его сына. И Хамосъ (сжалился) надъ нимъ въ мои дни. И я укрѣпилъ Ваалъ-Меонъ и построилъ въ немъ цистерну и я укрѣпилъ Киріаѳаимъ. Тогда люди Гада жили въ странѣ (Атар)ота издревле, и царь израиль (скій) укрѣпилъ Атаротъ и я приступилъ къ городу и взялъ его и убилъ всѣхъ воиновъ города для удовлетворенія Хамоса и Моава и я взялъ всю добычу и (принесъ ее въ жертву) предъ Хамосомъ въ Киріатѣ. И я выселилъ мужей изъ Сирана и мужей изъ Махрата. И Хамосъ сказалъ мнѣ: иди возьми Небо (Исх. XV—XVI) противъ израиля. И я пошелъ ночью и сражался противъ нихъ отъ разсвѣта до полудня и я взялъ ихъ и перебилъ вмѣстѣ семь тысячъ (мужей, но я не перебилъ) женъ и дѣвицъ, поелику (я) посвятилъ ихъ Астартѣ—Хамосу, и я взялъ у нихъ сосуды Іеговы и принесъ ихъ предъ Хамосомъ. И царь израильскій укрѣпилъ Яхацъ и сидѣлъ въ немъ, когда онъ велъ войну противъ меня. И Хамосъ погналъ его предо (мною), и я взялъ двѣсти моавитскихъ мужей со всѣмъ ихъ ору-

это. Можетъ быть сирійцы, финикіяне, карѳагеняне, въ минуты ужаса рѣшавшіеся на закланіе собственныхъ дѣтей, потомъ находили тяжелымъ самое воспоминаніе объ этой ужасной жертвѣ. На массилійской таблицѣ тарифовъ, гдѣ говорится подробно о самыхъ различныхъ жертвахъ, нѣтъ рѣчи о жертвахъ человѣческихъ. Ничего не говорится о нихъ и на карѳагенской надписи. Отчаяніе могло подвинуть Месу на то, чтобы поднять руку на собственнаго сына. Писатель четвертой книги Царствъ сообщаетъ, что страшное всесоженіе Месы вызвало большое негодованіе у израильтянъ, и они отступили отъ осаждавшагося ими Кир-Харешета. Въ концѣ концовъ, какъ показываетъ памятникъ Месы, Меса избавился отъ всѣхъ страховъ и опасностей. Отчаяніе должно было смѣниться радостью. Но потеря сына и даже воспоминаніе объ этой потерѣ должно было омрачать радость. Радость была дарована Хамосомъ за ужасную цѣну. Не только нравственный тактъ, но и простой здравый смыслъ побудилъ Месу умолчать объ этой цѣнѣ. На подобныхъ побѣдныхъ колоннахъ не говорятъ о траурѣ вдовъ, смертью дѣтей которыхъ куплена побѣда. Принесеніе богу въ жертву сына заставляетъ предполагать въ богѣ глубокую жестокость. Но богъ за полученную жертву даровалъ побѣду. Достаточно поблагодарить бога за побѣду, не напоминая ему о той цѣнѣ, которую онъ за нее взялъ. Въ ряду другихъ жертвъ въ сирійскомъ культѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе жертва

жіемъ, и привелъ ихъ къ Іаадѣ и занялъ ее, чтобы соединиться съ Дибоной. Я построилъ Кирху, лѣсныя стѣны и стѣны города, и построилъ ворота, и построилъ башню, и я построилъ дворецъ и я сдѣлалъ тюрьму для преступниковъ внутри стѣнъ. И не было никакой цистерны въ стѣнахъ Кирхи, и я сказалъ всему народу: сдѣлайте, каждый мужъ для себя цистерну въ своемъ домѣ. И я приказалъ, чтобы копали каналъ для Кирхи плѣнные мужи Израиля. Я построилъ Ароеръ и я провелъ дорогу черезъ Арнонъ. Я построилъ Бет-бамотъ, поелику онъ былъ разрушенъ, я построилъ Бецеръ, такъ какъ онъ былъ сокрушенъ мужами Дибоны, поелику вся Дибона была вѣрна мнѣ. И господствовалъ отъ Бикрана, который я присоединилъ къ моей странѣ, и я построилъ (Бетъ-гамулъ) и Бетъ-диблатаимъ и Бетъ-Ваалъ-меонъ, и я разселилъ тамъ бѣдныхъ (людей) страны. И что касается Хоронаима, (мужи Эдама) жили тамъ (издревле). И Хамосъ сказалъ мнѣ: иди, воюй противъ Хоронаима и возьми (его, и я приступилъ къ нему и взялъ его и) Хамосъ въ мои дни. Оттого сдѣлалъ я.....годъ.....и я.....

рыжаго осла или рыжаго тельца. Въ постановленіяхъ ветхаго завѣта повелѣвается все перворожденное приносить въ жертву, первенца человѣческаго выкупать, а первородное изъ ословъ замѣнять агнцемъ или выкупать его (Исх. XII, 13; XXXIV, 20). Здѣсь оселъ какъ бы выдѣляется изъ среды животныхъ и приближается или даже уравнивается съ человѣкомъ. Кажется это можно объяснить такъ. Оселъ приносился въ жертву темнымъ божествамъ — Сету-Тифону. Жертва темнымъ силамъ запрещается евреямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещается и вообще употреблять въ жертву животное, которое обыкновенно приносилось этимъ силамъ, чтобы первое не навело на мысль о послѣднихъ. На мѣсто жертвъ нечистымъ силамъ въ ветхомъ завѣтѣ поставляется жертва, очищающая отъ нечистоты. Это—жертва рыжей телицы, пепелъ которой долженъ былъ служить очищающимъ средствомъ (Числ. XIX). Восточные сосѣды еврейскаго народа не знали ничего болѣе цѣннаго и потому болѣе пріятнаго для боговъ, чѣмъ кровь (въ крови—душа), и поэтому они приносили богамъ въ жертву самую дорогую кровь человѣческую; по соображеніямъ разнаго рода они пришли къ заключеніямъ, что животныя рыжаго цвѣта пріятны нѣкоторымъ божествамъ, и кровь ихъ охраняетъ отъ зла. Отсюда жертвы рыжаго осла и рыжаго тельца. Сирійскіе праздники представляли собою чествованіе солнца и перемѣнъ въ его отношеніяхъ къ землѣ, формы этого чествованія были аналогичны хеттейскимъ и финикійскимъ. Затѣмъ слѣдовали праздники въ воспоминаніе различныхъ событій. Были празднества, опредѣлявшіяся потребностями и обстоятельствами жизни. Такимъ повидимому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было религіозное празднество послѣ собиранія винограда (см. Суд. XXI, 19—23).

Въ своей поэтической классификаціи религій Гегель назвалъ сирійскую религію религіей страданія. Вѣрованія и культъ южныхъ семитовъ-арабовъ представляютъ собою значительное смягченіе сѣверныхъ вѣрованій. Едва-ли можно сомнѣваться, что прародина семитовъ лежала къ сѣверу отъ арабскаго полуострова, но условія жизни заставляли въ различные историческіе періоды передвигаться одну за другою вѣтвь семитовъ. Библія указываетъ предковъ арабовъ и въ Арамѣ, сынѣ Сима (Быт. X, 22—23), и въ Іоктанѣ, сынѣ

Евера (Быт. X, 25—30), и въ Измаилѣ, сынѣ Авраама (Быт. XXV, 12—19), и въ Мадіанѣ, другомъ его сынѣ (Быт. XXV, 1—4), и въ Едомѣ или Исавѣ (Быт. XXXVI). Были народности, жившія на арабскомъ полуостровѣ до появленія тамъ семитовъ (кушиты), но они были оттѣснены семитическими племенами, хотя безъ сомнѣнія оставили нѣкоторый слѣдъ въ духовныхъ воззрѣніяхъ послѣднихъ. Однимъ изъ источниковъ для сужденія о вѣрованіяхъ арабовъ въ древности являются гиміаритскія надписи. Гиміаритскій — одинъ изъ семитическихъ языковъ, на которыхъ говорили арабы. Ленорманъ полагаетъ, что его слѣдовало бы назвать сабейскимъ. Религіозныя вѣрованія различныхъ арабскихъ племенъ, понятно, представляли различія, какъ различались между собою вѣрованія различныхъ сирійскихъ племенъ, но сущность и духъ этихъ вѣрованій были одинаковыми.

Боги древней Аравіи, это тѣже старые боги Халдеи. Илъ, Билъ, Шамсъ, Атхоръ, Синъ, Симданъ представляютъ собою лишь слегка измѣненныя (а Синъ даже и неизмѣненное) имена вавилонскаго пантеона. Такое имя, какъ Дху-Самави представляетъ буквальный переводъ финикійскаго Ваалъ-Самаинъ. У сѣверныхъ арабскихъ племенъ встрѣчаются культы и буквально тождественные съ культами ханаанскихъ, сирійскихъ и вавилонскихъ племенъ (см. Чис. XXII — XXV). Но одно божество выдѣляется въ арабскомъ пантеонѣ, поднимается надъ другими, заслоняетъ собою ихъ и въ концѣ концовъ ихъ вытѣсняетъ. Это—Аллахъ. Въ глубокой древности ему придавалось еще имя Илъ-Макахъ=богъ, который внимаетъ. Культъ его былъ наиболѣе распространенъ. Его называли Аллахъ таала—высшее божество. Въ клинообразныхъ надписяхъ, говорящихъ о состояніи Аравіи въ VIII—VII в. в. до Р. Х. имя Аллахъ часто входитъ въ составъ географическихъ обозначеній, каковы — наприм., Ау-Аллахъ Шамъ-Аллахъ. Предъ временемъ Магомета секта ганифовъ исповѣдывала вѣру въ единаго бога Творца-Аллаха. Въ вѣрованіяхъ этой секты, какъ вообще въ вѣрованіяхъ арабскихъ племенъ позднѣйшей эпохи, было много іудейскихъ и христіанскихъ элементовъ, но имя Аллаха ведетъ насъ въ древность много предшествующую появленію христіанства. Аллахъ вытѣснялъ другихъ боговъ постепенно, онъ ограничивалъ ихъ власть, закрывалъ ихъ имена своимъ име-

немъ, и они постепенно ниспадали на роль—духовъ, благодѣтельствующихъ или вредящихъ людямъ. Таковы, джинны, гули (духи вредоносные), подобными являются и Бенатъ, Аллахъ—дочери Аллаха. Но прежде чѣмъ настала эта эпоха, слѣды которой видны еще въ коранѣ, древніе боги семитовъ господствовали въ Аравіи подъ самыми различными именами. Съ свойствами бога солнца являются здѣсь Атаръ-Самаинъ, Уроталъ, Изафъ, Вадъ, Манафъ, Ягутъ, Яукъ, Хобалъ. Лунное божество, которое управляетъ рожденіями, называлось Алилатъ-Аллатъ, Хаила, Саваха, Монатъ. Характерно развитъ въ арабской теологіи образъ гермафродитнаго божества Аторъ или Атаръ. Это имя часто встрѣчается на гиміаритскихъ надписяхъ. Аторъ представлялся, какъ лицо мужеское и назывался отцомъ Сина, но въ тоже время Аторъ лицо совершенно женское. Аторъ = Venus barbata, царь Астарта. Аторъ упоминается въ клинообразныхъ надписяхъ Ассурбанипала, какъ одно изъ главныхъ арабскихъ божествъ: Атаръ-Самаинъ-Атаръ небесъ. Этотъ образъ сближаютъ съ египетской Гаторъ и полагаютъ, что культъ ея былъ введенъ фараонами на западномъ берегу аравійскаго полуострова.

Въ религіи арабовъ получилъ преобладающее значеніе сабеизмъ—почитаніе свѣтилъ. Почитали семь планетъ (т. е. солнце, луну и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ), наиболѣе обращающія на себя вниманіе звѣзды, каковы—Альдебаранъ (глазъ тельца), Канопусъ (Сохаиль), Сиріусъ (Шаари лебуръ), почитались плеяды, зодіакальныя созвѣздія. Жившіе въ своихъ пустыняхъ жизнію природы, арабы ближе и больше должны были видѣть связь земной жизни съ небесными перемѣнами. Весною передъ равноденствіемъ арабы держали тридцатидневный постъ въ честь поднятія солнца на небо (на наибольшую высоту), и затѣмъ при наступленіи равноденствія, когда солнце вступало въ знакъ овна (♈), у нихъ устраивался торжественный праздникъ. Зодіакъ арабы называли кругомъ двѣнадцати укрѣпленій. О звѣздахъ у нихъ была составлена цѣлая серія поэтическихъ сказаній. Звѣзды для нихъ были живыми душами, исторія которыхъ часто представляла ужасную трагедію. Канопусъ былъ мужемъ Алъяузы (Оріона), онъ умертвилъ жену, бѣжалъ къ полярной звѣздѣ, его преслѣдовалъ Шаари лебуръ. Годъ у

аравитянъ былъ лунный, нѣкоторые изъ мѣсяцевъ назывались святыми, названія нѣкоторыхъ буквально должно переводить такъ: непоколебимо святый, высоко чтимый, мѣсяцъ открытія, мѣсяцъ паломничества.

Арабы воздвигали храмы (beit) хотя понятно далеко не такіе роскошные, какъ въ Халдеи или у финикіянъ. Храмы строились и представителями власти и воздвигались на частныя средства. Обыкновенно они окружались священной оградой (hami haram), которой вообще ограждались священныя мѣста у семитовъ. Храмъ посвящался обыкновенно спеціально одному божеству, но затѣмъ въ каждомъ храмѣ отводилось мѣсто для почитанія еще тѣхъ или иныхъ божествъ. Въ храмахъ ставили, какъ посвященіе или даръ богамъ, статуи, посвятительныя таблицы, драгоцѣнности, золотые и серебряные слитки. Храмы владѣли землями, стадами, рабами. Существовалъ обычай торжественно посвящать себя, семейство и имущество въ услуженіе тому или иному божеству. При храмахъ, понятно, были жрецы. Но институтъ жрецовъ не былъ развитъ у арабовъ. Жреческія обязанности въ семьѣ исполнялъ и глава семьи, могъ исполнять въ племени глава племени.

Будучи по существу тою же, что и халдейская и сирофиникійская, религія арабовъ представляла собою упрощеніе и смягченіе сѣверныхъ религіозныхъ формъ. Храмы Аравіи не были такъ роскошны, какъ храмы Вавилона или Тира. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ устройствѣ не было и такой пестроты и сложности, какъ въ храмахъ названныхъ городовъ. Идолопоклонство не было развито въ Аравіи. Оно не пользовалось тамъ сочувствіемъ. У арабовъ можно замѣтить способность къ исполненію заповѣди о томъ, чтобы не творить себѣ кумировъ и какихъ-либо подобій. У нихъ не было наклонности обожествлять символъ, въ чемъ состоитъ сущность идолопоклонства. Сдѣланное произвольно подобіе бога они не были расположены принимать за бога. Можетъ быть ограниченію идолопоклонства содѣйствовалъ и сабеизмъ. Уже въ хеттейскомъ храмѣ Мабога не было идоловъ солнца и луны, потому что они у всѣхъ передъ глазами. Этотъ взглядъ нѣсколько развитый дѣлалъ излишнимъ поставленіе статуй Меркурію, Венерѣ, Марсу, Юпитеру, Сатурну. Созерцая въ чудныя южныя ночи на темноголубомъ небѣ величественныя

созвѣздія, загадочныя планеты, порою чудесные метеоры, арабъ естественно долженъ былъ предпочитать связывать свое религіозное почитаніе съ этими свѣтлыми образами, чѣмъ съ варварскими произведеніями своихъ дѣтскихъ живописи и скульптуры. Арабы приносили кровавыя жертвы—быковъ, барановъ, верблюдовъ, Несомнѣнно, были у арабовъ и человѣческія жертвоприношенія. Но этотъ дикій культъ не получилъ у нихъ развитія, и можетъ быть такія жертвы допускались лишь, какъ страшное исключеніе. Существуетъ позднее сказаніе (пріурочиваемое ко времени близкому къ рожденію Магомета), какъ одинъ правитель для спасенія осажденнаго города хотѣлъ принести въ жертву своего сына, но по совѣту вѣщей женщины замѣнилъ его сотнею верблюдовъ. Сто верблюдовъ стали для араба чѣмъ-то въ родѣ городовъ убѣжища: ими можно было откупаться при убійствѣ кого-либо отъ опасностей родовой мести. Этотъ разсказъ, очевидно, относится къ эпохѣ борьбы съ родовою местью, а не съ человѣческими жертвами. Въ культѣ арабовъ помимо кровавой стороны была еще и другая, не оскорблявшая нравственнаго и удовлетворявшая эстетическое чувство. Въ ихъ жертвенномъ ритуалѣ играли большую роль благовонія и въ ихъ религіозномъ культѣ отводилось мѣсто почитанію деревьевъ. Вокругъ одного египетскаго терна (spina aegyptica) въ Наккѣ былъ воздвигнутъ храмъ. Тоже самое было сдѣлано по отношенію къ одному финиковому дереву (Dhatanvat) вблизи Мекки. На жертвенныхъ алтаряхъ у арабовъ не только дымилась кровь заколотыхъ животныхъ но и поднимались благовонія отъ бальзамовъ, мирръ, ладановъ, различнаго рода смолъ, Говорятъ, что Магометъ сказалъ о себѣ, что онъ любилъ молитву, женщинъ и благовонія, но больше всего молитву. Религіознаго культа женщины не было и нѣтъ у арабовъ, но съ глубокой древности арабы заботились о томъ, чтобы фиміамъ воскуряемыхъ ими благовоній обильно поднимался къ небу, какъ символъ ихъ усердныхъ молитвъ обращенныхъ къ Творцу неба.

Съ слабо развитымъ идолопоклонствомъ у арабовъ соединялся широкоразвитый фетишизмъ. Они знали и почитали много предметовъ имѣвшихъ сверхъестественное происхожденіе и обладавшихъ сверхъестественною силою. У нихъ повидимому было развито ношеніе талисмановъ. Можетъ быть

роль такихъ талисмановъ играли серьги. Въ книгѣ Судей повѣствуется, что Гедеонъ попросилъ у израильтянъ изъ захваченнаго ими у враговъ: „дайте мнѣ каждый по серьгѣ изъ добычи своей (ибо у непріятелей много было золотыхъ серегъ, потому что они были измаильтяне (VIII, 24). Предметами фетишистическаго почитанія у арабовъ было то, что встрѣчается наиболѣе часто и наиболѣе рѣдко въ ихъ пустыняхъ. О томъ, что камни играли роль въ ихъ обрядахъ и договорахъ, свидѣтельствуетъ Геродотъ. „Нѣтъ въ мірѣ народа, говоритъ онъ (Истор. кн. III, 33), который бы такъ свято соблюдалъ данное слово, какъ арабы. Даютъ свое слово они такимъ образомъ. Стороны, заключающія союзъ, избираютъ посредника, который острымъ камнемъ дѣлаетъ у нихъ надрѣзы на ладоняхъ; затѣмъ обмакиваетъ въ кровь края ихъ одежды. Этою кровью посредникъ натираетъ семь камней, которые помѣщаются между заключающими договоръ. При этомъ посредникъ призываетъ имена Діонисія Вакха и Ураніи. Кромѣ этихъ божествъ арабы не знаютъ никакихъ другихъ. Они подбриваютъ себѣ волосы на вискахъ и стригутъ ихъ кругомъ, говоря, что такова была прическа Вакха. Вакха они называютъ Уроталомъ, Ураніе же Алилатою, Милиттою". Очевидно Уроталъ (Уртаала—высшій свѣтъ) есть солнце, Алилата (Ал-лат)—Астарта, луна. Камни, которые почитались арабами, были, полагаютъ, преимущественно аэролитами. Въ ряду такихъ камней стяжалъ себѣ громадную славу и сохранилъ ее до нынѣ камень каабы. Это—небольшой черный камень. Легенда, вѣроятно, уже позднѣйшая разсказываетъ слѣдующее о происхожденіи этого камня и святилища, въ которомъ онъ помѣщается. Типъ храма каабы былъ созданъ на небѣ до созданія Адама и его почитали ангелы, которые по повелѣнію Аллаха собирались вокругъ него для религіозныхъ церемоній. Адамъ, который былъ первымъ истинно вѣрующимъ, воздвигъ храмъ каабы на землѣ, послѣ него его сынъ Шитъ (Сифъ) перестроилъ Каабу. Во время потопа храмъ былъ поднятъ на небо за исключеніемъ его основанія, которое было скрыто подъ землею. Впослѣдствіи Аллахъ приказалъ Аврааму при помощи сына Измаила возстановить святилище. Когда по повелѣнію отца Измаилъ отправился отыскивать камень, который долженъ былъ обозначать уголъ, откуда пилигримы должны на-

чинать обходъ (тавафъ), онъ встрѣтилъ ангела Гавріила Ангелъ представалъ предъ нимъ съ камнемъ небесной каабы. Этотъ камень былъ тогда ослѣпительной бѣлизны, но измѣнилъ свой цвѣтъ въ черный отъ грѣховъ людей. Полагаютъ, что сначала въ камнѣ каабы арабы видѣли манифестацію какого-либо звѣзднаго божества—Каивана (Сатурна) или Венеры (Астарты), что гораздо вѣрнѣе. Около храма каабы помѣщалось еще нѣсколько камней тоже повидимому считавшихся проявленіями какихъ то менѣе важныхъ божествъ. Замѣчательно, что храмъ, въ которомъ былъ заключенъ камень, былъ самъ построенъ по формѣ этого камня, т. е. значитъ и самъ храмъ представлялъ собою, какъ и камень, образъ божества.

Съ храмомъ каабы у арабовъ соединяется необычайно широкое развитіе религіознаго обычая паломничества. Паломничество существовало и у сѣверныхъ семитовъ и въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ. Различныя аравійскія племена имѣли много мѣстныхъ святынь, къ которымъ въ опредѣленные дни стекались соплеменные пилигримы. Но кааба замѣчательна тѣмъ, что на поклоненіе къ ней стекались арабы всѣхъ племенъ безъ различія. Она была объединяющимъ религіознымъ, а вмѣстѣ — понятно и національнымъ центромъ для всѣхъ арабовъ. Праздничное торжество, къ которому собирались пилигримы къ каабѣ, падало на десятый день двѣнадцатаго мѣсяца, почему этотъ мѣсяцъ и назывался джу-л-хиджа—мѣсяцъ паломничества. Такъ какъ годъ у арабовъ былъ лунный, то понятно, что каабскій праздникъ по солнечному счисленію ежегодно справлялся на 11 дней раньше, чѣмъ въ предыдущій годъ (12 лунныхъ мѣсяцевъ немного болѣе 354 дней) и въ теченіе 35—36 лѣтъ онъ проходилъ всѣ времена года и затѣмъ опять проходилъ по этому кругу. Джу-л-хиджа считался священнымъ мѣсяцемъ, и во время него должны были прекращаться войны и распри между различными племенами. Джу-л-хиджа былъ для древнихъ арабовъ тѣмъ, чѣмъ былъ миръ Божій для средневѣковыхъ европейцевъ. Этотъ миръ долженъ былъ устанавливаться еще въ предшествовавшій мѣсяцъ—мѣсяцъ открытія. Религіозное паломничество называлось у арабовъ хаджъ. Лишь только пилигримъ, начавшій хаджъ, вступалъ на священную землю, ему давали

ирамъ—священную одежду. Эта одежда состояла изъ двухъ кусковъ: одинъ обертывался вокругъ чреслъ, а другой набрасывался на шею и плечи такъ, что оставалась свободной часть правой руки. И въ настоящее время мусульманскіе пилигримы въ Мекку обязаны смѣнять свое платье на этотъ ирамъ. Прибывши, пилигримъ совершалъ поклоненіе каабѣ, благоговѣйно цѣловалъ ее и затѣмъ совершенно обнаженный семь разъ обходилъ вокругъ каабы. За поклоненіемъ каабѣ слѣдовано посѣщеніе другихъ священныхъ мѣстъ (омра) и поклоненіе другимъ священнымъ предметамъ. Поклонялись священной пальмовой рощѣ и двумъ священнымъ горамъ Софа и Марвахъ, гдѣ находился священный источникъ Замзамъ. Существуетъ легендарное сказаніе, что здѣсь блуждала Агарь съ Измаиломъ, и Замзамъ былъ ей указанъ ангеломъ. Священною обязанностію считалось поклоненіе горѣ Арафатъ, которая въ древности разсматривалась повидимому, какъ особенное проявленіе божества. Коранъ представляетъ, что здѣсь соединились Адамъ и Ева послѣ долгаго раздѣленія. Послѣ Арафата посѣщали минскую долину, здѣсь стояло семь священныхъ камней—образы планетныхъ божествъ. Каждый пилигримъ бросалъ къ подножію каждаго изъ камней три камешка и это повторялось три раза въ два дня. Магометъ оставилъ только три изъ семи камней и установилъ взглядъ, что они указываютъ три мѣста, на которыхъ діаволъ являлся Адаму. Но только теперь каждый пилигримъ къ подножію этихъ трехъ камней бросаетъ не три, а семь кремней такъ, что сумма камешковъ бросаемыхъ арабомъ мусульманиномъ осталась та-же, какую бросалъ и арабъ язычникъ ($3\times7=21$). Послѣ обряда бросанія камешковъ въ минской долинѣ приносили торжественныя жертвы. Въ пальмовой рощѣ окружавшей каабу пролитіе крови и, значитъ, принесеніе жертвъ—было запрещено съ глубокой древности. Окончивши жертвоприношенія, пилигримъ возвращался къ каабѣ, совершалъ опять семикратное обхожденіе святилища, слагалъ ирамъ, надѣвалъ свое обыкновенное платье и возвращался къ мѣсту своего постояннаго жительства.

Въ культѣ каабы, какъ можно видѣть, заключались высокоморальныя черты. Около величайшей святыни запрещалось проливать кровь животную, во время празднованія

ей предписывалось прекращать проливать кровь человѣческую. Запрещались войны. Враждующія между собою племена совершали мирное совмѣстное поклоненіе святынѣ, и здѣсь у чернаго камня, у божественныхъ горъ, у священнаго источника должно было развиться и крѣпнуть у нихъ сознаніе этнографическаго и религіозно-нравственнаго единства. Здѣсь должны были сглаживаться темныя и крѣпнуть добрыя стороны араба. Въ нравственномъ отношеніи арабъ являлся страннымъ, двойственнымъ существомъ. Геродотъ восхвалялъ вѣрность арабовъ, но рядомъ съ этою вѣрностію въ однихъ отношеніяхъ стояло ужасное вѣроломство въ другихъ. Арабы были гостепріимны, они готовы были давать гостямъ очень многое, но они нисколько не стѣснялись грабить своихъ бывшихъ гостей, встрѣтивъ ихъ внѣ дома и недостаточно защищенными. Гостепріимство у нихъ соединялось съ страшною вспыльчивостію и наклонностію къ ссорамъ. Въ своей поэзіи арабы окружили женщину ореоломъ и отвели ей очень почетное мѣсто, но въ дѣйствительности у нихъ было развито многоженство, при которомъ женщинѣ отводится слишкомъ жалкое мѣсто въ семьѣ. Религія должна была смягчать жесткія и темныя свойства араба, но понятно, что нѣкоторыя темныя черты она и поддерживала и освящала. Такъ, въ древности ею освящался обычай родовой мести. По представленію нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ душа, отдѣлившись отъ тѣла, принимала видъ птицы похожей на сову, ее называли хама или сада, она летала около гроба усопшаго, испуская жалобные крики. Она сообщала усопшему объ участи и образѣ жизни его дѣтей. Если усопшій былъ убитъ, птица кричала: ешуни (дайте мнѣ пить, т. е. крови убійцы) и продолжала кричать такъ до тѣхъ поръ, пока родственники не удовлетворяли этой кровавой жажды. Религія поддерживала суевѣрія. Особенно ею освящались гаданія, дѣленіе дней на счастливые и несчастные и т. д. Было очень развито гаданье по стрѣламъ. Оно совершалось въ храмахъ при участіи спеціальнаго оракула. Брали семь стрѣлъ безъ острій—всѣ различно окрашенныя и каждая съ особою мѣткою. Перемѣшивали ихъ въ мѣшкѣ, изъ котораго и вытаскивали затѣмъ одну, по ея окраскѣ и мѣткѣ оракулъ давалъ отвѣтъ на вопросъ поставленный въ гаданіи.

Эсхатологическія представленія у различныхъ арабскихъ племенъ повидимому были различны. Унѣкоторыхъ какъ будто было даже представленіе, что все кончается смертію. Многіе представляли, что за гробомъ человѣка ожидаетъ жизнь подобная земной. На гробѣ усопшаго (гробы были по своему типу подобны финикійскимъ и еврейскимъ) закалывали верблюдицу или привязывали ее къ гробу и оставляли безъ пищи такъ, что она издыхала съ голоду. Дѣлалось это въ томъ убѣжденіи, что усопшему она будетъ нужна для того, чтобы въ загробномъ мірѣ ѣхать на судъ къ Аллаху. У знатныхъ семействъ іеманскихъ племенъ найдены памятники, свидѣтельствующіе о развитіи культа предковъ. Такъ религіозныя посвященія послѣ призыванія главныхъ боговъ содержатъ въ себѣ призываніе отца того лица, которое обращается съ посвященіемъ, его ближайшихъ предковъ и предковъ расы. Клермонъ-Ганно нашелъ на одной стелѣ барельефъ съ такою надписью: „изображеніе Галилатъ, дочери Мофаддата; да поразитъ Аторъ того, кто его испортитъ“. Въ нижней части барельефа изображена умершая Галилатъ, лежащая на смертномъ одрѣ. Въ верхней части Галилатъ изображена сидящею, размѣры ея по отношенію къ стоящимъ около нея фигурамъ гораздо больше; значитъ, изъ ряда людей она перешла въ рядъ вышечеловѣческихъ существъ; стоящія около нея фигуры оказываютъ ей религіозное почитаніе (см. рисунокъ у Lenormant'a, L' Hist. ancien. de l' orient T. III p. 400, описаніе на 401 стр.). Этотъ барельефъ, равно какъ и призыванія умершихъ предковъ съ несомнѣнностію свидѣтельствуютъ о существованіи культа предковъ у нѣкоторой части арабовъ. Были у арабовъ и домашніе божки и семейныя святыни, которыя обыкновенно также связываются съ культомъ предковъ.

Такъ, вѣрованія арабскихъ племенъ представляютъ собою такуюже пеструю смѣсь противорѣчій, какъ и арабскій характеръ. Въ послѣднемъ совмѣстно уживались великодушіе и жестокость, рѣшимость отдать свое и готовность отнять чужое; одною рукою арабъ возводилъ женщину на пьедесталъ божества, и другою низводилъ ее до участи рабыни. То онъ являлся кровожаднымъ, то мягкимъ. Такъ и въ религіи. Несомнѣнно въ дохристіанскую эпоху въ Аравіи исповѣдывался монотеизмъ, но рядомъ съ монотеизмомъ равно-

правно существовали политеизмъ и полидемонизмъ. У арабовъ были и отрицаніе загробной жизни и культъ мертвыхъ. У нихъ отрицали идолопоклонство и поклонялись камнямъ. Не признавали жрецовъ и вѣрили гадальщикамъ. Эта странная и разносторонняя непослѣдовательность объясняется особенностями духовнаго склада араба. Арабъ—это нервная чуткая натура способная подниматься до самыхъ возвышенныхъ представленій. Отсюда — вѣра въ Аллаха, бога милостиваго и милосердаго. Отсюда возвышенная арабская поэзія. Но арабъ способенъ и ниспускаться до самой глубокой грязи. Арабъ — натура глубоко чувствующая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувственная. Онъ глубоко чувствуетъ обиду и потому мстителенъ, онъ чувственнен и потому стремится превратить женщинъ въ послушныхъ рабынь. Эстетическое чувство араба смущается безобразіемъ идола и не дозволяетъ видѣть божественное въ этомъ издѣліи человѣческихъ рукъ, но въ тоже время онъ своею способною къ экзальтаціи душою готовъ чувствовать вездѣ біеніе божественнаго пульса и онъ видѣлъ проявленіе божественнаго и въ камнѣ упавшемъ съ неба и въ стрѣлѣ пущенной на удачу и приведшей къ источнику.

6. ОБЩІЯ ЧЕРТЫ ВЪ РЕЛИГІЯХЪ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Месопотамская низменность и нильская долина являются очагами древнѣйшей культуры. Наука не знаетъ болѣе древнихъ памятниковъ, чѣмъ египетскіе и ассировавилонскіе. Древнѣйшіе храмы, религіозныя изображенія, надписи, вообще реликвіи принадлежатъ этимъ странамъ и населявшимъ ихъ народамъ. Позже ихъ на историческую арену являются хеттеи и финикіяне. Культура у нихъ пріобрѣтаетъ свой особенный отпечатокъ, они живутъ иначе, чѣмъ ихъ старшіе и могущественные сосѣди. Въ исторіи человѣческаго развитія эти народы, кажется, были не столько самостоятельными насадителями тѣхъ или иныхъ отраслей промышленности и искусствъ, сколько коммиссіонерами между цивилизаціями семито-хамитическихъ и арійскихъ народовъ. Что финикіяне находили въ Вавилоніи и Египтѣ, то они передавали Элладѣ и Риму. Черезъ посредство финикіянъ прежде всего должны были народы Европы знакомиться и съ религіознымъ достояніемъ востока. Затѣмъ съ этимъ достояніемъ европейцы стали знакомиться и непосредственно и самостоятельно. Фактъ глубокой религіозности этихъ народовъ повидимому произвелъ глубокое впечатлѣніе на европейцевъ. Надъ этой глубокой религіозностью должны задумываться и изслѣдователи настоящихъ дней. Что представляютъ собою открываемыя въ настоящее время надписи Гудеа, Рамзесовъ, Кхета-Сиры, Месы? Исповѣданіе религіознаго характера человѣческой исторіи. Чѣмъ болѣе надпись приближается къ нашимъ днямъ, тѣмъ менѣе вѣетъ отъ нея религіознымъ характеромъ. Такова, напримѣръ, надпись Эш-

муназара, таковы египетскія надписи птоломейской эпохи. Какъ будто религіозное чувство постепенно ослабѣвало и замирало у народовъ, жившихъ на берегахъ Ефрата и Нила. Въ концѣ концевъ, мы знаемъ, погибли и жившіе тамъ народы и исповѣдывавшіяся тамъ религіи. Но если эти религіи представляютъ собою теперь явленіе прошедшее, то изученіе ихъ является очень полезнымъ для выработки правильныхъ взглядовъ на религіи настоящаго. Въ сферѣ религіозно-нравственной религіозный примѣръ и опытъ прошлаго имѣетъ несравненно болѣе могучее значеніе, чѣмъ даже въ сферѣ экономической и политической. Конечно, дѣлаютъ и будутъ дѣлать различные выводы изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, различнымъ образомъ пользуются и будутъ пользоваться однимъ и тѣмъ же опытомъ. Но важно прежде всего выяснить самыя данныя опыта, факты, и въ настоящее время сравнительное изученіе религій даетъ возможность установить не мало общихъ положеній относительно религій исповѣдывавшихся народами древняго востока.

Всѣ они вѣрили въ боговъ и духовъ. Съ этими фактами стоятъ въ несогласіи теоріи утверждающія, что первичною формою религіи у народовъ востока былъ монотеизмъ и что первичною формою у нихъ былъ пандемонизмъ. На самыхъ древнихъ памятникахъ не содержится ни исповѣданія вѣры въ единаго Бога, ни отрицанія вѣры въ боговъ. Думаютъ, что этотъ фактъ стоитъ въ несогласіи съ Библіею. Многіе писатели признающіе авторитетъ Библіи хотятъ найти монотеизмъ въ религіяхъ древнѣйшихъ народовъ; напротивъ писатели раціоналисты ищутъ слѣдовъ изначальнаго пандемонизма въ самой Библіи. Позволительно думать, что и тѣ и другіе стоятъ на ошибочномъ пути. Въ Библіи есть свидѣтельство, что нѣкогда политеизмъ былъ почти всеобщимъ явленіемъ. Это—въ эпоху передъ временемъ Авраама (Іис. Нав. XXIV, 2). Если отступленіе отъ религіозной истины отцовъ Израиля и не было полнымъ, если въ ту пору и сохранялись племена и семьи содержавшія въ существенномъ истинное Богопочитаніе, то во всякомъ случаѣ религіи царствъ той эпохи представляли собою политеизмъ. Памятники утверждаютъ это. Книги Библіи всѣ написаны послѣ Авраама, поэтому ихъ авторы—съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на Библію — какъ культурные люди — не могли проводить

принциповъ полидемонизма. Но что такое политеизмъ? Его легче опредѣлить отрицательно, чѣмъ положительно. Онъ противоположенъ монотеизму, признающему бытіе единаго Бога, отъ котораго все находится въ безусловной зависимости по происхожденію и существованію. Политеизмъ представляетъ, что многія премірныя существа (боги) образовали этотъ міръ и управляютъ въ немъ теченіемъ явленій. Образы божествъ въ политеистическихъ религіяхъ всегда въ большей, или меньшей степени неясны, измѣнчивы, противорѣчивы. Должно признать съ несомнѣнностію, что въ созданіи ихъ имѣло большое значеніе художественное творчество. Отсюда цѣлые ряды фантастическихъ сказаній, легендъ и миѳовъ. Дѣйствительность представляетъ много несогласованнаго и противорѣчиваго, это свойство міра смертныхъ жители древняго востока переносили на міръ безсмертныхъ. Однако этическія, логическія и практическія потребности должны были ограничивать произволъ и вносить нѣкоторый порядокъ въ представленія о небесныхъ владыкахъ. Во имя этическихъ требованій египтянинъ или халдей долженъ былъ стремиться идеализировать каждаго бога, о которомъ размышлялъ или котораго хотѣлъ почтить. Все равно—былъ ли это Шамасъ, Синъ, Кнуму, Пта, Озирисъ: но идеализировать бога значитъ расширить и увеличить его свойства до безконечности. Такимъ образомъ, одинъ изъ многихъ боговъ, когда его свойства, силы, могущество, мудрость и любовь расширяютъ до безконечности, становится единымъ Богомъ. Прочіе боги въ сравненіи съ нимъ не суть боги. Эта мысль ясно выражается во многихъ гимнахъ, напримѣръ, въ гимнѣ Синъ. Но потомъ предикаты безконечности переносятся на свойства другого бога. А такъ какъ двухъ безконечныхъ не можетъ быть, то второй богъ оказывается тожественнымъ съ первымъ. Отсюда процессъ сліянія: Пта-Сокарн-Озирисъ и даже Ваалъ-Астарта. Можно предполагать, хотя этого и нельзя утверждать рѣшительно, что этотъ процессъ сліянія въ религіяхъ приводилъ къ тому, съ чего эти религіи начинали. Въ глубокой древности Озирисъ, Горъ, Пта были мѣстными божествами. Весьма вѣроятно, что не разъ происходило, что одно и тоже божество въ различныхъ мѣстахъ получало различныя названія. Затѣмъ, когда происходило этнографическое и политическое объ-

единеніе такихъ мѣстъ, боги съ различными именами являлись различными богами. За этимъ періодомъ наибольшаго раздробленія и размноженія Божествъ—періодомъ въ значительной мѣрѣ ускользающемъ изъ историческаго поля зрѣнія—наступалъ тогда періодъ—всецѣло протекавшій на глазахъ исторіи—постепеннаго сліянія божествъ. Нерѣдко, конечно, происходило и то, что раздробленіе шло параллельно сліянію. Въ позднѣйшую эпоху фактъ сліянія божествъ подсказалъ философамъ теоріи, что различныя имена боговъ суть обозначенія различныхъ проявленій единаго Божества. Это выражено, напримѣръ, въ De mysteriis прописываемомъ Ямвлиху. Но это уже западное истолкованіе восточнаго факта, потомучто въ этомъ толкованіи сказывается вліяніе греческой философіи.

Логическое стремленіе къ единству побуждало иначе объединять различныя и даже противоборствующія божественныя начала. Уже съ глубокой древности, видно, теологи стремились устанавливать связь и опредѣлять взаимоотношенія между божествами. Объединеніе Божествъ въ тріады—фактъ имѣвшій мѣсто и въ Ассиро-Вавилоніи и въ Египтѣ и Финикіи. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи систематизація Божествъ совершалась по двумъ принципамъ. Взаимоотношенія Божествъ опредѣлялись по ихъ происхожденію и по тому, какое участіе каждый изъ боговъ принималъ въ дѣлѣ управленія міромъ. Первый принципъ породилъ теогоніи. Къ счастію сохранились теогоніи Санхоніатона, Манетона, Бероза. Въ основѣ ихъ лежатъ положенія о единствѣ существующаго, о томъ, что все связано единою неразрывною связью, и о томъ, что Божественный міръ по отношенію къ земному не есть какое-либо инобытіе, а только высшая часть бытія. Все развилось изъ чего то одного—хаоса, бездны, міроваго яйца. Система боговъ, это рядъ поколѣній вышедшихъ изъ единаго. Люди произошли отъ боговъ. Земля, это сравнительно—низшая часть существующаго. Эта теорія является съ одной стороны пантеизмомъ, хотя это слово и не можетъ быть приложено къ ней въ строгомъ смыслѣ, съ другой — іерархическимъ политеизмомъ. Эта теорія естественно подсказываетъ выводъ, что значеніе каждаго изъ боговъ опредѣляется его мѣстомъ въ ряду божественныхъ поколѣній: Божества ближайшія къ началу,—выше, ближай-

шія къ людямъ ниже по своему значенію и могуществу. Но религіозная практика сильно расшатала эту теогоническую теорію. Образы древнѣйшихъ боговъ заволоклись туманомъ и отошли куда-то въ даль, воображеніе создало представленія объ управленіи міра богами, такъ что каждый завѣдывалъ или особою географическою и этнографическою областью, или особою группою явленій. Вселенная по своимъ областямъ и свойствамъ была подѣлена между богами, при чемъ болѣе важное и болѣе высокое оказывалось иногда во власти боговъ вовсе не высшихъ по происхожденію. Такъ, выдвинулись Мардукъ, Озирисъ, Ададъ. Халдеи и египтяне не противополагали землю небу, какъ конечное безконечному, а разсматривали ихъ лишь какъ неровныя части одного цѣлаго. Они признавали, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ кажется. Пространство для нихъ было несомнѣнною и всеобъемлющею реальностью. Поэтому Божества въ ихъ представленіи должны быть пріурочиваемы къ опредѣленнымъ областямъ міра. Ихъ астрономія должна была неизбѣжно создать семь небесныхъ сферъ. Они видѣли, что звѣзды при своемъ вращеніи около полярной звѣзды не измѣняютъ взаимоотношеній и отсюда заключали, что они прикрѣплены къ одной сферѣ, которая вращается вокругъ оси міра, верхній конецъ которой проходитъ черезъ полярную звѣзду (это кажущееся движеніе звѣздъ происходитъ отъ дѣйствительнаго движенія земли вокругъ своей оси). Но солнце, луна и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ перемѣщали свое положеніе между звѣздами, отсюда мысль, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую сферу, въ которой и движется. Легко подсказывалась мысль, что могутъ быть и еще высшія небесныя сферы—небеса небесъ. Удобнѣе всего представить, что Божества живутъ въ области небесныхъ сферъ. Естественно сблизить Божества съ нѣкоторыми свѣтилами, вліяніе которыхъ на землю велико и несомнѣнно. Въ ряду свѣтилъ, отъ которыхъ зависитъ въ своей жизни земля, первое мѣсто занимаетъ солнце. Отсюда божество солнца занимаетъ первенствующее или одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ религіяхъ. Нерѣдко высказывалась мысль, что люди древняго востока покланялись солнцу, какъ Божеству, непосредственно, что они видѣли въ солнцѣ живое Божество. Утверждаютъ, что въ глубокой древности

такъ и было, и что только позднѣе произошло относительное раздѣленіе солнца и бога солнца. Этотъ взглядъ долженъ быть признанъ безусловно неправильнымъ. Въ эпоху позднѣйшую, когда Лукіанъ или кто-либо другой присвоившій его имя писалъ трактатъ о сирійской богинѣ, въ мабогскомъ храмѣ не было изображеній солнца и луны, а только ихъ престолы, потому что солнцу и лунѣ каждый могъ поклоняться непосредственно. Эти боги видны и открываются всѣмъ людямъ. Но въ эту пору солнце и луна считались уже не первоверховными Божествами, а трактовались, какъ второстепенныя, ставшія въ зависимости отъ высшихъ началъ Божества. Напротивъ, въ глубокой древности, мы видимъ, Шамасъ (солнце) вовсе не отождествляется съ видимымъ солнцемъ, послѣднее трактуется, какъ одно изъ колесъ его колесницы. Точно также въ Египтѣ Ра (солнце) призываетъ къ себѣ солнце и сообщаетъ ему силу свѣта, но самъ онъ можетъ быть и жить и независимою жизнью отъ солнца, Ра даже былъ царемъ на землѣ. Точно также луна называлась глазомъ Гора, сближалась съ Синъ и Астартой, но даже и Синъ (луна) не отождествлялась съ луннымъ дискомъ. Для души Изиды указывали мѣсто на Сиріусѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мыслили Изиду пребывающею и въ другихъ мѣстахъ. Вообще можно установить съ несомнѣнностію, что въ религіяхъ культурныхъ народовъ древняго востока въ древнѣйшія эпохи свѣтила не разсматривались непосредственно, какъ боги и не разсматривались, какъ матеріальныя оболочки Божества. Почитавшіяся свѣтила признавались мѣстами, средою особеннаго присутствія Божествъ, или даже орудіемъ для особеннаго проявленія Божественной силы. Что сказано о свѣтилахъ, то должно сказать о стихіяхъ. Ану не небо, но небо—мѣсто особеннаго присутствія и пребыванія Ану; Еа-не океанъ, но океанъ вышелъ изъ него и является средою, которою онъ управляетъ. Боги не тожественны съ различными сторонами бытія, но одни изъ нихъ управляютъ одними, а другіе другими сторонами бытія. Различіе сферъ ихъ дѣятельности опредѣляетъ характеръ различія и взаимоотношеній между ними. Боги суть іерархія существъ производившихъ міръ и управляющихъ міромъ. Они связаны съ міромъ, какъ родившіе съ рожденіемъ, какъ отцы съ дѣтьми. Поэтому въ сущности они съ міромъ составляютъ

одно. Существуютъ законы бытія, по которымъ живетъ міръ и по которымъ дѣйствуютъ боги, духи и люди. Но взгляды мыслителей древняго востока на эти законы остались неизвѣстными. Ихъ системы іерархическаго политеизма, ихъ теогоніи и сказанія о богахъ предполагаютъ пантеизмъ, но у нихъ не найдено ясно выраженнаго философскаго ученія о пантеизмѣ.

Іерархическій политеизмъ въ своемъ развитіи повидимому могъ бы привести къ монотеизму такимъ образомъ. Первое начало всего, какъ все произведшее, должно было бы разсматриваться, какъ высочайшее и могущественнѣйшее. Анализъ и размышленіе должны были бы приводить къ мысли, что все происшедшее отъ перваго Божества стоитъ отъ него въ безусловной зависимости, между первымъ богомъ и вторичными генераціями боговъ мысль должна была бы вырыть пропасть, первобогъ безмѣрно поднялся бы надъ міромъ, а второбоги приблизились бы къ міру, къ людямъ. приняли бы образы геніевъ и демоновъ. Такъ повидимому должно бы было быть. Но исторія религій показываетъ, что было иначе, что древнѣйшіе боги въ сознаніи людей представлялись безличными, неопредѣленными, къ нимъ не возносили молитвъ и отъ нихъ не ставили въ зависимость своей судьбы. Іерархическій политеизмъ, который повидимому долженъ былъ направлять мысль къ монотеизму, въ концѣ концевъ направлялъ его къ пантеизму. Былъ еще путь, который повидимому долженъ былъ тоже привести къ монотеизму. Это путь практическій. Служа преимущественно какому нибудь божеству, служители этого божества легко могли поставить въ исключительную зависимость отъ него всю свою жизнь и благополучіе. Ревностное почитаніе одного бога могло вести къ забвенію и отрицанію другихъ боговъ. Такъ и бывало. Жрецы ѳивскаго Амона дискредитировали не только другихъ жрецовъ, но и другихъ боговъ. На нѣкоторое время дѣйствительно существовавшій культъ Атена явился, какъ противовѣсъ возможности установленія единаго культа Амона. Что такая возможность временно могла переходить въ дѣйствительность, объ этомъ свидѣтельствуетъ и временный успѣхъ культа Атена въ Египтѣ и временный успѣхъ культа Небо въ Ассиріи. Хамосъ моавитскій тоже выступаетъ почти, какъ единственный богъ.

Но замѣчательно, что и этотъ практическій монотеизмъ не имѣлъ поступательнаго движенія, и отъ него опять переходили къ чистому политеизму. Культъ Атена исчезъ совсѣмъ, звѣзда Небо затмилась и онъ занялъ второстепенное положеніе по отношенію къ Мардуку. Въ сообщество Хамоса у моавитянъ была привлечена Астарта, и моавитяне, какъ это видно изъ памятника Месы, не отрицали существованія и Іеговы. Нельзя устанавливать параллели между выраженіями Месы о Іеговѣ и выраженіями Библіи о Хамосѣ. Въ Библіи Хамосъ — не богъ, а мерзость моавитская (4 Цар. XXIII, 13; 3 Цар. XI, 7). Въ одномъ мѣстѣ, правда, Хамосъ представляется какъ бы дѣйствительнымъ богомъ. Это—въ посланіи израильтянъ къ аморреямъ. „Не владѣешь ли ты, спрашиваетъ израильскій народъ у аморрейскаго, тѣмъ, что далъ тебѣ Хамосъ, богъ твой? И мы владѣемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдье Господь Богъ нашъ“ (Суд. XI, 24). Но очевидно, что здѣсь дипломатическій оборотъ рѣчи: приведенныя слова представляютъ собою сокращеніе такой мысли: не владѣешь ли ты тѣмъ, что, какъ ты вѣришь, далъ тебѣ Хамосъ. Весь контекстъ приведеннаго мѣста показываетъ, что съ израильской точки зрѣнія не Хамосъ, а Іегова далъ удѣлъ аморреямъ и моавитянамъ, и эта мысль находитъ себѣ прямое выраженіе въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста (Второз. II, 9 и XXXII, 8). Оставляя въ сторонѣ евреевъ, мы видимъ, что культурные народы древняго востока только приближались порою къ монотеизму, но никогда не становились дѣйствительно монотеистическими. Монотеизмъ развился у некультурныхъ арабовъ. Но былъ ли онъ здѣсь самостоятельнымъ? Арабскія преданія представляютъ собою библейскія перифразы и несомнѣннымъ представляется, что у этихъ преданій и у ихъ монотеистическихъ воззрѣній имѣется одинъ и тотъ же источникъ—Библія. Но какъ въ арабскихъ преданіяхъ искажается библейское повѣствованіе, такъ и образъ единаго Бога оказывается въ ихъ древнихъ сказаніяхъ затемненнымъ и рядомъ за нимъ, хотя и на значительномъ разстояніи—поставляются второстепенныя божества, слѣды которыхъ имѣются еще и въ коранѣ.

Такъ, люди древняго востока,—хотя многое вело ихъ къ монотеизму и сами они порою приближались къ нему—яв-

ляются почитателями не Бога, а боговъ и духовъ. Духи, демоны не тоже, что боги. Боги выше міра, духи находятся въ мірѣ, они связаны съ домами, рѣками, горами, они обладаютъ могуществомъ, но вообще ихъ назначеніе служебное. Въ вѣрованіи въ духовъ добрыхъ, благодѣтельствующихъ семьѣ, благополучію, довольству, здоровью, чадородію находила себѣ успокоеніе потребность древняго человѣка въ близкой и полезной помощи. Боги были высоко и далеко, между духами и людьми не мыслилось большаго разстоянія. Міръ духовъ былъ чрезвычайно обширенъ. Но фактъ постоянныхъ и часто неожиданныхъ неудачъ естественно долженъ былъ привесть къ мысли, что кромѣ духовъ добродѣтельныхъ есть и злые, и число послѣднихъ можетъ быть даже болѣе числа первыхъ. Полидемонизмъ всегда влечетъ за собою много суевѣрій. Суевѣріе вообще есть признаніе, что нѣкоторыя силы, явленія, или дѣйствія — независимо отъ высшаго Провидѣнія—могутъ устроять наше благополучіе или неблагополучіе. Въ религіяхъ естественныхъ трудно произвести разграниченіе вѣры и суевѣрія. Религіи естественныя представляютъ собою безсознательную замѣну Божественнаго откровенія и Божественныхъ заповѣдей человѣческими измышленіями. На мѣсто вѣры, которой Богъ требуетъ отъ человѣка, человѣкъ ставитъ свое суевѣріе. Съ точки зрѣнія теоріи признающей всѣ религіи естественными, все содержаніе религій есть суевѣріе. Сущность религій обыкновенно есть фактъ Богообщенія, но вѣра въ это Богообщеніе съ раціоналистической точки зрѣнія, ошибочна суетна, есть суевѣріе. Тотъ, кто признаетъ, что есть религія Богооткровенная, не можетъ разсматривать и все содержаніе естественныхъ религій, какъ суевѣріе. Надежда на то, что Божественное управленіе все приведетъ къ хорошему концу, мольба о помощи при несчастномъ начинаніи не могутъ быть считаемы суевѣріями. Но въ вѣрованіяхъ древняго востока имѣли большое значеніе магическія дѣйствія и заклинанія, въ которыхъ не было не только нравственнаго, но и вообще, смысла. Знахари и жрецы произносившіе ихъ, видно, не соединяли съ ними никакого мистическаго и философскаго значенія. Странное и загадочное явленіе представляетъ собою эта вѣра въ могущество слова. Можетъ быть она развилась на почвѣ такихъ соображеній. Могучему вла-

стелину достаточно сказать, чтобы другіе немедленно поспѣшили исполнить его слово. Египетскій Тотъ творитъ словомъ. Слова обыкновенныхъ людей исполняютъ другіе люди, слова боговъ исполняются сами собою. Въ сферѣ магіи заклинательныя слова представляютъ собою приказаніе, которое одинъ духъ даетъ другому, или другимъ отъ него зависящимъ и которое послѣдніе непремѣнно исполняютъ. Знаніе заклинаній и умѣнье произносить ихъ пріобрѣтается не задаромъ. Тѣ усилія, дѣянія, жертвы, благодаря которымъ человѣкъ пріобрѣтаетъ знаніе заговоровъ, есть та дань, которую получаетъ духъ подчиняющій въ заговорахъ человѣку силу другихъ духовъ. Наклонность видѣть знаменія или предзнаменованія въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ своей основѣ законна. Великое событіе всегда имѣетъ предъ собою предвѣщающія его явленія. Землетрясеніямъ предшествуютъ легкія сейсмическія явленія. Зюссъ, полагающій, что потопъ, отъ котораго спасся Самасъ-Напистимъ, произошелъ вслѣдствіе поднятія дна въ Персидскомъ заливѣ, говоритъ, что этому движенію водъ съ моря долженъ былъ предшествовать цѣлый рядъ явленій (выступленія воды изъ почвы, малыя наводненія) предвозвѣщавшихъ о грядущей катастрофѣ. Смертельной болѣзни предшествуютъ болѣзненные припадки, мучительные сны. Кромѣ этихъ фактовъ естественныхъ предзнаменованій и иныя соображенія могли направлять мысль къ принятію вѣры въ сверхъестественныя знаменія. Боги предвидятъ будущее. Созерцая грядущія бѣдствія, они испытываютъ скорбь и эта ихъ скорбь выражается во внѣ въ явленіяхъ природы — затмится ликъ луны, неестественное смущеніе и волненіе охватываетъ животныхъ и они совершаютъ необычныя дѣйствія, разстраивается естественный порядокъ—рождаются уроды. Египетское сказаніе объ истребленіи людей при Ра, халдейская сага о потопѣ показываютъ, что въ эпоху страшныхъ бѣдствій боги способны буквально потерять голову. Но тогда, понятно, въ природѣ все должно принять необычное теченіе. Бѣдствію въ той или другой частной области предшествуютъ нарушеніе нормальнаго строя или появленіе необычнаго въ одной опредѣленной сферѣ. Предзнаменованія человѣку посылаются неожиданно безъ просьбъ и стараній съ его стороны. Солнечное затмѣніе, появленіе кометы внезапно

поражали ужасомъ смущенныя души. Но можно искать предзнаменованій. Можно спрашивать боговъ о будущемъ. Оракулы были въ Египтѣ, Халдеѣ, и Финикіи. Ихъ спрашивали нетолько во имя личныхъ интересовъ, но и во имя самаго искренняго Богопочитанія. У боговъ должно узнавать—угодны ли имъ предпріятія намѣчаемыя народомъ? Иначе не только предпріятіе не будетъ имѣть успѣха, но и боги будутъ разгнѣваны. Въ исторіи развитія гаданій, примѣтъ и магическихъ обрядовъ обращаетъ вниманіе на себя тотъ странный фактъ, что при руководствѣ этими явленіями и дѣйствіями люди стремятся не къ выясненію высшей воли для добровольнаго подчиненія ей, но исключительно къ устроенію своего благополучія внѣ моральныхъ и даже религіозныхъ интересовъ. Смыслъ заговора давно былъ забытъ, между примѣтой и событіемъ не видѣли никакой связи, для вѣры въ тѣ, или иныя формы гаданія не имѣли никакихъ основаній и однако гадали, произносили безсмысленныя формулы и отступали назадъ предъ самыми невинными явленіями.

Какое начало поддерживало грубый политеизмъ и дикія суевѣрія у культурныхъ народовъ востока? Они обладали тонкою наблюдательностью, широкимъ опытомъ, богатыми практическими познаніями. У нихъ были скульптура и живопись, богатая техника металловъ и матерій; они умѣли справляться съ сложными архитектурными задачами. У нихъ была поэзія и литература. Египетъ завѣщалъ намъ не одно беллетристическое произведеніе. Ихъ астрономическія познанія были и точны и обширны. Тоже должно сказать о многихъ ихъ метеорологическихъ и естественно-научныхъ наблюденіяхъ. Ихъ теоріи—даже и математическія—вообще были неудовлетворительны и невѣрны. Это неудивительно, ибо несомнѣнный удѣлъ большей части научныхъ теорій и настоящаго времени — лета. Вѣрныя обобщенія и истолкованія являются и вырабатываются съ крайней медленностью. Но странно, что въ этой области, гдѣ и логика и нравственныя потребности и размышленіе и даже, такъ сказать, практика жизни направляли древнихъ людей къ тому, чтобы отказаться и отстать отъ заблужденій, они непрестанно и упорно возвращались къ нимъ. Перенесеніе на бога предикатовъ высочайшаго существа заставляетъ мыслить Его

единымъ, стремленіе къ систематизаціи принуждаетъ поставить во главѣ боговъ одного, даже практика жизни дѣлала то, что одинъ богъ постепенно выдвигался изъ ряда другихъ и надъ другими повидимому какъ бы для того, чтобы потомъ остаться однимъ. Амонъ, Озирисъ, Сутехъ, Ваалъ, Мардукъ, Хамосъ, Аллахъ, вотъ—имена, съ каждымъ изъ которыхъ повидимому легко могло соединиться представленіе о Богѣ единомъ и единственномъ. Что же упорно отводило древнихъ людей отъ этого вывода и отъ этого исхода? Ихъ образъ поведенія въ этомъ отношеніи поражаетъ своею наивностью и легкомысліемъ. Египетскій фараонъ, нуждающійся при жизни въ содѣйствіи Сета, называлъ себя Сети. Умирая онъ безъ смущеній и угрызеній совѣсти мѣнялъ имя Сети на имя Озириса, потому что Сетъ ему не былъ нуженъ болѣе, а нуженъ былъ противникъ Сета—Озирисъ. Въ сущности, значитъ, фараонъ думалъ, что очень легко обмануть того и другого бога, а между тѣмъ въ эпоху фараоновъ Сети о вѣдѣніи, мудрости и силахъ Божества произносились разумныя и возвышенныя рѣчи. Гимны Нилу, Ра свидѣтельствуютъ объ этомъ. Затѣмъ, на какой бы точкѣ зрѣнія не стоять по вопросу о происхожденіи Библейскаго текста, въ 9—8 в.в. предъ Р. Х., несомнѣнно, пророческія рѣчи о единобожіи повторялись по всему востоку. Пусть пророки не достигали обращенія къ религіозной истинѣ тѣхъ, къ кому они говорили, но во всякомъ случаѣ, тѣ слышали религіозную истину и должны были размышлять о ней. Безспорно, что голосъ еврейскихъ пророковъ доходилъ до самыхъ восточныхъ областей Ассиріи и Вавилоніи и достигалъ крайнихъ западныхъ и южныхъ предѣловъ Египта. Но внѣ Палестины происходило тоже, что и въ самой Палестинѣ: слушали, забывали и не исполняли. Теперь многіе ученые раціоналистическаго направленія изъ фактовъ политеизма у евреевъ дѣлаютъ выводъ, что въ древнѣйшую пору своего пребыванія въ Палестинѣ *весь* еврейскій народъ держался политеизма, и что монотеистическія воззрѣнія выработались у него и были восприняты имъ лишь постепенно и утвердились у него окончательно лишь въ эпоху вавилонскаго плѣна. Разсуждая такъ, раціоналисты крайне преувеличиваютъ значеніе фактовъ политеизма и совершенно игнорируютъ ту силу, которая породила и утвер-

дила монотеизмъ у евреевъ. Что евреи постоянно склонялись къ идолопоклонству и что лишь въ незначительной части они содержали истинное богопочитаніе, объ этомъ ясно и твердо свидѣтельствуетъ писаніе. Но почему лучшая часть исповѣдывала единобожіе, почему лучшіе люди и изъ другихъ народовъ принимали это единобожіе и почему во всемъ еврейскомъ народѣ въ эпоху всеобщаго идолопоклонства уже утвердилась вѣра въ единаго Бога? На совокупность этихъ вопросовъ разумнѣйшимъ отвѣтомъ является тотъ, который былъ данъ издревле: потому что имъ было дано Божественное откровеніе для наставленія въ истинѣ и Божественная помощь для осуществленія ея.

Идеаломъ древнихъ людей было Богоподобіе. Въ сущности вѣдь и возможны для человѣка только два идеала — Богоподобіе или скотоподобіе. Или человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы пріобщиться къ высшему бытію, или къ тому, чтобы заглушить въ себѣ самыя эти стремленія и удовлетворять только свои животныя потребности. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Халдеи уже развивалась мысль о возможности для человѣка приблизиться къ богамъ и принять участіе въ ихъ безсмертіи. Самасъ-Напистимъ пріобрѣлъ безсмертіе и жилъ на блаженныхъ островахъ. По ученію египтянъ умершій долженъ стать озирисоподобнымъ, долженъ слиться съ Озирисомъ, стать Озирисомъ N. Различіе между міромъ Божественнымъ и человѣческимъ въ древности не мыслилось столь громаднымъ, какъ его стали представлять впослѣдствіи, и поэтому переходъ изъ міра низшаго въ высшій мыслился сравнительно допустимымъ. Забота человѣка о Божествѣ на землѣ главнымъ образомъ должна была выражаться въ ревности о славѣ Божества. Великъ Богъ народа, который совершаетъ великія побѣды. Ассирійцы, поднимавшіеся въ походы во имя Ассура и жестоко расправлявшіеся съ врагами, считали эту жестокость справедливой, потому что они карали за непочитаніе Ассура, за непризнаніе его силы. Когда народъ былъ побѣждаемъ, это не роняло въ его глазахъ его бога. Ассуръ, Хамосъ, Решефъ, Мелькартъ былъ чѣмъ-либо разгнѣванъ на своихъ почитателей. Но свои побѣды народъ всегда считалъ торжествомъ своего Бога. Расширяя свои территоріи, народъ расширялъ область почитанія своего бога — Сутеха, Бела. Нѣкоторые

представляютъ, что въ древности имѣлъ неограниченное значеніе принципъ cujus regio, ejus religio—чья власть, того и вѣра. Это далеко несправедливо. Политеисты въ завоеванныхъ территоріяхъ не ставили своихъ боговъ на мѣсто прежнихъ, а присоединяли прежнихъ къ своимъ. Иногда даже при перемѣнѣ территоріи повидимому готовы были перемѣнять и боговъ. Несомнѣнно, что гиксы въ эпоху своего владычества въ Египтѣ восприняли многое изъ Египетской религіи (ср. 4, цар. XVII, 24 и слѣд.). Но вообще понятно, что Божества правящаго народа и ихъ религіозныя требованія имѣли значеніе для всѣхъ покоренныхъ областей. Персы, подчинивъ Финикію, требовали отъ Карѳагена, какъ финикійской колоніи, чтобы въ немъ не приносили человѣческихъ жертвъ и не хоронили умершихъ въ землѣ, потому-что то и другое оскорбляетъ Ормузда. Такимъ образомъ, завоеванія языческаго востока имѣли также религіозный характеръ, какъ впослѣдствіи и завоеванія масульманъ. Когда походы не достигали цѣли, и приходилось кончать дѣло договорами, тогда безъ сомнѣнія въ этихъ договорахъ приходилось нѣсколько поступаться не только своими честолюбивыми стремленіями, но и религіозными убѣжденіями. Приходилось выражать болѣе почтенія къ богамъ противниковъ и выражаться о величіи своихъ боговъ болѣе скромно, чѣмъ это было желательно. Но это была уступка обстоятельствамъ, временное подчиненіе силѣ, которую въ концѣ концовъ нужно и должно было сломить.

У древнихъ людей востока религіозно-нравственные идеалы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были яснѣе и тверже, чѣмъ у людей современныхъ. Идеальною задачею вавилонскихъ и египетскихъ монарховъ было подчинить своимъ богамъ *всѣ* земли и *всѣхъ* людей. Распространить власть и почитаніе Ассура до предѣловъ земли, вотъ — тотъ идеальный строй, о которомъ мечтали могущественные ассирійскіе владыки. Но идеальный строй обусловливается не однимъ почитаніемъ боговъ. Имѣются нѣкоторыя нормы, которыя должны быть осуществлены. На землѣ должны царствовать порядокъ, правда, милосердіе. Египетскія надгробныя надписи, молитвы къ Белу, Синъ, Гулѣ въ Ассиро-Вавилоніи показываютъ, что святость милосердія хорошо понимали древніе люди. Несомнѣнно, что у древнихъ семитовъ было чрезвы-

чайно развито гостепріимство. Выражаютъ удивленіе, какимъ образомъ рядомъ съ благородными моральными правилами признавалась и даже оффиціально освящалась такая ужасная жестокость. Братъ убитаго долженъ былъ убить убійцу. Можно, кажется, найдти нѣкоторое моральное истолкованіе и для этихъ неморальныхъ дѣйствій. Все показываетъ, что у древнихъ людей была идея нормъ, которыя должны быть осуществлены, и закона возмездія, по которому всякое нарушеніе этихъ нормъ возстановляется черезъ кару того, кто ихъ нарушилъ. Человѣкъ совершилъ убійство. Это — нарушеніе нравственныхъ нормъ, это — преступленіе божественнаго закона. Кто нарушилъ божественный законъ, тотъ долженъ быть наказанъ. Но кто долженъ явиться судьею и мстителемъ? Въ тѣ суровыя времена не было дѣйствовавшихъ по опредѣленнымъ уставамъ и съ строго разграниченными полномочіями судейскихъ институтовъ. Защитникомъ попраннаго божественнаго закона являлся тотъ, кого дѣло касалось всего ближе, кто долженъ былъ наиболѣе пострадать отъ этого нарушенія—родственникъ убитаго. Однако уже въ глубокой древности совѣсть народовъ стала смущаться предъ жестокими требованіями родовой мести. Убійцы могли находить убѣжище у алтарей, затѣмъ возникли города убѣжища. Наконецъ явился выкупъ за убійство. Но вообще въ древности былъ силенъ законъ возмездія. За малыя преступленія люди подвергались великимъ наказаніямъ. Дѣло въ томъ, что тогда очень многое оставалось безнаказаннымъ. Можетъ быть поэтому, когда закону предстояла возможность торжествовать, торжество полагалось въ томъ, чтобы онъ явился, какъ можно болѣе безжалостнымъ.

Нельзя отрицать у древнихъ не только идеи долга, но и правильнаго пониманія добра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что египетскій сановникъ, говорившій, что онъ былъ палкою (опоры) для слабыхъ, мужемъ для вдовы, сыномъ для старца, былъ очень близокъ къ пониманію правды десятословія. Но безспорно, что между этимъ теоретическимъ пониманіемъ и дѣйствительною жизнію было мало общаго. Наиболѣе страннымъ представляется не то, что существовали преступленія съ корыстными цѣлями, а то, что существовало множество преступленій безсмысленныхъ, не

приносившихъ ничего кромѣ вреда тѣмъ, кто ихъ совершалъ—безполезная жестокость, порождавшая озлобленіе и месть, утонченное мучительство. Человѣкъ, сознававшій свою вину передъ богами и просившій ихъ милосердія, повидимому долженъ бы былъ думать, что онъ и самъ долженъ быть милосердъ къ слабѣйшимъ и порабощеннымъ. Его молитвенныя и замогильныя рѣчи показываютъ, что онъ такъ и думалъ. Но онъ не дѣлалъ такъ: онъ рѣзалъ уши и носы своимъ плѣнникамъ, кормилъ рабами своихъ рыбъ. Отчего это? Откуда въ человѣкѣ эта пагубная наклонность дѣлать другимъ зло, не причиняя этимъ ничего кромѣ зла самому себѣ?

Древніе видѣли могущество зла. Жизнь была полна бѣдствій и опасностей. Отношеніями людей управляла сила, а не правда. Между добродѣтелью и счастіемъ далеко не всегда было соотвѣтствіе. Были ли безусловно блаженны сами боги? Нѣтъ, въ борьбѣ со зломъ если они и выходили побѣдителями, то нельзя сказать, чтобы эти побѣды для нихъ ровно ничего не стоили. Были острова блаженныхъ, сады Іалю, но не видно, чтобы они представлялись особо притягательными магнитами для смертныхъ. Условія для того, чтобы оказаться ихъ обитателями, были довольно неопредѣленными, характеръ жизни, которую вели тамъ, не былъ выясненъ. Вслѣдствіе незначительной оплошности Гильгамъ и Адапа не овладѣли безсмертіемъ. Восторжествуетъ ли добро когда-либо? Въ природѣ древніе люди востока видѣли многое, противоборствующее благополучію людей, въ своемъ собственномъ сердцѣ и сердцахъ другихъ людей они видѣли много темнаго и нехорошаго. И они законно предполагали, что было нѣчто, что гораздо выше человѣка и что обусловливаетъ и поддерживаетъ зло въ немъ и въ природѣ. Окончится ли когда-либо борьба свѣтлыхъ силъ съ этими темными, и, если окончится, то какъ? На этотъ вопросъ не находится яснаго отвѣта въ ассирійскихъ и египетскихъ сказаніяхъ, не видно, чтобы они владѣли опредѣленной эсхатологіей. Въ Вавилонской религіи говорится о судьбѣ, о птицѣ судьбы Цу, но сказанія о Цу нетолько не показываютъ, что вавилоняне представляли, что строй міра направляется къ опредѣленному концу, напротивъ, ими повидимому допускалась возможность возникновенія самыхъ

хаотическихъ безпорядковъ. Теогоніи и космогоніи культурныхъ народовъ востока, строго говоря, не могутъ быть названы ни оптимистическими, ни пессимистическими. Вавилонскія сказанія сначала процессъ образованія міра представляютъ какъ бы, какъ процессъ постепеннаго преобладанія добра надъ зломъ, Мардука надъ Тіаматъ, но эта точка зрѣнія не выдерживается. Въ миѳической исторіи Египта сначала историческій процессъ представляется какъ бы регрессивнымъ. Эпоха Ра была золотымъ вѣкомъ, послѣ Ра все пошло къ упадку, но и эта точка зрѣнія также не выдерживается. За то во всѣхъ сохранившихся космогоніяхъ—вавилонскихъ, египетскихъ, финикійскихъ утверждается фактъ культурнаго прогресса, однако не развивается теоріи, что этотъ прогрессъ будетъ идти въ безпредѣльность. За всѣмъ тѣмъ въ вопросѣ о добрѣ и счастіи одинъ фактъ признается классическимъ востокомъ съ несомнѣннымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ—фактъ преобладанія добра надъ зломъ. Въ этомъ отношеніи глубоко поучительными и знаменательными являются общія всему востоку сказанія о безвременной гибели и затѣмъ воскресеніи добрыхъ боговъ. Сказанія о гибели Таммуза, Озириса, Адониса, Адада, Адода-Риммона, все это — въ сущности мало между собою различающіяся варіаціи одной и той же темы: временно добро можетъ быть побѣжденнымъ, но затѣмъ оно непремѣнно восторжествуетъ. Получившая широкое распространеніе теорія, по которой сказанія о всѣхъ этихъ богахъ суть персонификація смѣны живительной весны убивающимъ лѣтнимъ зноемъ, несомнѣнно несправедлива. Прежде всего явленія природы не отвѣчаютъ миѳу, лѣтнее солнце не является на смѣну весенняго, а есть тоже самое весеннее солнце. Природа не знаетъ борьбы между солнцами. Точно также подробности миѳовъ нисколько не отвѣчаютъ естественному ходу явленія. За всѣмъ тѣмъ безспорно остающаяся аналогія между смѣною весны лѣтомъ—временемъ, когда засыхаетъ и гибнетъ цвѣтъ—и погибелью цвѣтущаго бога, позволительно думать, можетъ быть истолкована слѣдующимъ образомъ. То, что добрыя начинанія и добрые люди нерѣдко погибаютъ отъ злыхъ намъ неизвѣстнымъ образомъ, нашло себѣ у древнихъ выраженіе въ миѳѣ о гибели цвѣтущаго бога. Для этой гибели представлялась аналогія въ засыханіи лѣ-

томъ весенняго цвѣта. Физическимъ явленіемъ воспользовались, какъ символомъ событія, имѣвшаго мѣста въ нравственномъ мірѣ, и пріурочили воспоминаніе событія къ окончанію весны. Но собственное сердце, опытъ, надежды говорятъ человѣку, что добро не можетъ погибнуть совсѣмъ, что въ мірѣ имѣется перевѣсъ добра надъ зломъ, что торжество зла можетъ быть лишь временнымъ, преходящимъ. Отсюда—воскресеніе бога. Это—вторая радостная половина событія. Она опять находитъ себѣ аналогію въ природѣ: жизнь въ природѣ всегда торжествуетъ надъ смертію. Вслѣдствіе этого праздникъ воскресенія природы становится праздникомъ воскресенія бога. Однако этотъ праздникъ воскресенія въ языческихъ религіяхъ не является праздникомъ полнаго и окончательнаго торжества добра. Воскресшій богъ не овладѣваетъ безраздѣльно міромъ, его снова ожидаютъ борьба, столкновенія, опасности. Идеи окончательнаго и всеобщаго торжества добра нѣтъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ этихъ миѳическихъ сказаніяхъ, гдѣ моральные и натуралистическіе элементы перепутаны до неузнаваемости, нельзя не усматривать нѣкоторой пророческой аналогіи событію воскресенія Христа, благодаря которому все доброе въ человѣчествѣ безусловно восторжествуетъ надъ зломъ. Самый смѣлый и самый наивный—что можетъ быть одно и тоже—изъ раціоналистовъ не станетъ утверждать, что евангельское повѣствованіе о смерти и воскресеніи Христа имѣетъ связь съ вавилонскими, египетскими, хеттейскими, или финикійскими сказаніями. Такой связи не устанавливалъ и безъ сомнѣнія не будетъ устанавливать ни одинъ изслѣдователь. Но несомнѣнно, что между евангельскими событіями и миѳологическими сказаніями востока, сложившимися за двѣ тысячи лѣтъ до этихъ событій, существуетъ сходство. Въ неясной и запутанной формѣ эти сказанія однако давали надежду народамъ, что могутъ совершиться событія, въ которыхъ добро восторжествуетъ еще рѣшительнѣе надъ зломъ, чѣмъ Адонисъ надъ своимъ противникомъ, или Озирисъ надъ Сетомъ. Въ этихъ сказаніяхъ наиболѣе проницательнымъ изъ древнихъ можетъ быть подсказывалась мысль, что торжество зла не можетъ быть дѣйствительнымъ, и что, чѣмъ болѣе оно имѣетъ внѣшняго успѣха, тѣмъ менѣе заключаетъ въ себѣ внутренней силы, въ моментъ его види-

маго наибольшаго торжества—моментъ смерти благого Бога могущество зла въ сущности становится совершенно призрачнымъ. Когда зло поражаетъ смертію бога жизни, тогда оно не только не уничтожаетъ жизни, но оно достигаетъ этого, что богъ жизни становится владыкою и смерти; то, что уже умерло, какъ бы погибло, черезъ этотъ актъ божественной смерти снова пріобщается къ жизни. Все пріобщается къ благому Богу, происходитъ совершенное торжество добра.

Взаимоотношеніе между Божествомъ и человѣчествомъ устанавливается въ культѣ. Можно отрицать разумность тѣхъ, или иныхъ формъ культа, но тотъ, кто отрицаетъ культъ вообще, отрицаетъ и религію вообще, потому что религія есть Богообщеніе, а актъ общенія человѣка съ Божествомъ есть культъ. Внѣшняя сторона культа, конечно не служитъ прямымъ выраженіемъ его внутренней сущности. Богатыя и сложныя формы культа не говорятъ еще о фактѣ дѣйствительной близости народа къ Богу, но свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о сознаніи нужды въ Богѣ—нужды можетъ быть и неправильно истолкованной и неразумно удовлетворяемой, но во всякомъ случаѣ нужды духовной, которая можетъ существовать только у духовно живаго народа. Культы древняго востока во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о его глубокой и живой религіозности.

Древній востокъ оставилъ множество вещественныхъ памятниковъ своей религіозности. Гробницы, храмы, идолы, религіозныя реликвіи. Гробъ всегда говоритъ о связи живаго человѣка съ умершимъ. Гдѣ не мыслится этой связи, гдѣ нѣтъ представленія о загробной жизни, тамъ не должно быть гроба. Трупъ человѣка въ глазахъ того, кто не вѣритъ въ безсмертіе, такъ же мало нуждается въ попеченіи и знакахъ вниманія, какъ какая нибудь животная падаль. Если теперь люди отрицающіе безсмертіе, хоронятъ въ гробахъ своихъ покойниковъ, то этотъ обычай у нихъ пережитокъ прошлаго. Отвергнувъ вѣру, они не отвергли еще обычаевъ связанныхъ съ вѣрою. Но погребальные обычаи древнихъ не суть пережитокъ, а являются прямымъ выраженіемъ вѣры. Между тѣмъ мы видимъ, что люди африканскаго востока и азіатскаго запада не только устрояютъ гробы, но и наполняютъ ихъ предметами нужными въ житейскомъ обиходѣ. Этотъ обычай существовалъ и существуетъ еще въ настоя-

щее время у многихъ народовъ. Древній востокъ показываетъ намъ, что этотъ обычай имѣетъ въ своемъ основаніи изначальную вѣру человѣчества въ загробное существованіе. Въ Египтѣ находятъ теперь, можно сказать, почти доисторическія муміи и могилы, и отъ нихъ вѣетъ тою же вѣрою въ жизнь послѣ смерти.

Гдѣ существуетъ общественный культъ, храмы—рано или поздно—должны явиться. Мысль подсказываетъ возможность возникновенія храма по различнымъ побужденіямъ. Или нужно бываетъ оградить какую-либо почитаемую святыню отъ вліянія стихій. Тогда возникаетъ храмъ маленькій, тѣсный. Или является нужда оградить отъ непогоды мѣсто собранія народа. Отъ дождя нуженъ навѣсъ, его первоначально обыкновенно утверждали на колоннахъ. Это—прототипъ храмовъ обширныхъ. Иногда навѣсъ могъ комбинироваться съ маленькимъ помѣщеніемъ для святыни. Всѣ подобные типы храмовъ находятся на востокѣ. Для легкомысленнаго раціонализма, согласно которому жрецы выдумали религіи, боговъ, конечно представляется несомнѣннымъ, что жрецы выдумали и храмы. Но на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ легко отвѣтить, что существовало прежде—храмы какъ особыя зданія, или жрецы, какъ особый институтъ. Естественно, что въ древнѣйшую пору домашнюю жертву приносилъ глава семьи, общественную—глава племени. Въ частныхъ случаяхъ нужда въ особомъ зданіи для общественнаго культа могла явиться раньше, чѣмъ воинъ и царь обособились отъ жреца. Но въ общемъ это обособленіе повидимому произошло очень рано. Рано явились и храмы. Собственно, начало жреческаго института и начало построенія храмовъ намъ неизвѣстны.

Храмъ говоритъ о связи человѣка съ Божествомъ. Инициатива этой связи можетъ лежать или въ человѣкѣ или въ богахъ. Человѣкъ можетъ выбрать мѣсто для общественнаго культа, воздвигнуть на немъ храмъ, своими моленіями освятить его. Здѣсь начинаніе принадлежитъ человѣку, но можетъ произойдти и иначе. Особое знаменіе можетъ заставить человѣка признать мѣсто святымъ и избрать его для совершенія священнодѣйствій. Здѣсь уже святостью мѣста освящается самъ человѣкъ. Избраніе мѣста здѣсь принадлежитъ божеству, а не человѣку. Это различіе въ иниціативѣ, какъ его представлялъ древній человѣкъ, кажется,

можетъ выяснить взаимоотношеніе идола и фетиша, о которомъ много велось и доселѣ ведутся споры. Фетишъ, это—предметъ, въ которомъ человѣкъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ призналъ особое присутствіе Божества. Идолъ, это—символъ Божества. Въ глубочайшей древности символы боговъ были просты и условны. Таковы напримѣръ, идолы Диду, подъ которыми разумѣли Озириса. Это своеобразная колонна, рядъ столовъ съ одной ножкой поставленныхъ одинъ на другой. Подобнымъ образомъ почитались камни Адада въ Сиріи. Впослѣдствіи колоннамъ Диду стали придавать человѣческое подобіе Озириса. Точно также и геммы Адада стали принимать человѣческія формы. Равнымъ образомъ коническія фигуры почитавшіяся у культурныхъ народовъ западной Азіи впослѣдствіи стали получать человѣческую голову. Здѣсь мы видимъ процессъ усовершенствованія символа, постепенное приближеніе его къ тому, символомъ чего онъ служилъ. Процессъ закончился появленіемъ художественныхъ скульптурныхъ произведеній. Такимъ образомъ, идолъ не есть усовершенствованный фетишъ, а есть усовершенствованный символъ. Но человѣку свойственно думать, что въ томъ, что онъ провозглашаетъ символомъ божества, можетъ утвердиться особое присутствіе божества. Отсюда идолъ можетъ, будучи символомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стать и фетишемъ. Идолъ или фетишъ—это посредствующіе пункты, черезъ которые боги и люди вступаютъ во взаимоотношеніе между собою. Фетиши суть предметы указанные богами для такого взаимоотношенія, а идолы — предметы сдѣланные для той же цѣли людьми.

Богамъ посвящались праздники и приносились жертвы. Праздники опредѣлялись или особыми событіями или природными условіями. Естественно было начало или окончаніе періодовъ времени связать съ религіозными торжествами. Естественный измѣритель времени—луна, отсюда—праздники новомѣсячій, полнолуній, можетъ быть недѣльный счетъ. Затѣмъ смѣна временъ года, окончаніе полевыхъ и садовыхъ работъ (жатвъ, сбора винограда) установливали естественный рядъ празднествъ. Между природою человѣка и естественными условіями есть безспорное соотвѣтствіе, и періодическое прекращеніе работъ и періодическіе отдыхи требуются самою природою человѣка. Сторонники натура-

листическаго истолкованія религіи напрасно хотятъ вывести самое происхожденіе религіозныхъ празднествъ изъ чисто физическихъ событій. Естественно, конечно, благодарить боговъ за успѣшное окончаніе дѣлъ и молить о ихъ помощи передъ началомъ работы, за всѣмъ тѣмъ, хотя празднества пріурочивались къ удобнымъ временамъ, они всегда имѣли религіозно-нравственные мотивы, а не были только естественнымъ слѣдствіемъ физическихъ факторовъ.

Различные типы жертвъ приносились богамъ. Теперь получила широкое распространеніе теорія, согласно которой жертва, это—обѣдъ для боговъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Пытаются отнять всякій моральный смыслъ у жертвы. Это воззрѣніе безусловно несправедливо. Не имѣется памятниковъ, въ которыхъ все дѣло поставлялось бы въ баранѣ или овцахъ. Видно, что вездѣ цѣнилось усердіе приносящаго. Жертва царя, конечно, всегда была богаче жертвы бѣдняка, но она далеко не всегда была пріятнѣе послѣдней. Жертва была показателемъ усердія и благочестія приносившаго лица и чѣмъ она была богаче, тѣмъ, понятно, пріятнѣе для боговъ, но не сама по себѣ была пріятна ея доброкачественность, а въ связи съ тѣмъ, кто ее приносилъ. Богачъ приносившій барана, когда могъ принесть вола, былъ менѣе угоденъ богамъ, чѣмъ бѣднякъ, приносящій голубя. На самомъ дѣлѣ, какъ можно понимать жертву буквально, какъ обѣдъ боговъ? Вѣдь жертва или сжигалась или съѣдалась приносящими. Въ Халдейской сагѣ о потопѣ, древность которой восходитъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., говорится, что когда Самасъ—Напистимъ принесъ жертву, „боги почувствовали благовоніе, и боги собрались, какъ мухи, надъ приносящимъ жертву“. Богамъ нужна была не жертва, а благовоніе жертвы. Качества этого благовонія зависѣли нетолько отъ приносимой жертвы, но и отъ приносившаго жертвователя. Въ ряду жертвъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе жертвы человѣческою жизнью, честію, мужскою силою, нанесеніемъ ранъ и поврежденій. Какъ ни изувѣрны и жестоки эти жертвы, имъ нельзя отказать въ нравственномъ смыслѣ. Если богамъ нужно было только человѣческое мясо, то тогда, конечно, изъ плѣнниковъ легче было устраивать гекатомбы, чѣмъ изъ какихъ либо крупныхъ животныхъ. Но совсѣмъ не видно такихъ

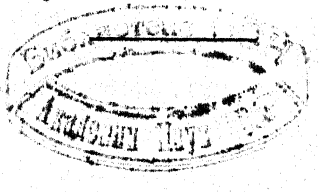
гекатомбъ и признанія ихъ спасительности. Напротивъ, имѣетъ мѣсто принесеніе въ жертву собственныхъ дѣтей. Позволительно здѣсь видѣть сознаніе безпредѣльной благодарности къ божеству и виновности предъ нимъ. Человѣкъ сознавалъ, что онъ все получилъ отъ боговъ. Это положеніе онъ исповѣдывалъ даже не въ томъ смыслѣ, что боги суть первая причина всего, а въ томъ, что боги и духи суть непосредственная причина всего происходящаго. Такимъ образомъ человѣкъ былъ всѣмъ обязанъ богамъ. Воли ихъ онъ не могъ исполнять должнымъ образомъ. Ни обрядовыхъ ни нравственныхъ требованій онъ не могъ выполнить вполнѣ. Отсюда—сознаніе виновности, онъ не чувствовалъ въ своей душѣ къ богамъ должнаго почтенія (изъ гимновъ видно, что отъ человѣка требовалось питать страхъ къ богамъ), не питалъ надлежащихъ чувствъ къ своимъ ближнимъ, но грѣшилъ въ своихъ дѣлахъ, многихъ своихъ прегрѣшеній онъ даже могъ не замѣтить. Признавая, что онъ заслуженно навлекъ на себя гнѣвъ боговъ, онъ отдавалъ ему то, что было у него самого дорогого: отецъ отдавалъ первенца. Люди и незнающіе за собой преступленія, но знающіе, что они всѣмъ обязаны богамъ, отдавали богамъ дорогую часть изъ полученнаго, жертвуя мужскою силою, честью и благополучіемъ. Животная жертва была въ сущности самою естественною. Животное въ древнемъ мірѣ было наиболѣе обращаемою цѣнностью, оно—предметъ обмѣна и подарковъ. Его человѣкъ и приносилъ богамъ. Не потому что боги хотѣли обѣдать, человѣкъ приносилъ жертвы богамъ, но потомучто въ немъ жила неистребимая потребность принести что-либо богамъ. Пусть онъ былъ палкою опоры для старца, пусть онъ помогалъ бѣднымъ, это было его обязанностью по отношенію къ ближнимъ, за исполненіемъ которой слѣдили боги, но кромѣ того у него были прямыя обязаности по отношенію къ богамъ, и онъ непремѣнно долженъ былъ исполнять ихъ. Жертва растительная являлась и аксесуаромъ и замѣною жертвы животной. Но при употребленіи растительныхъ и благовонныхъ веществъ несомнѣнно имѣли въ виду не замѣну только болѣе дорогого продукта болѣе дешевымъ, но опредѣленную идею, напримѣръ, идею мира въ жертвѣ мирной, какъ объ этомъ заставляютъ догадываться финикійскіе тарифы и какъ это, комментируетъ и истолковываетъ Библія.

Библія была и будетъ руководственнымъ началомъ въ дѣлѣ пониманія древнихъ религій передней Азіи. Указываютъ на то, что многія религіозныя учрежденія, представляемыя въ Библіи богоустановленными, существовали раньше у языческихъ народовъ, чѣмъ у евреевъ. Храмы, институтъ жрецовъ, многія постановленія относительно жертвъ и праздниковъ, раздѣленіе времени и т. д... Глубоко заблуждаются, когда хотятъ изъ этого дѣлать раціоналистическіе выводы по отношенію къ Библіи. Въ сущности неизвѣстно первоначальное происхожденіе указываемыхъ установленій. Но если и принять, что нѣкоторыя формы богопочитанія—должно замѣтить: въ измѣненномъ видѣ—выработанныя человѣческимъ опытомъ были сдѣланы для Израиля божественнымъ обязательнымъ закономъ, то въ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ и матеріала для отрицанія провидѣнія и откровенія. Самоизмышляя формы богопочитанія, древніе люди придумывали и хорошее и то, что не можетъ быть названо хорошимъ. Хорошее по измѣненіи его въ наилучшее получило божественную санкцію въ Израилѣ. Напротивъ то, что было дурно, подверглось суровому осужденію. Ветхозавѣтный законъ въ значительной части состоитъ изъ постановленій направленныхъ противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ народовъ, которые окружали евреевъ. Лучшіе изъ язычниковъ входили въ составъ Израиля, отказываясь отъ своего дурного; худшіе изъ евреевъ отказывались отъ лучшаго изъ того, что они имѣли, — отъ божественнаго закона. Должно различать ветхозавѣтный законъ и еврейскій народъ, законъ былъ у еврейскаго народа, но далеко не весь народъ исполнялъ его, съ другой стороны и не евреи, принимая еврейскій законъ, нерѣдко становились его ревностными послѣдователями и исполнителями.

Лучшіе люди среди народовъ, окружавшихъ израиля, не могли не видѣть и не понимать безпредѣльнаго различія между рѣчами пророковъ и культами Астартѣ и Молоху. Но за всѣмъ тѣмъ и ихъ религіи никакъ не могутъ быть названы сплетеніемъ дурного, въ нихъ было много хорошаго, они освящали во многомъ правила добраго поведенія, защищали слабыхъ, удерживали сильныхъ отъ насилія и произвола. Въ настоящее время любятъ говорить объ антагонизмѣ между религіей и культурой, о томъ, что первая всегда задерживала раз-

витіе второй. Чтобы оцѣнить этотъ тезисъ, его должно провѣрить исторически, начиная съ древнѣйшаго времени. Достовѣрная древнѣйшая исторія есть исторія Ассиро-Вавилоніи, Египта и непосредственно съ ними соприкасавшихся народовъ. Что же мы видимъ тамъ на этой зарѣ культуры? Мы видимъ, что тамъ культура тѣснѣйшимъ образомъ сплетена съ религіею, въ послѣдней находитъ свой импульсъ, источникъ и освященіе. Вавилонскіе, египетскіе, финикійскіе фрагменты говорятъ намъ объ Оаннесѣ (Еа), Озирисѣ, Таутѣ—богахъ просвѣтившихъ людей, наставившихъ ихъ правиламъ культуры, написавшихъ для нихъ книги. Мы видимъ далѣе, что жрецы служатъ астрономіи.

При храмахъ имѣются обсерваторіи, небо изучается довольно тщательно, благодаря стараніямъ служителей храма. Новый періодъ въ астрономіи послѣ халдейскаго начался уже съ Коперника. Жрецы были медиками. Искусство бальзамированія и знаніе анатоміи безспорно стояли на высокой степени развитія у египетскихъ жрецовъ. Говорятъ, что астрономія была сплетена съ астрологіею и медицина съ знахарствомъ, но вѣдь и теперь въ наукѣ истина тѣсно сплетена со многими заблужденіями. Жрецы вѣдали земледѣліе. Имъ часто должна была принадлежать иниціатива общественныхъ работъ и занятій. Архитекура, скульптура, живопись развивались на религіозной почвѣ. Литература въ своей наибольшей части была религіозною. Самые лучшіе гимны, самыя художественныя произведенія живописи и скульптуры черпали для себя матеріалъ въ представленіи величія, могущества, красоты и силы боговъ. Свои идеалы люди древняго востока указывали на небѣ. Относительно всякаго произведенія, въ которомъ сказывалась духовная сила—статуя, книга, алтарь, они предполагали, что оно было произведено при божественномъ содѣйствіи. Духовный подъемъ человѣчества — по ихъ воззрѣніямъ — могъ совершаться лишь при божественной помощи. Религія у нихъ освящала знаніе и искусство. Если бы у нихъ не было этого духовнаго огня религіи, оставили ли бы они намъ какія-либо научныя знанія и произведенія художественнаго генія?



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	1—20
1. Ассиро-вавилонская религія	21—78
2. Египетская религія	79—165
3. Религія хеттеевъ.	166—190
4. Религія финикіянъ	191—234
5. Религіозныя вѣрованія сирійцевъ и арабовъ . . .	235—253
6. Общія черты въ религіяхъ древняго востока . . .	254—278

